

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВРЕМЯ ИГРЫ

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ВРЕМЯ ИГРЫ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ

БУЛЬДОГИ ПОД КОВРОМ

РАЗВЕДКА БОЕМ

ВИХРИ ВАЛГАЛЛЫ

АНДРЕЕВСКОЕ БРАТСТВО

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

ВРЕМЯ ИГРЫ

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ВРЕМЯ
ИГРЫ.

МОСКВА
«ЭКСМО»
2004

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
3 45

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Звягинцев В.Д.
3 45 **Время игры: Фантастический роман.** — М.: Изд-во
Эксмо, 2004. — 512 с. — (Русская фантастика).

ISBN 5-699-06046-4

Игра людей и могущественных Держателей Мира, ставка в которой — сама возможность существования нашей реальности, продолжается. Поэтому путешествие по южным морям, затеянное Андреем Новиковым и Александром Шульгиным в надежде отдохнуть от забот, неожиданно обрывается командировкой в будущее для одного и очередным рейдом по тылам вероятного противника для другого. Чем все закончится, предвидеть не может никто. Ясно одно: в большой Игре земляне уже не новички, а полноправные участники, а потому и задачи, которые им предстоит решать, совершенно иной степени сложности.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-06046-4

© Звягинцев В.Д., 2004
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2004

... онец октября 1921 года выдался на юге России на удивление холодным, ветреным, из то и дело на- ползающих с северо-запада туч на землю проли- вались мутные дожди.

Но от этого во внутренних помещениях белого шестипа- лубного парохода водоизмещением в 25 тысяч тонн, удиви- тельно похожего на «Мавританию», призера «Голубой ленты Атлантики» 1909 года, было только уютнее. Спокойнее и на- дежней, чем там, где каждый из гостей находился еще вчера или сегодня утром.

Воронцов специально пригнал «Валгаллу» в Севастополь, чтобы провести «большой сбор» без помех. Не отвлекаясь на реалии текущего политического момента.

Хотя в Мраморном море сейчас было тепло, светило по- осеннему ласковое солнце, и отчего бы не понежиться напосе- ледок под палубным тентом или на пляжах восточного побе- режья...

Нет, здесь все-таки было лучше. Вдали от мирской суеты, в глубокой уединенной бухте, прикрытой с моря посажен- ным на мель старым броненосцем «Три святителя». Тихо (и в буквальном, и в переносном смысле), спокойно, почти как в Замке у Антона или в бревенчатом тереме на Валгалле. До того, как все это началось.

Воронцов специально постарался, чтобы так все и выгля- дело. Или почти так, ибо ничего никогда нельзя воспроизвес- ти в точности.

Стюарды накрыли стол для традиционного ужина в Кипа- рисовом салоне, выходящем на открытую к корме веранду шлюпочной палубы.

Стол сверкал крахмальной льняной скатертью, согласно флотскому этикету на корабле, состоящем в компании, посу-

да была подана серебряная, в начищенных бронзовых шандалах и бра горели ароматизированные восковые свечи, на решетке перед камином приготовлена аккуратная поленница дров.

Дмитрий еще раз все окинул хозяйским глазом, заглянул и на камбуз, отдал поварам и лакеям последние распоряжения. И задержался на пороге зала перед тем, как по внутренней трансляции пригласить гостей к столу. Да, теперь уже можно сказать, что и гостей.

Высокие зеркала в простенках отразили мелькнувшую на его губах не то ироническую, не то просто печальную усмешку. Он сам себе, в своем черном адмиральском кителе без погон, но с нарукавными нашивками, показался вдруг не флотоводцем, а метрдотелем изысканного ресторана.

Нельзя сказать, чтобы его так уж расстраивало нынешнее положение вещей, но все же...

Заканчивается еще один жизненный этап, и никто не в силах угадать, каким будет следующий. Но пока что предвидимое будущее оптимизма не внушало.

Стоило ли вообще огород городить?

Новиков и Шульгин все-таки уходят.

Что они собираются это сделать, было известно давно, и сам Воронцов активно участвовал в подготовке к их путешествию, но как-то все воспринималось в далекой перспективе, а вот теперь дата отплытия определена, и все связанные с этим чувства обострились.

Как ни крути, получается, что теперь он становится как бы наместником, точнее — полноправным сатрапом южного Причерноморья и Передней Азии.

Независимо от того, что существует здесь и легальная, почти самодержавная власть Кемаль-паши, и полусоюзническая-полуколониальная врангелевская администрация зоны проливов и Царьграда.

Все равно будет так, как пожелает он, в недавнем прошлом вечный старпом Воронцов.

Казалось бы — лестно, а по большому счету — на кой черт ему все это сдалось? Он бы и сам с удовольствием отправился в беззаботный кругосветный круиз, а вот поди ж ты, получается, что и нельзя...

Ожидая, пока народ, в основном, разумеется, его женская

половина, закончит приводить себя в порядок, а потом еще доберется до салона из своих разбросанных по всему кораблю кают по трапам, продольным и поперечным коридорам, Дмитрий щелчком пальцев велел бармену налить себе рюмку «Шустовского» коньяку, здешнего, натурального, 1906 года изготовления. Подделок можно не опасаться. Махнул ее погвардейски, без закуски, вышел на палубу, на подветренную сторону, куда не залетали дождевые брызги, закурил, глубоко затянулся, задержав в легких дым, пока в голове не поплыло легонько.

Получится у них сегодня скорее всего нечто вроде собрания друзей-наследников Александра Македонского, как они там назывались... диадохи, кажется, делившие оставшуюся после его смерти империю.

Сейчас-то, слава богу, никто не умер, и императором никто из них не числился, но все же, все же...

Хитер, как всегда, оказался товарищ Новиков, он же господин Ньюмен. Осуществляя, как говорится, общее руководство проектом, по взаимному молчаливому согласию, ни за что конкретно не отвечая, а теперь вот взял и решил соскочить с тележки.

Отдохнуть от нервного переутомления.

Да нет, все правильно, какие могут быть претензии, он и сам, Воронцов, захотел бы — и тоже бросил бы все. На полгода, год, навсегда — как заблагорассудится. А вот не бросает же. Потому что, невзирая на обстоятельства, исполнять взваленную на себя миссию ему пока еще интереснее, чем развлекаться.

Так что — оставим рефлексии. Тем более не слишком похоже, будто Андрей и в самом деле сможет удалиться от дел. Покатается-покатается на своей яхте, да и удумает нечто этакое... Ему не впервой...

От размышлений Воронцова отвлекли зазвучавшие за дверью салона голоса. Кто-то, значит, уже явился, опередив остальных. А ну, угадаю, кто именно?

...У стойки бара выбирали аперитивы, привычно о чем-то споря, Левашов с подругой, только утром прилетевшие из Москвы собственным самолетом.

Уставший от аскетического стиля пролетарской столицы Олег облачился в смокинг, Лариса же явилась в длинном, об-

легающем ее тонкую фигуру, как мокрый шелк, платье цвета надкрылий майского жука.

Они уже виделись сегодня, поэтому Дмитрий не стал прикладываться к ручке, просто кивнул, радушно улыбаясь.

— Не вижу темы для дискуссии. Все давно известно. — Он деликатно отобрал у женщины толстую, как телефонный справочник, карту вин, коротко бросил бармену: — Два «драй мартини» со льдом и маслиной. Мне — как обычно. — Обернулся к Ларисе. — Прошу прощения, но не следует уподобляться тому машинисту...

— Какому? — Всегда агрессивно-уверенная в себе женщина слегка оторопела.

— Про которого писал Ежи Лец. «Когда машинист ищет новых путей, поезд обычно сходит с рельсов». Поэтому ничего не ищи, а употреби то, что проверено временем...

Возможно, Лариса еще что-нибудь спросила бы, но тут в салон один за одним повалили гости. Сразу стало шумно и весело. Только Наташа отчего-то задерживалась, хотя обещала выйти из каюты сразу за Дмитрием.

Наконец появилась и она, отчего-то слегка запыхавшаяся и взволнованная.

В ответ на удивленно приподнятую бровь Воронцова она молча увлекла его в дальний угол салона, к полукруглому дивану, почти скрытому двумя лимонными деревьями в фарфоровых кадках.

— Так в чем дело?

— Ты знаешь, я так испугалась... Еле добежала сюда.

Воронцову было непонятно, чего можно испугаться на его пароходе, где Наташа прожила уже целый год. После двух попыток покушений на членов его экипажа и самоубийственной торпедной атаки французского миноносца прямо на севастопольском рейде система безопасности «Валгаллы» была им доведена до совершенства.

Мало того, что круглосуточную вахту несли безупречно натренированные и вооруженные согласно уставу роботы, что на стоянках все иллюминаторы на восьмиметровой высоте бортах были постоянно задраены броневыми крышками, а нижняя секция трапа поднята, так еще и большинство дверей надстройки, выходящих на прогулочные палубы и галереи, тоже

запирались, отчего проникнуть на корабль постороннему было абсолютно невозможно.

Потому внутри парохода можно было чувствовать себя не в меньшей безопасности, чем в средневековом монастыре или рыцарском замке, утвердившемся на вершине неприступной скалы.

— Нет, ты не понял... Может быть... Не знаю. Просто я вышла из каюты, пошла сюда, и стало вдруг так жутко... Эти бесконечные коридоры, десяток этажей вверх и вниз, пустые запертые каюты, залы... И тишина. Словно я очутилась одна в брошенном городе ночью. Или на кладбище...

— Ну, ты скажешь! Первый раз, что ли, одна по коридору шла?

— В том-то и дело, что не первый. А тут вдруг так испугалась... Будто шелестит что-то за спиной и глаза невидимые смотрят...

Наташа снова передернула плечами, и Дмитрий увидел, что ее открытые до локтей руки покрыты гусиной кожей.

«Нет, серьезно, у всех тут потихоньку крыша едет. Собаку ей, что ли, завести, мастифа, натасканного на посторонних... Или — на нечистую силу».

— Ну ладно, ладно, успокойся, — он на мгновение приобнял жену за плечи. — Иди вон, с девушками по коктейлю хлопните. Пройдет. У меня на пароходе не только привидений, крыс и то нет...

Наташа улыбнулась чуть виновато, вздохнула и послушно направилась к бару, где Лариса по-прежнему на повышенных тонах повествовала подругам о своих московских похождениях.

Такого рода сборы за столом давно уже предназначались не для насыщения и выпивки, прилично поесть можно где угодно.

Просто, по примеру Сталина и Гитлера, друзьям казалось, что важные вещи куда удобнее обсуждать в непринужденной обстановке, в хорошем застолье, глубокой ночью, при необходимости маскируя паузы манипуляциями с ножом и вилкой, а неудобные или неприятные для кого-то высказывания великолепно можно дезавуировать вовремя произнесенным тостом.

Сегодняшний же ужин имел особое значение. Новиков

предполагал на прощание последний раз обменяться мнениями, может быть, что-то интересное для себя услышать из уст расслабленных эмоциями и напитками друзей, а завершить все чем-то вроде «политического завещания».

С каждым по отдельности он уже успел переговорить, и не раз, но напоследок ему хотелось, чтобы все нужные слова были сказаны при всех и всеми услышаны.

А если кто-то имеет отличное от прочих мнение, объявил об этом тоже публично. Слишком он хорошо знал историю, и не хотелось ему возвращаться из плаванья «к разбитому корыту», на руины того «прекрасного нового мира», который он, невзирая на горький опыт предыдущей истории, все же надеялся построить.

Поначалу так все и получалось. Под шорох дождя за окнами и завывание ветра хорошо шли разнообразные водки с холодными и горячими закусками, потрескивая, разгорелся камин, соскучившись, все были внимательны друг к другу и старомодно любезны.

Над столом легко и непринужденно летали шутки, которые были бы непонятны непосвященным, необидные подначки, анекдоты, чаще непридуманные, почерпнутые непосредственно из нынешней экзотической жизни.

Короче — типичная дружеская вечеринка в Москве, какой она могла быть через шестьдесят лет от нынешнего момента.

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

...октября 1921 года.

Рейд Севастополя.

И никогда мы не умрем, пока
Качаются светила над снастями...

А. Городницкий

...Совсем это не походило на южный октябрь. Помним, бывали в свое время и в Крыму, и на Кавказе, в море купались, на солнце грелись, пили вино и пиво, с девочками обнимались у костра на дальних пляжах.

А сейчас сыро, ветрено, холодно, на берег накатывается

мутно-серая волна, на термометре едва десять по Цельсию, а то и меньше.

Но если одет в длинный непромокаемый плащ, морские сапоги, капитанскую фуражку с широким, окованным по краю медью козырьком, так и ничего, хорошо даже.

Идешь в похожем на дымозавесу тумане, цепляя плечами ветки, с которых то и дело срываются целые грозди брызг, попрыгиваешь специальной, снабженной крышечкой трубкой, засунув руки в карманы. Ступаешь на узкий бетонный пирс, в конце которого покачивает стройными, чуть склоненными назад мачтами яхта.

И наконец понимаешь, что все происходит совершенно так, как на страницах пожелтевшей школьной тетради в клетку, разрисованной по обложке всевозможной морской символикой. В ней я писал, по преимуществу на уроках, свой первый «настоящий» роман. Наверное, это смешно, но все написанное тогда и происходящее сейчас совпадает практически дословно.

Да и почему же смешно? Просто мне везет, как почти никому в жизни. Миллионы, да нет, за прошедшие века, наверное, миллиарды людей воображали в детстве, что им суждена пусть не великая, но все равно счастливая судьба, и ждут их исполнение желаний, красивые девушки, интересная работа, и на войне убьют кого угодно, но уж не их...

А на самом деле?

Только мне (нет, ну и еще кое-кому, конечно, единицам на сотни тысяч) выпало убедиться, что не обманывало предчувствие, что мы — другие.

Вот оно, передо мной, очередное подтверждение...

Тяжелая зыбь била в бетонный пирс, и яхта, названная «Призрак» в память о детских увлечениях романами Джека Лондона, несмотря на втугую выбранные швартовы, то поднималась вверх не меньше чем на метр, то проваливалась настолько же ниже кромки причала. Если бы не бочкообразные кранцы, сплетенные из манильского троса, от белоснежного лака бортов осталось бы одно воспоминание.

Мне пришлось ловить момент, чтобы перепрыгнуть с пирса на палубу через высокий фальшборт с подобающей истинному марсофлоту легкостью, не поскользнувшись на мокром

настиле и не цепляясь за ванты, словно салага необученный. Что не так уж просто, как может показаться.

Хоть и не видит меня сейчас никто, а все равно капитану как-то неудобно проявлять неуклюжесть. Да и примета плохая.

«Тонкие мачты, оплетенные паутиной бегучего и стоячего такелажа, вонзаются в серое низкое небо. В борт плещет грязная портовая волна, и на белом лаке остаются клочья пены, нефтяные потеки, какой-то мусор. Моросящий дождь нагоняет тоску. Струйки воды сбегает по зеркальным стеклам рубки. Холодно, уныло. И так не вяжется с сумрачным миром вокруг щеголеватый, праздничный бело-голубой корпус яхты. Ну, ничего, завтра снимаемся. Пусть далеко, за Балтийскими проливами, но нас ждет солнечный океан...»

Да, вот именно так я писал в десятом классе, писал эти строчки редкой тогда китайской авторучкой с «золотым» пером, погружаясь с наслаждением в вымышленный романтический мир и отчетливо сознавая, что никогда такого не будет на самом деле.

И в семнадцать лет хватало здравомыслия понять, что гражданину Страны Советов в обозримые десятилетия нереально мечтать не только о собственной океанской яхте, но и о том, чтобы хоть на швертботе, хоть на плоту выйти бесконтрольно, по собственной воле за пределы реальной — на суше, подразумеваемой — на воде, ограждающей «социалистический лагерь» колючей проволоки.

Тогда и поселилась в душе, пусть не всегда явная, неприязнь к лишавшей меня надежд власти трудящихся и совершенно уже безумная на шестом десятке лет ее существования уверенность, что еще при моей жизни она... накроется.

Одно время я даже мечтал увидеть свой труд опубликованным, а потом, чуть повзрослев, понял, что этого тоже не будет никогда.

Станным образом из-под пера благополучного юнца из вполне советской семьи вышло абсолютно антисоветское произведение, притом что в нем не имелось ни одной крамольной фразы. Просто он был весь, мой «роман», пропитан таким «не нашим духом».

Будь его герои иностранцами — другое дело. А когда все

приключения происходили в «наши дни», с нормальными советскими парнями, старательно изображающими персонажей Джека Лондона и Артура Конан Дойла, эффект получился странный.

Вообще там все выходило так, будто никакой советской власти не было и нет, а говорят по-русски и носят русские имена граждане непонятной страны. Что немедленно приводило к аллюзиям насчет необязательности социалистического государства.

А в итоге получается, что так оно и есть. Дожили, можно сказать.

Впервые я всерьез поверил в это, увидев трехцветный российский флаг над Моссоветом в ноябре 1991 года, а потом, окончательно — в сентябре 1921-го.

И вот это тоже получилось, однако. Совершенно не так, как представлялось, и на много лет позже, а все же...

Но сейчас главное — не думать ничего такого, что может отвлечь от требуемого настроения.

Наоборот.

Необходимо всей душой и сердцем уверовать, что я — это именно тот парень, неважно как, пусть будет — чудом, но добившийся придуманной цели, а отнюдь не нынешний, с истрепанными нервами и омраченной совестью стареющий авантюрист.

Скорее всего — это тоже очередная глупость, наивная попытка вырваться из пут навязанной кармы, или, что вероятнее, — ею же предписанный шаг, но — кто его знает?

Вдруг да и получится? Если даже Держатели Мира и умеют отслеживать мои деяния, но, может быть, не с микронной точностью? Может быть, примут за истину внешнюю, тщательно подготовленную и замотивированную фабулу?

В любом случае — хуже не будет.

Поправив сырую от непрекращающейся туманной мороси капитанскую фуражку, я перепрыгнул с бетонного волнолома на выдраенную до чистоты операционного стола палубу.

Со странным в моем возрасте и положении волнением прошел вдоль левого борта в корму, касаясь ладонью полиро-

ванного планшира, втутую выбранных вант и прочих деталей стоячего и бегучего такелажа.

Романтика, однако. Скоро эти снасти развернут над морем все свои фоки, гроты, кливера и стаксели — две тысячи квадратных метров дакроновых парусов, и полетит наш «Призрак», подобно клиперу-виндjamмеру¹, в самые что ни на есть Южные моря. Где наверняка сохраняется еще почти весь антураж незабвенного XIX века, и, если присмотреться, можно различить на волнах следы кильватерных струй тех давно исчезнувших кораблей, о которых писали Стивенсон, Мариотт et cetera...

Ни на палубе, ни на мостике не оказалось вахтенного, что меня несколько удивило.

Впрочем...

За последнее время в мире случилось столько всяких странностей, что даже факт нерадивого отношения к службе биоробота, ни на какие вольности не способного по определению, меня почти не взволновал.

Потом разберемся.

Я сначала поднялся на крыло ходового мостика, приподнятого над крышей кормовой надстройки, еще раз, теперь уже сверху оглядел палубу яхты, пока еще носящей свое исконное имя «Камелот», данное ей при закладке.

Строилась она для одного из принцев или герцогов королевской крови на верфях Глазго, но что-то там у них не сложилось с финансами, и яхту перекупила леди Спенсер, чтобы эффектным жестом преподнести ее в подарок лично мне.

Формально это был знак благодарности за спасение от ее же бывших начальников на Валгалле, но я испытывал сильное подозрение, не есть ли это очередной изящный и тонкий ход в давно уже разыгрываемой между нею и мной партии странной игры, смахивающей одновременно на шахматы, преферанс и покер.

Подарок, от которого нельзя отказаться и который, будучи принят, неизбежно на какое-то время выведет меня за

¹ В и н д ж а м м е р (выжиматель ветра) — жаргонное название наиболее быстроходных клиперов второй половины XIX века. Например, «Катти Сарк», «Флайнинг Спур», «Чаллиндж»...

скобки происходящего. Я давно и страстно мечтал поплавать под парусами в Южных морях — теперь мечта стала реальностью.

...Два, три месяца, а то и полгода продлится это путешествие, и со мной уйдут Ирина и Шульгин. Грубо говоря, с доски убирается ферзь, ладья, слон, а из прикупа — туз с королем. Что на этом надеется выиграть Сильвия — пока не ясно, но сам факт налицо. Что ж, я всегда рад пойти ей навстречу...

А яхта была хороша, хотя, в стиле корабельной архитектуры начала века, ее палуба излишне, на мой взгляд, загромождена раструбами машинных вентиляторов, шлюпбалками, сходными тамбурами люков и прочим судовым оборудованием.

В центре, между фок- и грот-мачтой, возвышалась высокая медная, надраенная до самоварного блеска дымовая труба. По-своему красиво, хотя и нелепо, если знать, что под этой трубой вместо паровой машины Никлосса тройного расширения установлены две мощные и легкие турбины по тысяче лошадиных сил каждая.

И вообще внешний облик «Камелота» — только видимость, декорация. Воронцов с Левашовым, усовершенствовав методику создания дизель-электрохода «Валгалла» из древнего парохода «Мавритания», и здесь произвели аналогичные манипуляции.

Оставаясь внешне прогулочной яхтой начала века, «Призрак» (так он станет называться вскоре) прочностью корпуса не уступал линейному ледоколу, а скоростью (на турбинах, конечно, а не под парусами) — современному эскадренному миноносцу.

И после выхода в океан, подобно рейдеру времен минувшей войны, он сбросит всю эту маскировку вместе со ставшим чужим именем, станет наконец истинным кораблем нашей юношеской мечты.

Дождь продолжал сыпаться с низкого хмурого неба, туман цвета махорочного пепла скрывал не только стоящую двумя кабельтовыми мористее «Валгаллу», но и совсем близкий берег. Я поежился от вдруг скользнувшей с полей фуражки за поднятый воротник плаща холодной струйки и начал спускаться по широкому дубовому трапу вниз, в сухое тепло корабля.

«Призрак» готов к походу. К очень далекому походу. Что-бы здесь, в России, в Европе, об Андрее Новикове просто забыли.

Все.

Враги и друзья. И тем и другим станет легче, если он прекратит свою деятельность дрожжевого грибка, зачем-то брошенного в и без него не слишком спокойный мир.

Тем лучше. У меня свои планы, у друзей, у Сильвии — свои. И Сашка вовремя решил ситуацией воспользоваться. В итоге — все довольны, все смеются...

Еще я вдруг понял — как же они все, мои друзья, от меня устали.

Я этого никогда не хотел, но так все время выходило. Я им навязывал, возможно и без умысла, свои идеи, свои взгляды на мир, психологию, которую считал для всех подходящей.

И не улавливал самого простого: то, что я считал благом для всех, со стороны выглядело совсем иначе.

Я им всем ужасно надоел. Моя правота стала чем-то противоположным. Так бывает почти всегда в подобных ситуациях. Или неформальный лидер должен превратиться в диктатора типа Сталина и поубивать всех своих прежних соратников, или — просто отойти в сторону.

Что я и делаю.

Хотя, видит бог, никогда я не воображал себя хоть чем-то лучше других.

Чувства, которые мною владеют сейчас, — и смутная тоска, и облегчение, как у солдата, уходящего с передовой в тыл, допустим, в отпуск, и мысль — а не трусость ли это?

Да, о трусости я задумывался. Трусость не в банальном смысле, а как бы в высшем каком-то.

Короче, сначала это я смертельно устал, а уж потом — мои друзья от меня.

Устал от всего, но прежде всего от добровольно принятой на себя ответственности за «судьбы мира», как бы высокопарно это ни звучало.

Хотя скорее всего ничего я на себя не принимал, а просто плыл по течению, более или менее осознанно совершая те или иные действия, причем стараясь, чтобы они не слишком силь-

но расходились с некими принципами, нравственным императивом, если угодно, который сам же для себя и установил...

На трапе меня вновь охватило чувство, будто я по памяти восстанавливаю когда-то написанный, но потом утерянный текст. Все точно так же, но все же немного не так.

Нервы действительно ни к черту стали. Непосильную я взвалил на себя тяжесть и тащу вот уже почти два года, все чаще и чаще недоумевая, на кой черт мне все это сдалось.

Одновременно понимая, что ни выбора, ни выхода у меня не было ни в каком варианте.

Если не с первого дня встречи с Ириной, то уж с ее телефонного звонка февральским вьюжным днем восемьдесят четвертого года — точно. Как на велосипеде без тормозов вниз по крутому горному серпантину. Крепче держи руль и уповай, что спуск когда-нибудь кончится и не появится из-за ближайшего поворота разобранный мост...

Кают-компания, куда я вошел, занимала почти треть объема жилой палубы, от бизань-мачты до кормового балкона. Что естественно — именно здесь нам придется проводить большую часть свободного времени.

Каюты, пусть и комфортабельные, предназначены в основном для сна. Или — если появится потребность в уединении. А здесь у нас будет и столовая, и библиотека, и музыкальный салон — одним словом, в сухопутном понимании аналог аристократического клуба, сосредоточенного в единственном помещении площадью около пятидесяти квадратных метров.

Слегка заваленными внутрь, обшитыми светлым деревом бортами, бронзовой отделкой иллюминаторов, панорамным, с частыми переплетами окном, выходящим на кормовой балкон, старинными лампами в карданных подвесах кают-компания напоминала адмиральский салон на парусном фрегате прошлого века.

Однако удобная современная мебель, ковры на полу, застекленные книжные шкафы и открытые витрины с коллекционными охотничьими винтовками и гладкоствольными ружьями, молекулярные копии картин великих мастеров создавали впечатление кабинета эстета-аристократа, поклонника охоты и изящных искусств.

А об эпикурейских наклонностях владельцев свидетельствовала пятиярусная стойка бара, любовно и с фантазией, в предвидении тихих тропических вечеров и трудных штормовых вахт заполненная сотнями бутылок, штофов, пузырьков и флаконов, содержащих все, что на протяжении веков создавала ненасытная фантазия пьяниц и их алчных потворщиков, — коньяки светлые и темные, виски ирландские, шотландские и американские, крепкие шестидесятиградусные бенедиктины и шартрезы, всевозможные джины, экзотические водки Азии и Южной Америки, изысканные вина, горящиеся друг перед другом звонкими, как у испанских идальго, именами и годами выдержки.

Эта стойка придавала кают-компании вид возвышенный, как орган протестантскому собору, и располагала к размышлениям, неспешным и приятным. Особенно когда нет неотложных дел.

Мы с Сашкой немало потрудились, чтобы укомплектовать коллекцию.

Слева от двери — прямоугольный обеденный стол орехового дерева, шесть тяжелых, рассчитанных на приличную качку кресел вокруг.

Я боком присел на вертящийся, привинченный к палубе табурет, бросил на соседний фуражку. Не глядя протянул руку, взял первую попавшуюся бутылку, до которой достал. Наудачу.

Поразительно, если даже это очередное совпадение.

Джин «Бифитер». Именно им мы в моем романе отмечали с Сашкой начало кругосветного плавания. (Жуткая по тем временам экзотика.)

Ну-ну...

Теперь и на этом судне с первой бутылки свернута пробка. Процесс пошел. Знать бы — куда.

Сквозь толстые стекла иллюминаторов на стойку падал унылый сероватый свет, через кормовую витрину не видно ничего, кроме тумана.

По стеклам неторопливо ползли извилистые от ветра дождевые струйки.

Вроде бы тоскливая картина, но это как посмотреть.

С точки зрения человека, промокнувшего и промерзшего за

четыре часа на штормовом ветру, — предел мечтаний, истинный рай земной.

Сдать вахту, спуститься в каюту, переодеться в сухое — и сюда, где тепло, уютно, где можно выпить и закусить, потом погрузиться в упругость диванных подушек, раскрыть на любом месте умную книгу или предаться неторопливой, лишенной всякой актуальности беседе с понимающими тебя людьми. Вот в чем смысл кают-компаний на корабле...

Левее бара, как бы отделяя его от «культурной зоны» помещения, располагается выглядящий как старинное пианино электроорган, совмещенный с магнитофоном и синтезатором.

Универсальный инструмент, равно подходящий для настоящих профессионалов и для таких, как я, любящих музицировать, но не умеющих. Позволяет оркестровать и аранжировать любую мелодию по вкусу.

Я нашел в каталоге «Маленький цветок», хотел было послушать его в исполнении камерного скрипичного квартета, но потом решил, что некоторые вещи подвергать модернизации безнравственно.

Получится как бы измена прежним идеалам. Или — самому себе, тогдашнему...

Для меня ведь это — мелодия первой, не слишком удачной любви.

В какой уже бесчисленный раз с неизменным чувством сладкой печали я вслушивался в причудливые пассажи кларнета, понемногу отхлебывая чистый, безо льда и тоника, джин.

Янисколько не удивился, когда за спиной у меня скрипнули еще не приработавшиеся петли двери. Подсознательно я этого ждал.

Логика сюжета (или причуда режиссера?) требовала именно такой мизансцены.

Вошел Шульгин. В новом, не обношенном еще флотском светло-синем кителе, по типу яхт-клубовских — с эмблемой «Призрака» на левом рукаве.

Отчего-то у людей нашего (теперь) круга считается дурным тоном выходить в море на собственных яхтах в штатском, вот и мы изобрели и пошили себе по несколько ком-

плектов судовой униформы, от парадной до тропической, через эволюционный ряд промежуточных разновидностей.

Уж явно мой друг появился не с улицы, заведомо ждал моего появления здесь. Или не ждал, просто занимался своими делами в каюте или в рубке.

— Ностальгируешь, братец? — как бы мельком, скорее констатируя, чем спрашивая, бросил Сашка, повертел в руках начатую мной бутылку.

— Составлю компанию... Только что за ерунда, что ты мне суешь? — Это он возмутился по поводу подвинутой ему стограммовой хрустальной стопки, что сама подвернулась мне под руку.

— Ах да, ну, извини, конечно...

Пришлось искать штормовые стаканы, грамм на триста, с литым дном толщиной в два пальца, тяжелые, как пушечные гильзы.

За льдом к холодильнику идти не хотелось, да и зябко пока здесь, отопление не включено.

Отпили, не чокаясь, по паре глотков.

Посидели молча.

— Далеко будет мне с Мадагаскара в Европу возвращаться, — сказал наконец Шульгин.

— Далековато, — согласился я. — Будто ты раньше этого не знал...

Плеснул он себе еще треть стакана.

— Прозит! — и выпил, не дожидаясь меня. Будто догоняя то, чего и догонять не стоило. Не закусив даже ломтиком консервированного ананаса, принялся тщательно разминать сигарету.

— Жаль, что все так получается, — неожиданно тяжело вздохнул он, так и не прикурив.

Я сразу понял, о чем он. Дальнейших слов не требовалось. Мне стало еще тоскливее. Все же слишком долго мы мечтали вместе побродить по далеким морям.

Всей душой отдавались процессу переоборудования яхты, рисовали интерьеры кают и прочих помещений, спорили с Воронцовым по поводу сутубо технических и эстетических проблем кораблестроения, составляли списки необходимых припасов, оружия, книг для судовой библиотеки, подбирали

лоции и навигационные карты, чертили на них будущие маршруты, уточняли по справочникам Кука и Бедекера, в каком отеле следует поселиться на Маврикии и принято ли торговаться на рынках в Кохинхине...

Обучались основам навигации, обращению с парусами, муштровали и школили роботов, которых от щедрот выделил нам Воронцов на роль штурманов, матросов и «прислуги за все».

И веселее нам вдвоем было бы, и спокойнее. Во всех смыслах. Одно дело, когда путешествуют два друга со своими дамами, совсем другое — один мужик с двумя женщинами.

А насчет того, «кто же останется в лавке», тоже все давно обговорено. Если бы ситуация даже и потребовала его присутствия в России и Европе, сойти с корабля он собирался никак не раньше, чем через пару недель, а то и месяц.

Но задавать естественного в такой ситуации вопроса я не стал. По тексту пьесы идет его реплика, вот пусть и говорит.

Сделал очередной глоток, почмокал губами, оценивая вкус и букет. Ткнул пальцем в кнопку пульта управления проигрывателем. Музыка заиграла как раз та, что я хотел.

Которая тоже звучала тогда. «Серебряная гитара». Обратная сторона пластинки-сорокапятки с «Маленьким цветком».

И только после этого я спросил:

— Что-то случилось?

— Насколько я знаю — нет, — ответил Шульгин и тоже поднес к губам стакан, но, похоже, не отпил, а только намочил губы.

«Сумасшедшие, наверное, мы все, — подумал я. — Нельзя пережить то, что случилось за последние полтора или, может быть, три года, и остаться вполне нормальным. Если, конечно, не псих только я, и все это — лишь бесконечный тягостный бред... Лично мой».

— Тогда в чем дело? С такой мордой, как у тебя сейчас, не в развлекательный круиз отправляться, а присутствовать на панихиде по безвременно усопшей теще...

Шульгин улыбнулся одной, правой половиной рта, поднял стакан.

— Давай. Помнишь, я тогда сказал: «Твое вдохновение на

дне этой бутылки. Пиши. Для себя и для меня тоже, и да поможет нам бог»?

Я помнил. Тот удивительно теплый, душистый июньский вечер в кисловодской гостинице «Нарзан», что располагалась в старинном двухэтажном здании наискосок от Колоннады и прямо напротив знаменитой нарзанной галереи.

Мы тогда впервые почти случайно оказались вдвоем на этом знаменитом курорте, поселились в крошечном мансардном номере, где стоять во весь рост можно было только возле окна, а койки, словно в подводной лодке, располагались в узких полутораметровых нишах. И стоило место 70 копеек в сутки.

Сашка собирался на свидание со своей руководительницей практики, а мне идти было некуда, и с чувством одновременно зависти и некоего внутреннего превосходства я разложил на столе с облезшим и испятнанным многочисленными ожогами сигарет лаком походные письменные принадлежности, чтобы продолжить труды над романом, долженствующим не уступить изысканностью и пессимизмом крайне тогда популярной «Триумфальной арке».

Тогда Сашка и достал из тумбочки на две трети полную бутылку «Перцовки», произнеся вышеназванные слова.

— И к чему ты это?

— Может, к тому, что мы по-прежнему живем не сами по себе, а в придуманном тобой мире...

Меня поразило, как совпали собственные мысли и Сашкины слова. Но я по-прежнему не понимал, в чем тут дело.

Еще сегодня утром все нам с ним казалось абсолютно ясным, настроение было приподнятым, заботы отступили, поскольку все необходимое давно сделано, карты выверены, припасы погружены, даны и получены последние наставления.

И вдруг...

Самое странное, что тревога, охватившая Шульгина, тут же передалась и мне, но не коснулась никого больше, хотя, казалось бы...

У Левашова, Берестина, Воронцова гораздо больше оснований тревожиться, это ведь им оставаться в России и продолжать эксперименты с мировой историей, а вот поди ж ты!

Может быть, Сашкина интуиция правильно подсказывает: остановиться, пока не поздно? А в чем проблема, не на войну же мы собрались, отдыхать, как и советовал Антон, отстраняясь от всех мирских забот.

Так я и спросил у него, решив, что незачем больше держать друг перед другом «понт», как выражались во времена нашего детства.

— Прощаюсь с последней детской мечтой, «серебристой и самой заветной», если угодно, — опять криво усмехнулся Шульгин. — Выходит так, что я с вами завтра не пойду. А когда снова вернусь сюда, будет уже не то...

— Чего вдруг так? Мы же и вправду столько мечтали... А теперь... Не вижу повода. Пояснить можешь?

— Могу. Так вдруг все сложилось. Информацию я получил интересную. Сразу по двум каналам. От Агранова из Москвы и от Кирсанова из Берлина через Харьков. Высокая интрига наклеивается, исходящая, как и предполагалось, из недр «Системы»... И понял я, что непременно мне нужно задержаться и эту интригу раскрутить.

Уже понимая, что переубедить Сашку не удастся, я все же спросил:

— Так, может, и мне задержаться? Вместе все и раскрутим, быстрее и проще. А потом и поплывем...

— Не стоит, Андрей. Ей-богу, не стоит. — Сашкины слова звучали очень искренне и убедительно. — Тем более что наш уход как раз автоматически оную интригу поддерживает. Да и вообще. Плыви... Все равно скоро встретимся, недель раньше, недель позже. А ты вдобавок гарантированно мой тыл прикроешь.

За Анну я буду спокоен, и в любой момент мы с тобой свяжемся, если помощь потребуется. Ты ведь как бы вне ситуации будешь находиться...

Не знаю, в словах его, как всегда, содержалась некая истина, только...

Все это было совсем не то, чего мне хотелось. Вместо полноценного отпуска по известной формуле: «Уж если отдыхать, так от всего» снова подразумевался очередной этап тайной войны, где мне отводилась лишь легенда «отдыхающего»,

★ который все время ждет, когда соответствующий сигнал вновь призовет в бой...

Это совсем разные вещи: на законном основании и без задней мысли валяться на пляже и охмурять рядом загорающих девушек или только изображать безмятежный отдых, бдительно высматривая на том же пляже злоумышленника, прячущего в плавках пистолет...

— И еще одно, — добавил после короткой паузы Сашка, — что-то мне такое вообразилось. Когда ты сказал, что можно уходить и внепространством... Если бы по-человечески, морем, тогда так-сяк. А через «канал» — ну, я не знаю. Помнишь, давно еще разговор был — каждый выход за пределы реальности сильнее и сильнее раскачивает мироздание. И в какой-то момент...

Такой разговор действительно имел место, вскоре после того, как мы с Ириной внезапно оказались в декабрьской Москве 1991 года, а не в августе 1984-го, как планировалось.

Или даже позже мы это обсуждали, после нашего с Сильвией возвращения с Валгаллы.

— Правда, опасаясь я чего-то, если угодно. Мне кажется, что лучше будет, если я завтра после торжественных проводов соскочу втихаря за борт с аквалангом, вылезу на берег и начну автономное существование прямо отсюда, а не с Мадагаскара.

— По-прежнему не понимаю. В чем смысл идеи? Ты что, воображаешь, будто парадокс возникнет именно при условии твоего присутствия на борту? А с нами ничего не сделается? За нас не боишься? Или как? Мудришь ты, по-моему. Провели бы недельку-другую в море, отдохнули, развеялись на всю катушку, а потом и отъехал бы куда нужно. Самолеты летают, день-два — не проблема для твоих глобальных идей. Так же и договаривались... Не делай из меня дурака, колись, в чем на самом деле дело?

Сашка вдруг вскочил из-за стола, начал ходить, засунув руки в карманы, по ковру, доходя до очередной переборки — резко разворачивался на каблуках.

Нервничает, сильно нервничает мой друг без всяких видимых причин.

Раздраженно махнув сжатой в кулак рукой, он почти закричал:

— Мне тоже крайне жаль, не прикидывайся, будто не понимаешь! Я ведь океан только с палубы «Валгаллы» и видел, да и то Атлантический. А хотелось бы взглянуть и на Индийский, Новую Гвинею увидеть, Соломоновы острова опять же...

— Соломоновы — это уже Тихий, — деликатно уточнил я.

— И Тихий тоже, натюрлих. Но... Если угодно — видение мне было. Как в последний день в Замке. Проще говоря — все та же интуиция. Не нужно больше мне, лично мне, понимаешь, забавляться всеми этими делами. Вообще не стоит. Отчетливое ощущение — добром это не кончится. И внимания к себе лишний раз привлекать не надо, возмущая мировой континуум.

— А может, в монастырь сразу, Александр Иванович? — позволил я себе съязвить, действительно раздражаясь странным его поведением. — За святыми стеночками-то — хорошо. И греха на душу не возьмешь, и... Ну вообще как-то так спокойнее, — спародировал я его настрой и тональность.

— Да что ты! Совсем не врубаешься? — вдруг психанул Сашка. — Не могу я своей интуиции не верить. Я уйду отсюда, а все, в том числе и наши ребята, будут уверены, что мы вместе. Тогда мне проще будет инкогнито изображать. А на яхте имитатор оставляю. Я парочку сохранил еще с тех времен...

Это он вспомнил самое начало нашей истории. Тогда Антон снабдил нас электронными штучками, которые, посылая импульсы, соответствующие индивидуальным мозговым излучениям, должны были создавать у охотившихся за нами аггров впечатление, что мы находимся совсем не там, где на самом деле.

Какой-то резон в словах Шульгина был. В эффективности имитаторов я убедился совсем недавно на Валгалле. Может быть, поможет и сейчас. Если уж мы решили «выпасть» из этого мира, то лишний раз засвечиваться ни к чему.

Правда, имитаторы рассчитаны на агтрианскую технику, пределов возможностей Держателей мы не знаем, и есть ли вообще эти пределы?

Но вполне можно предположить, что ежеминутно они наше местонахождение и поведение не отслеживают.

Пока мы не даем к этому оснований. Например — не пользуемся агтрианской техникой, не будоражим слишком грубо пространство-время.

Об этом и Антон предупреждал.

— Ну, допустим. Не имею оснований спорить по существу, хотя есть у меня собственное мнение насчет эфира и эффективности попыток сохранить тайну, имея дело с Держателями. Кроме того, верная интуиция еще не гарантирует от ошибок в ее истолковании. И как мы потом встретимся?

— Назначим randevu. Я свои дела здесь, в Лондоне и Париже, сделаю и подскочу самолетом... ну, скажем, во Фриско. Или в Бомбей. Куда раньше успею. Там меня и подберешь. Какие проблемы? Телеграф здесь нормально работает, радио есть. Свяжемся.

— Тогда чего проще — по нуль-Т через «Валгаллу»...

— Вот этого — не надо...

И опять я понял ход Сашкиных мыслей. Даже тех, которые сам он не успел еще сформулировать до конца.

Разумеется, первый их уровень был тот самый, что он высказал сейчас вслух. Опасение, что Держатели засекут момент внепространственного перехода «Призрака» в Индийский океан, им это не понравится, и они учинят очередную пакость, макро- или микроизменение реальности, которое даже и заметить не удастся, но после которого затеянное предприятие утратит всякий смысл. Или же — обратится в свою противоположность. В этом случае намеченные Шульгины меры предосторожности могут оказаться полезными.

А второе — Сашка просто захотел сыграть в собственную игру, и немедленно. Слишком ему надоело существовать как бы на вторых ролях. Зная его характер, я представлял, насколько его раздражает необходимость работать в команде, где лидирует не он. И пусть все операции мы планировали совместно, и Сашка всегда сам определял свой круг прав и обязанностей, но все же...

Степень внутренней неудовлетворенности достигла критической отметки. Захотелось полной самостоятельности и независимости.

В принципе ничего страшного в этом нет.

Пусть покрутится, выпустит пар в автономном плавании

по морю житейскому. Есть тут даже нечто обнадеживающее. Если сам я действительно выложился до конца и мечтаю только о покое (так раньше князья уходили в монахи, и даже государь император Александр Павлович, по слухам, преобразился в старца Федора Кузьмича), а в Сашке по-прежнему кипят силы и амбиции, так дай ему бог удачи...

Хуже другое — что, если крыша и у Шульгина начинает съезжать, только проявляется это в такой вот гипоманиакальной форме? Неукротимая активность и абсолютная убежденность в собственной правоте пополам с бредом преследования.

А впрочем, все это ерунда. «Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе».

— Ты, как я понимаю, все уже продумал и подготовил? — спросил я, имея в виду первый этап Сашкиной импровизации. — Стратегические-то цели нашей операции остаются прежними?

Если только Шульгин, оказавшись на свободе, не начнет перекраивать и их.

— А что тут особенно готовить? Я всегда готов, и снаряжение в полном порядке.

Еще одна интересная мысль пришла мне в голову.

— Предположим, что как раз Держателям и хочется нас разлучить? В каких-то собственных целях. Не зря же идея эта возникла у тебя буквально только что?

Впрочем, сразу же я поправил сам себя. Единственное, что утешало и обнадеживало, — по всем известным фактам и косвенным рассуждениям выходило так, что напрямую на мое и Сашкино мышление Держатели воздействовать как раз и не могли.

Отчего и изобретали всякие окольные ходы. Чтобы принудить нас к тем или иным «добровольным» поступкам.

Все-таки Антон, наверное, был прав. Если бы умел кто-то путем внушения принуждать нас к желаемым поступкам, вообще все наши приключения не имеют смысла.

Но этого я не сказал. Пусть Шульгин сам думает.

Он и ответил:

— Ну, если мы все будем через эту призму рассматривать... Тогда вообще ничего предпринимать и планировать не-

возможно. С тем же успехом я могу сказать, что это твоими устами они говорят. Я все придумал самостоятельно и правильно, сказал тебе, а ты...

— Да уж действительно. С такой логикой далеко не уедешь...

— Или — уедешь слишком далеко, — усмехнулся Шульгин краем рта.

Я рассеянно скользил глазами по интерьеру кают-компании. Вдруг напрягся, не сразу поняв, что привлекло мое внимание. Но что-то же привлекло. Имеющее отношение к проблеме.

И тут же сообразил. Глупо в принципе, но тем не менее. Клин клином вышибают, или — абсурд на абсурд. По крайней мере, в данной ситуации можно быть уверенным, что в такой вариант Держатели не вмешаются. При всем всемогуществе кое-чего они делать не в состоянии. Например...

— Саш, ты уверен, что никто посторонний последние дни на яхте не появлялся?

— Посторонний — в каком смысле? Воронцов — посторонний?

— Нет, он, наверное, нет... Да не так это, в общем-то, важно. Книги на борт только ты возил или?..

— Как раз книги — только я. И оружие...

— Хорошо, предположим. Думаю, эксперимент будет чистым при любом исходе... — Я подошел к шкафу и с трудом вытащил с одной из полок толстую книгу в потертом зеленом переплете с золотым тиснением на корешке. — Это ты покупал?

— Так точно. У букиниста в Екатеринославе. Там еще автограф бывшего владельца есть и дата: 1903 г., Санкт-Петербург...

— Верно, — подтвердил я, глянув на форзац. — Имеется и автограф, и дата. На титульном листе тоже все как положено. Заголовок: «Конфуций. Уроки мудрости. С.-Петербург. Издание Ф.В. Щепанского. Невский проспект, 34. 1902 год. Дозволено цензурою 5 октября 1901 г.».

Веленевая, совсем еще белая бумага, а я привык, что ушедших до нас старых книг листы уже покрываются коричневыми пятнами и пахнут плесенью.

Главная составляющая трудов Конфуция — «Книга перемен», отличная штука для проверки самых сумасшедших гипотез.

— Вот и проверим. Доставай монетки...

Шульгин вытащил из кармана брюк три золотые десятки. По непонятной причине он терпеть не мог кошельков и с детства всегда носил мелочь в левом брючном, а бумажные деньги — в нагрудном кармане пиджака.

— Бросай. И поглядим, что выпадет.

Сашка понял мой замысел. Мы с ним давно уже пристрастились к гаданию, и почти всегда ответы «Книги» удавалось либо сразу истолковывать в правдоподобном смысле, либо убеждаться в справедливости предсказания задним числом.

А сейчас я исходил вот из чего — ну не могли, никак не могли бы даже и почти всеильные Держатели Мира предвидеть такой мой ход, я и сам-то придумал его ровно секунду назад. А уж тем более — перевернуть монетки в полете.

А раз так — и ответ «Книги» будет никем не запрограммированным, и наши приведенные в соответствие с ним поступки тоже окажутся неожиданными для всех.

Ну, как говорил крупные Смоку Белью: «Рулетка сама по себе система, и любая другая система против нее бессильна».

Сашка шестикратно бросил монеты. Я записывал сочетания орлов и решек. Выпала третья гексаграмма.

«Чжунь. Начальная трудность».

Две короткие черты.

Длинная.

Две короткие.

Две короткие.

Две короткие.

Длинная.

Я прочел комментарий вслух, медленно и отчетливо, одновременно вдумываясь в текст и чувствуя, что полегоньку хренею:

«Начальная трудность.

В изначальном развитии благоприятна стойкость.

Не надо куда выступать.

Здесь благоприятно возводить на престол вассалов.

*Вначале сильная черта.
Нерешительное кружение на месте.
Благоприятно пребывать в стойкости.
Благоприятно возводить на престол вассалов.

*Слабая черта на втором месте.
В трудности, в нерешительности — колесница
и кони вспять.
Не с разбойником же быть браку!
Но девушка в стойкости не идет на помолвку.

*Слабая черта на третьем месте.
Преследуя оленя без ловчего, лишь попусту войдешь
в лес.
Благородный человек примечает зачатки событий
и предпочитает оставаться дома.
Ибо выступление приведет к сожалению.

*Слабая черта на четвертом месте.
Колесница и кони — вспять!
Стремясь к браку, выступишь — и будет счастье.
Ничего неблагоприятного.

*Сильная черта на пятом месте.
Затруднение в твоих милостях.
В малом стойкость — к счастью.
В великом стойкость — к несчастью».

Конечно, кроме этих, так сказать, первоначальных, достаточно смутных по смыслу стихов, к гексаграмме прилагалось несколько десятков страниц углубленных толкований, куда более изощренных, чем комментарии моих университетских наставников к трудам Маркса, но главное было понятно.

Сашка бросал монетки, и ответ адресован явно ему, не мне. И ответ полностью совпадал с уже принятым решением.

Желающие могут подумать над этим сами или обратиться к оригиналу, к старому мудрому Конфуцию.

Повторяю — гексаграмма «Чжунь».

— М-да... — Шульгин, по-моему, тоже был слегка ошеломлен. Все-таки есть вещи, к которым нам, осознавшим себя в великолепные, рациональные и атеистические шестидесятые годы, привыкнуть почти невозможно.

Как и понять, нет, нет, не понять даже, а принять душой

факт существования и функционирования компьютеров, биороботов, тех же Держателей Мира.

Ладно, Сашка психиатр, а я психолог.

Следующий ход мой.

— Пусть так. Не надо тебе никуда выступать. Возведи на престол вассала. То есть проводи меня на капитанский мостик, и мы с тобой хоть на десяток миль выйдем в море. Чтобы все было как тогда... А потом пожалуйста. Примечай зачатки событий и оставайся дома...

Кстати, где моя команда? Почему даже Ларсена нет на месте?

Шульгин вдруг улыбнулся как-то облегченно.

Гадание на него подействовало или что другое?

— Да все нормально. Запер я их и отключил. Чтобы под ногами не путались. В старом сценарии их ведь не было...

И опять Сашка прав.

Хорошие мы с ним актеры. Самая пора в театр к Станиславскому наниматься. Зерно там образа выращивать, поведение в предложенных обстоятельствах изображать, все мы умеем.

А главное — мы все-таки выйдем в море именно так, как и задумано было двадцать лет назад.

...Специального банкета по случаю нашего отплытия устраивать никто не собирался. Вроде бы не тот повод. Ну, уходят ребята в отпуск, не на войну же.

Решили так, по-товарищески посидеть вечером, поднять по бокалу-другому, обменяться мнениями. Глядишь, что-нибудь умное придет в головы на прощание, упущенное что-то вспомнится... Может, и не слишком важное на первый взгляд, но способное впоследствии принести ненужные хлопоты. И специально друзей, оказавшихся сего числа вдалеке от «Базы», тоже не приглашали, однако случайно, или влекомые пресловутой интуицией, или по иным причинам к вечеру на «Валгалле» собрались все.

И словно снова вернулось то, уже почти невообразимое, время, когда мы были молоды по-настоящему, не физически,

а психологически, наивны, полны слегка глуповатого по нынешним меркам энтузиазма.

Будто прошло с тех пор не два с небольшим года, а десятилетия.

Печально сознавать, но мы уже стали отвыкать друг от друга, а может быть, инстинктивно старались держаться дальше. У всех будто бы и незаметно, а на самом деле вполне закономерно начала образовываться своя, отдельная от прочих жизнь.

Я сознавал неизбежность этого процесса, иногда даже удивлялся, что слишком он затянулся, но все равно видеть, как старая жизнь кончается безвозвратно, было грустно.

Но зато сейчас все на краткий миг стало почти как прежде.

Даже Сильвия решила почтить нас своим присутствием.

Явилась восхищенным мужским взглядам прямо из Парижа к пиршественному столу, непосредственно с очередного светского раута, до которых она была большая охотница. Облеченная в потрясный туалет из коллекции «Осень 1921» работы какого-нибудь сверхмодного кутюрье.

Шелестящее, струящееся, переливающееся произведение портняжного искусства с широченной юбкой (кажется, эта конструкция называется «солнце»), затянутым, как корсет, лифом и обширным декольте. Похоже, это платье, лишенное видимых застежек, дошивали прямо на ней. И, чтобы не терять время на переодевание и дорогу, леди Спенсер, вопреки договоренности, прибыла к нам внепространственным путем.

После нескольких тревожных моментов, вроде нашего с Ириной попадания в 1991 год, искажения синхронности между точками входа и выхода, мы решили прибегать к этому способу перемещений лишь в самом крайнем случае. Очевидно, Сильвия решила, что желание щегольнуть новым нарядом может быть признано таковым.

— Мы счастливы вас видеть, леди Си, — приложил правую руку к сердцу Воронцов, — тем более что как раз у нас возник спор. Насколько успешно воздействуют на европейское общество модернизационные импульсы с Востока...

Здесь Дмитрий не слишком и шутил. Уже целый год Западная Европа подвергалась своеобразной культурно-психо-

логической агрессии со стороны Югославии, в которой вдруг появилась масса военно-технических и чисто бытовых новинок, совершенно неожиданных, но эффективных, удобных и практичных.

И если у специалистов многое вызывало недоумение, каким образом столь прорывные технологии, на десятилетия опережающие общемировой уровень, появились в достаточно отсталой и разоренной семилетней войной стране, широкая публика принимала их не задумываясь.

Последние полвека стремительного прогресса во всех областях знаний отучили обычных людей удивляться.

Ну не было вчера кинематографа, автомобилей, аэропланов, телефонов, электричества, радиосвязи, граммофонов и патефонов — а со вчерашнего месяца десятого дня они есть, даже в цирке показывали. Носили женщины до самой мировой войны корсеты и ездили верхом только в дамских седлах — и вдруг перестали...

Чего же теперь удивляться тому, что русские самолеты стали летать еще на двести километров в час быстрее и на три километра выше, а неизвестные русские же портной и галантерейщик вдруг ввели в обращение короткие юбки, прозрачные безразмерные чулки и женские брюки. И не такое бывало...

Но были на Западе аналитики, пожалуй, не глупее своих потомков конца века, разве что не владеющие соответствующими приемами вроде мозгового штурма и контент-анализа, которые не один уже месяц трудились над систематизацией фактов, изучением и обобщением разведданных и просто витающей в воздухе информации в надежде понять суть и смысл происходящих процессов.

...Как раз их деятельность интересовала сейчас нас с Шулгиным больше всего. Мы не сомневались, что рано или поздно какая-то (не обязательно верная) концепция происходящего будет выработана, скорее всего — в недрах «Системы», которая была самым здесь опасным для нас врагом, и готовились к моменту, когда это произойдет.

И очень рассчитывали в предстоящей борьбе на Сильвию, поднаторевшую за минувшую сотню лет в «стратегии непрямых действий» агтрианского резидента.

...Мы ели, выпивали понемногу, много шутили, а кое о чем говорили и всерьез, но так, без нажима.

К слову, я спросил Левашова, не собирается ли он порадовать народ новым изобретением, чем-то столь же потрясающим, как установка совмещения пространства-времени или дубликатор.

Спросил совершенно искренне, поскольку знал Олега целую вечность и не помнил момента, чтобы тот не возился с железками, расчетами и чертежами, и всегда у него получалось нечто необыкновенное: от портативного магнитофона собственной конструкции в десятом классе школы и до пресловутого аппарата «СПВ».

— Да нет, не получается как-то. Одно дело, что времени нет, а вообще — нечего больше изобретать. Того, что уже есть, этой реальности еще сто лет не переварить, а самому даже и неинтересно. Положение примерно такое, о чем фантасты когда еще предупреждали...

— Конкретнее, — заинтересовался разговором и Воронцов. Он не так был начитан в фантастике, как прочие, но на охватившее Левашова безразличие к техническому творчеству внимание тоже обратил, и давно.

Еще с дней работы на достройке «Валгаллы» его тогда поразило почти неприкрытое безразличие, которое Олег проявил к интереснейшим чисто техническим проблемам.

Единственное, в чем он напоследок блеснул былой гениальностью, — это способ, которым он обошел наложенное Антоном на биороботов «заклятие» — запрет действовать автономно за пределами корабля.

Дмитрий тогда решил, что причина в Ларисе, в охватившей Олега на четвертом десятке страсти к этой эффектной, но взбалмошной и неуправляемой девице. Такое бывает, мужики и покруче Левашова ставили ради бабы на кон и карьеру, и честь, а то и жизнь.

— А чего тут... Думали мы, думали, старались, а тут пришли какие-то, перед кем мы не первоклашки даже, а так... Все они знают, все умеют, а нам, хоть из штанов выпрыгивай, и через тысячу лет их не догнать. Даже и пытаться не стоит...

— Ну, это ты зря. Нам как раз ничего. Переварили спокойно все их чудеса, не поморщились. Даже наоборот.

Олег засмеялся, по-прежнему невесело.

— Ну, чего или ничего, это пока рано судить. А вот что лично мне неинтересно стало с тех пор, как увидел Замок, Антоновы и Иринины штучки, — медицинский факт. Это как радиолобительство. Мы отчего им раньше увлекались — оттого, что в отечественные приемники даже диапазонов 13—16—19 не ставили, а из магнитофонов, кроме двухпудового «Гинтараса» или «Кометы» с одной скоростью, купить ничего нельзя было, да и на них деньги два года копить...

А если бы в каждом магазине, как на Западе, сто моделей на любой вкус, да за копейки, на кой нужно ночи напролет с паяльником сидеть... Мне теперь политикой интереснее заниматься...

Тут Левашов не кривил душой. Неожиданно для себя по принципу компенсации или под влиянием Ларисы он с головой погрузился в большую политику. Сначала ему хотелось доказать мне и прочим антибольшевистски настроенным личностям, что построение социализма с человеческим лицом все же возможно, стоит лишь устранить чересчур вопиющие перегибы, допущенные Сталиным, Троцким, да и Лениным кое в чем, и идея таки себя оправдает.

Отчего и согласился попробовать свои силы в качестве спецэмиссара Югории при советском правительстве, точнее — лично при Троцком.

Роль эта неожиданно его увлекла, и, хотя прежние коммунистические иллюзии улетучивались на глазах, он оставался твердым приверженцем идеи своеобразной конвергенции, сосуществования и положительного взаимовлияния либерально-буржуазной полумонархии Врангеля и нэповской диктатуры пролетариата Троцкого.

— Сейчас, кстати, в Москве происходят интереснейшие процессы. Я в них до конца не разобрался, но, похоже, Лев Давыдович отнюдь не избавился от мыслей активизировать «мировую революцию». После кончины Ильича идея построения социализма в отдельно взятой стране если и не отрицается впрямую, то за генеральную никак не признается. Есть сведения, что ведется работа по подготовке коммунистического восстания в Германии...

— Как прошлый раз в 1923 году? — удивился я. Последнее

время, полностью погрузившись в переоборудование и походную подготовку «Призрака», я почти перестал вникать в тонкости тайной дипломатии, тем более — советской.

— Именно, — кивнул Левашов, — только знаешь, что самое странное? Такое впечатление, словно и сам Троцкий, и его коминтерновцы тоже знают будущую историю. И учитывают уроки прежнего поражения.

...Перед десертом, когда общий разговор закончился и разбился по преимуществу на диалоги, мы с Берестинным вышли покурить на крытую галерею между шлюпочной и солнечной палубами, куда выходили двери Кипарисового салона.

Попыхивая своей очередной данкиловской трубкой, которые он с недавних пор увлеченно коллекционировал, пользуясь невиданным расцветом трубочного дела в здешнюю эпоху, Алексей как бы между прочим предложил заглянуть к нему, посмотреть недавно переоборудованный ситуационный кабинет. Благо идти туда было совсем близко — два марша трапа и десять шагов по коридору.

Раньше я часто там бывал, но последние месяцы как-то не приходилось, хватало других забот: переоборудование яхты и ее снаряжение, кое-какие дела в Турции и Европе, да и вообще...

Представлявший собой всего полгода назад нечто среднее между залом игровых автоматов и военно-историческим архивом, нынешний «кабинет» занимал уже три обширных помещения, заставленных вдоль стен всевозможным электронным оборудованием, и более всего походил на центр управления космическими полетами в миниатюре.

Прежде всего — обилием компьютерных мониторов и огромной, три на четыре метра, картой, правда не мира, а Европы, на торцовой стене первого зала. Великолепная карта, много лучше той, что была здесь установлена раньше. Детализация, цветовая гамма просто потрясающие. Как на картинах гиперреалистов. Примерно в этом смысле я и выразился.

Я знал, что прежняя аппаратура позволяла моделировать на планшетах и картах ход любых военных операций миро-

вой истории, сколь угодно раз переигрывать минувшие сражения за любую из сторон.

При подготовке Каховского сражения эта техника дала Берестину возможность выиграть его с минимальными потерями и потрясающим пропагандистским эффектом. А в результате и всю Гражданскую войну.

— Что карта, карта — просто жидкокристаллическая картинка. Дело в другом, — сказал он, обводя рукой свои владения. — Теперь у меня не старое железо фирмы «Макинтош», а настоящая машина. Двадцать квантовых процессоров, и у каждого оперативка 612, память 7 гигабайт, драйверы с ускорителями, а главное, она использует не только классические нули и единицы, а и любые промежуточные значения. То есть можно обрабатывать задачи с множеством неопределенных ответов. Плюс Сильвия одолжила мне кое-что из своих приборов, в том числе и так называемый «шар»...

— Не утруждайся, не мечи бисера, мне это совершенно ничего не говорит, для меня компьютер не более чем пишущая машинка с памятью и Ленинская библиотека размером с чемодан... (Это я к случаю припомнил цитату из пресловутого романа «Гриада».) Давай сразу к сути. Хотя «шар» — это круто. Неясно только, он-то здесь при чем?

Алексей посмотрел на меня с легким сожалением.

— Азия-с... Ну, выражаясь доступным тебе языком... — Он замялся, подбирая слова.

Вот технократы на мою голову. Ладно Левашов, тот от природы технический гений, нам в его делах с детства ловить было нечего, а теперь еще и Алексей, свой брат, гуманитарий, в мою неграмотность меня же носом тычет.

Впрочем, я не совсем прав, гуманитарием он является лишь в одной, и теперь уже не самой главной для него ипостаси. Живопись он забросил почти окончательно. Да и была она для него, как теперь выяснилось, лишь своеобразной формой эскапизма, уходом в вымышленный мир из реального, где Берестин не имел шансов на реализацию своего главного предназначения. Теперь же он вековую мечту исполнил — стал одним из крупнейших полководцев сразу двух реальностей.

А его компьютеризированный «ситуационный кабинет» — обыкновенный рабочий инструмент, как набор карт

для стратега иных времен. И владеть он им, естественно, должен в совершенстве.

— Ну, в общем, теперь это все сразу: «виртуальный Генштаб», Главное разведывательное управление, Госплан и Дельфийский оракул в одном лице.

С помощью Олега и Сильвии я загнал ему в память абсолютно всю информацию военной и военно-политической направленности, наличествующую в библиотеках, архивах и музеях Европы, Азии и обеих Америк. Учебники, монографии, отчеты, приказы и прочее. Плюс досье на каждого заслуживающего внимания генерала и даже полковника, их собственные мемуары и все, что о них писано друзьями и врагами.

Кроме того, в режиме реального времени сюда поступает вся текущая, фиксированная на бумаге и иных материальных носителях информация соответствующего рода из военных министерств, штабов, разведорганов большинства цивилизованных стран. Я ее, конечно, контролировать не в состоянии, но она поступает туда, внутрь, — он ткнул пальцем в сторону одного из шкафов, — переваривается и при необходимости используется...

Это я понял.

— То есть, грубо говоря, в любую секунду ты можешь получить не просто оперативную информацию о планах вероятного противника, но постоянно и непрерывно отслеживать перемещение воинских частей, прогнозировать развитие событий на ТВД¹ и...

— И так же постоянно получать рекомендации по оптимальным мерам противодействия. В масштабе от фронтов до взводов.

Зная Берестина, я догадывался, что к любым рекомендациям, даже и такой сверхумной машины, он отнесется вполне критически и в случае чего примет собственное решение, но все равно... Понятно теперь, и для чего потребовался «шар» Сильвии. От Ирины я знал, что этот алтрианский прибор, имеющий массу функций, предназначен в том числе для счи-

¹ Театр военных действий.

тывания любой фиксированной информации, где бы она ни хранилась.

— Здорово, — повторил я из вежливости. — Значит, теперь для тебя нет в мире тайн, и любой агрессор может быть разгромлен превентивным ударом, а также и в любой желаемый момент после начала агрессии. Малой кровью и на чужой территории. Нам бы с тобой в сорок первом году такая штука сугубо бы пригодилась. Глядишь, и прорыв фронта под Смоленском сумели бы парировать вовремя...

— Да уж... — поджал губы Алексей. Пожалуй, мое замечание было неуместным. Хотя и здорово мы с ним тогда повоевали, я из Кремля, а он непосредственно на передовой, а все же то, что ему так и не удалось удержать немцев на старой границе, он считал своей крупной неудачей.

Тем более что Антон слишком не вовремя нас из сорок первого года выдернул, и мы так и не узнали, чем закончилась осенняя кампания.

Впрочем, кое-какие плюсы есть и в таком незнании. Если вдруг Марков без Берестина сделал то, чего не сумел сделать Алексей, удар по самолюбию был бы тяжелее...

— Однако ты ведь не только для того, чтобы похвастаться, меня сюда пригласил? Еще что-то?

— Разумеется... — По лицу его вдруг скользнула тень некоего смущения.

— При всем своем совершенстве надежд моих машина пока не оправдывает. Если ее использовать как всеобъемлющий справочник — это да. И некоторые локальные задачи решает вполне успешно, например — спрогнозировать действия английского флота при попытке взять реванш за недавнее поражение. Кстати, тут у меня есть интересные данные, тебя впрямую касаются, — заметил он будто невзначай и снова перешел к главному для себя: — А вот если задать ей разработку оптимальной военной доктрины Югории или хода войны с наиболее вероятным на сей момент противником, тут начинается такое... Ну полный бред.

Я как-то сразу сообразил, что произошло. Даже и расхохотался, что выглядело несколько бестактно.

— Всю историческую информацию заложил, говоришь? За какой период?

— Я же сказал. Почти за двести лет. Начиная с наполеоновских войн... Чтобы тенденции в развитии военного искусства отслеживать, аналогии находить... И до момента нашего ухода. Когда ты в Замке библиотеки в компьютер перегружал...

— Молодец. Все ты правильно сделал, кроме одного. И в результате вместо «Генштаба» получил больничную палату, набитую генералами-шизофрениками...

Алексей все еще не понимал. Пришлось объяснять.

Базовая информация машины была изначально огромна, пожалуй что исчерпывающая, и все время в оперативную память поступает свежая, текущая. Только вот одну тонкость Берестин с Левашовым упустили, просто не догадались предварительно подумать в нужном направлении. Все, что составляет основу ее «военно-исторического образования», позаимствовано из прошлой реальности...

Но реальность ведь изменилась, и машина столкнулась с неразрешимым даже для ее «интеллекта» противоречием. Многие исторические факты теперь не соответствуют тем, что происходили прошлый раз.

В разведдонесениях то и дело встречаются ссылки на события и сражения, не происходившие в действительности, речь нередко идет об армиях несуществующих стран, а в существующих ключевые посты занимают какие-то другие люди. Ну и так далее.

При этом машина, по определению, принимает любую получаемую информацию за достоверную. Соответственно, ей необходимо либо искать причину несовпадений теории и практики, меняя всю философию причинно-следственных связей, либо начать игнорировать все, что в исходную теорию не укладывается.

Так ведь и еще хуже того. Мои друзья, не подумавши, сделали в своей программе совершенно равноправными и равнозначными всю советскую, на 70 процентов идеологизированную историческую науку и достаточно свободные взгляды немецких, англо-американских, японских и прочих историков.

Точно так же бедная машина должна была совмещать в себе, как в единой личности, позиции и теоретические воз-

зрения Жукова, Тухачевского, Свечина, Троцкого, Манштейна, Кейтеля, Эйзенхауэра, де Голля, Ямамото, Пилсудского и Маннергейма.

И это только так, навскидку. Возможно представить, чтобы эти ребята пришли к единому мнению по поводу какой угодно военной операции XX века?

Умный человек смог бы в этом парадоксе разобраться, а машина, кажется, начала вести себя по принципу «если факты не соответствуют теории, то тем хуже для фактов». Просто исходя из того, что базовая информация для нее заведомо приоритетнее вновь поступающей.

Все это я Алексею популярно и изложил. Пусть с точки зрения человеческого психолога, а не специалиста по компьютерной логике.

— Вообрази себя в ее положении. Ты на фронте разворачиваешь карту Белоруссии, а видишь какую-нибудь Гондвану. Начальник разведотдела докладывает тебе о количестве у неприятеля боевых слонов и реактивных истребителей, а пленный сообщает, что 2-й танковой группой командует не Клейст, как ты был уверен, а Субудай-Багатур. И тут же по прямому проводу Ставка требует к утру доложить о возможности стремительным обходным маневром взять Теночтитлан... Я слегка утрирую, конечно, но суть такова...

Берестин невольно улыбнулся нарисованной мною картине. Действительно, для выпускника академии имени Фрунзе довольно диким было бы увидеть в экзаменационном билете вопрос: «Сделать разбор совместной наступательной операции врангелевско-кемалистских войск по захвату Стамбула в мае 1921 года у англо-греческих агрессоров».

Или — «Роль Предсовнаркома РСФСР тов. Троцкого в обеспечении почетных условий советско-белогвардейского Харьковского договора в 1920 году».

Особенно если бы экзамен происходил годах этак в 1938—1953-м.

По этому поводу мы с ним по-солдатски, под сигаретку выпили, вновь испытывая забытое уже чувство воинского братства, обретенное на Отечественной войне, и он меня спросил, как же из этого вполне дурацкого положения выйти.

Не хотелось бы акцентировать внимание на интересном моменте, но...

Чем дальше, тем больше мои друзья становятся самостоятельными и самодостаточными. А вдруг припрет нештатная ситуация, и «выручай, Андрей, подскажи что-нибудь умное».

Нет, я не в обиде. По той же самой причине. Карма у меня такая и профессия. В упорядоченном советском мире поддерживать в друзьях неконформистски-фантастический тонус, а в мире абсурдной фантастики выступать хранителем реальности.

— Так, а делать что? Подсказать можешь?

— Вот не ценил ты, Леша, замполитов и комиссаров в армии, а зря. Они, может, и не всегда представлялись ангелами небесными, однако в самые безысходные времена подсказывали своим командирам и военспецам, как использовать бесспорные военные знания в далеко не бесспорной ситуации. Поскольку владели какой-никакой, но всеобъемлющей теорией.

Усмехнулся, сделал привычный округлый жест рукой с зажатой в ней трубкой.

— Я товарищем Сталиным поработал, и не такие проблемы решал... И твою проблему решу, думаешь, нет?

— Ну реши, реши, для того и позвал...

— Сейчас не сделаю. Хоть пару часов нужно, чтобы все расписать. А завтра утром алгоритм представлю. Только программу писать снова Олега позовешь. Я ведь только так, «наиболее общие законы развития природы и общества» знаю... Поэтому все в произвольно-литературной форме изложу, а уж по науке оформлять ему придется...

Берестин (каким же он разным умеет быть, впрочем, как и все мы) улыбнулся облегченно-простодушно, приобнял меня за плечо.

— Да конечно, конечно, для чего я тебя и позвал. Лучше тебя никто именно общих проблем и не решит... Пойдем, а то дамочки наши скоро нас разыскивать кинутся.

Я не возражал, но были у меня и свои интересы. Для которых Алексеева машина вполне подходила.

— А не помотришь ли ты, в рамках вполне локальной задачи, что может нам грозить при попытке прорыва на «При-

зраке» через Эгейское море и архипелаг к Суэцу или к Гибралтару.

Результат моделирования ситуации меня полностью устроил. Именно этим путем я и пойду, убивая таким нестандартным образом от двух до четырех зайцев. Как повезет. Только нужно теперь еще и с Воронцовым мероприятие согласовать.

Как оказалось, британский флот давно уже имел поступивший свыше приказ отслеживать и при первой же возможности захватить и интернировать не только пароход «Валгалла», к которому у гордых британцев были давние счеты, но и яхту «Камелот», каковая в настоящее время, по почти достоверным данным, принадлежит человеку, выдающему себя за американского подданного Ньюмена, но таковым не являющемуся. Этот же Ньюмен, как сообщает разведка, скорее всего аналогичен генералу Новикову, играющему непонятную роль при Ставке Врангеля и ведущему деятельность, крайне вредную для Антанты (или — «Системы»?).

Тут ничего нового не было. Для «Системы» мы стали вредны и опасны на вторую неделю появления в Крыму. Весь интерес в том, что, не сумев ничего толком узнать о нас как таковых, вражеские агенты сумели отследить связь между «Валгаллой», приобретением Сильвией королевской яхты, неким сэром Ньюменом, генералом Новиковым, то есть мною, не менее, а то и более опасным генералом Шульгиным и супербогатой тайной организацией, бросившей вызов всему цивилизованному миру, а значит, и «Системе».

— Значит? — спросил я Алексея.

— Значит, вам не стоит идти сейчас в море в одиночку.

— А как? — осведомился я.

— Воронцов может вывести вас в Средиземное под прикрытием линкоров, а если что — это будет великолепный повод замочить весь Гранд Флит раз и навсегда. Ракет «Москит» у нас хватит. Два-три залпа плюс воздействие авиации — и не надо никакого Пирл-Харбора...

Идея сама по себе стоящая.

Проще всего пойти по предложенному Берестиным пути. Можно без потерь, с минимальными усилиями размолотить вообще полмира, не только какой-то там десяток линкоров и крейсеров с несколькими тысячами моряков на борту. Оче-

го бы и «закрытым друзьям» не испытать прелести новой Цусимы?

А что потом? Пробовали уже, разоружили Германию в 1918-м по Версальскому договору, и чем закончилось через 20 лет? А где уж нам, впятером, ну, всемером фактически, воевать против всего мира? Мы-то в любом случае отобьемся и даже в 90 процентах случаев останемся в живых, а остальные?

Спалить еще 30 миллионов человек для того, чтобы не допустить Второй мировой и сопутствующих ей войн, в которых погибнет почти столько же?

Да пошла бы она... такая политика. В общем, для того, чтобы избавить себя от подобных проблем, я и решил немного отдохнуть.

ГЛАВА 2

Шульгин проводил Анну до каюты, расположенной на верхней палубе надстройки в районе мидельшпангоута, где в шторм меньше всего чувствуется качка. Поднялся по узкому внутреннему трапу двумя палубами выше, без стука вошел в ничем от других не отличающуюся дверь на стыке продольного и поперечного коридоров. И оказался в небольшом уютном баре с тремя далеко отстоящими друг от друга столиками и полукруглыми кожаными диванами по углам. Иллюминаторов, как и во многих других внутренних помещениях парохода, в баре не было. Круглые сутки он освещался бронзовыми бра на стенах, с матовыми лампочками, похожими на свечи, но от этого помещение казалось еще более уютным. Защищенным от внешнего мира многочисленными переборками и палубами.

Здесь его уже ждала Сильвия, томно скусающая над чашечкой кофе, с длинной дымящейся сигаретой, зажатой между указательным и средним пальцами левой руки.

Напротив нее стояла еще одна чашка и налитая до половины коньячная рюмка. Явно для Шульгина.

«Романтично. Как все у нас — чертовски романтично», — подумал Сашка. Сел на предназначенное ему место и тоже закурил.

Итак?

— Прежде всего ответь — с тобой за последнее время не происходило ничего необычного? — спросила агтрианка, страшивая длинный, в полсигареты, столбик пепла.

— Что считать необычным? Лучше спросить — не случилось ли чего-то простого, обычного, незатейливого, вроде заседания профкома или субботнего похода на овощную базу для оказания шефской помощи труженикам прилавка...

— К сожалению, в подобных мероприятиях мне участвовать не приходилось. Допускаю, что это на самом деле способно вызывать ностальгию. Но я сейчас не шучу, а спрашиваю серьезно — за то время, что мы не виделись с тобой, ты не заметил ничего особенного? Лично с тобой. Такого, что выглядит необычным по отношению к теперешней вполне обычной жизни.

Шульгин честно задумался. Что именно интересует Сильвию?

— Нет. Уверен, что нет. Только рутинная работа. Консультировал Кирсанова по вопросам организации работы контрразведки, встречался с нужными людьми в Харькове и Стамбуле, помогал Андрею готовить к плаванью яхту. Абсолютно ничего экстраординарного — никаких покушений, раскрытых заговоров, путешествий в астрал... Ровно ничего.

Ему показалось, что Сильвия успокоена и одновременно разочарована его ответом.

Выходит, что-то наверняка случилось, только до него информация пока не дошла. А это плохо. Шульгин лстил себя надеждой, что созданная им агентурная сеть, в которой нашлось место и для сотрудников советского ГПУ вместе с его начальником Аграновым, и для людей из врангелевского окружения, и для совсем вроде бы неожиданных персонажей, позволяет надежно контролировать положение в обеих Россиях и далеко за их пределами.

— Я вообще не такого рода явления имела в виду. Впрочем, последнее... Контакты с потусторонними силами, если они вдруг имели место, меня интересуют...

Шульгин решил, что угадал, к чему она ведет.

— Скажи уж конкретно — Антон тебя интересуется. Так нет, с ним мы не встречались. Ни лично, ни сверхчувственно.

Давненько уже. С прошлого года, если по-здешнему считать. — И тут же по выражению глаз агтрианки понял, что не попал.

Однако она сделала вид, будто как раз об Антоне и хотела спросить, и это Сашку еще более насторожило.

— Ну, не виделись, и слава богу. Просто я подумала, что до вашего отпльгтия он может попытаться вступить с тобой или с Андреем в контакт. Сам или... через посредников. Если что-то подобное случится еще, ты мне скажи.

— Отчего бы вдруг ему это делать? Наша прогулка ни одно из условий договора не нарушает...

— Как сказать. Любой нестандартный поступок может нарушить условия договора, которого ты не читал и не подписывал...

В этих словах был резон. Шульгин даже удивился, насколько слова Сильвии совпали с тем, о чем он говорил с Андреем в кают-компании «Призрака». Поэтому согласился он с ней без внутреннего протеста.

— Обязательно. Если ты считаешь, что так будет лучше... А отчего бы взять и не сказать мне все прямо? Вроде не чужие люди, и парень я понятливый, если заранее буду знать, чего ты опасаться, только лучше будет. Нам обоим...

Сильвия щелкнула языком, непонятно что выразив этим звуком, встала и, совсем чуть-чуть утрированно покачивая бедрами, обтянутыми шерстяной юбкой цвета индиго, подошла к стойке, сама налила себе розового джина в высокий стакан, в известной пропорции добавила настоящего индийского тоника из коры хинного дерева.

«В какую игру она сейчас намеревается сыграть?» — подумал Шульгин. С ней всегда так: и когда она считалась врагом, и когда теперь считается другом. Карты розданы, игра пошла, а какая именно, какие в ней правила и какие ставки — до поры неизвестно.

Оно, может быть, и увлекательно, но опасно.

Шульгин вдруг вспомнил, какова эта дама в постели. Воспоминание было волнующим и приятным. Правда, с тех пор у него появилась Анна, вторая законная и первая любимая жена, тоже любящая и беззаветно преданная, он пока не собирался ей изменять, но все же, все же...

Его по-прежнему возбуждали «отвязанные», слегка порочные женщины, вроде той же Ларисы. Они настолько же интереснее добродетельных, как бараний шашлык со жгучей абхазской аджикой — сдобных отечественных пирогов.

На это скорее всего и расчет очаровательной инопланетянки.

— Стоило ли утруждаться? Я с удовольствием бы сам это сделал для тебя, — спросил Сашка, когда Сильвия вернулась к столу.

— Зачем же? Дольше было бы объяснять, чего и сколько наливать. Так продолжим? Единственно, почему я веду уклончивый, на твой взгляд, разговор, — не хочу наклепать на всех вас очередную беду.

— Даже так?

— Так. Мои смутные подозрения и опасения, будучи проинесены и названы, могут сами по себе оказать нежелательное воздействие на ход событий.

Шульгин решил пока не вдаваться в детали. Все равно она не скажет более того, что сообщить намеревалась. Но ведь не только для этого она назначила ему встречу, более похожую на интимное свидание. Не желает ли она все же именно этого, а прочее — не более чем мотивированная прелюдия?

— Вы уходите уже на этой неделе, — не спрашивая, а констатируя, сказала Сильвия, сделав два крошечных глотка.

— Мы собираемся уходить на этой неделе, — осторожно ответил Шульгин, — не позднее субботы.

— Я бы советовала вам быть крайне осторожными. Англичане и их союзники хорошо осведомлены о ваших планах. Разведка ли у них так здорово работает или наши слишком беспечны насчет конфиденциальной информации, но все, кому нужно, знают и название яхты, и все ее характеристики, и даже твои с Новиковым псевдонимы. Уже отданы соответствующие распоряжения — как только яхта «Камелот» окажется в международных водах, найти способ задержать ее, хотя бы и в Порт-Саиде, или в Адене, или в окрестностях Мальты, или у Гибралтара. После чего тщательно разобраться, что собой представляют «господин Ньюмен» и его спутни-

ки. А счета у них к вам очень и очень солидные. Не хотела бы я оказаться на вашем месте.

— Что, хуже будет, чем в руках аттрианского спецназа? — с насмешкой спросил Шульгин, вспоминая свои приключения в теле наркома Шестакова и особенно — безымянного нищего на ассирийском базаре.

— Не знаю, хуже или лучше, — ответила Сильвия, нимало не смущенная намеком на собственные прошлые злодейства, — но удастся ли вам выпутаться из ситуации так же легко и быстро — большой вопрос. Не так уж трудно будет доказать и ваше самозванство, и участие в целом букете противозаконных действий. Нет, — тут же поправилась она, — вы, конечно, сумеете в случае чего дать должный отпор, и, как всегда, выглядеть это будет эффектно, только вот приятной прогулки скорее всего не получится, увы.

— Ах, как я тронут твоим сочувствием, — Сашка даже приложил руку к сердцу. — Но отчего опять все так выстраивается? Сначала ты даришь Андрею яхту и усиленно выгалактиваешь его за пределы евроазиатского ТВД, а потом вдруг сообщаем такое вот... Интересно как-то получается. Ты что, не предвидела подобных демаршей заранее? Или возможностей не хватило прекратить эти поползновения на уровне первых лордов Адмиралтейства, придумать нечто крайне убедительное в нашу поддержку? Или же опять ленинский принцип в действии — «Чем хуже, тем лучше»?

— Знаешь, Александр, ты, кажется, переоцениваешь мои возможности. Я ведь уже не та, кем была до вашего вмешательства. Не могущественный резидент, повелевающий половиной земного шара и десятками преданных агентов — исполнителей моей воли. Увы. Теперь я почти простая женщина, в некотором смысле — тоже самозванка, двойник собственной личности в это же время и в этом же месте. У меня есть знания, есть прошлые связи... — Она сделала паузу и произнесла, как показалось Шульгину, с некоторым усилием: — Есть вы, теперешние союзники и друзья, но...

Против многого в этом мире я теперь почти бессильна. Да вот тебе самый простой пример — я просто не помню очень многого — с кем встречалась, с кем и о чем разговаривала 60 лет назад. И мне приходится по крупницам восстанавливать

факты и подробности интриг полувековой давности, при том, что для моих партнеров все происходило в буквальном смысле вчера или на днях. И как я буду выглядеть, если, разговаривая с Черчиллем или Ллойд-Джорджем, стану проводить совершенно другую линию, чем накануне?..

— Подожди, Сильвия, подожди. У меня снова голова немного кругом идет. Как это получается? Твой аналог исчез из Лондона почти год назад, как только наше вмешательство в данную реальность стало практически ощутимым. История пошла по другой колее, соответственно — изменились поведение, намерения и мотивации поступков всех твоих прежних приятелей и клиентов. Почему же их должны удивлять твои новые убеждения и принципы? Тут что-то не рядом...

Сильвия улыбнулась снисходительно. Наивность Шульгина и его друзей подчас умиляла.

Англия 20-х годов — это все же отнюдь не СССР 80-х.

Сословные предрассудки, классовые и групповые интересы — вещи куда более постоянные и важные, чем незначительные изменения в европейской политике. И вдобавок она сама не до конца представляла, как теперь соотносятся столь недавно начавшие расходиться реальности. Тот факт, что ее аналог, Сильвия-1, достаточно долгое время продолжала существовать уже в этом мире, настораживал. Да и не до конца ясно, ушла ли она отсюда окончательно или продолжает существовать в каких-то лакунах прошлой реальности, сохранившихся в этой.

Ее также интересовало, какие последствия будет иметь отправленное ею письмо в 1938 год, в котором она предупреждала тамошнюю Сильвию о том, что часть личности Шульгина осталась в наркоте Шестакове. Тут просматривалась возможность возникновения уже третьей логической связи, в результате того, что Шульгину-нынешнему станет известно то, что совершил его двойник, управляющий действиями наркома.

Никакая теория не предусматривала возникновения устойчивых связей между будущим и прошлым и вдобавок — поперек параллельных реальностей. Тут может образоваться такая межвременная паутина с непостижимым уровнем

связностей, что все предыдущее покажется арифметикой начальной школы по сравнению с квантовой физикой...

Но ответила она, конечно, совершенно иначе. В том смысле, что в изменившихся условиях ей необходимо сначала самой понять, кто и на каких позициях стоит, какие тайные союзы возникают и какие ранее незыблемые комплоты рассыпаются.

Люди, к примеру, входившие в прогерманскую партию, другую, ориентированную на сохранение Антанты, третью, поддерживавшую Советскую Россию Ленина, сейчас вынуждены лихорадочно выстраивать принципиально новые политические конструкции. И она, леди Спенсер, сейчас тоже в затруднении...

— Мне это несколько странно слышать, — ответил Шульгин. — Что, в сущности, изменилось? Если даже мы, люди в принципе далекие от какой угодно политики, не имевшие совершенно никакого опыта в делах, которыми нам пришлось заниматься, и то достигли ощутимых успехов. — Здесь он слегка виновато улыбнулся, намекая на одержанные победы, в том числе и над самой Сильвией вместе с возглавляемой ею агтрианской резидентурой. — А для тебя разве что-нибудь изменилось? Работай так, как работала прошлый раз в своей же Англии. Тогда ведь тебе удалось направить Антанту в нужном направлении, ну, разверни политику еще градусов на 40—60, теперь уже в желаемом для нас...

— Если бы все было так просто. Слишком изменился мир. Вашими же стараниями. Прoshлый раз мы именно потому и добивались успехов, потому что подталкивали руководящие крути Антанты в естественном для них направлении. Наша политика соответствовала коренным интересам подавляющего большинства британского истеблишмента, можно даже сказать — тенденциям мировой истории в целом. И мировая война, и события первых послевоенных лет объективно содействовали росту экономического и политического могущества Англии, Франции, США, их союзников. Теперь же все наоборот. Ты требуешь разворота не на 60, а на 180 градусов. А это совсем другое дело.

Шульгин в принципе понимал ее правоту. То, что они сейчас делали, действительно шло поперек предыдущей исто-

рии, которую можно было считать «естественной мировой линией». Как ни суди, а все, что случилось на Земле с 1914 по 1921 год, вызывалось достаточно объективными причинами, вытекало из созданных всем XIX веком обстоятельств — и в экономике, и в политике, и в психологии как правительств, так и «широких народных масс».

Включая и «великую русскую смуту».

А сейчас происходило нечто, ломающее сложившиеся отношения между странами, устоявшиеся геополитические концепции, весь экономический базис западноевропейской цивилизации.

И совершенно естественно, что сопротивлялись не только люди, сопротивлялась, если можно так выразиться, вся ноосфера. Коллективный разум муравейника протестовал против изменений привычных правил игры.

— И то, что мы условились называть «Системой», — согласилась с ним Сильвия, — как некий наднациональный организм, консолидирует сейчас все свои силы и ресурсы, чтобы вернуть мир к его привычному состоянию.

А сил и ресурсов у них много. Аналитики и политологи лихорадочно изучают сейчас ситуацию, пытаются построить непротиворечивую модель происходящего, банкиры и финансисты ведут переговоры и консультации, чтобы выработать нечто вроде новой Бреттон-Вудской экономической системы послевоенного мира, а люди, привыкшие главную ставку делать на силу, разрабатывают стратегию силового решения проблемы.

— Если я правильно предполагаю, «Система» видит оптимальный выход в беспощадной войне с нами? Причем — войне без правил? — спросил Сашка.

— Разумеется. Другого пути просто нет. Да, война уже началась. Пока — тайная. Чтобы вернуть мир к исходному состоянию, им необходимо прежде всего ликвидировать Югослоссию, ее противоестественные союзы с Турцией, Японией...

— Отчего же именно ее? Мне представляется, что как раз Югослоссия ничем не угрожает Западу. В принципе союзное государство, весьма цивилизованное, член Антанты, сумев-

шее справиться с большевизмом, не отказывающееся от своих обязательств.

Казалось бы, твоим друзьям следовало бы ухватиться за нее как за спасательный круг. Если начнется очередная борьба за передел мира, как раз мы способны обеспечивать интересы евроатлантической цивилизации на азиатских рубежах. Некоторые недоразумения, возникшие в отношениях с Англией, вполне могут быть решены путем переговоров. Мы даже готовы на уступки...

— Господи, да не в этом же совершенно дело! — не сдержала чопорная англичанка эмоционального вскрика. — Вы можете быть сколь угодно цивилизованным, дружественным государством, это ничего не меняет!

Сам факт существования Югославии ломает мировое равновесие. Будущее отбрасывает свою тень в прошлое, не случившееся здесь, но реализованное в десятках других реальностей будущее протестует... Я не представляю себе в точности механизма этого воздействия, но это так.

И она начала достаточно подробно объяснять ему детали и тонкости складывающейся ситуации, приводить ранее не известные ни Шульгину, ни Новикову подробности происходящих в финансовых, дипломатических, военных и придворных кругах Англии событий.

— Понимаю... — Внимательно слушая ее, Шульгин вспомнил вроде бы мелкий, незначительный факт, который тем не менее четко ложился в изложенную Сильвией схему.

Так же вот было с начальником ВВС Красной Армии генералом Рычаговым, расстрелянным по приказу Сталина в 41-м году, а ими спасенным из подвалов Лубянки и возвращенным в строй.

Так, Павел Васильевич тоже все время задумывался нехоти и однажды признался, что не до конца понимает, жив ли он на самом деле, а если да, то почему и зачем. Значит, ощущал каким-то образом свою несостоявшуюся смерть.

Но сейчас вдаваться в столь тонкие материи Шульгину представлялось несвоевременным. Гораздо важнее определиться, что делать в настоящее время. Кое-какие соображения у него родились прямо сейчас, но они требовали сущест-

венного изменения уже согласованных и утвержденных планов.

— Твои слова меня как минимум опечалили, — совершенно искренне сказал Шульгин. — Я надеялся, наша политика принесет миру покой хотя бы лет на тридцать. Этого нам как раз бы и хватило, чтобы прожить лучшие годы в свое удовольствие. А теперь... Наверное, мне придется отложить свое свадебное путешествие. Отправляйся в Лондон и жди меня там. Я в удобном месте соскочу с яхты и нанесу тебе визит. Если сумеешь — замотивируй мое появление, проведи соответствующую подготовку, прикинь, с кем и в каком качестве мне полезно будет познакомиться...

Отчего бы, в конце-то концов, нам самим не войти в «Систему»? После несчастного случая в «Хантер клубе» они должны испытывать определенный кадровый голод...

Сильвия посмотрела на Сашку со странным выражением. Повторялась обычная история — эти земляне всегда ухитрялись найти совершенно неожиданный ход, резко меняющий весь расклад. Решение Шульгина, принятое и высказанное им явно с налету, без подготовки, теперь казалось ей вполне логичным и имеющим солидные шансы на успех.

Так отчего же ей, имеющей почти вековой опыт дипломатических интриг, подобное не пришло в голову?

«А вот потому и не пришло, — самокритично подумала агтрианка, — что именно они признаны высшими силами достойными кандидатами в Держатели Мира. А все мы, и форзейли, и агтры, лишь более-менее квалифицированные исполнители чужой воли, исходящей из непостижимых для нас принципов».

Самое интересное, что в отличие от истинно земной женщины, тем более — британской аристократки, Сильвия не испытывала к Шульгину или Новикову ревности, желания отомстить, уничтожить удачливого соперника, чтобы занять его место. Нет, пусть неявно, без потери лица, она признавала справедливость сложившегося положения вещей.

Вот если ситуация изменится, например, если поступят какие-то указания из метрополии, тогда конечно... А пока она готова помогать Шульгину в меру сил. Впрочем, после недавней встречи с Дайяной на Валгалле в существование метропо-

★ лии она уже почти не верила. Как сказала Дайяна — «реальность выгорает»?

— Только ты серьезно отнесись к моим первым словам, — сказала Сильвия, когда все нужное уже было сказано, — прорыв через Средиземное море может поломать все наши планы. Может быть, лучше все-таки еще раз прибегнуть к межпространственному переходу? Вы измените название и внешний вид яхты, возьмете себе другие псевдонимы, начнете путешествие сразу из Атлантики или Индийского океана. А мы здесь обеспечим соответствующую операцию прикрытия. А потом ты в удобном месте пересядешь на рейсовый паром и появишься в Лондоне...

— Это хорошая идея, — согласился Шульгин. — Только пусть о ней не знает никто, кроме нас...

— Каким же образом? — не поняла Сильвия. — Переход из Севастополя по межпространственному каналу тайно организовать невозможно. И Новиков, и Левашов, и Воронцов должны участвовать...

— Переход — да. Тут мы ничего от своих скрывать не будем. Причина понятна. Все же остальное... Зачем зря людей расстраивать. У каждого много своих забот. С Андреем, Ириной и женой я уж сам договорюсь. Прочее же — на мое усмотрение.

Несмотря на исключительно деловой, судьбоносный даже характер разговора, Сашка все отчетливее ощущал некоторую абсурдность происходящего. Особенно если посмотреть на это со стороны, свежим и непредвзятым взглядом.

Второй час ночи, уединенный кабинет, интимный полумрак, негромкая, настраивающая на соответствующий лад музыка, кружащие голову напитки, а он сидит за столиком напротив изысканно красивой женщины, известной своей склонностью к эротическим забавам, более того — своей бывшей любовницы и ведет с ней до чрезвычайности серьезные разговоры, более подходящие убоеным сединой, ни на что сумасбродное не способным ветеранам дипломатических ристалищ. Вроде всяких там Извольских, Сазоновых, Горчаковых и прочих Клемансо с Чемберленами.

А от Сильвии ведь пахнет сладковато-терпкими духами,

наверняка «Шанелью № 5», которая волнует и возбуждает грешные мысли ничуть не хуже, чем рижская «Лэдда» или польские «Быть может...», которыми, за неимением лучшего, охмуряли парней девушки шестидесятых годов.

Поблескивают антикварные золотые перстни на тонких пальцах англичанки, призывно взмахивают время от времени длинные изогнутые ресницы, заманчиво выглядывают из выреза блузки с как бы невзначай расстегнувшейся верхней пуговичкой вздымающиеся от дыхания полушария груди.

Отчего бы не прекратить ставший утомительным разговор и не вспомнить, как у них в свое время неплохо все получалось? Особенно самый первый раз, когда они еще были непримиримыми врагами и оба готовились к самому худшему. Сильвия тогда четко его переиграла, но...

Тактический успех не стал победой, а превратился в стратегическую катастрофу для нее и для всего их галактического дела. Что отнюдь не умалило ее собственных женских достоинств. Вот бы и сейчас так! Или прямо здесь, на кожаных диванах, или в соседней каюте первого класса, всегда готовой к приему поднимающихся на борт пассажиров.

Сомнений нравственного плана, терзаний по поводу того, что он готов изменить влюбленной в него молодой жене, Шульгин не испытывал. Совсем тут другие категории, ничего общего с обыденной моралью не имеющие. Нравственно все, что идет на пользу делу мировой революции, как говаривал Владимир Ильич.

Ножки вот у леди Спенсер великолепные, юбочку она надеда, пользуясь случаем, такую, в которой никогда бы не появилась сейчас в салоне леди Астор или на фэйф-о-клоке у королевы. И сидит так, что отсюда, с его места за столиком, ничего не видно, но зеркала на переборках от пола до потолка, чередующиеся с дубовыми панелями, если знать, под каким углом взглянуть, показывают вполне достаточно, чтобы рту пересохло.

Сашка встал, качнулся сильнее, чем нужно, ухватился рукой за край столика и направился к стойке бара. Спинай и уголком глаза в зеркалах он видел ее взгляд, радовался, что все получается правильно.

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

Тогда же, там же.

...Возвратившись в зал, я заметил, что настроение присутствующих несколько изменилось. Судя по виду Ларисы, явно возбужденной, с яростно посверкивающими глазами, инициатором или, по крайней мере, активным участником конфликта была именно она. Что и неудивительно при ее импульсивном, синусоидального типа характере.

Это, конечно, не маниакально-депрессивный психоз, но определенная акцентуация именно в этом направлении. Интересно, что вызвало у нее вспышку гнева сейчас? Вроде бы ничего не предвещало.

В ближайшие минуты все выяснилось.

Я уже писал, что взаимоотношения Шульгина и Ларисы были далеко не однозначными (в основном — с ее стороны). Этакое сочетание взаимного влечения и односторонней подозрительности и неприязни.

По-моему, между ними даже имел место тайный неподозрительный, но бурный роман.

Конечно, до того, как Сашка обвенчался с Анной.

Олег, по обыкновению, ни о чем не подозревал, да и Шульгин вовремя одумался, иначе раскол в нашей небольшой компании стал бы непреодолимым. Как будто мало нам было весьма для всех неприятного треугольника «Я — Ирина — Берестин».

А сейчас повод для ссоры оказался вроде бы совсем пустячный. Шульгин как бы между прочим заметил, что хорошо, что мы с ним уезжаем, а то ситуация в мире опять становится угрожающей и трудно было бы удержаться от очередной корректировки реальности.

Мол, необходимо что-то делать и с Советской Россией, и с Англией, ну и с «Системой» разобраться, а то как бы Европа невзначай не вползла в очередную бессмысленную войну.

Лариса, за последний год привыкшая к роли жены и одновременно «серого кардинала» при Левашове, официальном полпреде Югославии при советском правительстве и неофи-

циальном координаторе тайного военно-политического союза между двумя Россиями, неожиданно возмутилась.

Ей показалось, что Шульгин намекает на ее особую и где-то двусмысленную роль, чуть ли не обвиняет в том, что она вынашивает планы смещения Троцкого и захвата власти в РСФСР.

Самое смешное, что однажды, вскоре после 1-го московского мятежа «леваков», мы с Сашкой словно бы в шутку, но обсуждали подобный вариант. Тогда и прозвучал подходящий для нее титул: «Принц-консортша Генсека Лариса Первая».

Исходя из того, что Олег, по своим убеждениям, вполне мог бы сравнительно мирным путем сместить Троцкого, стать Генеральным секретарем РКП(б) и Предсовнаркома, чтобы воплотить в жизнь свой идеал «социализма с человеческим лицом», некую смесь дубчеховской Чехословакии, титовской Югославии и отечественного нэпа.

Неужели до нее дошли наши тогдашние разговоры? Или она на самом деле видела себя в похожей роли, постоянно опасаясь, что ее планы станут известны раньше времени?

Нам с Сашкой на подобные заморочки давно было наплевать, и препятствовать даже таким замыслам мы не стали бы, но Лариса, похоже, считала иначе.

И сейчас, отводя от себя померещившийся ей удар, она обрушилась на Шульгина со всей мощью своего агрессивного темперамента. Как принято было говорить в наши студенческие времена — перекинула стрелки.

В числе прочих прозвучало и обвинение, что Сашка (мое имя при этом не упоминалось) для того и воевал с аттрами, чтобы занять на Земле оставленную ими нишу.

То есть не она намеревается захватить власть в Кремле, а Шульгин мечтает об абсолютном мировом господстве. Не более и не менее.

Попытки Шульгина в очередной раз свести все к шутке, утрируя и доводя до абсурда Ларисины тирады, успеха не имели. Хуже того, в дурацкую дискуссию втянулся и Олег, потом не смолчала и Сильвия.

Совсем как в рассказе Шолом-Алейхема «Слово за слово».

В общем, подтверждались мои худшие выводы.

Обстановка в нашем коллективе перенапряжена и чревата... Я даже и не знаю, чем. Надеюсь, что не внутривидовой холодной гражданской войной. Подобное было к концу нашей первой зимы на Валгалле. Только там все было понятнее. Вынужденная изоляция в ограниченном пространстве Дома плюс абсолютная неясность грядущих перспектив. Тогда нас спасло внезапное вмешательство извне. А вот сейчас? Кто виноват и что делать?

И, значит, мое решение уйти в любом случае правильное. Сашкин же план остаться и действовать по-прежнему вызывал у меня сомнение.

...Уже совсем поздно или скорее рано — в третьем часу утра мы оказались вчетвером в моей каюте: Ирина, Сашка, Сильвия и я.

Получилось совсем по-сталински. Политическая матрешка. В ЦК партии создается бюро ЦК, внутри его — Президиум бюро, а уже в Президиуме совершенно тайные и внеуставные когда тройки, когда четверки. Руководящие и направляющие.

Вот и у нас...

Негласно подразумевалось, что мы, здесь присутствующие, единственно понимаем как степень грозящей нашему делу опасности, так и способы ее преодоления.

Нескромно? Ну, что ж...

Не в том дело, что мы кому-то из друзей всерьез не доверяли или, упаси бог, собирались против кого-то интриговать. Все проще.

Когда возникает серьезная опасность, не время для долгих дискуссий. А поскольку мы с Ириной с самого начала были единомышленны во всем, то наша четверка оказывалась практически триумвиратом, достаточно эффективным органом принятия решений.

А другие...

Воронцов всегда держался чуть наособицу, предпочитая выполнять частные задачи, не связывая себя с глобальной политикой и не отягощая совесть сверх необходимого.

С Берестиным Сильвия поделится нашими идеями и мыслями в той мере и тогда, как сочтет нужным.

С Олегом же, все больше подпадающим под влияние Ларисы, просто не хотелось конфликтовать. Вернее, лично мне не хотелось ставить его в малокомфортную ситуацию выбора между старыми друзьями и возлюбленной.

Примерно через полчаса мы организационно оформились как «Чрезвычайный комитет Службы охраны реальности». Присутствующий во всем этом элемент интеллектуальной игры как бы маскировал серьезность и даже некую необратимость происходящего.

Цели комитета определялись просто: «В условиях нарастающей в мире нестабильности, вызванной как естественной реакцией данной реальности на грубое вмешательство извне, так и воздействием неизвестного количества неизвестных же факторов, ЧКСОР берет на себя ответственность за поддержание максимально возможной стабильности, недопущение парадоксов и артефактов как со стороны остальных членов СОР, так и прочих, естественных и потусторонних субъектов и сил ныне протекающего исторического процесса...»

Ну и далее подобным же высоким штилем на две с половиной страницы.

Мы недвусмысленно декларировали, что считаем всех наших друзей полноправными членами означенной Службы, а себя лишь группой лиц, в силу воздействия форсмажорных обстоятельств вынужденной действовать какое-то время с нарушением принципа коллегиальности.

Одной из неотложных мер стабилизации обстановки как раз и считалось наше одновременное самоустранение от дел. Мы трое «уходим завтра в море», Сильвия же немедленно отбывает в Лондон, где создает нечто вроде запасного пункта управления и связи. На основе уцелевшей материально-технической базы аттрианской резидентуры.

— Выходит, что во многом Лариса, сама этого не подозревая, оказалась права, — с тонкой усмешкой сказала сама леди Спенсер. — И элементы сговора за их спиной просматриваются, и возвращение к целям и методам аттров имеет место. Разве нет?

— За дуру ее никто и не держал, — ответил Сашка. —

И ум, и хватка, и интуиция — все у нее присутствует. Но... «Каждый человек необходимо приносит пользу, будучи употреблен на своем месте». Сейчас ее место не здесь. Всего лишь. А когда время изменится...

— «Tempora mutantur et nos mutamur in illis»¹, — подвела итог Сильвия.

— Вот именно, — кивнул я.

На том и порешили, расходясь.

— А все же о том, что Сашка остается, вы не сказали и полноправному члену триумvirата, — с некоторым злорадством отметила Ирина, когда мы уже лежали в постели.

— Не думаю, что она нам тоже все сказала о своих собственных делах. Да и не беда... Каждому достанет своей заботы... — ответила небрежно, занятый совсем другими мыслями.

— Нет, нет, — отстранилась Ирина, когда я потянул вверх ее длинную ночную рубашку, — давай сегодня обойдемся. Устала я, шампанского слегка перебрала, вообще настроения нет. Вот выйдем в море, отоспимся как следует, тогда — сколько угодно...

— Ага, отоспишься ты в море, особенно если заштормит... — пробурчал я, отворачиваясь.

...У Шульгина же ситуация получилась совершенно обратная. Здесь как раз ему хотелось спать, но Анна, уже зная, что завтра им придется расстаться как минимум на две недели, а то и больше, рассчитывала напоследок «оттянуться по полной программе».

Сашку до сих пор несколько удивляло, что скромная, поначалу даже чопорная девушка, рожденная в последний год прошлого века и воспитанная в строгих правилах закрытого пансиона, оказалась столь раскованной, темпераментной и азартной в «личной жизни». Шульгин, знавший ту жизнь в основном по классике, привык думать, что внешние манеры бабушек и прабабушек адекватно отражали их внутренний мир.

Оказалось — не так.

¹ Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними (лат.).

...И все же мы решили идти проливами в Средиземное море, через Архипелаг к Суэцу. Риск? Конечно, он присутствовал, тем более что из берестинского компьютера я знал, что англичане, и не только они, тщательно отслеживают все наши перемещения даже в пределах Черного моря.

Выход яхты за пределы зоны, прикрываемой флотом, береговыми батареями Чанаккале и авиабазой на острове Имроз, сулил нам массу неприятностей.

После шокировавшего всю Великобританию разгрома и пленения ее эскадры в бою у мыса Сарыч, которую почти все, от портового бродяги до Первого лорда Адмиралтейства, восприняли едва ли не тяжелее, чем русское общество в свое время Цусиму, идея реванша в буквальном смысле витала в воздухе. А особенно — на страницах и консервативных, и большинства либеральных газет. Редко какой обозреватель осмеливался корректно усомниться, а столь ли необходимо было адмиралу Сеймуру достаточно безрассудно (да что там, бесчестно) нападать на главную базу флота своего недавнего союзника. Ведь все-таки именно Югороссия считается официальным правопреемником императорской России, никак не большевистский режим в Кремле.

А пресловутый тезис, что у Британии нет постоянных друзей и союзников, есть только постоянные интересы, в данном случае звучал сомнительно.

Ради каких таких интересов стоило приобретать нового, судя по итогам стычки, сильного врага, позорно сдать в плен пять сверхдредноутов, а потом еще и потерять Турцию? Не лучше ли как-нибудь завершить дело миром, разумеется, почетным, и начать англо-югоросские отношения с чистого листа? А всю вину за случившееся возложить на того же Сеймура, предав его военному суду?

Однако в прессе подобные мотивы звучали крайне сдержанно, несмотря на то, что сам премьер-министр придерживался почти такой же точки зрения.

Именно по его инициативе Форин-офис обратился к Врангелю с предложением возвратить сдавшиеся в плен корабли и забыть о прискорбном инциденте, начав одновременно переговоры о дальнейшей судьбе Турции и черноморских проливов.

По моему совету Верховный правитель ответил с достоинством и сдержанно.

Югороссия, мол, движимая не забытыми еще союзническими по Антанте чувствами, безусловно, готова к переговорам и даже не возражает против обсуждения дальнейшей судьбы вполне добровольно спустивших флаги линкоров, которые по всем обычаям являются законным трофеем русского флота, как, например, доставшиеся японцам корабли Тихоокеанского флота.

В 1916 году Россия, как известно, даже будучи союзницей Японии, выкупила у них отнюдь не сдавшиеся, а затопленные своими экипажами «Варяг», «Пересвет» и «Полтаву» за полновесные золотые рубли.

Вот и сейчас Югороссия готова, в случае принесения британским правительством соответствующих извинений и выплаты компенсации за понесенный русским флотом ущерб, возратить пять линкоров вместе с экипажами за вполне доступную, возможно, даже символическую сумму.

Естественно, после такого ответа гордый Альбион от идеи переговоров отказался и приступил к тесной блокаде выхода из Дарданелл в Эгейское море.

В блокаде участвовали срочно переброшенные из метрополии и Сингапура восемь линкоров, четыре крейсера и дюжина эсминцев, составивших вновь образованный Средиземноморский флот под командой контр-адмирала Джереми Садлера.

Адмирал немного недобрал славы в мировую войну и теперь мечтал блеснуть флотоводческими талантами и получить очередную нашивку.

Прорвать и даже полностью снять блокаду российскому флоту с его новыми возможностями технически было нетрудно. Но — бессмысленно.

Если только не принудить Англию к безоговорочной капитуляции и полной демилитаризации, примерно так, как это было сделано с Германией. А иначе восстановить русское торговое судоходство в Мировом океане все равно невозможно. Пришлось бы смириться с тотальной каперской войной без правил или уж «добывать врага в его берлоге».

И все же мы решили предпринять этот вроде бы само-

убийственный и в любом случае сулящий дальнейшие осложнения шаг. Тщательно взвесив все возможные последствия.

В идеале можно рассчитывать, что «Призрак» сумеет проскочить между островами незамеченным. Удалось же подобное в 1942 году ледоколу «Микоян», который, имея всего десять узлов хода, пробрался мимо Лесбоса, Хиоса, Крита и Кипра, избежав встречи с итальянскими эсминцами и немецкими торпедными катерами.

А яхта ведь не грузный неповоротливый ледокол и скорость под дизелями развивает почти такую же, как самый быстросходный английский «Виттори». Так что шансы на прорыв неплохие.

А если пробраться тишком не удастся — есть второй вариант. А также и третий.

ГЛАВА 3

...«Валгалла» начала отворачивать вправо, ложась на курс и постепенно прибавляя ход. На мутной поверхности моря обозначился кильватерный след, тоже какой-то грязноватый, лишенный той торжественности, что бывает, когда вода сапфирово-синяя, а с неба сияет летнее солнце.

Словно поздравляя столпившихся на крыле мостика друзей с началом плавания, а на самом деле — прощаясь, Шульгин несколько раз взмахнул рукой с зажатой в ней фуражкой. Дождлся, пока Новиков передвинул рукоятку машинного телеграфа на «средний ход» и скрылся в рубке. Как бы по неотложному делу. Или — отметить первые кабельтовы кругосветного плавания ритуальной рюмочкой.

Вскоре он вновь появился на палубе, и даже в сильный бинокль никто бы не заметил подмены. Хотя уже не Шульгин это был, а одетый в такой же форменный китель и фуражку биоробот, фотографически похожий на прототип.

Даже если придется подходить вплотную к борту «Валгаллы» и вступать в разговор с кем-либо из друзей, не меньше получаса он в этой роли продержится. Потом, конечно, обман может раскрыться, да и то не наверняка. Словарный запас у робота почти неограниченный, все основные манеры и реак-

ции Шульгина скопированы. Только в действительно неординарной ситуации псевдомозг может «зависнуть»...

А настоящий Сашка в это время в своей каюте сбросил китель, брюки и прочее, натянул утепленный серо-зеленый гидрокостюм. Октябрь все же за бортом, а плыть до известного места на берегу не меньше двух миль, то есть полчаса минимум.

Прошлепал мягкой резиной по ковру пассажирского коридора, по узкому металлическому мостику машинного отделения, висящему над аккумуляторными ямами и белыми кожухами двух тысячесильных двигателей, сквозь овальную, снабженную кремальерой герметичную дверь, так непохожую на резные дубовые двери «господской половины», спустился под полубак.

Здесь, в специальном отсеке сразу за таранной переборкой, примерно так, как «Калипсо» капитана Кусто, размещалась шлюзовая камера, часть дна и боковые стенки которой были изготовлены из сверхпрочного прозрачного пластика.

Чтобы, значит, любоваться подводным миром и заранее точно знать, куда именно выходишь с аквалангом. Незаменимое устройство для прогулок в Красном море или на Большом барьерном рифе.

Сейчас, впрочем, за бортом не видно было ничего, кроме слегка светящейся бурой мути. Осенние штормы подняли со дна тучи ила, перемешанного с прибрежным песком и мусором. Плыть придется исключительно по компасу.

Пока он застегивал на груди замки акваланга и проверял зарядку батарей подводного скутера-буксировщика, в динамике зазвучал голос Андрея:

— Ты как там, готов? «Валгалла» разгоняется. Еще минут пять, и я дам полный ход. Успеваешь, или потянуть время?

— Успеваю, — ответил Сашка. — Почти. Потяни на всякий случай еще минут столько же...

— О'кей! Значит, через десять ровно.

Новиков помолчал, будто не зная, что сказать еще. И вправду. По делу все давно обговорено, однако и оборвать разговор просто так вроде бы и неудобно. Спросить, не передумал ли в последний момент, — смешно. Пожелать удачи или посоветовать беречь себя — банально.

— Смотри, в общем, там. — Андрей словно бы вздохнул, давая понять, что по-прежнему не в восторге от Сашкиной затеи. — Устроишься — свяжись со мной по закрытому каналу. Как, где и что. Может, быстренько управишься и перескочишь ко мне...

— Да уж. Ты сам води ушами, а то поймаешь шальной снаряд не в шутку, а натурально.

— Типун тебе... Ну, пошел, что ли?

— Пошел. Не забудь шлюз сразу же продуть...

— Да уж как-нибудь...

Шульгин задвинул над головой герметическую крышку, и через несколько секунд шлюзовая камера заполнилась водой.

«Как на подводной лодке «Пионер». — Сашке неожиданно вспомнилась любимая в детстве «Тайна двух океанов».

Створки дна раскрылись, как бомболюк самолета. Шульгин резко ушел на глубину, чтобы не попасть под винты, краем глаза заметил, как быстро растаяла в мути блестящая обшивкой из бериллевой бронзы подводная часть яхты, окруженные вихрем пузырей кавитации винты.

Уточнил по компасу направление и включил электромотор скутера.

Подобно шпиону из приключенческих книжек 50-х годов, выбравшись на берег, Шульгин разделся, привязал гидрокостюм и акваланг к скутеру, открыл клапан балластной цистерны.

Снаряжение он притопил в щели между скалами на пятиметровой примерно глубине. Привалил сверху для надежности парой камней. Глядишь, еще и пригодится когда...

Впрочем, ерунда все это. И баллоны акваланга заправить в этом мире негде, и аккумуляторы скутера через сутки-двое сядут полностью. Так что лежать имуществу на дне до скончания веков...

При себе он оставил только часы, компас и десантный нож. Голый (лишь в шерстяных плавках) человек на голой земле, как любил говорить великий анархист князь Кропоткин. Или Бакунин.

Хорошо, что ненадолго, подумал Сашка. Слишком буквальное следование заветам классиков его не увлекало. Походка не совсем подходящая. Не на Таити, чай.

Перед тем как скрыться в лесу, Шульгин невольно обернулся. От самой воды громоздились тучи, подобных которым и видеть раньше не приходилось. Многослойные, серо-сизые, подернутые вдобавок утомительной, какой-то больничной желтизной и чернью. То плоские, то скрученные жгутами, похожими на струи дыма из труб идущего полным ходом миноносца.

Все это — этажей в десять-двенадцать, причем ни цвета, ни фактура не смешивались друг с другом. Мрачноватое зрелище и тревожное своей необычностью. А как завершающий штрих мастера — короткий мазок багрово-алым там, где предположительно должен быть край заходящего как раз сейчас солнца.

И уже не видно ни тонких мачт яхты, ни даже надстроек громадного парохода. Ну да, они успели отмотать миль десять, если не больше.

И теперь окончательно — каждый сам за себя. «Один бог за всех»...

Если очень уж припрет, то, конечно, помощь друзей гарантирована. Но это будет означать проигрыш, что Шульгина никоим образом не устраивало.

Следовало торопиться, пока еще окончательно не стемнело.

...Бежать по узкой тропе, с обеих сторон стиснутой густым кустарником, было легко. Почва песчано-щебенчатая, не раскисающая даже после многодневных дождей. Только вот гроздя крупных, холодных и тяжелых капель, то и дело обрушивающихся на голову и плечи с низко нависающих ветвей, удовольствия не доставляли.

Если бы летом, в жару, тогда да, а сейчас явно неуместный натурализм.

В приличном темпе Шульгин пробежал два с лишним километра, из них последние пятьсот метров тропа круто пошла вверх и вывела на край глубокой балки, заросшей неожиданно густым для этих мест лесом.

Толстые, перекрученные древними природными катаклизмами стволы реликтовых генуэзских сосен надежно

скрывали укромную полянку, где у подножия двухсотлетнего, наверное, дерева, кипел родник чистой минеральной, похожей на боржоми воды.

А рядом, под маскировочной сетью, скрывающей от маловероятных, но все же возможных и в этом глухом месте посторонних взглядов, притаился зеленовато-песочный «Додж 3/4».

За рулем в расслабленной позе, словно бы подремывая в ожидании хозяина, сидел человек, удивительно похожий на Джо Кеннеди, слугу доктора Фергюссона из романа Жюль Верна «Пять недель на воздушном шаре», как его описал автор и изобразил художник Луганский.

Истинный шотландец, лет тридцати от роду, невысокий, но крепкий, сильный, как буйвол, и ловкий, как обезьяна, с открытым, честным и мужественным лицом, смысленным взглядом. Откровенный, решительный и упрямый. Его внешность невольно располагала к себе: потемневшее от загара лицо, живые карие глаза, смелость и резкость движений, наконец, что-то доброе и честное во всем его облике.

Именно такой слуга, знающий вкусы, угадывающий желания хозяина, неподкупный и верный до смерти, должен сопровождать джентльмена славной викторианской эпохи в его странствиях по миру.

А если эпоха давно уже не викторианская, а совсем, совсем другая — тем более. Сразу всем будет виден «человек из раншенного времени», как говаривал Шура Балаганов, а такие люди способны внушать скорее почтительное, пусть и несколько жалостливое уважение, но отнюдь не подозрения и не неприязнь...

— Вот и я, Джо, — сообщил Шульгин, разумеется, по-английски, стряхивая воду с лица и волос, как будто биоробот мог не заметить его появления. — Полотенце, одежду, и — согреться...

Слуга, у которого от этих слов включилась его программа (до этого он находился в режиме ожидания и охраны вверенного ему объекта), быстро, но неторопливо встал, поклонился без подобострастия, позволил себе улыбнуться.

— Рад вас видеть, сэр! Все благополучно? У меня тоже спокойно. Посторонних здесь не появлялось. Извольте... — Не

теряя ни секунды, поскольку знал наизусть, где и что у него хранится, извлек из чемодана в кузове большое махровое полотенце. — Какой костюм прикажете?

— Пока — тренировочный. И — поехали. В мой охотничий домик. Там и поужинаем...

Джо кивнул, сноровисто свернул сеть, аккуратно, без ненужной лихости тронул машину с места.

...Вот теперь все хорошо. Новая жизнь началась по-настоящему. Нет больше в этом мире Александра Шульгина, есть путешествующий для собственного удовольствия сэр Ричард Мэллони, которого неудержимая любовь к приключениям привела в самый экзотический на сей момент уголок планеты.

Посмотреть ему захотелось, знаете ли, что тут на самом деле происходит, каким образом из осколка Великой империи образуется современное, динамичное, похоже, смертельно опасное для «европейского равновесия» государство.

Сами по себе европейские, равно как и мировые, проблемы сэра Ричарда волновали мало, поскольку себя он считал существующим вне всяческой политики, но вот очевидцем быть любил. Начиная со времен Англо-бурской и Испано-американской войн. И очень надеялся к старости издать мемуары. Оставить, так сказать, свой след на земле.

Кроме солидного счета в банке, особняка, заполненного раритетами и охотничьими трофеями, и заготовленной заранее могильной плиты с продуманной покойником эпитафией. Вроде той, что сочинил для себя Стивенсон.

Более чем достойная цель жизни в это сумасшедшее время.

Охотничий домик, небольшой, но уютный, сложенный из дикого местного камня, на высоком цоколе, с мансардой под крутой, как у швейцарского шале, черепичной крышей, малоприметно расположился на краю высокого обрыва.

Со стороны узкой щебенчатой дороги дом и небольшой дворик надежно скрывали кривые стволы крымского карагача и колючий кустарник.

Шульгин купил эту недвижимость весной, в подарок Анне, всегда мечтавшей иметь нечто подобное в личной соб-

ственности, но даже приличного ремонта сделать не успел. Да и выезжали они сюда с женой всего три раза, шашлыки пожарить да ночь провести «вдали от шума городского».

Зато сейчас дом пригодился. В качестве запасной операционной базы.

...Под шиферным навесом небольшой, но жаркий костер горел уверенно, без дыма, по крыше и листьям деревьев шуршал явно надолго зарядивший обложной дождь. Шульгину нравился этот антураж, заходить в дом ему не хотелось.

На сколоченном из толстых буковых плах столе Джо сервировал холодный ужин, откупорил бутылочку бренди, приготовил кофе и любимую хозяином после ужина сигару, после чего удалился обратно в машину.

Хорошо.

Тишина, нарушаемая лишь естественными в ночном лесу звуками, нежная отварная телятина с острым соусом «кэри», ароматный сыр, жестяная коробочка маринованных трепангов, в меру поджаренные тосты.

И можно не спеша размышлять. Так, как положено джентльмену в «предлагаемых обстоятельствах».

Планы? А никаких специальных планов у путешественника и нет. Ближайшая цель достигнута. Каким образом? Ну, скажем, на этом самом автомобиле. Своим ходом он добрался в Крым из Баку, куда, в свою очередь, приплыл пароходом из Энзели, а туда — верблюжьим караваном из Абадана через Тегеран.

Все необходимые отметки в паспорте имеются, как и несколько рекомендательных писем — от Королевского географического общества, от русских, еще царских консулов в Индии и Персии. Очень похожие на настоящие, не придершья.

Да вообще-то в нынешней Югории кому какое дело до богатого путешественника-иностранца, исколесившего полмира и вот добравшегося и сюда. К примеру, желает он ознакомиться с достопримечательностями Севастополя, при осаде которого дедушка нашего героя в 1855 году потерял ногу.

Или руку?

Нет, лучше все-таки ногу, поскольку старый сэр Роберт был страстным охотником, каковую страсть привил и любимому внуку, и продолжал стрелять тигров уже со слоновьего загровка, вплоть до безвременной кончины в возрасте восьмидесяти шести лет.

А посетив «места боевой славы», сэр Ричард отправится далее, тем же автомобилем или поездом, как ему будет благоугодно. Ни в средствах, ни во времени он, слава богу, не стеснен.

Еще Шульгин думал о том, что такой сюжет жизни куда предпочтительнее любого другого, и, возможно, все предыдущие события оказались необходимыми и возможными как раз для того, чтобы позволить московскому мальчишке послевоенных лет, страстному любителю определенного сорта книг и трофейных приключенческих фильмов вроде «Тарзана» и «Королевских пиратов», осуществить свою истинную мечту.

Побыв предварительно врачом, цирковым артистом, соратником форзейлей и противником агтров, белогвардейским генералом и кандидатом в Держатели Мира.

Именно для того, чтобы превратиться в конце концов в некую инкарнацию лорда Джона Рокстона, аристократа-плейбоя (хотя и нет пока в этом мире такого термина).

Хорошо бы...

Жаль только, что предстоит еще слишком много трудов, чтобы сделать нынешний мир вполне соответствующим означенной жизненной установке.

А посему в ожидании дальнейшего невредно и поспать, но предварительно...

Шульгин докурил действительно великолепную сигару, солидный запас которых его теперешний «альтер эго» всегда возил с собой, поскольку откуда взяться настоящей «Короне» или «Упманну» в варварских странах, где приходится странствовать?

— Джо! — окликнул он слугу. — Открой наш пятый чемодан, и приступим, пожалуй.

...Светский человек, тем более англосакс, должен путешествовать с комфортом. Иметь меньше пяти громадных, твердой кожи, окованных медными полосами кофров с надежными замками ему просто неприлично.

Ибо, где бы он ни оказался, кроме походного снаряжения, необходимо иметь и несколько выходных костюмов, и смокинг, соответствующие комплекты обуви, пару дюжин сорочек, манишек, крахмальных воротничков и манжет и так далее, и так далее.

Именно столько чемоданов и было погружено в кузов вездехода, прикрытый брезентовым тентом.

Один — с вышеназванными предметами роскоши.

Второй — с суровыми походными и охотничьими доспехами.

Третий, самый тяжелый — с оружием и боеприпасами.

Четвертый — с предметами личной гигиены.

И, наконец, пятый был загружен всевозможными «средствами», необходимыми в нелегкой и малопредсказуемой жизни международного авантюриста.

Шульгин поднялся на крыльцо, вошел в холл с закопченным камином, разделся до пояса и уселся на широкую тахту.

Слуга включил электрический аккумуляторный фонарь, повесил его на кованый крюк, торчавший из стены, откинул крышку чемодана, который сразу превратился в подобие лабораторного шкафа с выдвижными полками, сплошь уставленными пузырьками, фарфоровыми, пластмассовыми и стеклянными баночками, ступками и пестиками для растирания мазей, футлярами со всевозможными инструментами странного для непосвященных назначения.

Но слуга к «непосвященным» не относился. В данный момент включилась программа, согласно которой робот становился не меньше как магистром фармации, гримером, косметологом и средневековым алхимиком одновременно.

Не прошло и получаса, как Шульгин, предварительно подстриженный и побритый в соответствии с легендой, лежал на спине с головой, обмотанной подобием тюрбана, лицом, об-

лепленным остро и пряно пахнущими салфетками, торсом и руками, натертыми пощипывающей кожу мазью.

— Теперь постарайтесь заснуть, сэр. Процедура займет не меньше трех часов. А потом продолжим...

Заснуть Шульгин и сам был не прочь, сутки выдались не-легкие, а если не получается? Едва шевеля губами, он пробормотал:

— Если бы ты мне хоть через трубочку граммов сто бренди сюда подал, я бы тебя послушался.

— Как прикажете, сэр.

«Тоже вот привычка, — думал Шульгин, медленно цедя жгуче терпкий напиток через пластиковую соломинку. — Добро бы я действительно напивался, как нормальные мужики, а то ведь нет. Сколько ни пей, а голова практически ясная, ни забыться, ни «стать другим человеком» не получается.

Так что процесс ради процесса. Приятен сам момент, те две-три минуты, когда ощущаешь вкус, букет, можно сказать, и по пищеводу потекло, и самый первый толчок в мозгу — достало, значит. А дальше уже лишнее...

Пьешь скорее по привычке или от наивной надежды, что каждый следующий глоток будет как первый... — в который уже раз Сашке начиная с молодых еще лет приходилось отвечать самому себе на вопрос: «Для чего же ты, братец, все пьешь и пьешь, не пора ли остановиться?» И каждый раз он отвечал по-разному, но сводилось все к простейшей формуле: «А вот нравится, и все».

Потом уже начинались дополнительные толкования, ничего принципиально не меняющие.

И если раньше, в первой, нормальной, так сказать, жизни, он еще задумывался подчас о возможном вреде для здоровья, то после появления браслета-гомеостата вопрос отпал сам собой. Пей хоть непрерывно круглые сутки, через два-три часа в организме не оставалось ни молекулы спирта, не говоря о полном отсутствии каких бы то ни было следов его действия. Мечта алкоголика...

Но пока что медленно, тщательно потребляемый напиток свое действие оказывал.

Как там у Ремарка? «Алкоголь ценен прежде всего тем,

что превращает тоску обыкновенную в тоску сладкую, и человек переполняется десятикратно усиленным ощущением самого себя...»

Оснований тосковать у Сашки пока что не было, скорее наоборот, а вот на ощущение самого себя тянуло непреодолимо. Тем более что только теперь выдался по-настоящему подходящий момент разобраться, какого именно черта он делает здесь и сейчас?

С Андреем, с тем все понятно. Он действительно безумно устал, вольно и одновременно невольно взвалив на себя «всю тяжесть мира». Со своей, иногда избыточной, честностью и слегка превратно усвоенным лозунгом «шестидесятников»: «Я отвечаю за все!»

Он вообразил, что это действительно так, и со всеми благоприобретенными и полученными извне силами бросился воплощать его в жизнь.

Почти все, что Новиков хотел и представлял, у него получилось. В соответствии с начертанным на родовом гербе девизом: «Vouloir s'est pouvoir!»¹ Но — надорвался и теперь действительно не мечтает ни о чем кроме отдыха.

Чтобы потом вернуться «на фронт». Отпуск по ранению, если угодно.

А ты сам, Александр Иванович Шульгин? Ведь признайся хотя бы себе, для тебя ведь это действительно в огромной мере не более чем игра?

Увлекательная, опасная, даже смертельно опасная моментами, но все же игра. Как альпинизм, как прыжки с парашютом, как охота на медведя с рогатиной, наконец.

Не последний шанс добыть пропитание для себя и семьи, а очередной способ взять дозу адреналинчика, а потом гордиться перед собой, перед женщинами, перед такими же отчаюгами, всегда готовыми поставить на кон голову против «зубочистки в бисерном футляре, данной нам в сувенир»...

Нет, они с Новиковым все обсудили вдвоем достаточно

¹ Хотеть — значит мочь (фр.).

подробно. Еще тогда, в эйфорические дни победы на Босфоре и в Дарданеллах.

Заговор?

Ну, если угодно.

Против ближайших друзей?

Вот уж нет. Скорее ради их блага. Пусть они тоже проживут спокойно. В полном соответствии с желаниями и наклонностями каждого.

Не мешать, не навязывать собственные цели в качестве общих и обязательных к исполнению.

А главное — вывести их из-под удара, который рано или поздно последует. Не со стороны Англии или полумифической, хотя и вполне дееспособной организации, пресловутой «Системы». Там ребята справятся.

Но вот Держатели им не по зубам.

Зато теперь, без демаскирующего присутствия Шульгина и Новикова, все остальные становятся как бы «невидимками».

Неразличимыми для пронзающих века и парсеки взглядов мастеров Игры.

Как отдельные рабочие особи в гигантском муравейнике.

В разговоре с Андреем проскочила фраза, что на время его «отпуска» Шульгин берет на себя функцию этакого «смотрящего» в лагерной зоне, только не явного, а тайного. Будет присматривать, чтобы «зэки» беспредела не творили, не «борзели», как в Сашкином полку солдаты выражались.

И, в случае нужды, аккуратненько наводить порядок чужими руками, не засвечиваясь ни перед врагами, ни перед друзьями.

Вполне логично и разумно.

Так в чем же дело? Чего же ты, братец, на ходу решил карты смешать? Лавры Новикова покоя не дают?

Шульгин почмокал губами. Из трубочки больше не удалось извлечь ни капли. Ну и ладно. Хватит на сегодня. И вправду постараться бы уснуть. Кожа вот на лице зудит, нервирует. Ничего не поделаешь. Хочешь быть красивым, поступай в гусары.

Ну, продолжим самоанализ, что ли? Итак, отчего же ты не сказал Андрею о своих истинных планах? Он ведь все равно спорить бы не стал, по большому счету твои планы не расходятся с генеральной линией.

А просто так. Из самоуважения.

Чтобы, сколько там выйдет, полгода, год, но знать, что живешь совершенно автономно, не выполняешь ничьих предначертаний, кроме своих собственных...

Шульгин был не только умный человек, он еще и тщеславия в обычном смысле был лишен почти полностью, здраво оценивал и свои собственные достоинства и недостатки, и таковые же у Андрея. Нигде они в соперничестве не пересекались.

Каждому — свое.

Просто надоела игра на фортепиано в четыре руки.

«И все?» — спросил себя Сашка.

Ему было важно докопаться до глубин собственного подсознания. Если для успеха операции желательно знать правду о возможностях неприятеля, целях и побуждениях, которыми руководствуется твой противник, то о собственных тайных мыслях и намерениях — тем более.

«Все!» — ответил он без тени сомнения. Ни публичная слава, ни формальное лидерство его не интересовали.

Примерить на себя фрак и цилиндр графа Монте-Кристо, всего лишь.

И не допустить, чтобы без Андрея дела пошли хуже, чем при нем.

Последняя, мысленно произнесенная фраза его вдруг насторожила.

Что имеет в виду его подкорка, раз выдала эту идею? Разве Новиков куда-то делся «с концами», не находится здесь же, пусть и в тысяче-другой километров? В случае чего может вернуться на боевой пост в сей же час, все необходимое, сиречь Ирина с портсигаром и радиостанция для связи с «Валгаллой», у него под рукой. Тогда о чем же речь?

Шульгин привык доверять своей интуиции.

Раз он подумал об Андрее как о покинувшем их всерьез и надолго, тут наверняка что-то есть...

Незамеченная, вскользь брошенная Андреем фраза, которая неосознанно застряла в памяти, неучтенный, но тревожащий внешний фактор, или?..

Очередное, внушенное извне наитие?

Намек Антона, пробой из Мировой Сети?

Может показаться удивительным, что Шульгин придал такое значение не случайно мелькнувшей фразе даже, а оттенку смысла, в ней заключенного. Нормальный человек пропустил бы ее не задумавшись. Но тут — другое дело.

Слишком обширен был опыт, накопленный за...

За сколько? За год, за два или все же плюс-минус шестьдесят условных лет, чтобы пренебрегать...

Чем? Внезапным скрипом половицы в ночной тиши необитаемого дома, ощущением чересчур пристального взгляда в затылок на людной улице, отсутствием точки в конце шифротелеграммы?

Было уже подобное, в том же антоновском Замке, и лишь постоянная бдительность и внимание к мелочам спасли их от неизвестных, но вряд ли благоприятных последствий.

Ну, ладно.

Поняв, что ответа он сейчас не найдет, Сашка решил все же заставить себя заснуть, сделав в памяти очередную зарубочку на будущее. Предпочтительнее исходить из того, что сия обмолвка все же что-то значит. Вреда не будет...

ГЛАВА 4

...Мыс Ильясбаба, прикрывающий выход из Дарданелл, отряд русских кораблей миновал уже после полудня.

Казалось бы — крайне неграмотное решение.

Любой умный человек, тем более имеющий на кораблях такие приборы навигации, как радиолокатор, ноктовизоры с разрешающей способностью до десяти миль, и прочую современную технику, постарался бы начать поход сразу после захода солнца и за десять темных часов избавиться от маскировки, несколько раз поменять курс, полным ходом проскочить к берегам Греции.

А уже оттуда спокойно, под именем «Призрака», приписанного к порту Сан-Франциско, двигаться в Суэцкий канал.

Но так поступил бы просто умный тактик. Мудрый же должен смотреть с позиций большой стратегии.

О выходе «Камелота» в море англичане наверняка знали еще из Севастополя. И уж тем более отслеживали все его перемещения в проливах. Агентуры у них достаточно, не сомневаюсь, что она есть и в наших штабах, и уж тем более в турецких.

Если бы яхта исчезла из Стамбула и нигде более не обнаружилась, последний дурак сообразил бы, в чем дело. И завтра же весь британский флот и все береговые службы, включая администрацию Суэцкого канала, принялись бы искать подходящую по тоннажу яхту, как бы она ни называлась. И, разумеется, нашли бы очень быстро.

Поэтому план предусматривал обязательную встречу с английскими дозорами.

Пропустят — хорошо. Нет — тогда и начнется главная игра.

...Впереди двадцатиузловым ходом шла «Валгалла», обшаривая горизонт своими локаторами, ей в кильватер, отставая на четыре мили, — «Камелот», не слишком напрягая мягко урчащие под палубой турбины.

А в дальнем прикрытии, почти растворяясь в голубоватом мареве над турецким побережьем, скользил «Генерал Алексеев».

Разрисованный оливково-бурым камуфляжем, корпус линкора сливался с фоном рыжих доисторических холмов, новые турбодизели, установленные взамен паровых машин, совсем не дымили, и английские дозоры, если бы они оказались поблизости, никак не могли его заметить заблаговременно.

Зато с марсов линкора вражеский броненосный отряд успели бы обнаружить еще до того, как характерные трехногие мачты появятся над горизонтом. По гигантским султанам черного дыма.

Из оперативных данных разведцентра Берестина было

известно, что в данный момент средиземноморская эскадра адмирала Джереми Садлера насчитывала восемь линкоров, шесть легких крейсеров и дюжину эсминцев, разбросанных по базам от Суэца до Гибралтара.

Реальную опасность из них представляли четыре линкора типа «Куин Элизабет», на днях бросившие якорь в Салониках, и несколько миноносцев, несущих дозорную службу в Архипелаге.

Британцы, даже имея острое желание отомстить русско-турецкому альянсу за все пережитые унижения и за крушение практически всех планов на послевоенный период, не могли себе позволить держать эгейский отряд в большем, чем сейчас, составе.

Жечь драгоценное топливо, платить экипажам фронтное жалование ради того, что когда-нибудь удастся перехватить в море не то русский, не то американский пароход, — такое могла себе позволить только страна с диктаторским режимом. Парламент и свободная пресса очень скоро потребуют отчета за каждый кусок «кардифа», каждую тонну нефти и каждый переплаченный фунт стерлингов.

А ведь империи нужно «демонстрировать флаг» на всех морях: от Скапа-Флоу до Фолклендов и от Ямайки до Сингапура.

Вот и получилось, что реально контр-адмирал Садлер мог располагать всего четырьмя линкорами, но зато лучшими в Гранд Флите, последним творением великого кораблестроителя Уаттса.

Восемь 381-миллиметровых пушек, способных посылать снаряды весом в тонну почти на 20 миль, шестнадцать 152-миллиметровых противоминных орудий, 330-миллиметровая броня бортов и башен, 25-узловый ход. И вдобавок эти острова плавающей стали были очень красивы.

Они были способны не допустить прорыва наличных русских сил за пределы Эгейского моря.

И в случае удачного стечения обстоятельств (если они не успеют ускользнуть под защиту дарданельских батарей и минных заграждений) уничтожить.

Однако адмирал не мог избавиться от смутного ощущения дискомфорта и тревоги. Что-то в происходящем ему не нравилось.

Похоже, давила на него непонятность «черноморского инцидента». Отсутствовала достоверная информация о завязке, ходе и исходе сражения у мыса Сарыч.

Адмирал Сеймур вместе с шестью тысячами своих моряков оставался в плену, русским же официальным сообщениям Садлер не доверял (вполне обоснованно).

Каким образом слабый линкор и четыре броненосца-дредноута не просто повредили в бою, что еще как-то возможно при внезапности и особо меткой стрельбе, а принудили к капитуляции пятикратно превосходящие силы, возглавляемые смелым и опытным адмиралом? Это даже не Цусима, это гораздо хуже.

Неоднократно обсуждая со своими флаг-офицерами случившееся, Садлер пришел к выводу, что возможно только единственное объяснение.

Сеймур просто увлекся. А русский адмирал, умело маневрируя своим отрядом (танталов Колчака как флотоводца никто никогда не отрицал), заманил английские линкоры на недавно выставленное крепостное минное заграждение, после чего приказал замкнуть цепь.

Под угрозой неминуемой гибели на «минных букетах», подкрепленной налетами авиации и огнем русских линкоров по неподвижной эскадре, Сеймур предпочел спасти жизни своих людей ценой собственной карьеры и репутации.

Как русский адмирал Небогатов 28 мая 1905 года, сдавший последние четыре броненосца тихоокеанской эскадры адмиралу Того.

Кстати, Садлер, в то время командер¹, был британским наблюдателем при японском флоте.

Сейчас ничего подобного случиться не могло. У русских всего один линкор, у Садлера четыре плюс дивизион эсминцев.

¹ Капитан 3-го ранга (англ.).

Большое преимущество в скорости хода и подавляющее — в артиллерии: 42 пятнадцатидюймовки против 12 русских двенадцатидюймовых и 20 стотридцатимиллиметровок.

Если придется стрелять, шансов у русского капитана никаких. И под огонь фортов Седдюльбахира британский адмирал свои корабли подвести не позволит. Две русские подводные лодки вряд ли боеспособны, и подводной угрозы тоже не существует.

И все же Садлер предпочел бы не вязаться в бой. Никогда не угадаешь до конца, чего можно ждать от этих русских. Особенно в последнее время.

Хуже всего для Воронцова и Новикова было то, что так до конца и не прояснилось, рискнет ли Садлер преградить путь «Валгалле» и «Камелоту» силой.

Вернее, применит ли он оружие без предупреждения или вначале вступит в переговоры.

То, что англичане считают паролом, его командира и владельца своими личными врагами, известно было еще с прошлого года.

Как и то, что мечтают его захватить в виде хоть какой-то моральной и материальной компенсации за разгром полудивизиона эсминцев «Виттори» у Зонгулдака.

А главное, чтобы по полной разобраться с таинственным «мистером Ньюменом». Здесь совпадали интересы и Адмиралтейства, и Форин-офиса, и даже «Системы», которая, несомненно, имеет своих людей в названных организациях.

Эту задачу, по их мнению, весьма облегчало состояние Белого флота.

При всем старании адмирала Колчака (так считали англичане) не удалось до сих пор ввести в строй трофейные линкоры, причем по самой банальной причине — не хватало подготовленных моряков.

Требуемых полутора сотен офицеров и пяти тысяч матросов, способных квалифицированно обслуживать незнакомой конструкции механизмы и оружие, в Югороссии просто не было.

Едва-едва удалось набрать треть нужного количества, в том числе и путем вербовки специалистов в Совдепии, досрочного производства в мичмана и старшие корабельные гардемарины эвакуированных с Дальнего Востока кадетов Морского корпуса.

Но даже и им требовалось еще не меньше полугода, чтобы изучить матчасть до уровня, позволяющего вести в бой трофейный корабль.

Полностью боеспособными являлись только «Генерал Алексеев» и «Гебен» со смешанным русско-турецко-германским экипажем.

Гордые британцы не догадывались, конечно, что и один русский линкор способен отправить на дно всю их средиземноморскую эскадру, но это уже было их проблемой, как говорится.

В случае встречи с неприятелем и его агрессивного поведения Воронцов предполагал ввязаться в бой на предельной дистанции и начать отход обратно к Босфору, отвлекая внимание от «Призрака».

Причем следует подчеркнуть, что и Новиков, и Воронцов в душе очень хотели, чтобы чванливые бритты сорвались с нерезки. Оба они, и Берестин тоже, знатоки и любители военной истории, не выносили англичан.

Нет, не каждого британца в отдельности, в индивидуальном плане они были вполне ничего. А вот на национально-государственном уровне...

За все коварство и беспринципность их политической практики. За то, что они предавали и продавали всех своих друзей и союзников ради «национальных интересов».

За все сто лет предыдущей и шестьдесят лет последующей истории русско-английских отношений. За Крымскую войну, за Берлинский трактат, за войну японскую, Первую и Вторую мировые, за то, как они, прекратив быть великой державой, с каким-то даже патологическим азартом превратились в американских лакеев.

А в нынешней реальности к старым претензиям прибавились новые.

Главнейшая — как они цинично и хамски предали своего

★ союзника по Антанте, Югослоссию, ради тех сомнительных благ, которые надеялись получить от Советской России Троцкого.

И сейчас появился шанс рассчитаться за все, используя именно их способы и методы.

Кто-то назовет это провокацией?

Да ради бога.

...Накануне выхода из Севастополя «Камелота» и «Валгалы» посол Югослоссии в Лондоне тайный советник Гирс получил телеграмму от Верховного правителя Врангеля, адресованную премьер-министру и одновременно парламенту.

Формально она не являлась нотой, а так чем-то вроде писем, которыми Сталин обменивался с Черчиллем и Рузвельтом.

В ней сообщалось, что являющаяся законной правопреимницей Российской империи республика Югослоссия, верная своим союзническим обязательствам и традиционному боевому братству, обильно политому кровью в минувшей войне, предлагает забыть имевшиеся в недавнем прошлом досадные недоразумения, создать согласительную комиссию как для расследования имевших место инцидентов, так и для примерного наказания виновных в их возникновении.

Далее предлагалось возобновить старые или заключить новые союзы на взаимоприемлемых условиях.

Но обязательно включающих все позиции, которые России полагались по тайным договоренностям 1915—1917 годов. В части, касающейся нынешнего стратегического положения Русского государства.

Ежели же правительство и парламент не в состоянии воздействовать на экстремистские, враждебные историческим интересам высоких договаривающихся сторон круги в своей стране, то гораздо более свободное в своих действиях Югослосское правительство предупреждает: любая попытка ущемить интересы означенной республики получит адекватный ответ, вина за последствия которого ляжет на непосредственных исполнителей.

Кроме того, посол Гирс получил инструкцию разъяснить смысл настоящей ноты Ллойд-Джорджу хотя бы и на пальцах.

(В том смысле, что разгром броненосного отряда адмирала Сеймура в районе Крыма было всего лишь показательной акцией.)

Следующий ответ на неспровоцированную агрессию будет гораздо резче. (Тут, в зависимости от реакции собеседника, разрешалось намекнуть на Синоп и Петропавловск.)

Кроме того, послу поручалось обеспечить достаточно широкую утечку смысла русских предложений в независимую от властей прессу.

Практически дословное изложение послания каким-то образом, и довольно быстро, попало и в большинство газет континента, где, а особенно в Германии, было прокомментировано с нескрываемым злорадством.

Чересчур много о себе понимающих не любят нигде.

Реакция британского правительства и широкой общественности была вполне предсказуемой.

Правда, комментаторы и парламентские «ястребы» не задумались об очевидном.

Пример житейского уровня: любой умный человек, на которого вдруг отвязался бы хулиганистый подросток в темном переулке, непременно задался бы вопросом — а чего вдруг этот вот сморчок высовывается, размахивает кулаками и матерно ругается?

Нет ли у него кистеня в рукаве или компании крепких дружков за углом? Кто неспособен так подумать и должным образомотреагировать, достоин своей судьбы.

С англичанами дурную шутку сыграл факт победы в мировой войне и наполеоновского плана мысль, что наличие двух десятков линкоров и сотни эсминцев позволяет плевать через губу на тех, у кого линкоров всего пять, а эсминцев десять.

Еще к немцам они относились с определенным почтением, особенно когда не сумели выиграть (с бесспорным результатом) у них ни одного серьезного эскадренного сражения.

А уж русский флот и в грош не ставили. И даже последние события на британский кураж не повлияли.

Капитану первого ранга Остелецкому, командиру линкора «Генерал Алексеев», очень нравился его корабль после модернизации, хотя капитан не до конца понимал, каким образом все было сделано.

И почему так быстро.

В царское время постройка (и многочисленные переделки на стапеле) броненосца «Андрей Первозванный», на котором он начинал свою службу, заняла почти семь лет. А здесь управились за полгода.

До переоборудования «Генерал Алексеев» тоже был неплохим кораблем (для 1913 года, когда его спустили на воду). Правда, по некоторому недоразумению его называли линкором, хотя на самом деле он был первым в мире тихоходным линейным крейсером с линкорным вооружением. Опасности он не представлял даже для одиночного супердредноута типа той же «Куин Элизабет», поскольку имел ход 23 узла против 29 и двенадцать 305-миллиметровых пушек против десяти 381-миллиметровых.

И его тонкая броня пробивалась пятнадцатидюймовыми снарядами с любой дистанции.

Зато теперь, как справедливо считал Остелецкий, линкор был наверняка сильнейшим кораблем в мире, невзирая на то, что лишился половины своей артиллерии.

Кормовую двенадцатидюймовую башню срезали совсем, на ее месте оборудовали вертолетную палубу, а в подбашенных помещениях и снарядных погребах разместили ангар для шести боевых вертолетов «Ми-28», мастерскую техобслуживания, цистерны с горючим и склад боеприпасов.

Из третьей башни извлекли колоссальные пушки, их место заняли системы наведения и пусковые установки для противокорабельных ракет «Москит», каждая из которых при удачном попадании могла утопить вражеский линкор на дистанции в пятьдесят миль.

Только первая и вторая башни сохранили свое штатное вооружение, но оснащенное новыми боеприпасами. Теперь пушки могли стрелять на 200 кабельтовых вместо прежних

120, а боекомплект включал в себя обычные бронебойные и фугасные снаряды, а также управляемые активно-реактивные, головки самонаведения которых обеспечивали точность попадания минимум 95 процентов. Использовались эти пушки по принципу «выстрелил — забыл».

Если же учесть, что измененная форма форштевня и дизели мощностью в 150 тысяч лошадиных сил позволяли линкору развивать тридцатиузловую скорость, уверенность капитана в непревзойденных качествах своего корабля имела под собой все основания.

Каким образом действуют все эти новинки и откуда они взялись, каперанга не слишком заботило. Он был человеком того странного времени, когда прогресс вдруг рванул вперед с неудержимостью призового рысака.

Начиная с середины девяностых годов XIX века, то есть когда юный Павлик Остелецкий собрался поступать в шестую роту (то есть в первый класс, по-штатски выражаясь) Морского корпуса, технические новинки посыпались буквально как из рога изобилия.

Боевые корабли устаревали не только на стапеле, а еще в процессе конструирования, неизвестно откуда появились телефоны, беспроводный телеграф, аэропланы, пулеметы, подводные лодки и тому подобное.

Гардемаринном Остелецкий ходил на номерных миноносцах, с трудом выгребавших по двадцать узлов, а лейтенантом уже присутствовал на испытаниях «Новика», показавшего мировой рекорд 37,3 узла на мерной миле.

Да и тот же «Генерал Алексеев» («Императрица Екатерина Великая»), вступивший в строй всего-то пять лет назад, не шел ни в какое сравнение с «Полтавой», на которую каперанг выпустился мичманом накануне японской войны.

Так что удивляться хоть чему-нибудь Остелецкий считал делом никчемным.

Другое дело, что и изучать новомодную технику каперанг не собирался. Чтобы управлять кораблем с мостика, знаний и опыта хватало, а возяться с радиолокаторами и баллистическими вычислителями пусть молодые, вроде того же лейтенанта

Белли, недавно назначенного, несмотря на малый чин, командиром носового плутонга главного калибра.

Самое же большое удовлетворение капитан испытывал оттого, что совсем не далек тот день, когда можно будет расчитаться с Великобританией за все сразу и окончательно.

А претензий к бывшим союзникам у Остелецкого накопилось как бы не больше, чем у весьма им уважаемого адмирала Воронцова. И личных, и общегосударственных.

Что интересно, против немцев и турок, с которыми воевал четыре года, каперанг ничего не имел, испытывал даже определенное уважение, вспоминая, как с переменным успехом они гонялись друг за другом между Севастополем, Одессой, Стамбулом и Батумом.

А вот англичане... Остелецкого злило в них все: чопорность, надменность, скупость, бенедиктинская скромность (это когда считаешь себя умным, а всех остальных дураками), коварность, склонность к предательству и многое другое.

В счет шла и наглая, демонстративная поддержка японцев в прошлую войну, и циничное лавирование между белыми и красными, попытки аннексировать Кавказ и Среднюю Азию.

Предварительный реванш состоялся в бою у мыса Сарыч. Теперь же каперанг вынашивал, тщательно продумывал план второго средиземноморского похода, считая первым кампаниею адмирала Ушакова в 1799 году.

Дождаться ввода в строй всех пяти трофейных линкоров, обновленных так же, как «Генерал Алексеев», в скоротечном морском бою (новой Цусиме) разгромить средиземноморскую эскадру Садлера, вновь вернуть России острова Архипелага, Корфу и Мальту, а там, чем черт не шутит, взять Гибралтар и Суэц.

Установить на Гибралтарской скале ракетные батареи, построить аэродромы, завалить вход и выход из канала управляемыми неконтактными минами...

И пусть «Владычица морей» делает, что хочет. Общих сухопутных границ с Югороссией у нее нет, а строить новый флот, способный соперничать с русским, — пупок развяжется.

Этими планами Остелецкий аккуратно делился с надеж-

ными товарищами и встречал полное понимание и сочувствие. Даже Колчак, пожевав тонкими губами, рассматривая тщательно разрисованную каперангом карту будущего ТВД, не сказал ничего.

Для начала и это немало. Не отбросил карту, не обозвал план ерундой или опасным бредом, а всего лишь промолчал.

Когда-то ведь и он сам, примерно в возрасте Остелецкого, кстати, втайне от высшего командования разрабатывал планы минной войны на Балтике и захвата Босфора и Дарданелл в пику опозорившимся в шестнадцатом году англичанам.

Только своим покровителям, Воронцову, Новикову, Берестину, обеспечившим победу в Гражданской войне, «черноморскую викторию», освобождение Турции, спасшим Колчака, оснастившим армию и флот «оружием возмездия», каперанг не говорил ничего.

Скорее всего потому, что не понимал их целей и намерений. Или просто боялся «данайцев, дары приносящих»?

Сегодня они за нас, а завтра их планы неожиданным образом изменятся, и что тогда?

...Гудок телефона в боевой рубке, и офицер-радиометрист доложил, что по курсу зюйд-вест 250 на расстоянии 25 миль обнаружены четыре цели, предположительно — вражеские линкоры или тяжелые крейсеры. Тяжелых крейсеров у англичан нет, французы здесь объявиться не могли — значит, мистер Садлер пожаловал.

Остелецкий машинально поднес к глазам бинокль и тут же опустил. Ну конечно, корабли еще скрываются за кривизной моря.

— Подверните на вест еще градусов десять, — приказал он вахтенному начальнику, — и прибавьте ход до 25 узлов. А я поднимусь наверх...

По узкому трапу внутри мачты каперанг взобрался в командно-дальномерный пост, заполняющий своими приборами почти весь внутренний объем боевого фор-марса.

Два дальномерщика, радиометрист, артиллерийский корректировщик потеснились, вжимаясь плечами в броневые

стенки. Пятому человеку в КДП поместиться было трудно-вато.

Остелецкий прижался лицом к нагретому каучуку окуляров шестиметрового дальномера.

Картинка на экране радиолокатора его не интересовала. А здесь все весьма наглядно — мощная оптика сорокакратно сжала пространство, и у самого горизонта обозначились черные мазки дыма. Каперанг подвернул барабанчики настройки, сводя воедино половинки растрового кольца. Полупрозрачные, будто вырезанные из голубого целлулоида, силуэтики кораблей стали отчетливее.

Листать справочники Джена каперангу было ни к чему. Он все давно знал наизусть. Она самая, «Королева» со своей свитой.

...Остелецкий чуть повернул дальномер, все поле зрения заполнила идущая двадцатиузловым ходом «Валгалла». На ее левом траверзе держалась яхта, старательно дымящая из высокой медной трубы.

— Передайте на пароход, — скомандовал каперанг радиоофицеру, — обнаружил на вест, дистанция 250 кабельтовых, английскую линейную эскадру. Начинаю действовать согласно плану прикрытия...

Офицер торопливо забормотал в микрофон, сдернул с головы наушники.

— Господин каперанг, ответ с парохода: «Спасибо. Ясно вижу. Действуйте по плану. Конец связи».

— Так точно. Исключительно по плану, — ответил Остелецкий, ни к кому не обращаясь.

Ему страсть как хотелось увидеть в серьезном деле, а не на полигоне, так ли эффективны ракеты, ради которых пришлось пожертвовать шестью надежными двенадцатидюймовками.

— А ну, лейтенант, передайте на волне англичан: «Капитан Остелецкий приветствует в наших водах британский флаг и приглашает адмирала в гости на борт «Генерала Алексеева». Приятную беседу гарантирую, но от опрометчивых действий против русских кораблей предостерегаю».

Ответа на свое приглашение Остелецкому пришлось ждать довольно долго. В это время он маневрировал, стараясь,

чтобы его линкор, как бы перекрывая англичанам путь к норду, в сторону проливов, и к весту, куда ушли «Валгалла» с яхтой, оставался за пределами досягаемости мощной неприятельской артиллерии.

При нескольких удачных попаданиях «Алексеев», слишком слабо защищенный броней, мог потерять все свои преимущества.

Наконец ему передали распечатку телеграммы английского флагмана:

«Благодарен за приглашение. Ничего не имея против вас лично, вынужден руководствоваться реальным положением дел. До урегулирования существующего конфликта на государственном уровне считаю необходимым предупредить: ваше вмешательство в действия эскадры против пиратских судов «Валгалла» и «Камелот», которые по всем существующим законам подлежат задержанию и интернированию, будет расценено как враждебное со всеми вытекающими последствиями. Адмирал флота Его Величества Джереми Садлер».

— Еврей, наверное, — сказал Остелецкий, прочитав отпечатанную на розовом служебном бланке телеграмму.

О Садлере как о личности он не знал ничего, кроме того, что достаточно молодой адмирал, служивший по преимуществу в колониях, был назначен на нынешний пост после позорной сдачи в русский плен адмирала Сеймура. И, естественно, был настроен против русских подчеркнуто агрессивно.

— Передайте, — сказал он офицеру, — и ответа больше не ждите. Можете вообще отключить радио. Только дословно: «Немедленно разворот на шестнадцать румбов — воля. Первый ваш выстрел — уже неволя. Бой — смерть».

Это Остелецкий с некоторыми изменениями процитировал известный ультиматум Суворова коменданту крепости Измаил. Он не был уверен, что англичанин знаком с первоисточником, но догадывался, что подобный ответ вызовет нужное действие.

Сначала разъярить противника до потери инстинкта самосохранения, а уже потом...

Остелецкий уже ступил на трап, собираясь переместить-

ся в боевую рубку для руководства дальнейшими событиями. Судьбы адмирала Виттефта, из своего фатализма приведшего русский флот к крупнейшей в его истории катастрофе, он повторять не желал.

Сражением лучше руководить из-за трехсотмиллиметровой брони, нежели сидя на открытом мостике в бамбуковом кресле.

«Генерал Алексеев», до предела форсируя дизели, отчего все его двадцать три тысячи тонн броневой стали вибрировали так, что казалось, вот-вот начнут вылетать заклепки, разворачивался к зюйд-весту, перекрывая возможный маневр эскадры адмирала Садлера.

Британский адмирал неожиданно ощутил в районе жемчужка сосущую пустоту. Он никогда бы не признался в этом никому на свете, но сам-то знал свой организм. Это — страх.

Иррациональный, вызванный предчувствием чего-то очень нехорошего. Возможно, даже близкой смерти. Если бы он полностью принадлежал самому себе, то, пожалуй, и послушался совета русского «коммодора». Развернуть эскадру, уйти в Пирей, а то и сразу в Александрию. Какое ему дело до этих русских парней с их собственной геополитикой.

Пусть каждый сам хоронит своих мертвецов.

Но как быть с недвусмысленными, хотя и сказанными не в виде приказа, а убедительного намека словами Первого лорда?

— Ваши вице-адмиральские нашивки в вашем кармане, дорогой Джереми. Не перепутайте, в каком именно...

И все же Садлер еще колебался. Пока на крыло мостика флагманского линкора не взбежал уорент-офицер с красным бланком радиogramмы.

— Опять что-то пишет этот капитан с языколомной фамилией? — осведомился Садлер, щурясь не то от лучей закатного солнца, не то от попавшего в глаз дыма парагвайской сигары.

— Никак нет, господин адмирал, сэр! Это радио от кептена¹ Дарфа.

¹ К е п т е н — капитан 2-го ранга (англ.).

Командир дивизиона эсминцев, державший свой флаг на лидере «Вэндерер», сообщал, что только что предпринял попытку задержать на траверзе острова Лемнос яхту «Камелот», идущую под неизвестным флагом.

В ответ на флажный сигнал с предложением остановиться и предупредительный выстрел яхта открыла ответный огонь. С норд-оста явно на помощь яхте большими ходами движется белый пароход. Очевидно, «Валгалла».

Кептен спрашивал инструкций на дальнейшие действия.

Садлер выругался.

Командир эсминцев имел четкий приказ. Если «Камелот» и «Валгалла» будут следовать под американским флагом, задерживать без разговоров, не останавливаясь перед применением силы.

Американское правительство давно уже сообщило, что рассматривает владельца парохода Ньюмена как исключительно частное лицо и не распространяет на него принцип экстерриториальности.

Если под русским коммерческим — постараться задержать без боя под предлогом досмотра на предмет военной контрабанды, поскольку на Кипре все еще продолжается греко-турецкий конфликт.

И только если эти суда будут нести Андреевский флаг, следует обращаться к нему, адмиралу, для принятия политического решения.

Но теперь-то чего спрашивать? Раз яхта под неизвестным флагом, да еще и отстреливается...

— Ответьте. — Садлер начал диктовать уорент-офицеру: — «Яхту постараться захватить неповрежденной, с пароходом поступить в соответствии с ранее полученным приказом. Меняю курс, иду к вам».

Не успел первый радист козырнуть и повернуться «кругом», как по трапу загредел подкованными ботинками второй. Тоже с радиограммой. Теперь действительно от «Capten Osteleskiy».

Писал русский капитан небрежным, даже неуважительным стилем:

«Дорогой адмирал. Ваши парни открыли огонь по мирным российским судам. Немедленно иду к ним на помощь. Вам в последний раз советую не вмешиваться. В противном случае вся тяжесть последствий ложится на вас. О происходящем немедленно докладываю в Севастополь и Константинополь, вашему послу. Прошу подтвердить время получения данной телеграммы. Сверим часы. На моих 17. 33 по средневропейскому. И да поможет нам Бог».

ГЛАВА 6

В итоге косметические операции и еще кое-какие дела, неожиданные, но оказавшиеся неотложными, заняли еще два полных дня.

И только на четвертый, считая с момента прощания с «Призраком», Шульгин, лично усевшись за руль, выехал на знакомую дорогу.

В прошлом году он гонял по ней почти ежедневно из Севастополя на размещавшуюся поблизости стоянку «Валгаллы».

Знаменитый путешественник-автомобилист, которым являлся сэр Ричард Мэллони, не должен доверять столь ответственное дело, как промежуточный финиш на маршруте международного автопробега, даже собственному слуге, хотя бы всю остальную часть пути он провел на пассажирском сиденье.

Прибытие экипажа в Севастополь выглядело импозантно и, несомненно, собрало бы несметную толпу зевак.

Если бы не раннее утро, по-прежнему дождливо-туманное, да к тому же и воскресное, когда обыватель счастлив возможностью взглянуть в едва посветлевшие, заплаканные окна, сообразить, что сегодня ни на службу, ни в лавку идти не нужно, перевернуться на другой бок, взбив предварительно умявшуюся за ночь подушку, и вновь смежить веки.

А так его могли наблюдать лишь редкие прохожие, неизвестно по какой надобности оказавшиеся в этот час на улицах.

Но и случайному очевидцу было ясно, что покрытый разводами и брызгами грязи автомобиль-полутрузовик под мокрым зеленым тентом, навьюченный четырьмя запасными колесами, канистрами с бензином, пристегнутыми к бортам топором, ломом, лопатой, еще какими-то нужными в дороге приспособлениями, проделал долгий и трудный путь.

Однако уверенно сжимающий массивную баранку господин в клетчатом костюме-гольф, рыжих шнурованных ботинках на каучуковой подошве в три пальца толщиной, пробковом шлеме с опущенным подбородным ремешком и поднятыми на лоб очками-консервами явно выглядел бодрым и полным сил.

Притормозив возле стоящего на перекрестке городского, укрывающегося от непогоды под желтой клеенчатой накидкой с остrokонечным капюшоном, он вежливо поднес два пальца к полям шлема и на ломаном русском языке осведомился, где есть наилучший в городе отель.

— Гостиница, что ль? — проявил познания в языках полицейский, судя по возрасту, усам и значительному выражению лица — не меньше чем урядник чином.

— О, йес, так будет правильно, гостиница.

— Иностранец, понятное дело, — объяснил сам себе городской. — Откуда прибыть изволили?

— Индия, Бомбей.

— Индеец, значит. А документы есть?

— Есть, есть, — заверил Шульгин. — Паспорт, визы, печати — все есть.

— Хорошо, хорошо, коли так. А в участке все равно отметить надо. Вот устройтесь в гостинице — и пожалуйста в участок. Тут недалеко, за углом. Не позднее как в двухдневный срок, потому Севастополь не просто город, а Главная база флота. Ферштеен? — козырнул урядник очередным познанием.

— А как же... — на секунду позволил себе выйти из образа Шульгин. — То есть — йа, натюрлих!

— То-то же. А гостиница для вас самая подходящая... — городской еще раз окинул Шульгина взглядом от шлема до

ботинок, будто оценивая его платежеспособность, — наверное, «Морская» будет. Вот так вот прямо три квартала, и сразу справа и увидите. Во-он, где шпиль с флажками...

— Спасибо, мистер городской... — Шульгин кивнул слуге, и тот, порывшись в большом желто-пятнистом бумажнике из кожи кобры, протянул уряднику серебряный полтинник.

Сашка строго кашлянул, Джо недовольно поморщился и дал еще один.

— Благодарствуйте, мистер индеец. — В словах городского Шульгин уловил скрытую иронию. Не так и прост этот служака.

Да, впрочем, кто сейчас прост в стране, пережившей за шесть лет мировую и Гражданскую войны, две революции и удачную контрреволюцию?

Зачем Сашка вступил в разговор, если великолепно ориентировался в городе и сам направлялся именно в ту самую гостиницу, что рекомендовал ему полицейский? Из желания немедленно проверить, достаточно ли убедительно он выглядит в роли иностранца, или с более далекой целью?

И то и другое побуждение имело место, но скорее — второе. Законопослушному европейцу, впервые попавшему в незнакомый город, вполне естественно осведомиться о дороге у представителя власти.

Одновременно он как бы уже предварительно отметил в полиции и создал себе «положительный имидж». Простимулированный серебряным рублем городской непременно доложит о факте прибытия путешественника по начальству, причем — в благожелательном тоне.

Для чего конкретно Шульгину нужна благосклонность местных околоточного и пристава — ему самому было пока неясно, но мало ли что еще может случиться в «чужом» городе?

...Золотые часы в жилетном кармане мелодично отзвонили десять.

В ресторанчике, и всего-то на восемь небольших столиков, в сей ранний час оказалось только двое посетителей: сам

Сашка и еще один, достаточно импозантный мужчина, завтрак которого явно не соответствовал российским вкусам и обычаям. Британским, впрочем, тоже.

Сэр Ричард, к примеру, с которым Шульгин все больше себя отождествлял, заказал себе яичницу с салом (за неимением на кухне настоящего бекона), рюмку водки и большую чашку кофе.

А этот человек трудился над солидной тарелкой сосисок с тушеной капустой, запивая их не чем иным, как пивом.

Вот этим он сразу и заинтересовал Шульгина, хотя в остальном ничего особенного в сорокалетнем примерно мужчине прибалтийской внешности, одетом в не слишком новый, но аккуратный морской китель с блестящими пуговицами, не было.

На то и портовый город, чтобы каждый второй или третий его обитатель имел отношение к морю. Прямое или опосредствованное, в настоящем или в прошлом — неважно.

А многие, такого отношения не имеющие, по нужде или из щегольства тоже обряжаются в форменные одежды, приобретенные тем или иным способом.

Но еще что-то, кроме кулинарных пристрастий, отличало этого человека от вышеозначенных категорий.

Прежде всего — он явно нерусский. В смысле не национальности, а подданства. Постоянно проживающий в России, хоть латыш, хоть немец или турок, держится совершенно иначе. И взгляд у него другой, и выражение лица, и манера обращаться к официанту.

Во-вторых — человек он явно состоятельный, раз завтракает (не обедает и не ужинает) в достаточно дорогом заведении, в-третьих — служил раньше, а то и служит до сих пор в военном, отнюдь не торговом флоте, и в немалых чинах.

Судя опять же по выражению лица. И — качеству ткани на кителе. Возможно, был командиром корабля.

И в заключение этого короткого сеанса дедукции Шульгин пришел к силлогизму: господин этот не иначе как немец. Бывший офицер кайзеркригсмарине¹.

¹ Кайзеркригсмарине — имперский военно-морской флот Германии до 1918 года.

В таком случае что он здесь делает?

По своей прежней должности Сашка знал, что никаких официальных контактов с некогда могучим, а после Версая впавшим в полное ничтожество германским флотом врангелевское правительство и командование Черноморского флота не поддерживает. Неофициальных вроде бы тоже.

Странствует по собственной надобности? Надеется предложить свои услуги в качестве волонтера? Ну не шпионит же, не сняв мундира?

Не тот ли это самый человек, о котором ему сообщил на днях Кирсанов?

Хорошо бы, но не слишком ли велика удача — в первые же два часа решить проблему, на которую он отводил минимум несколько дней?

Но кто же этот незнакомец? Капитан цур Зее¹ в отставке, завербованный «Системой», или действующий сотрудник германского главморштаба, избравший, в полном соответствии с заветами Честертона, наиболее надежный способ маскировки: «Где ты спрячешь опавший лист? В лесу...».

Ну а если это просто обыкновенный торговый моряк, которого послевоенная безработица заставила покинуть родину в поисках случайного заработка в стране, которая испокон веков давала немцам приют и возможность успешной карьеры?

Тоже не беда, такое знакомство тоже может оказаться полезным... Неизвестно пока, зачем именно, но может.

Шульгин, благо заказ ему еще не успели принести, сложил газету, пересек разделяющий его и моряка проход между рядами столиков.

— Прошу меня извинить, — обратился он к незнакомцу по-немецки, каковым языком с некоторых пор владел в совершенстве, «изучив» его, как и десяток других, особо полезных для странствований по миру, с помощью прямого наложения информации на соответствующие области мозга.

Только языковой практики у него пока не было, и фразы Сашка строил с видимым усилием.

— Позвольте представиться — Ричард Мэллони, путеше-

¹ Капитан цур Зее — капитан 1-го ранга (нем.).

ственник. Прибыл в Севастополь лишь сегодня и, увидев в вас европейца, не смог не подойти. Надеюсь, вы окажете любезность ввести меня в курс происходящих здесь событий и местных обычаев с большей объективностью и непредвзятостью, нежели... аборигены.

Моряк, не предлагая присесть, смотрел на непрошеного визитера снизу вверх, слегка щуря светло-голубые, льдисто поблескивающие глаза. Без всякого радушия.

Выдержал продолжительную, на грани приличия паузу, после чего ответил суховатым ровным голосом:

— Англичанин? Не люблю англичан, особенно после известных событий восемнадцатого-девятнадцатого годов.

«Капитан» явно имел в виду интернирование германского флота с последующим затоплением в Скапа-Флоу, а также условия Версальского мирного договора, фактически запретившие Германии иметь современные военно-морские силы.

— Впрочем, садитесь. Лично со мной английские офицеры обращались достаточно вежливо в плену, к счастью — не продолжительном. Корветтен-капитан¹ в отставке Гельмут фон Мюкке, к вашим услугам.

— Благодарю. Считаю нужным отметить, что я не англичанин в том смысле, который вы имеете в виду, а новозеландец шотландского происхождения. Это вам о чем-либо говорит? Кроме того, в мировой войне я не участвовал. Если угодно — по принципиальным соображениям.

— В чем же ваши принципы? — Капитан, похоже, заинтересовался странным, на его взгляд, господином.

В зале появился официант с подносом. Шульгин щелчком пальцев привлек его внимание и указал кивком, что завтрак следует подать за этот столик.

— Надеюсь, вы не торопитесь? Мы можем поговорить, благо погода располагает как раз к неспешной беседе. Разрешите предложить вам рюмочку коньяку? Или русской водки?

— С утра? Впрочем, погода действительно не совсем подходящая для прогулок. И порция кофе с коньяком отнюдь не повредит. Кстати, должен отметить, что ваш немецкий язык весьма хорош. Такое впечатление, что вы обучались как бы не

¹ Корветтен-капитан — капитан 3-го ранга (нем.).

в Гейдельберге... Хотя, конечно, чувствуется, что он для вас не родной.

— Увы, нет. В ваших университетах я не обучался, язык же выучил самостоятельно. В моих странствиях много где приходилось бывать, в том числе и в Германии, и в германской юго-западной Африке. До войны, разумеется... Так вот, о моем, если угодно, «пацифизме»...

Тут как раз в зал заглянул мальчишка-газетчик:

— «Утро России», самые свежие новости! Очередная победа русского флота! Британцы обращены в бегство! Яхта взорвалась, два генерала погибли! «Утро России», экстренный выпуск, только здесь! Покупайте «Утро России»!

Шульгин сунул мальчишке гривенник, подхватил почти брошенный ему сырой от свежей типографской краски и густого тумана лист.

Хотя и представлял он, что сейчас прочитает, газету развернул с некоторым волнением. Не каждый день и не каждому приходится читать собственные некрологи.

Крупными литерами заголовок: «Снова война?»

Под ним текст:

«По сообщению собственного корреспондента газеты из Царьграда. Третьего дня около 16 часов в Эгейском море произошло столкновение отряда боевых кораблей средиземноморской эскадры Великобритании с выполняющим практическое плавание линкором «Генерал Алексеев». Наш корреспондент пока не располагает исчерпывающей информацией, но, по предварительным данным, меткая стрельба артиллеристов линкора заставила противника в замешательстве отступить. Официального подтверждения из российских и британских источников пока не поступило.

Кроме того, сообщается, что в районе схватки оказалась принадлежащая известному в Югории генералу А. Д. Новикову, герою победоносно завершившейся Гражданской войны, принесшей столько бедствий нашему несчастному народу, кавалеру ордена Святого Николая-Чудотворца 1-й степени, яхта «Камелот», которая, по слухам, направлялась к берегам Африки.

Есть сведения, что яхта была потоплена торпедой с английского миноносца.

Редакция в настоящее время не располагает списком лиц, находившихся на борту «Камелота», но есть основания полагать, что, кроме генерала Новикова с супругой, морское путешествие намеревался совершить не менее известный генерал Русской армии, многих орденов кавалер А.И. Шульгин.

Если это действительно так, то молодая югороссийская демократия понесла воистину невосполнимую потерю.

Остается только надеяться, что слухи не подтвердятся и в скором времени мы получим известие о результатах ведущихся всеми наличными силами флота и частных лиц поисков потерпевших.

В ближайшее время мы опубликуем подробнейшие и, как всегда, достоверные сведения о случившейся трагедии».

Шульгин отложил газету.

Все правильно. Значит, скрытный прорыв блокады не удался и Андрей сработал по второму варианту. Стиль заметки, конечно, тяжеловат, излишне многословен и, по большому счету, малоинформативен. Но так и задумано. 90 процентов прочитавших ее останутся в полной уверенности, что все означенные персоны покинули сей мир в дыму и пламени взрыва.

И в то же время ничего определенного не сказано.

И вашим, и нашим. Слово сказано, теперь следует замолчать.

Соответствующие службы деликатно намекнув редакторам всех заслуживающих внимания газет, что дальнейшие публикации на эту тему нежелательны до завершения официального расследования, и — «вот все об этом человеке».

Сейчас Шульгин испытывал только облегчение. И еще — несколько тревожную радость, как человек, отправляющийся в долгожданное путешествие, которое обещает быть увлекательным, но и опасным. Да так ведь оно и было на самом деле.

...В ближайшие полчаса новые знакомые успели обсудить не только перспективы очередного русско-британского конфликта, но и целый ряд вопросов ближайшей истории и текущей мировой политики, причем Шульгин старался вести раз-

говор так, чтобы неявным образом внушить фон Мюкке мысль о собственном германофильстве, неприятии не только итогов мировой войны, но и самого вектора англо-германских отношений последнего полувека.

И тем самым заставить его разоткровенничаться, сказать что-нибудь существенное о себе и целях пребывания в русской военно-морской столице.

Психологом, как уже упоминалось, Шульгин был весьма приличным, усилившийся снаружи дождь с ветром делал саму идею покинуть уютный зал ресторана донельзя отвратительной, следующие одна за другой хрустальные рюмочки поднимали тонус и развязывали языки, и в результате фон Мюкке начал все же говорить преимущественно о себе. Что и требовалось.

Вначале, правда, отставной корветтен-капитан предложил пересесть за другой столик, скрытый за колонной, подалее от посторонних глаз и поближе к источающей столь желанное тепло кафельной печке-голландке.

Таковых, к слову сказать, здесь было совсем немного: два — официанта, два — метрдотеля и один — буфетчика, носившего черную повязку наискосок испятнанного порохowymi ожогами лба.

Кто вообще в России ходит в рестораны между завтраком и обедом?

Зато отсюда отлично было видно бухту и размытые дождем силуэты старых броненосцев на мутной, покрытой барашками пены воде.

Фон Мюкке потребовал, чтобы подали кофе, особый, «четверной», сваренный по тут же продиктованному капитаном рецепту, и еще графинчик коньяка.

Шульгин выложил на стол кожаный футляр. Порт-сигар в буквальном смысле, а не узурпировавшее благородное название алюминиевое или серебряное вместилище плебейских папирос.

— Вот видите эти остатки некогда могущественного российского императорского флота? — спросил немец со странной печалью в голосе. — Так вот я — тот человек, который первый поднял на их стенах морские флаги кайзера.

— Каким это образом? — удивился Шульгин.

— Хотите — верьте, хотите — нет, но я лично захватил в плен весь русский черноморский флот, не считая кораблей, успевших уйти в Новороссийск. За что был удостоен Рыцарской короны к Железному кресту и произведен в корветтен-капитаны.

— Не мало ли? — удивился Шульгин. — За такой подвиг вас следовало сделать не менее чем капитаном цур Зее. Если не адмиралом.

— О чем вы говорите, — махнул рукой фон Мюкке. — Не то было время. Да и русский флот фактически уже и так капитулировал исходя из условий Брестского мирного договора.

Но тем не менее в историю этот факт войти должен... — Он начал рассказывать, как летом 1918 года командовал Дунайской полуфлотилией катеров и совершил по собственной инициативе отчаянный бросок из устья Дуная в Крым, на несколько часов опередив сухопутную армию...

Между тем мельком сказанные слова капитана о посторонних глазах почти немедленно претворились в жизнь.

В зал вошли двое мужчин, сравнительно молодых, один в широком клетчатом пальто и ботинках с крагами, другой в обыкновенной, по сезону, офицерской форме без погон.

Стряхнули с головных уборов дождевые капли, по-своему, будто ежедневно тут бывали, прошли к буфету, выпили у стойки по хорошему стаканчику местной водки, закусили бутербродами с балыком, непрерывно о чем-то говоря, быстро, громко и посмеиваясь, после чего удалились.

Однако всего один, мгновенный, но, безусловно, профессиональный взгляд в свою сторону Сашка уловил.

Тут ему уже никакие дополнительные симптомы не требовались. Инфицирован его клиент, самой популярной в этом мире бактерией инфицирован.

Слава богу, так бы просто все остальные диагнозы устанавливались...

...Поскольку после окончания войны доблестный капитан фон Мюкке ничем особенным себя проявить не имел возможности, его рассказ естественным образом обратился к

прошлому, и Шульгин узнал много интересного о рейде знаменитого крейсера «Эмден», о его последнем бое, чудесном спасении тогда еще лейтенанта фон Мюкке с частью экипажа, долгом пути на парусной шхуне от Кокосовых островов до Красного моря, пешем переходе через Аравию и Турцию, стычках с отрядами диких, проанглийски настроенных бедуинов и, наконец, о триумфальном возвращении в Берлин зимой 1915 года.

Вполне пристойный сюжет для какого-нибудь Сабатини, дань памяти последним корсарам-рыцарям, на смену которым пришли беспринципные и жестокие адепты неограниченной подводной войны.

Причем, судя по всему, немец не врал. Об «Эмдене» Шульгин читал давным-давно, но, естественно, в советской трактовке, не оставлявшей места сколько-нибудь положительным оценкам действий «исторического врага».

— И отчего бы вам не описать все, что вы мне рассказали? — поинтересовался он, срезая гильотинкой кончик очередной сигары. — Может получится увлекательный авантурный роман. Особенно если отойти от слишком конкретной привязки к реалиям...

— Я пытался, — в голосе капитана прозвучало сожаление, — но в таланте беллетриста мне, очевидно, отказано. Получается не более чем отчет для адмирал-штаба, каковой я и так в свое время представил по команде, отчего имел определенные неприятности, поскольку мои оценки и рекомендации по ближневосточным делам разошлись с точкой зрения министерства иностранных дел.

Вот если бы найти подходящего соавтора... Но что это мы все обо мне да обо мне? В вашей жизни, мне кажется, тоже есть немало интересного и поучительного. Разве не так?

— Пожалуй, и мы непременно поговорим и об этом. А пока мне крайне любопытно услышать завершение вашей истории. Что, наконец, привело вас снова в Севастополь? Единственно сентиментальные воспоминания и желание вновь пережить ощущение былого триумфа?

Сашка знал, что разговор на родном языке в чужой стране

плюс солидная доза спиртного расслабляют почти любого, а немец явно не был профессиональным разведчиком.

— Да, разумеется, нет! — Несмотря на вполне приличное для немца количество выпитого, фон Мюкке выглядел почти совершенно трезвым.

Именно почти, поскольку наметанный глаз Шульгина видел, что на самом деле капитан «хорош», просто привычка к самоконтролю позволяет ему говорить связно и координировать движения.

Ну и несколько чашек крепчайшего кофе, от которого у обычного человека давно бы прихватило сердце, тоже помогали держаться. Как говорил Сашкин институтский профессор: «Это предрассудок, что кофе отрезвляет. Он просто помогает пьяному дольше сохранять активность».

Но в глазах его мелькнуло нечто такое... Человек, которому приходится врать даже и профессионально, не в силах контролировать абсолютно все эмоции, надо только знать и уметь замечать недоступные непосвященному тончайшие изменения мимики и настроения пациента.

— В попытке найти свое место в послевоенном мире я решил попробовать себя в недостойном приличного человека ремесле коммивояжера...

— Вы? — искренне удивился Шульгин. — И чем же вы торгуете?

— К счастью, не галантереей. Мои... наниматели предложили мне, как специалисту, попытаться продать русскому флоту, поскольку он теперь является фактическим владельцем линейного крейсера «Гебен», он же «Явуз Султан Селим», имеющиеся на заводе фирмы «Блом унд Фосс» запасные орудийные стволы главного калибра от однотипного с «Гебеном» крейсера «Мольтке». А также фирма берется изготовить все необходимые для текущего и капитального ремонта детали котлов, машин и элементы корпусных конструкций. Также — взять на себя все работы по модернизации корабля. Вот и все.

«Это может быть и правдой, — подумал Шульгин. — А может и не быть. Для такой миссии на фирме наверняка есть более подготовленные специалисты: инженеры-кораб-

лестроители, финансисты... Зачем им строевой офицер? При их-то безработице. Но пусть будет так.

Легенда ничуть не хуже всякой другой. Да и меня (в виде данной личности) она не касается никаким краем. Поговорили, приятно провели время и расстанемся, обменявшись визитными карточками, с взаимными уверениями в желательности и приятности грядущей встречи...

А вот для Кирсанова, конечно, придется направить сообщение. Пусть хорошенько проверит странного (с точки зрения русской контрразведки, конечно) визитера.

Кто ему выдал визу и разрешение на посещение Главной базы, когда, с чьей подачи и так далее...»

Шульгин проводил фон Мюкке до номера, который оказался на одном этаже с тем, который занимал он сам, и они весьма тепло простились, условившись, если получится, встретиться за ужином.

ГЛАВА 7

Слежку за собой Шульгин заметил почти сразу же. Причем велась она явно не силами местной контрразведки. Об этом он с Кирсановым договорился.

Городская полиция такими вещами не занимается по определению.

Значит?..

Или «хвост» из Москвы, или — конкурирующая фирма?

Стоп, стоп! Не из этой ли компании были ребята, в самый раз захотевшие пропустить по рюмочке? И мельком подметившие, как два иностранца уединились в укромном уголке.

Значит, за капитаном наблюдение давно установлено, а он этого пока только опасается (чего бы иначе он вообще старался укрыться за колонной?).

Раз так, любой новый человек, появившийся в его обществе, просто обязан привлечь интерес и вызвать соответствующие в свой адрес действия.

А если все наоборот и слежка вызвана тем, что некто за-

ранее был информирован об уходе с «Призрака» и в курсе преобразования Александра Шульгина в Ричарда Мэллони?

Нет, вот это как раз вряд ли. Здесь все-таки Россия начала века, а не СССР и не США его конца.

Ни аппаратуры, позволяющей фиксировать перемещения оснащенного «жучком»-маячком человека, здесь нет, ни специалистов соответствующего профиля и класса.

Уход свой он организовал безупречно, о нем не знал абсолютно никто, кроме Андрея.

Разве что, в порядке бреда и чтобы не оставить не рассмотренной ни одну из теоретических возможностей, допустить, что Воронцов или Левашов имеют возможность отслеживать перемещения и местонахождение каждого из своих биороботов. Вот они и засекли потерю.

Тридцать пять из сорока имеющихся роботов остались на «Валгалле», пятерых Воронцов передал Новикову в качестве экипажа «Призрака». Вот одного из них Андрей и предоставил в Сашкино распоряжение на роль слуги, помощника и охранника.

И если предположить, что на каком-то пульте центрального компьютера парохода фиксируется, что один из роботов оказался не там, где остальные, не на борту яхты, а в Севастополе...

А что тогда? Даже если допустить, что такое возможно и данный факт вызвал бы у Дмитрия сомнения, то Воронцов мог бы немедленно с «Призраком» связаться и все выяснить.

Если только... Если Воронцов, Берестин или Олег давно уже ведут собственные игры, имеют собственные спецслужбы и крайне интересуются его, Шульгина, планами.

Да нет, это уже чистый бред! Не соответствует такой ход мысли и стиль действий ни одному из упомянутых персонажей. Уж настолько он в людях разбирается.

Значит, скорее всего имеет место все-таки туземная инициатива.

Однако... Что-то слишком быстро жизнь начинает приобретать здоровую увлекательность. С первых часов пребывания в новой ипостаси.

...Вели его двое. Возможно, филеров в операции участвует больше, но заметил Шульгин пока двоих.

Фланирующий под зонтиком господин средних лет в не по погоде светлом чесучовом костюме и шляпе-канотье. Словно бы курортник, не желающий упускать ни дня, ни часа отдыха и заменяющий лежание на пляже прогулкой и ингаляцией целебным морским воздухом.

Второй — разносчик папирос с лотком через плечо, парень лет двадцати. Возраст слишком зрелый для столь пустячного занятия. И погода совершенно не подходящая для этого рода бизнеса.

Зато — благоприятная для филерства.

Позволяющая, как бы в поисках покупателей и одновременно — укрытия от дождя, хаотично перемещаться вдоль и поперек бульвара, заскакивать в подъезды, под металлические козырьки и матерчатые маркизы над витринами магазинов и вновь стремиться дальше, к выходу из кинематографа или к трамвайной остановке, выкрикивая время от времени рекламу своего товара.

«Месаксуди», пачками и на россыпь, «Ира», «Дюбек», «Дукат», «Кара-Дениз» — метр курум, два бросаем, гильзы, машинки, табак на любой вкус, налетай, честной народ!

Сейчас не купишь, через час уши опухнут... Хошь на копейку, хошь на рупь, в кредит тоже отпускаем, каждому найдется!»

А дождь продолжался, неостановимый, словно здесь был не Севастополь, а Батум.

С юга наваливалось на город тучевое небо, рыхлое, гасившее все проблески света и погружавшее окрестности даже в полдень в мутный сумрак.

Казалось, этот сумрак сбегает, журча и плескаясь, по бесчисленным водосточным трубам, оцинкованным или окрашенным вспухшей и шелушащейся от старости бурой краской, по обращенным к морю ливневым стокам, вливается в пенистое море, растворяясь в нем и мутя без того непрозрачную воду.

Во мгле ревели простуженными сиренами и тускло блестя мокрыми бортами недовольные пароходы, рейдовые

буксиры, моторные катера и паровые фелюги, держащие переправу с Южной на Северную сторону.

При наличии большого зонта, непромокаемого плаща и крепкой обуви такая погода даже приятна.

Островатый, пахнувший рыбой и водорослями воздух, музыкальный звон согласованно певших водосточных труб, успокаивающий, рассеянный серый свет...

Шульгин неторопливо шел по вымощенному мокро блестящей брусчаткой тротуару в сторону Владимирского собора, краем глаза наблюдал отражающиеся в зеркальных стеклах витрин маневры своих шпииков.

Квалификацией до «наружников» семидесятых-восьмидесятых годов они явно не дотягивали.

Но, возможно, уровень их подготовки соответствовал степени наблюдательности и ловкости современных им объектов.

Не приучены еще здесь люди узнавать филеров по единственному неосторожному взгляду, немотивированной напряженности или, напротив, расслабленности позы, темпу движений, по множеству иных мелких и мельчайших признаков.

Очевидно, что цель агентов — отслеживание его возможных контактов. Вряд ли планируется силовая акция вроде «официального» ареста, похищения или даже физического устранения.

Впрочем, опыт предыдущих покушений, организованных тайной транснациональной организацией, которую условно окрестили «Системой», свидетельствовал, что проблем нравственного характера у противников не существует.

Но и сам Шульгин прошлой зимой достойно ответил неприятелю, организовав взрыв в «Хантер клубе», унесший жизни почти всех высокопоставленных функционеров организации, а главное — квалифицированных руководителей службы безопасности «Системы».

По данным Агранова, та акция имела шоковый эффект. Похоже, высшее руководство «мировой закулисы» намек поняло и последние полгода заметной активности на территории Югороссии не проявляло.

Но это не значит, что оно свернуло свою деятельность. Скорее — изменило тактику, а то и стратегию.

Вполне разумно предположить, что и следят сейчас за ним как раз люди «Системы». Обеспечивающие прикрытие немца или — если он не их человек — присматривающие и за ним тоже.

Если их полно было в руководстве бывшей советской ВЧК, так и в белом Крыму отчего их должно быть меньше?

Утешало что?

Кирсанов после победы капитально профильтровал штаты врангелевского «Освага», создал на его месте практически новую организацию. Да и вообще вербовать прошедших три года жесточайшей братоубийственной войны русских офицеров-контрразведчиков западным агентам технически куда труднее, чем евреев-интернационалистов красной охранки, имевших многолетние зарубежные связи, как деловые, так и родственные.

Поэтому вряд ли стоит опасаться, что неизвестный пока противник работает с помощью или под крышей местного отделения госбезопасности.

С дилетантами же и разговор будет другой.

Если его предположения верны, фон Мюкке может оказаться вдвойне полезным человеком, и наметившиеся отношения прерывать никак нельзя.

Вот только остается вопрос, за кого «они» держат сэра Ричарда Мэллони?

Считают его напарником и связником немца (если он не их человек, а представитель конкурирующей фирмы) или, напротив, видят в нем агента неприятеля, ищущего подходы к человеку «Системы»?

Как бы то ни было, есть шансы позабавиться. Но полагаться придется только на себя и робота Джо, которого немедленно следует перепрограммировать из патриархального «верного слуги» в такого Джеймса Бонда.

Вдвоем против всего мира. Вполне нормальное соотношение сил.

Шульгин несколько ошибся насчет квалификации шпионов.

На третьем квартале папиросник, сообразив, что выход за пределы территории, на которой он, согласно легенде, торгует, может показаться объекту подозрительным, условным, но сразу расшифрованным Сашкой жестом передал вахту напарнику — франтоватому наемному посыльному в красной каскетке, отиравшемуся якобы в поисках нанимателя у вертящихся стеклянных дверей Пассажа.

Эти посыльные, именуемые в просторечии «красными шапками», брались доставить, кто пешком, а кто на велосипеде, письмо, букет цветов с визитной карточкой или коробку конфет для дамы сердца, покупку из магазина в любой конец города, быстро и за умеренную плату.

Весьма удобное прикрытие — «красную шапку» можно встретить где угодно, бегущего с поручением, лениво слоняющегося в ожидании нового клиента, отдыхающего от трудов праведных на скамейке бульвара или в кофейне.

И внимание они привлекают не больше, чем почтальон в известном детективном фильме. Вообще словно не человек, а голая функция.

Судя по всему, не пустячную роль отводят неизвестные господа новозеландскому путешественнику.

Шульгин не видел, чтобы посыльный его обгонял, значит, ждал здесь своего часа. И, наверное, подобные ему ребята караулят на всех прилегающих улицах, куда бы ни вздумалось ему направиться, выйдя из гостиницы.

А фланер в чесуче, похоже, у них вроде разводящего. Или — обеспечивающий операцию.

Раций-то у них пока нет, вот и приходится руководить в пределах прямой зрительной связи с помощью условных жестов и поз.

Вон сейчас ведущий облокотился о парапет набережной и бросает чайкам кусочки булки. Это что-нибудь значит или просто мотивированная остановка в удобном для наблюдения месте?

Шульгин, не обращая больше внимания на «хвост», дошел до полицейского участка, минут за десять прошел процедуру регистрации, получил в паспорте отметку, позволяющую находиться на территории Севастополя и всего Южного берега

до 30 суток, и той же неспешной походкой направился обратно в «Морскую».

Осмотру исторических достопримечательностей погода не благоприятствовала. Даже столь привычный к климату любых частей суши странник по мере сил предпочитал придерживаться библейского завета: «Все хорошо во благовремении»...

...По широкой пологой лестнице, застеленной серо-голубой ковровой дорожкой, он поднялся в бельэтаж гостиницы.

Четырехметровой высоты коридоры со сводчатыми потолками, почти такие же высокие, крашенные эмалью «слоновая кость» двери номеров с застекленными верхними филенками, запахи мастики для полов, какая-то особая гулкая тишина вдруг напомнили ему военную гостиницу, в которой довелось жить, попав единожды за два года службы в командировку в Хабаровск.

Только там все выглядело запущенным, разрушающимся, ощутимо старым, даже древним. Этакий случайно уцелевший сколок дореволюционной жизни.

Здесь же наводненный паркет отражает свет бронзовых люстр и бра, дверные ручки и круглые дощечки номеров сияют самоварным золотом, глянцеви́тая краска оконных рам и дверей нанесена словно лишь вчера.

Угловой трехкомнатный номер люкс окнами холла выходил на море, кабинета — на неширокую, мощенную булыжником улицу с трамвайными путями посередине, а к спальне примыкал обширный крытый балкон, нависающий над тихим зеленым двором, где на веранде уныло мокли столики летнего кафе.

Шульгин приказал роботу Джо, вскочившему, как и положено вышколенному слуге, с диванчика, на котором он якобы отдыхал, принести и открыть третий и пятый чемоданы.

В третьем, который вряд ли поднял бы в одиночку обыкновенный носильщик-человек, кроме положенного странствующему рыцарю оружия: охотничьей двустволки «зауэр», штуцера Снайдера с оптическим прицелом для стрельбы по крупной дичи, пистолета «маузер» с ореховой кобурой-при-

кладом, весьма популярного в начале века у путешественников в качестве легкого карабина, хранились и более специфические предметы.

Минимально необходимый комплект для «быстрого реагирования» — отразить скоротечную агрессию и, в случае необходимости, с боем пробиться к тайнику с более серьезной техникой.

В кофре находились: пистолет-пулемет Судаева—Шульгина, с большим искусством и выдумкой переделанный Сашкой из стандартного «ППС», портативный снайперский карабин собственной конструкции, стреляющий ртутными пулями, запас обычных и фотоимпульсных гранат, с килограмм супермощного эластита, набор всевозможных взрывателей к нему.

Ну и, конечно, потребный «на первый случай» запас патронов. Основная часть тяжелого оружия и боеприпасов, общим весом килограммов триста, хранилась в специальных коробках и ящиках, тщательно смонтированных под днищем и между бортами «Доджа».

В кармане плаща Шульгин постоянно носил лишь штучной работы «ТТ» с удлинненным на пять сантиметров стволом и особо мощными патронами, а в открытой кобуре под мышкой — девятимиллиметровую восемнадцатизарядную «беретту».

Роботу он велел взять и спрятать под пиджак испанский «маузер-астра» с приставным магазином и переводчиком на автоматический огонь, к которому подходили отечественные патроны 7,62.

Любой ценитель оружия знает, что данная модель намного превосходит по всем характеристикам германский прототип.

Этот пистолет теоретически мог прицельно стрелять на 200 метров, и, готовясь в поход, Шульгин убедился, что на указанной дистанции робот в тире уверенно поражает все жизненно важные органы человека, изображенные на ростовой мишени.

Затем Шульгин подобрал в пятом чемодане необходимый по прогнозируемой обстановке комплект технических спец-

средств: видеокамеру для установки под потолком гостиничного коридора, «жучки»-микрофоны, датчики массы, капсулы с усыпляющим газом.

...В крокодиловой кожи чемоданчике, очень похожем на дорожный несессер богатого, уважающего себя путешественника, у него помещался специальный вариант компьютера — своеобразный гибрид земной и форзейлианской техники, с жидкокристаллическим экраном изнутри крышки, основной памятью в пять гигабайт и оперативной в 128 МгБ.

На Земле таких делать пока не умели, самый лучший «Макинтош» или «Атари» имел характеристики в сотню раз хуже, а главное — нуждался в сетевом питании.

А еще этот компьютер служил в качестве блока управления биороботами.

Шульгин нашел соответствующую подпрограмму и с быстротой виртуоза-пианиста запорхал пальцами над сенсорными полями, вводя задание на изменение внешности и специализации Джо.

...Через полчаса по лестнице черного хода ресторанной кухни осторожно, с трудом нащупывая негнувшимися ногами каждую следующую ступеньку, спустился, опираясь на ветхий зонт-трость, до удивления старый еврей.

Классический хасид, может быть, даже цадик¹, в лапсердаке, круглой шляпе, железных очках, с длинными седыми пейсами. В левой руке он бережно нес латунные судки, в которые здесь, на кухне, отпускали беднякам по дешевке не доведенные клиентами и не представляющие интереса для obsługi остатки первых и вторых блюд.

Преодолев не менее опасную для больного старика, чем для опытного альпиниста северный гребень Эвереста, лестницу, еврей потащился со скоростью усталой черепахи по Большой Морской.

Очень похожий прототип Шульгин заметил, въезжая утром в город на окраинной улочке Корабельной слободы, и решил, что, с одной стороны, удивления он не вызовет и вни-

¹ Цадик — духовный авторитет у религиозных иудеев.

мания филеров не привлечет, а с другой — практически исключается возможность нежелательной встречи двойников лицом к лицу на людной центральной улице.

Конечно, Сашка мог бы остановиться на менее экзотическом варианте маскировки, но так уж ему захотелось. Причуда мастера.

Старик, часто отдыхая и цепко оглядывая во время остановок окрестности, дотащился в конце концов до бело-зеленого двухэтажного особняка с малоприметной вывеской «Севастопольское отделение Агентства специальной государственной информации», по сути — аналога совдеповского ГПУ.

Правда, само название учреждения подчеркивало, что контрразведка никаких карательных, судебных функций не имеет и исполнением наказаний тоже не занимается, а всего лишь информирует надлежащие власти о событиях, имеющих происходить в сфере ответственности означенного ведомства.

Однако знакомая многим по советским временам табличка на двери «Прием граждан круглосуточно» присутствовала и здесь, только в более мягкой и уважительной редакции — «Прием господ посетителей — в любое время».

Дежурный чиновник в партикулярном платье, но выправкой и манерой держаться весьма напоминающий офицера, поднял глаза на господина посетителя и не удержался от удивленного междометия.

Нечто вроде простонародного «во, бля», но не обязательно дословно.

Вертя в руках карандаш, чиновник молча наблюдал, как старый, скорее даже древний, еврей, поставив на пол судки, роется в многочисленных карманах.

Наконец он извлек желтоватый почтовый конверт и произнес, астматически похрипывая, с великолепным одесско-местечковым произношением:

— Я, конечно, ужасно извиняюсь, только один молодой голодранец из наших отчего-то не захотел сам дойти до вашего уважаемого заведения и попросил меня занести этот конвертик. Вам, мосье Нахамкес, сказал он, совсем нетрудно будет заглянуть туда по дорожке. Вы же все равно давно уже никому не нужны из ближних, так сделайте пользу дальнему.

Занесите, сказал мне этот не очень вежливый шабат-гой¹, и обязательно дождитесь ответа...

И он уже прав, скажу я вам. Спешить мне давно совсем некуда, тем более что в Севастополе таки нет как нет еврейского кладбища...

Чиновник, выслушав, улыбаясь, тираду, взял конверт. Достаточно коряво и не слишком грамотно на нем было написано синим карандашом: «Господину начальнику лично в собственные руки».

Чиновник служил не первый год и хорошо знал, что в их контору информация поступает самыми разными путями и о ее важности никак нельзя судить по способу доставки, как бы карикатурно он ни выглядел.

— Хорошо, мосье Нахамкес, подождите вон там на скамейке. Можете курить, если угодно...

— Спасибо на добром слове, только я лучше пешком постою. Если мне сесть, так уже трудно будет подняться. А насчет закурить другое спасибо, особенно когда вы мне уотсите...

Продолжая усмехаться и прикидывая, как эту историю можно будет преподнести друзьям за вечерним преферансом, чиновник хлопнул ладонью по механическому звонку, вызывая вестового, и протянул еврею портсигар, набитый отличными турецкими папиросами «Кара-Дениз». В примерном переводе — «Черноморские».

С известных времен они поступали в Россию в неограниченных количествах и были так же дешевы и популярны, как «Шипка» и «Солнце» во времена развитого социализма.

Начальник отделения, моложавый, хотя уже седеющий подполковник с университетским значком и терновым венцом участника Ледяного похода на ките, костяным ножом вскрыл конверт, извлек квадратик хорошей вощенной бумаги, на котором совсем другим почерком и стилем было написано: «Призрак 26/10».

Прошу сообщить, проводятся ли сегодня какие-либо оперативные мероприятия в отношении одного из постояльцев

¹ Шаба-т-гой — еврей, не соблюдающий праздник Субботы.

гостиницы «Морская». Если нет — «нет». Если да — фамилия объекта разработки.

В любом случае прошу до завтрашнего утра своих людей к гостинице и ее близким подступам не направлять. Подателю сего выдайте 3 рубля из соответствующих сумм».

Перед своим уходом Шульгин условился с полковником Кирсановым, что тот передаст спецсвязью приказ начальникам всех губернских и городских управлений контрразведки России оказывать необходимую помощь и содействие лицу, назвавшему пароль «Призрак».

Тот же пароль с добавлением текущей даты и месяца предписывал начальникам управлений, отделов и отделений сообщать обратившемуся оперативную информацию любой степени секретности.

Если же к паролю добавлялись цифры не только даты и месяца, но и часа с минутами, то подразделение АСГИ целиком переходило в полное подчинение предъявителю сего.

Крайне просто, надежно, а главное, исключает всякую возможность злоупотреблений со стороны самих контрразведчиков.

Просто потому, что никому не ведома степень универсальности пароля.

Вполне ведь возможно, что для ялтинского или ставропольского начальника службы это же кодовое слово требует совсем других дополнений или, еще того проще, означает прямо противоположное: немедленно задержать произнесшего пароль и этапировать в центр «по первой категории».

...Получив ответ, тоже в заклеенном конверте и с присокуплением двух потрепанных рублевых бумажек и горсти мелочи, Джо поплелся по улице, присматривая место, где можно без помех избавиться от уже ненужной маскировки.

Однако не успел. Из подворотни двухэтажного дома с широким балконом на чугунных колоннах шагнул ему навстречу поджарый молодой жлоб в фуражке-мичманке, с прилипшей к нижней губе папиросой.

— Ну, жидовская морда, иди-ка сюда. Рассказывай, зачем в «хитрый домик» ходил, кого из ребят закладывал?

При этом он сжал руку Джо через ветхую ткань лапсердака так, что старому человеку стало бы по-настоящему больно.

Подобный расклад программа работа предусматривала.

Постанывая и похныкивая, бормоча жалкие слова, Нахамкес подчинился, с трудом успевая за парнем, кое-как доплелся до середины темной, воняющей кошачьей и человеческой мочой подворотни.

Потом спокойно взял левой, похожей на куриную лапу, рукой обидчика за запястье, совсем чуть-чуть придавил.

От неожиданной острой боли (лучевая и локтевая кости сломались сразу) парень взвыл, завертелся на месте.

Правой снизу вверх Джо ударил его в подбородок. Наверное, так бил партнеров на ринге пресловутый Мохаммед Али, он же Кассиус Клей.

Не интересуюсь, жив агент или уже нет, робот обшарил его карманы.

Не нашел ничего интересного, кроме бронзового тщательно выточенного кастета. Наверное, безработные лекальщики с морзавода делали на заказ.

Джо перебежал через двор, где, по счастью, не оказалось никого из жильцов, и собаки тоже не было, к дощатой уборной на три очка, сбросил в дыру и лапсердак, и очки, и шляпу. За следующие пять минут преобразился в статного морского унтера сверхсрочной службы.

Вышел, огляделся по сторонам, сплюнул, закурил и развралочку, с видом никуда не спешащего человека направился окольными переулками в сторону гостиницы.

Получив ответ из контрразведки, Шульгин знал теперь все необходимое и мог планировать дальнейшие действия.

Вернул роботу исходную внешность, отдал очередные распоряжения на ближайшее время и вновь уединился в кабинете.

На своем портативном компьютере он открыл папку «Персоналии» и набрал на клавиатуре имя Гельмута фон Мюкке.

В памяти этого раздела содержалась информация обо всех людях, живших во второй половине XIX и XX века, хотя бы раз упоминавшихся в любой справочной литературе, хра-

нящейся в Ленинской, Конгресса США и аналогичных им библиотеках цивилизованного мира.

Естественно, из реальности, условно называемой «№ 1», или же — Главной исторической последовательностью.

Соответствующая статья высветилась на экране почти мгновенно:

«Мюкке, Гельмут фон. 1881—1957. Корветтен-капитан кайзеровского флота. В 1914 г. — старший офицер легкого крейсера «Эмден». В 1916 г. — командир германо-турецкой речной флотилии на Евфрате, в 1917—1918 гг. — командир Дунайской полуфлотилии катеров. Кавалер Железного креста 1-го класса, Рыцарской короны к Железному кресту (аналог Рыцарского креста Третьего рейха), австро-венгерских и турецких медалей. С 1918 г. в отставке. С 1919 г. член НСДАП. С 1929 г. руководитель движения за объединение НСДАП и КПГ. После 1933 г. за свои взгляды неоднократно арестовывался гестапо. После 1945 г. сторонник Стокгольмского Движения за мир и противник ремилитаризации ФРГ. Писатель, историк, философ, публицист. Умер 30.06.57 в Аренсбурге, Шлезвиг-Гольштейн».

Шульгин выключил компьютер. Все сходится. Ни в одном слове капитан не солгал, если не считать цели своего появления в Севастополе.

Впрочем, почему солгал? Откуда ты знаешь, что и о целях своей поездки он сказал неправду? Не всю правду, так это совсем другое дело.

Какой разумный человек станет откровенничать перед незнакомцем, в чем-то даже подозрительным? Этническим врагом, если угодно.

Мог он, свободно, взять в качестве прикрытия поручение от фирмы. Поговорить, позондировать почву, даже заключить никого ни к чему не обязывающий «Протокол о намерениях».

Главное же то, что на данный момент он член нацистской партии (да какая там партия, сотни две-три в ней сейчас членов, не тридцатый пока год, а лишь двадцать первый. Даже до «Пивного путча» далеко) и, по определению, в «Систему» входить не должен.

А ежели он еще и сторонник объединения двух самых «веселых» в XX веке идеологий, то вполне может быть агентом... ну, если не Троцкого, то близких к нему платформ.

Интересно, крайне интересно...

И вдобавок фон Мюкке предстоит еще очень долгая жизнь. Точнее, предстояла, на иной, впрочем, исторической линии.

А здесь она может как и продлиться за отмеченные пределы, так и оборваться завтра, если даже не сегодня.

Поскольку в нее вмешался на первый взгляд не слишком значительный фактор — случайно подсевший за столик иностранец, искатель приключений. А во что выльется этот незапланированный «шаг в сторону» — не угадать и Держателям Мира.

(Здесь необходимо пояснение. Шульгин имел в виду высказанную неизвестным ему автором максиму: «Подчас всего один шаг в сторону от привычного маршрута способен изменить всю будущую жизнь человека».)

Он закрыл крышку «компа», встал, потянулся, окликнул слугу:

— Пойди, Джо, понаблюдай, на месте ли проживающий в номере 23 господин, и проследи, чтобы с ним ничего неожиданного не случилось до вечера. А я пока вздремну пару часиков по-человечески, в постели. Если господин фон Мюкке выйдет из номера раньше, с явным намерением отправиться в город, сделай так, чтобы он предварительно зашел ко мне. Но — без всякого насилия. Исключительно силой убеждения...

Никуда капитан до вечера не вышел.

Видимо, после хорошей дозы коньяка да под успокаивающий шум дождя, под мягким верблюжьим одеялом ему тоже хорошо спалось.

Поэтому Шульгин сам к нему заглянул примерно за час до ужина. С самыми серьезными намерениями.

Номер немец занимал не столь роскошный и дорогой, но вполне приличный, просторный, хотя и однокомнатный, с таким же, как у Шульгина балконом во двор.

«В случае необходимости, — подумал Сашка, — можно свободно перебраться по карнизу...»

Фон Мюкке только что закончил бриться (как джентльмен, второй раз за день) и благоухал хорошим мужским одеколоном с сухим горьковатым запахом.

Появление нового приятеля он встретил с энтузиазмом. Трудно сказать, насколько искренним.

— Только коньяк сегодня пить больше не будем, — сообщил фон Мюкке, улыбаясь. — Слишком вышибает из колеи. Лучше — местные вина. Говорят, они превосходны.

— Я тоже об этом слышал. Вот и проверим, насколько слухи соответствуют. Однако насчет коньяка вы тоже не совсем правы. Один мой знакомый говорил: спиртное в умеренных дозах полезно в любых количествах.

Немец, когда до него дошел юмор этой сентенции, которая, по определению, не могла принадлежать ни англичанину, ни немцу, долго смеялся, даже повторил ее, наверное, чтобы лучше запомнить.

Но юмор юмором...

— Присядем, господин капитан, — очень светски, в стиле какого-то романа начала этого или конца предыдущего века сказал Шульгин. — Нам есть о чем побеседовать. Причем — очень серьезно. Я понимаю, что мое вторжение в вашу жизнь может выглядеть странно и внушить такому человеку, как вы, обоснованные подозрения. Но тем не менее...

— Не совсем понимаю, о чем вы... — ответил фон Мюкке небрежно, но внутренне подобрался. Такие вещи Сашка ощущал на уровне безусловных рефлексов.

— Я могу производить впечатление человека эксцентричного и даже недалекого, но эта оценка будет не совсем правильной. Просто мои интересы и пристрастия не всегда пересекаются с плоскостью реальной жизни.

Общественное положение, приличное состояние и удаленность моей родины от центров мировой политики делают меня достаточно автономным от нее. Когда вы, европейцы, пять лет увлеченно уничтожали друг друга без всяких логически объяснимых причин, я предпочитал охотиться на антилоп в Кении и изучать пещерные храмы Аджанты в окрест-

ностях Аурангабада. Довольный тем, что могу не участвовать в охватившем мир безумии...

— И к чему вы это говорите? — нетерпеливо прервал немец слишком длинный, на его взгляд, период.

— К тому, — не обидевшись на невежливость собеседника, ответил Шульгин, — что, несмотря на приверженность буддистским принципам «неучастия» и «неделания», необходимость научиться выживать в экстремальных ситуациях сделала меня достаточно наблюдательным и, я бы сказал, сообразительным...

Он жестом руки остановил начавшего вновь открывать рот капитана.

— Все, все, перехожу к сути. Дело в том, что сегодня после завтрака я вышел прогуляться в город и немедленно заметил за собой довольно плотную и квалифицированную слежку. Она, кстати, продолжается и сейчас...

Фон Мюкке непроизвольно дернул головой, словно собираясь оглянуться, не притаился ли филер за плотной портьерой.

— Нет-нет, насколько я смог проверить, следят только за парадным и черным выходами из гостиницы. На этажи пока никто не проник, мой слуга за этим присматривает.

Но я продолжу.

Поскольку я абсолютно убежден, что проявлять ко мне нежелательный интерес на всем земном шаре основания имеет только раджа Элоры и Аджанты, а его юрисдикция и возможности так далеко не распространяются, я делаю вывод — следят на самом деле не за мной, а за вами. Вы об этом знаете?

Капитан хотел было ответить — «нет», но в последний момент удержался и просто пожал плечами.

— Честно сказать, Гельмут, — Сашка позволил себе некоторую фамильярность, — мне проще всего было бы не впутываться в дела, которые меня никаким краем не касаются, однако...

— Считаете себя чем-то мне обязанным или решили помочь из чистого альтруизма? — В голосе немца прозвучала ирония. Мол, заранее знаю все твои приемчики.

— Упаси бог, до альтруизма я никогда не опускался. Преследую исключительно личные интересы. В том числе главный — поучаствовать в очередном приключении. Я, признаться, коплю впечатления. К старости...

— Уж и не знаю, чем могу быть вам полезен. Ну, допустим, за мной следят. И за вами. А что здесь удивительного и загадочного? Только что закончилась очередная война. Следующая — на пороге, что следует хотя бы из переведенной вами газетной заметки.

В город, который остается пусть и тыловой, но базой военного флота, один за другим прибывают два иностранца. Один — то есть я — не так давно уже бывал здесь, в качестве оккупанта. Второй — то есть вы — что там ни говори, а подданный страны, с которой Югославия находится в состоянии конфликта, балансирующего на грани большой войны. Контрразведка любой державы не оставила бы данный факт без внимания.

Далее — названные персонажи встречаются и имеют продолжительную беседу.

Зачем, о чем? Почему бы и не понаблюдать за означенными лицами. Просто для профилактики. Убедительно с точки зрения местной, да и любой в мире контрразведки?

— На первый взгляд — вполне. Но лишь на первый. Вы каким образом добрались до Севастополя?

— Поездом. Через Варшаву — Киев.

— Визу получали в Берлине?

— Естественно.

— Долго ждали?

— Почти месяц.

— В анкетах писали о себе правду? Включая эпизод 1918 года?

— Чистую правду. К чему вы клоните? А, понял. Хотите сказать, что русская контрразведка давно выяснила обо мне все, что ее интересует, и вряд ли станет устанавливать здесь «плотную опеку»?

— Приблизительно так. Не того вы масштаба фигура, прошу прощения. Я — тем более. Если бы мы еще появились в Царьграде, в Чанаккале, да хоть бы и в Харькове, а здесь...

Думаю, вами интересуются несколько другие службы. Вряд ли югоросские.

— Чьи же тогда? — Фон Мюкке выглядел если не обескураженным, то удивленным. Возможно, он и на самом деле счел высказанную Шульгиным трактовку событий правдоподобной.

— Откуда мне-то знать? — в свою очередь, удивился Шульгин. — Не переоценивайте моих способностей. О здешней жизни, раскладе политических и прочих сил, о германорусских отношениях я знаю ровно столько, сколько можно узнать при нерегулярном чтении газет.

Пролистал, правда, пару книг, написанных бойкими иностранцами о здешних событиях по горячим следам, чтобы совсем уж профаном не выглядеть, но цену такого рода продукции вы и без меня должны знать...

Тут уж сами думайте, кому дорогу перешли. Но на меня рассчитывать можете, если вами интересуются не местные органы правопорядка, а, скажем... неофициальные, в том числе и зарубежные структуры. — Подумал с британской основательностью и добавил: — До определенных пределов, разумеется.

— Непонятный вы для меня человек, — со вздохом сказал немец. — Где, кстати, гарантии, что вы сами не принадлежите к тем же самым кругам, которые якобы следят за мной? И в чем может заключаться ваша помощь, каковы ее пределы?

— Гарантий, само собой, никаких быть не может. По определению. Да и зачем они? Ни о чем я вас расспрашивать, тайны выпытывать не собираюсь, участвовать в ваших делах — тоже. А помогу, как европеец европейцу, встреченному в джунглях и попавшему в беду.

Такие у меня принципы. Вот у меня пистолет есть, — он тут же продемонстрировал капитану «ТТ», вытащив его из кармана пиджака, — у слуги моего — надежный «маузер», стрелять мы умеем недурно.

Если к вам попробуют применить силу — сумеем защитить. Хотите, Джо будет вас сопровождать по городу? Буду уезжать на север — могу взять с собой, довезем до удобного вам места. Вот примерно все, на что вы можете рассчитывать.

Ну и, разумеется, буду держать вас в курсе, если слежка за мной получит продолжение.

— Благодарю за предложение. Если все так осложнится — непременно воспользуюсь. Вы когда думаете уезжать?

— По настроению. Дня через два, три. Я все же хотел бы осмотреть памятные места Крымской войны, царские дворцы, Ботанический сад. Лишь бы дожди закончились.

— Я думаю, поговорили мы достаточно. Пойдемте, на самом деле, ужинать, — предложил фон Мюкке.

— С удовольствием. Русские говорят: «Соловья баснями не кормят». В тот же самый ресторан предлагаете отправить-ся или...

— Считаю, лучше в другой. Помню еще по восемнадцатому году, здесь было достаточно заведений экзотических, «в кавказском духе».

Последнее он произнес по-русски, старательно выговаривая слова.

— Внизу у портье уточним, где помещается наилучшее из них. Надо же, чтобы было что вспомнить в старости...

Шульгин с энтузиазмом согласился, заявив, что изучение особенностей национальных кухонь всегда представляло для него интерес в посещаемых странах.

— Не поверите, в Южной Родезии я лакомился засахаренной саранчой, в Канаде индейцы угощали меня кишками оленя-карибу, запеченными вместе с содержимым... — Увидел, как скривился немец, рассмеялся. — Нет-нет, совсем не то, что вы подумали. Тонкими кишками, отнюдь не толстыми, где в самом деле... Перед тем как забить оленя, его кормят специальными ароматическими травами и кореньями, и они, еще не переваренные, лишь пережеванные и слегка сдобренные желудочными ферментами, придают блюду весьма пикантный вкус...

Ладно-ладно, пощажу ваши чувства. Насколько я убедился в Баку, кавказская кухня более традиционна. Посмотрим, что готовят здесь. — Уже спускаясь по лестнице, Шульгин добавил: — Заодно посмотрим, как поведут себя наши... симпатизанты. Или я совсем ничего не смыслю в жизни, или нас уже опять каким-то образом «пасут».

Ставлю две гиней против рюмки коньяка, что, пока мы будем расспрашивать портье о ресторане, немедленно объявится некто, называющий себя вашим или моим приятелем или просто вольным стрелком-чичероне, примется выяснять, чего мы хотим увидеть в этом городе, предложит куда лучший ресторан, девочек и все такое...

— А если нет? — поинтересовался фон Мюкке.

— Я же сказал: две гиней с меня. И будем смотреть дальше... Поедем на моем автомобиле. Джо нас отвезет, а потом из укромного места понаблюдает, прав ли я в своих предположениях.

— Принимается... — продолжая сомневаться и в то же время втайне радуясь, что судьба свела его со столь опытным и, по всему судя, надежным человеком, ответил капитан.

...Ездить на угловатых, вроде бы малокомфортных, но с мощными моторами и удивительно надежных «Виллисах» и «Доджах» российского производства тоже с некоторых пор стало весьма модно среди богатых, уважающих себя людей.

Даже и в Европе. А поскольку строились эти «вездеходы» (вернее, собирались, так как на месте штамповались и ковались только кузова и рамы, все остальное поставлялось с дубликаторов «Валгаллы») только в Югории, на екатеринославских и харьковских заводах, то и назывались машины отнюдь не так, как по привычке написал автор, а «Дон» и «Днепр» соответственно.

В свободную продажу, тем более на внешний рынок, поступало крайне ограниченное число экземпляров, и стоил каждый бешеных денег.

Примерно вдвое дороже, чем «Испано-Суиза», хотя вместо роскошной каретки, отделанной кожей, с мягкими диванами и хрустальными пепельницами, пассажирам предлагались лишь жесткие дерматиновые сиденья и хлопающие под ветром брезентовые тенты.

Зато мотор, зато подвеска! И высочайшая надежность исполнения.

Если на самом роскошном кабриолете и лимузине не только шины, но и сами колесные диски приходилось менять

через 300—500 километров, а за пределами городского асфальта и булыжника им вообще нечего было делать, то «Днепр» (он же «Додж 3/4») на своей всесезонной резине мог без остановки за сутки домчать от Севастополя до Москвы и за двое — до самого Берлина.

Независимо от погоды и иных привходящих обстоятельств. Причем расходуя в пять раз меньше горючего.

Свой джип сэр Мэллони, по легенде, приобрел в Баку, сойдя с парохода. На что имелись соответствующие документы.

Внешне он был очень похож на серийный, но делался Сашкой «для себя».

Имел штампованный титановый корпус с подкреплениями, противопульную бронезащиту сидений и мотора, на вид брезентовый, а на самом деле кевларовый тент, протектированные шины с автоподкачкой, компактный 250-сильный многотопливный дизель, соответствующую ходовую часть и механизмы управления.

Джо вывел машину из каретного сарая, предоставленного управляющим гостиницей в качестве гаража, Шульгин и фон Мюкке заняли места под тентом, и робот рванул из ворот, свернул в ближайший переулок, погнал в сторону Исторического бульвара.

От наблюдателей, сколько бы их ни было, они оторвались резко и надежно. Ни на извозчике, ни на автомобиле, если бы он у них даже был, утнаться за петляющим по улицам на сорокакилометровой скорости джипом было невозможно.

— Все. Потерялись, — сказал Шульгин, когда Джо остановил машину у крыльца ресторана, именуемого просто и без затей — «Тифлис», чтобы всем все было сразу понятно. Но и без вывески льющий из-за ограда густой запах древесного угля и жарящейся на нем баранины не позволял ошибиться.

— Проходите, выбирайте столик, я вас догоню. — Шульгин задержался около машины.

— Возвращайся назад, Джо. Машину оставь здесь, и бегом. Найди способ проникнуть в гостиницу незаметно. Через задние дворы, через балкон. В номере господина Гельмута я оставил микрофон. Запрись в наших комнатах, наблю-

дай. В случае чего поступай по обстановке, но никакого шума. Действуй.

За ужином, наслаждаясь великолепными шашлыками, нанизанными на стальные шампуры, посыпанными кислым порошком барбариса и корицей, обложенными зеленым луком, заедая их свежим лавашем и запивая марочными «Хванчкарой», «Вазисубани» и «Изабеллой», ни о чем серьезном не говорили.

Шульгин решил, что клиенту надо позволить созреть. Кроме того, интуиция подсказывала, что события на сегодня еще далеко не исчерпаны.

А пока он неторопливо жевал душистое мясо, маленькими глотками отпивал терпкое вино и допытывался у капитана, отчего германский морской Генштаб ограничился посылкой в океанское рейдерство всего трех легких крейсеров, оставив остальные бесполезно ржаветь в Гельголанде, Вильгельмсгафене и Данциге.

— Два десятка таких крейсеров, как ваш «Эмден», а тем более типа «Бреслау», заблаговременно прорвавшись в океаны, заставили бы англичан бросить на их поимку впятеро больше кораблей. Они мотались бы из Тихого в Индийский, в Атлантику и обратно, торговля и воинские перевозки были бы парализованы куда надежнее, чем всем вашим подводным флотом...

— Вопрос из разряда так называемых «проклятых», — прожевав очередной кусок, кивнул немец. — Во все времена независимо мыслящие люди недоумевали, пытаясь понять логику власть имущих, и указывали на очевидные, труднообъяснимые просчеты как в военных кампаниях, так и во многих других ситуациях.

Что, русский император Николай не мог в марте семнадцатого собрать три полка верных солдат и офицеров, совершить стремительный марш на Петроград и навести порядок? Предварительно публично расстреляв тех, кто приехал к нему требовать отречения... Были же у него надежные люди, раз потом, когда почти все уже было потеряно, нашлись для сопротивления большевикам и бойцы, и командиры.

Сашка не мог не согласиться с фон Мюкке. В принципе. Хотя о событиях февраля — октября семнадцатого, а особенно об их подоплеке знал наверняка гораздо больше.

— Затрудняюсь выносить категорические суждения о вещах, в которых недостаточно компетентен, но размышляя вообще...

Дело, по-моему, в том, что принимающий судьбоносное решение (если он не дурак в клиническом смысле слова) вынужден рассматривать одновременно целый ряд альтернатив в условиях дефицита информации о намерениях противника и последствиях тех или иных поступков.

А человеку свойственно вдобавок исходить, скорее всего подсознательно, из наиболее желательного, а не более вероятного развития событий...

— Интересно формулируете, герр Мэллони. Наверное, не первый раз на эти темы размышляете. Вы по профессии кто, историк?

— Скорее — психолог, — ответил Шульгин, искренне наслаждающийся беседой с умным собеседником, причем, что важно, принадлежащим к совершенно другому кругу, чем люди, с которыми он тесно общался последние годы. — А историк и географ я ровно в той степени, в какой это необходимо человеку, считающему себя профессиональным путешественником.

— Счастлив человек, который может посвятить себя любимому занятию без оглядки на финансовые, нравственные и тому подобные проблемы, — задумчиво и несколько печально сказал фон Мюкке.

— При чем тут нравственность? — удивился Шульгин. — Я, кажется, никаких безнравственных поступков не совершал. Скорее — наоборот.

— Успокойтесь, ничего обидного для вас я сказать не хотел. Я ведь что имел в виду — для вас практически не существует таких понятий, как долг перед фатерляндом, кайзером, кастой, представления об офицерской чести, безусловности приказов и нравственном императиве.

Вот мы, немцы, другие. В 1914 году я сталкивался, и неоднократно, с примерами исполнения своего долга резервис-

тами, офицерами и матросами. Оказавшись по той или иной причине на другом конце света, эти люди, узнав об объявленной мобилизации, любыми способами пытались добраться в Германию...

Даже на Соломоновых островах на наш крейсер обращались давно прижившиеся там немцы с просьбой включить их в состав экипажа. А вы, извините, в это же время охотились на антилоп...

Нет, я не осуждаю вас, я просто констатирую факт разницы психологий.

— Нормальное дело. Мы всего-навсего на триста лет раньше вас избавились от феодального стиля мышления. Долг вассала перед сюзереном.

«Рейх юбер аллес»¹ (он специально заменил в этом девизе «Германию» на «Империю», чтобы мысль прозвучала точнее). «Права она или нет, но это моя Родина» и тому подобные железные формулы.

Мы это переросли. Не все, может быть, но тенденция отчетливая. Если говорить обо мне, то я добровольно и со всем энтузиазмом вступил бы в армию в одном-единственном случае — если бы враг совершил не спровоцированную агрессию и высадился на берегах моих островов. Или если бы возникла совершенно реальная угроза самому существованию европейской цивилизации как таковой.

А воевать за колонии, за проливы, за право построить железную дорогу Берлин — Багдад... Увольте!

Фон Мюкке потер подбородок, задумался. Ответил после долгой паузы:

— Я только сейчас начинаю подходить к этой мысли. После катастрофического поражения и унижения германской нации. Урон нашей чести действительно был бы гораздо меньшим, если бы кайзер отказал Францу-Иосифу в поддержке и сохранил нейтралитет...

— Однако ваш кайзер, как мы уже сформулировали, принял решение исходя из ложно понятого, феодального прин-

¹ «Рейх юбер аллес» — империя превыше всего (нем.).

ципа монархов германской нации — раз, и из чересчур оптимистического прогноза течения, сроков и исхода войны...

Ведя этот, по видимости, пустопорожний разговор о проблемах, которые ему самому были давно понятны, Шульгин отнюдь не имел в виду просвещение или, паче того, перевоспитание классического, ну, может быть, чуть более умного и свободомыслящего немца первой послевоенной эпохи.

Он просто его тестировал, пытаясь определить те ключевые элементы личности, опираясь на которые можно использовать фон Мюкке в своих целях.

Во внутреннем кармане пиджака еле слышно пискнул вызов рации.

— Извините, Гельмут, я на минутку вас покину. — Шульгин встал и направился в сторону «мужской комнаты».

Облицованное зеленым кафелем, пахнущее не хвойным дезодорантом, а обычной хлоркой помещение было пусто. Громко журчала вода в старых, покрытых пятнами ржавчины трубах. Сашка закрылся в дальней от входа кабинке, включил рацию на прием.

— Сэр, докладываю, — зашелестел голос робота в динамике, — прибыл на место, занял позицию в вашем кабинете. Из окна вижу двух человек за кустами напротив входа в гостиницу. Там темно, и они считают, что хорошо замаскированы. Еще одного человека заметил на крыше со стороны двора. Он снабжен подзорной трубой и имеет возможность наблюдать за балконами и окнами обоих номеров. Меня он не видел. Жду распоряжений.

В достоверности слов Джо Шульгин не сомневался. Робот обладал стопроцентным ночным зрением, отлично видел и в инфракрасном диапазоне, в ловкости и бесшумности движений превосходил рысь и макаку одновременно, проникнуть в помещение хоть на третьем, хоть на десятом этаже, цепляясь пальцами за микроскопические зазоры между кирпичами, было для него пустячной задачей.

Дать ему соответствующую команду, и он обезвредит любое количество противников быстрее, чем они сообразят, что происходит. Только нужды в этом пока нет. Даже наоборот.

— Слушай. Если попытаются проникнуть в номер — спрячься, выясни их цели и намерения. Когда улик станет достаточно, чтобы предъявить их полиции, — задержи всех. Без лишнего шума. И — никаких покойников. Мне нужны вполне дееспособные «языки». Действуй.

Вытирая платком только что вымытые руки, Шульгин вернулся в зал. Занял свое место, щелкнул крышкой карманных часов. Скоро одиннадцать.

Если он все рассчитал правильно, примерно через час после полуночи можно ожидать попытки неизвестных нанести не оговоренный заранее визит. Только вот зверски плохо, что он по-прежнему не имеет представления об участниках интриги.

Из прошлого опыта следует, что люди «Системы», если это они здесь заняты, конечно, не останавливаются перед силовыми акциями любых масштабов.

Но, поскольку неизвестна цель, преследуемая неприятелем, невозможно так просто угадать, какие будут использованы средства.

Вообще, исходя из нормальной логики, факт появления в уже спланированной операции нового фигуранта требует пересмотра планов, согласования действий с руководством... Тогда какой-то запас времени есть.

Но руководитель с правом принятия окончательных решений может находиться здесь же и действовать в режиме реального времени.

И еще. Филеры-то русские, безусловно, а начальство? От национальности многое зависит. И методика, и результат.

Как бы еще раз аккуратно прощупать фон Мюкке, неужели же он совершенно не догадывается, в чем тут дело?

Что молчит, изображая полное неведение, — правильно, Шульгин и в острой ситуации без крайней нужды не стал бы откровенничать с первым встречным.

Со вторым и третьим, впрочем, тоже.

Но должен же быть способ его разговорить до того, как начнется стрельба. Условно выражаясь, на самом деле все может выглядеть достаточно мирно...

Очевидно, мысли Шульгина каким-то образом отразились на его лице, потому что капитан поинтересовался, не

опасается ли сэр Ричард, что на обратном пути в гостиницу их могут ждать определенные неприятности.

— Ах, вас тоже это заботит, — словно бы обрадовался Шульгин. — Конечно же, опасаясь. Я всегда опасаясь — тигра в камышах, встречи с раненым слоном или голодным медведем.

Потому и жив до сих пор, в отличие от многих и многих, поотважнее меня. Людей в малонаселенных местах я тоже опасаясь, особенно аборигенов. Никогда не угадаешь, что им придет в голову. Вы, кстати, не догадываетесь хотя бы, аборигены нам сели на «хвост» или это соотечественники, мои или ваши?

Фон Мюкке, кажется, решил на что-то. Но обставил свой ответ оговорками, чтобы не показать, что он на самом деле знает больше, чем пытается показать.

В том смысле, что если предполагаемая слежка имеет место, то вряд ли она «местного происхождения», поскольку за проведенное в России время не совершал абсолютно никаких действий, могущих вызвать пристальный интерес аборигенов.

Он не владеет никакими тайнами или даже заслуживающими внимания суммами наличных денег.

Он до сих пор не входил в контакт ни с кем, кроме начальника материально-технического отдела флота. Лишь завтра его обещал принять капитан над портом, контр-адмирал Лохвицкий, причем тема предстоящих переговоров сообщена ему заблаговременно.

— Тогда, очевидно, «хвостик» за вами тянется издалека. И вы, не знаю уж каким образом, попали в орбиту настолько влиятельных сил, которые в состоянии организовать за вами контроль на территории чужого государства. Конкуренты? Тогда суммы контрактов должны быть крайне значительны...

— Не очень. Порядка полмиллиона золотых рублей, если наши предложения примут по максимуму.

— Для кого-то полмиллиона может быть вопросом жизни и смерти. А если сюда еще и политика примешается... Впрочем, думайте сами, что и почему, я же могу только повторить ранее сказанное.

И в определенной мере пожалеть, что оказался «под копаком» вместе с вами.

Ну, хорошо. Что случилось, то случилось. Давайте допьем наш кофе и отправимся домой...

«Самое смешное, — подумал Шульгин, — что именно это может оказаться правдой. В Германии кризис, инфляция тысяча процентов в месяц, и такой контракт означает богатство для нескольких и спасение от голодной смерти для сотен человек.

Или еще проще — те же англичане просто не хотят, чтобы «Гебен» превратился в полноценную боевую единицу, и решили сорвать эту сделку. Тогда я бью в пустоту. Однако — будем посмотреть...»

Увидев, что Шульгин сам садится за руль, фон Мюкке поинтересовался, куда делся его слуга. Разве не спокойнее, когда рядом еще один надежный, хорошо вооруженный человек?

— Пока, — Сашка подчеркнул голосом это слово, — пока мы скорее всего в безопасности. Джо все тщательно проверил. Подозрительные люди здесь не появлялись. Кстати, две гиней я вам проиграл. Если только сам портье не агент неприятеля. Все равно — получите...

А вот возле отеля нас могут ждать... Поэтому я предпочел, чтобы Джо заблаговременно все проверил и обеспечил прикрытие на месте.

— Предусмотрительно, — не то с уважением, не то иронично произнес фон Мюкке. — Ваш слуга — бывший детектив? Или?..

— До того как я его нанял, Джо успел послужить в королевской конной полиции, да и потом побывал во многих переделках. Я на него полностью полагаюсь.

По ночным пустынным улицам, под успокаивающий шорох дождя по тенту до гостиницы доехали действительно без происшествий. Окна холла в номере Шульгина были темны. Вокруг здания не замечалось никакого шевеления.

Швейцар отпер входную дверь. Получил свой двугривенный и почтительно сообщил, что господина из двадцать

третьего номера (инострannую фамилию он не стал пытаться выговаривать) давеча спрашивали.

— Кто, надеюсь, женщина? — Сейчас Шульгин не стал ломать язык и задал вопрос на практически чистом русском языке. То, что спрашивали именно его, а не фон Мюкке, выглядело странно. Знакомых сэр Ричард в Севастополе точно не имел.

— Никак нет-с. Господин приличного вида. Не слишком молодой.

— Ничего не велел передать?

— Тоже нет-с. Он сначала поднялся наверх, а уже потом, не достучавшись, спустился и спросил. Портье и сказал, что вы ужинать отправились. Вместе с господином из двадцать шестого. Далеко и, наверное, надолго. Ну, тот господин и ушел...

Внимательно вслушивавшийся в разговор фон Мюкке мельком заметил, что Ричард отлично владеет еще и русским языком.

— Не то чтобы отлично, но владею. С детства увлекаюсь лингвистикой. А вы что же, совсем не знаете русского?

— Знаю. Намного хуже вас. Ровно в той мере, как можно выучить на слух за четыре месяца... И что вы думаете по поводу визита? Он ведь для вас не неожиданный?

— Строго в рамках нашего разговора. Учитывая, что я не знаю здесь ни души, кроме местного пристава...

Очевидно, ваши «приятели» торопятся. Что-то им от нас очень нужно. Угадать бы — что.

Поравнявшись с дверью шульгинского люкса, фон Мюкке стал прощаться.

— Подождите. Зайдем на минутку ко мне...

Притворив за собой дверь, Сашка повернул фарфоровую головку выключателя.

Представшая их взглядам картина была настолько выразительна, что немец непроизвольно выругался.

— Вот теперь я вижу, что был прав, — с удовлетворением сообщил Шульгин. — И мы наконец кое-что узнаем из первых рук.

*ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА**Октябрь 1921 г.**Эгейское море*

Пока Остелецкий оттягивал на себя внимание британских линкоров, мы с «Валгаллой» успели проскочить между островами Архипелага почти 15 миль. И начало складываться впечатление, что и дальше проскочим.

Английские эсминцы появились слишком неожиданно. Словно их командиры имели представление о возможностях наших локаторов. И сторожили нас именно там, где техника оказалась бессильной.

Возглавлял дивизион лидер типа «Вэндерер», имеющий характерный силуэт с двумя трубами разной толщины (1-я вдвое тоньше) и линейно-возвышенным расположением 120-миллиметровых пушек. Водоизмещение 1500 тонн, скорость 34 узла на испытаниях, реальная около 30.

При нем эсминцы типа «Мэнсфилд», четырехтрубные, по две трубы попарно, ближе к полубаку и почти в корме, вооружение — три 102-миллиметровые пушки, скорость проектная 35 узлов, реальная чуть больше 30, водоизмещение 1100 тонн.

Множество мелких островов хотя и создавали трудности в мореплавании, зато великолепно маскировали корабли от лучей радиолокаторов. Здесь куда больше пригодился бы самолет или вертолет-разведчик.

Нападение эсминцев входило в наши планы, только мы рассчитывали, что обнаружим неприятеля задолго до его выхода на рубежи развертывания и атаки. А практически их стало видно лишь за пять миль, даже несколько меньше, то есть на дистанции прямого артиллерийского выстрела. При скорости около 25 узлов через пять минут возможна и торпедная атака.

Сигнальщики «Валгаллы» с высоты ходового мостика, расположенного на уровне топов мачт яхты, обнаружили врага раньше, чем мы с Ларсеном. В этот момент мы находились примерно на две мили впереди парохода, «Валгалла» шла нам строго в кильватер.

Эсминцы, форсируя машины, шли наперерез строем пеленга. Ближе к нам четыре внешне неразличимых «Мэнсфилда», с левого фланга строй замыкал лидер «Вэндерер», выделяющийся своим высоким полубаком и двухъярусным расположением орудий. Перед началом похода Воронцов снабдил меня изображениями всех кораблей эгейского отряда, и я выучил их силуэты и тактико-технические данные наизусть.

Я тут же приказал играть боевую тревогу. Женщинам объяснил, что, если начнется стрельба, они немедленно отправятся вниз, в рубку. Ее титано-кевларовая броня в случае чего могла защитить от крупных осколков и, может быть, даже от прямого попадания снаряда английской скорострелки.

Роботы, со сноровкой комендоров пятого года службы, подняли наверх из подпалубных шахт и расчехлили двустольные универсальные автоматы. Выпуская по сто бронебойно-зажигательных снарядов 37-миллиметрового калибра в минуту, они могли серьезно испортить врагу настроение.

Утопить тысячетонный эсминец — это вряд ли, а вот смести с палуб и мостиков все живое, разнести в клочья приборы управления — запросто.

Но главная надежда у нас была на Воронцова. Не так давно, роясь в памяти главного компьютера, в который перед уходом из Замка мы перекачали содержание крупнейших книгохранилищ мира, Алексей наткнулся на проектно-техническую документацию новейшей (для 1984 года) шведской автоматической пушки.

Традиционно талантливые в артиллерийском производстве (достаточно вспомнить прославленные «бофорсы»), шведы придумали артсистему, посылавшую 155-миллиметровые снаряды на 20 километров.

Причем зарядание осуществлялось из магазинов по 14 снарядов, темп огня доходил до 60 выстрелов в минуту, а боевая скорострельность — до 42. По-моему, ничего подобного не было к тому времени ни у нас, ни у американцев.

Не знаю, какова была судьба этого монстра в нашей родной реальности, пошел он в серийное производство или остался изготовленным в одном экземпляре очередным курьезом.

Однако здесь Воронцов пришел в восхищение, при помощи дубликатора немедленно изготовил пушку и провел ее всесторонние испытания.

«Сложновата, конечно, и есть сомнения в ее боевой живучести, — подвел он итог, — но нам сгодится. Хотя бы и на один бой...»

Действительно, наблюдая за работой пушки, я даже не совсем верил в происходящее.

Кто присутствовал хоть раз при выстреле даже нормальной полевой пушки, меня поймет. Вообразите себе пулемет шестидюймового калибра, с немыслимым грохотом выбрасывающий очередями двухпудовые снаряды.

Не представляю, как вся эта конструкция не рассыпается вдребезги после первой же серии.

Однако пятьсот выстрелов пробный экземпляр выдержал, после чего Дмитрий изготовил целую шестиорудийную батарею и установил ее на спардеке «Валгаллы».

Интересно будет посмотреть, если первое боевое испытание Воронцов проведет по эсминцам.

Лично я бы этого делать не стал. Поберег «сюрприз» для более серьезного случая.

...Увидев, что неприятель стремительно приближается, я приказал Ларсену: «Право на борт, увеличить ход до 25 узлов» и вышел на связь с Воронцовым.

— Командир, думаю, момент назрел. Вводи параметры перехода, и будем ждать случая. Думаю, как только по мне пристреляются, закрывай яхту дымозавесой и...

Воронцов не возражал.

— У меня все и так готово. Только еще надо, чтобы они начали стрелять первыми. Чуть подождем, посмотрим, что будет... А ты пока давай, оверштагом заходи мне под корму.

Здесь он прав.

За исключением внезапного появления и приближения к нам на большой скорости, ничего агрессивного англичане пока не предпринимали.

Пока я разворачивался, пряча «Камелот» за высокий борт парохода, на стенах лидера появилась серия трехфлажных сигналов. Ларсен перевел:

— Требуют остановиться для досмотра согласно закону о предотвращении военной контрабанды. В случае невыполнения обещают применить силу.

Слово «обещают» робот явно употребил не к месту. Хотя, может быть, именно у англичан со стилистикой не все в порядке, или подходящего термина в своде сигналов не нашли. Но суть ясна.

Чисто формально англичане в своем праве. В японскую войну владивостокские крейсера тоже досматривали и при необходимости задерживали нейтральные корабли, в том числе и английские.

Однако имеется и своя тонкость — согласны мы считать происходящее между Турцией, Грецией и Англией именно войной и признаем мы право применять в данном случае закон о военной контрабанде или же нет. В отношении себя, разумеется.

Работа для юристов.

А на мой взгляд, решение простое — кто сильнее, тот и прав. Не думаю, что датчане, например, как бы они ни были правы, осмелились вооруженной силой задерживать в прошлую войну немецкие, советские или американские конвои.

Вот и сейчас — позволим мы себя остановить, примем на борт досмотровые партии, значит, действия англичан законны. Окажем успешное сопротивление — ни один международный суд не сможет опровергнуть нашу правоту...

И несмотря ни на что, выходящие в атаку эсминцы выглядят великолепно. Рациональные, строгие, простые, но изящные очертания. Буруны под форштевнями, срываемый ветром дым над волнами.

Намного красивее все это, чем советские БПК или американские фрегаты грядущих времен, перегруженные надстройками, антеннами, орудийными башнями и ракетными установками.

Вот вам и еще один довод за необходимость прекращения прогресса. Сколько я ни размышлял на эту тему, всегда приходил к тому же выводу — все, что придумано после 1930 года, за исключением разве что открытий в медицине, совершенно излишне для человечества.

Ничего принципиально не меняя в лучшую сторону, изобретения следующей эпохи только перегружали общество проблемами, многократно увеличивали количество жертв в войнах и разрушали природу.

«Валгалла», уклоняясь к весту, тоже прибавила ход. В принципе мы легко могли бы оторваться сейчас от преследования. Запаса мощности машин хватало.

Но планы у нас, как сказано, были другие, и Воронцов, точно все рассчитав, просто не позволял эсминцам пересечь наш курс, заставлял перейти к параллельному преследованию.

Через несколько минут они убедятся, что расстояние не сокращается, и станут перед выбором. Махнуть рукой, мол, не очень-то и хотелось, или...

Выбор их командир сделал даже быстрее.

Гулко хлопнула баковая пушка «Вэндерера», снаряд, посвистывая, пошел по траектории, лопнул, коснувшись воды, выбросил вместе с пенным фонтаном яркий оранжевый дым.

— Пристрелочным пальнул, для наглядности, — пояснил я девушкам. Ирина наблюдала за происходящим спокойно — и не такое видела, а у Анны загорелись глаза. Вот это настоящее приключение.

Ответ Воронцова последовал мгновенно и на том же языке. Правда, гром левой носовой десятидюймовки прозвучал не в пример солиднее выстрела стодвадцатки, и сине-зеленое водяное дерево с пенной кроной взметнулось выше мачт лидера.

Что бывает, когда такой снаряд попадает в эсминец, англичане — совсем не дураки в военном деле — прекрасно представляли. Не так давно могли убедиться на примере почти однотипных «Виттори» у Анатолийского побережья Турции.

Лидер резко переложил руль, лег на контркурс, за ним маневр четко повторили и остальные корабли. Но, вопреки нашим ожиданиям, предупредительный выстрел «Валгаллы» их не образумил.

Все шестнадцать их пушек открыли беглый огонь. И раз-

рывы сразу стали ложиться близко. Еще не накрытие, но около того.

Стоило Воронцову захотеть, и все закончилось бы очень быстро. Я уже упоминал, что эффективность огня орудий парохода приближалась к 90 процентам против обычных здесь 3 — 8 процентов.

Но он просто начал резко переключать руль, то прибавляя, то сбрасывая скорость. И изредка отвечал из двух стволов, стараясь, чтобы тяжелые снаряды рвались поближе к вражеским кораблям. Динамический удар, воспринимаемый тонким металлом корпуса, весьма действует на нервы и не способствует точности прицеливания.

Чтобы потренировать экипаж, я тоже приказал дать несколько очередей по ближайшему «Мэнсфилду». И, нужно заметить, попали мои орлы с первого раза. Что вы хотите — глаза у роботов не уступают лазерным прицелам!

В бинокль я отчетливо видел, как от мостика эсминца с номером «342» на борту полетели какие-то ошметки, а на серо-оливковой обшивке рубки появились четкие пробоины.

Теперь и на меня обратили внимание. «Триста сорок второй» описал крутой координат¹, разворачивая баковое орудие в сторону яхты.

— Время пришло, ты не считаешь? — спросил я Воронцова.

— Пожалуй, — согласился он. — Готовься. До перехода остается пять минут. Время пошло. Удачи вам! — И передал мне широту и долготу места, где я должен буду оказаться после межпространственного прыжка.

«Валгалла» начала очередной разворот. Одновременно на ее корме загорелись и полетели в воду две здоровенные, размером с двухсотлитровую бочку, дымовые шашки, снабженные поплавками.

Расчет оказался точен. Струи бурого дыма, гейзерами хлещущие из форсунок, сразу начали вытягиваться по ветру, заслоняя яхту от эсминцев. Я перебросил рычаги управления двигателями, «Камелот» крутнулся почти на месте, уходя за

¹ Координат — резкий поворот судна вправо или влево с последующим возвращением на прежний курс.

полосой завесы с линии прицеливания английских комендоров.

Надо сказать — своевременно, потому что два всплеска поднялись почти на том месте, где мы только что находились.

Я смотрел на секундомер, а роботы стремительно сбивали стопоры, которыми удерживались щиты, изображавшие надстройки «Камелота», сбрасывали их в воду. Туда же полетели сверкающая труба, транцевая доска с названием яхты, несколько спасательных кругов, груды всякого судового мусора.

Такие «спасательные пакеты» в будущую войну выстреливали немецкие подводники из торпедных аппаратов, имитируя гибель своей лодки.

Стрелка бежала по циферблату все стремительнее. Но мы успевали.

И вот...

Как много раз до этого, в воздухе, прямо перед бушпритом теперь уже не «Камелота», а «Призрака», нарисовалась прямоугольная рамка, словно изготовленная из фиолетово пульсирующего световода.

За ней та же морская гладь, но и не совсем такая. Секунда, другая, мы проскользнули в это окно, соединившее на краткий миг два участка пространства, и рамка вдруг погасла.

Вот и все.

По очередному из непознанных законов природы этот переход сопровождался звуком. С интенсивностью, зависящей от массы. При перемещении человека щелкало едва слышно, а четыре сотни тонн вон какой эффект дали. Как морская мина рванула. Вблизи, наверное, оглохнуть можно. Что, впрочем, и требовалось доказать...

ГЛАВА 8

...За предыдущий год Шульгин сумел узнать об организации, которую они условно именовали «Системой», довольно много. Главное — начал работать в КГБ. Причем не в нелегальной разведке, как большинство соответственным образом настроенных юношей, а в контрразведке.

Чтобы разрабатывать и проводить запутанные много-

ходовые операции вроде «Треста» и «Синдиката»¹, выявлять глубоко законспирированную вражескую агентуру и т.д. и т.п.

Потом, разумеется, поумнел, сообразил, что почем в этом мире.

Но, как говорится, талант не пропьешь.

Ранее уже упоминалось, что в бытность свою на Дальнем Востоке Сашка прилично выучил японский язык, проштудировал случайно (а случайно ли?) попавший ему в руки средневековый трактат по теории и практике «ниндзю цу», еще кое-какую оригинальную литературу, усовершенствовался в боевых искусствах, причудливо сочетая восточные, западные, советские методики и собственные разработки.

Но применить практические навыки, которые у него удачно дополнялись великолепной интуицией и очень неплохими аналитическими способностями, Шульгину было просто негде в условиях побеждающего на всех фронтах развитого социализма.

Конечно, попади он в поле зрения умных и неординарно мыслящих чекистских начальников, работа бы ему нашлась и карьере бы он скорее всего сделал, но...

Зато в полной мере ему удалось развернуться с началом «агтрианской эпопеи», или же, иначе выражаясь, «варианта Валгалла»! Здесь уж Сашка сумел реализовать все свои потенциальные возможности и тайные устремления.

Вершиной его «карьеры» стал пост негласного начальника службы безопасности Югории и несколько по-настоящему эффектных операций вроде «антибольшевистского переворота» в Москве, приведшего к замене Ленина Троцким, а Дзержинского — Аграновым.

Да и история спасения из советской тюрьмы адмирала Колчака и доставки в Харьков пресловутого «золотого эшелона» могла бы войти в анналы, если бы Шульгин стремился к такого рода популярности.

¹ «Трест» и «Синдикат» — тщательные разработанные, рассчитанные на несколько лет операции ГПУ против белогвардейских организаций за рубежом, проведенные в 1920-е годы.

Теперь же он всерьез занялся пресловутой «Системой», начав с компьютерного анализа данных прослушивания заседаний ее «мозгового центра», базировавшегося в «Хантер клубе», биографий основных функционеров, информации, полученной от пленного агента организации майора Роулинсона, от вовремя (для себя) переметнувшегося на их сторону начальника СПО ВЧК Якова Агранова и не успевшего это сделать начальника ИНО¹ той же ВЧК Михаила Трилиссера.

Таким образом, в данный момент Шульгин знал, что «Система» не является прототипом или вариантом пресловутого «мирового правительства», или, как любят выражаться некоторые, — «мировой закулисы».

Не имела она отношения и к сионским мудрецам, существование которых в качестве единой организации с фиксированной программой и конкретной целью (вроде ленинской партии «нового типа») не нашло пока подтверждения.

Более того, Шульгин все больше убеждался, что вообще имеет дело не с одной, а с несколькими организациями, сходными по целям, а значит, и по методике действий. Отсюда и кодовое обозначение: «Система».

Главными (или ярче себя проявившими) на сей момент Сашка считал две: так называемый «Круглый стол», высшие функционеры которого и собирались в «Хантер клубе», и «Совет по международным делам», обосновавшийся в Бостоне.

Вообще следует отметить, что их деятельность отнюдь не укладывалась в каноны так называемой конспирологии, или науке о тайных обществах, которые правят миром или отдельным государством исходя из четко сформулированных целей, отчетливо понимаемых интересов и опирающихся на жестко управляемые структуры со своей субординацией, стратегией и тактикой.

В чистом виде таких организаций скорее всего существовать не может вообще.

К ним, повторюсь, можно было бы отнести ленинскую РСДРП—РКП—ВКП(б), если бы она действовала исключи-

¹ СПО — секретно-политический отдел ВЧК—ГПУ; ИНО — иностранный отдел ВЧК — ГПУ.

тельно в подполье, никаким образом не заявляла о своем существовании и достигала поставленных целей опосредствованно, через своих членов, внедренных в иные, государственные и общественные организации. Но этого не было и быть не могло — чисто технически.

И психологически — тоже. Хотя сама по себе идея представляется плодотворной и заманчивой. Вроде идеи вечного двигателя. Или коммунизма в варианте братьев Стругацких.

Все обстояло намного проще.

Сначала возникла организация «Круглый стол».

Как организованная сила она сложилась приблизительно между 1900 и 1910 годами, почти в полном соответствии с ленинской теорией «обострения межимпериалистической борьбы за передел мира», и возникновение ее напрямую связано с Японо-китайской, Испано-американской, Англо-бурской, в какой-то мере — Русско-японской войнами.

И организовали ее отнюдь не стремящиеся к безраздельной власти над миром «монстры» или «мудрецы», а всего лишь группа лиц, наиболее заинтересованных в установлении «нового экономического порядка» в стремительно интернационализирующемся «цивилизованном мире».

Можно сказать, это были провозвестники, предтечи эпохи транснациональных корпораций, люди, которые первыми поняли, что интересы бизнеса, создание условий для приращения капитала, свободного оборота денег и товаров куда важнее так называемых «государственных интересов» национальных государств.

«Совет», а может быть, и еще какие-нибудь аналогичные структуры возникли уже в ходе и после мировой войны.

Сейчас же шел процесс то ли консолидации, то ли попытки взаимопоглощения указанных структур, и неизвестно еще, какая из них возобладает, поскольку вмешались новые политические факторы.

Возникновение националистических, фашистских, национал-социалистических партий, выход США из международной изоляции, возникновение Советской России и Югославии...

Еще более интересной представлялась Шульгину парадоксальная идея: появление и деятельность «Системы» яви-

лись как бы стихийным ответом «коллективного разума» землян на соперничество форзейлей и агтров.

То есть потребовалось противопоставить событиям в мировой политике и экономике, очевидно бессмысленным, нелогичным, не вытекающим из каких-то неведомых, но интуитивно предполагаемых объективных законов, некую разумную альтернативу.

Вот и начали объединяться, условно говоря, наиболее прозорливые, рационально мыслящие, интеллектуально и финансово независимые «сильные мира сего».

А таковые, естественно, оказались почти непременно именно крупнейшими промышленниками, владельцами финансовых империй, политики и генералы из так называемого «второго эшелона», больше мыслители и аналитики, чем деятели.

Что тоже объяснимо.

То есть на первый взгляд ничего плохого для человечества в широком смысле в самом факте существования «Системы» не было. Всего-то еще одна организация по поддержанию какого-никакого, но порядка.

Чуть ли не судейская коллегия для контроля за соблюдением «правил игры». Не Лига наций и не грядущая ООН, но нечто вроде.

И не так уж велика беда, что никем не избранная, никому не подконтрольная и, как уже сказано, тайная.

Иезуиты тоже не особенно афишировали свою деятельность, и она, вопреки утвердившемуся мнению, далеко не всегда была преступной.

И велика ли разница в девизах: там — «к вящей славе господней», здесь — «что хорошо для Системы, то хорошо и для мира».

И никогда бы Шульгин не заинтересовался столь ничтожным по сравнению с тем, что ему было известно о тех же агтрах, форзейлях и Держателях, «кружком самодеятельности», если бы «Система» не начала первой.

А не «начать» она не могла, тоже по определению. Ибо если целью организации является поддержание полезного и выгодного для нее миропорядка, то, соответственно, всякое

нарушение такового подлежит немедленному пресечению любыми средствами.

От экономических до военных.

При этих условиях мирное «братство» наших героев просто не имело права на существование.

...Совсем недавно респектабельный, чисто убранный номер Шульгина выглядел как после небольшого, но веселого налета махновцев.

Раскрытый и полувыпотрошенный чемодан посередине холла, разбросанная вокруг одежда, еще два чемодана рядом, до которых не успела дойти очередь, опрокинутые кресла, сорванная гардина. На круглом столе брошено оружие, явно изъятое у непрошенных гостей, — два револьвера, ножи, кастеты, короткая, удобная для ношения в рукаве резиновая дубинка.

И они сами, гости, рядом сидящие на диване три человека, хитроумно связанные друг с другом одной веревкой, концы которой вдобавок притянуты к массивным диванным ножкам. Рты на всякий случай заклеены широким медицинским пластырем.

Шульгин присмотрелся. Нет, все незнакомые, ни одного из тех, что следили за ним утром, среди налетчиков не было.

Напротив них, на бархатной козетке, в расслабленной позе расположился Джо с пистолетом зловещего вида, покоящимся у него на коленях.

— Вот видите, дорогой друг, я был совершенно прав в своих опасениях. Невозможная страна. Даже в самой, как мне сказали, лучшей гостинице — грабят!

Я понимаю — тяжелое наследие Гражданской войны и все такое, но тогда ведь нужно держать надежную охрану. Нет, я немедленно буду жаловаться. Джо, вы уже вызвали полицию?

— Нет, сэр. Я ждал, когда вы приедете и лично распорядитесь. Вдруг у вас есть свои соображения. И я не знаю русского языка. Как бы я с ними объяснялся?

— Скорее всего вы правы, Джо. Следует сначала самим

разобраться, что привело сюда этих джентльменов. Вдруг мы просто чего-то не понимаем в туземных обычаях.

Да вы садитесь, садитесь, Гельмут. Вам тоже будет интересно. Совсем короткое разбирательство. Возможно, как более искушенный в русских делах, вы мне сможете в чем-то помочь.

— Не знаю, в чем может заключаться моя помощь, — рассеянно глядя в сторону, ответил немец. — Может быть, я лучше пойду к себе? Посмотрю, не случилось ли и там чего... Тем более, когда явится полиция, мне не хотелось бы хоть как-то быть замешанным. Подобные происшествия вредят деловой репутации...

— Тут вы правы. Люди склонны к подобному ходу мыслей: то ли он украл, то ли у него украли, но что-то нехорошее было. Лучше держаться от него подальше. Тем не менее... Даю слово, что избавлю вас от необходимости встречаться с полицией. Но дело в том, что до полиции может и не дойти.

Итак... Прошу вас, присядьте хотя бы там, в уголке. Ведь мы же друзья, а я сейчас нуждаюсь в дружеской поддержке...

Фон Мюкке вынужден был подчиниться простодушно-искренней просьбе Шульгина, а возможно, уловил в его тоне едва заметный намек на угрозу.

— Благодарю вас. Итак... — повторил Сашка, обращаясь теперь непосредственно к задержанным. — Джо, снимите пластырь у этого...

Сидящий посередине человек вдруг напомнил ему пленного английского майора, организатора нападения на поезд в прошлом году.

Скорее всего выражением глаз, поскольку черты лица у него были совсем другие.

И хотя одет он был по моде «деловых» воров и налетчиков тех лет: в короткую кожаную куртку на обезьяньем меху, жокейскую кепочку, армейские галифе и рыжие ботинки «бульдо» с крагами, лицо, выражение глаз и прочие неуловимые штрихи выдавали в нем, так сказать, «человека из общества».

Он переводил взгляд с Шульгина на немца, ожидая развития событий, страха в нем не чувствовалось, и еще — совершенно невозможно было догадаться, понимает он языки, на которых Шульгин говорил с фон Мюкке и слугой, или же нет.

Судя по всему, должен бы, если окончил хотя бы гимназию.

Двое других особого интереса не представляли, такие по виду Владя и Никеша из «12 стульев», пошедшие в уголовники по причине абсолютного нежелания заниматься каким угодно трудом.

Логически все увязывается. Главварь-наставник из «бывших» подобрал себе классово близких напарников и решил «подержать за вымя» богатого лопуха-иностранца.

— Итак, милостивый государь, — вновь старательно проверяя русский язык, обратился к предводителю Шульгин, — не потрудитесь ли объяснить, что здесь произошло быть? Я плохо понимать русский дела, но знать, что кража есть кража, вор есть вор везде, Россия тоже так. И тюрьма, сколь лет у вас — не знают, тоже есть тюрьма. Хотите быть полицией, или может сказать, какой оправданий есть?

Предводитель, сообразив, что имеются альтернативы, начал плести, обильно пересыпая речь блатным жаргоном, ахиною насчет того, что господин иностранец должен понять, что действительно произошло не более чем недоразумение. Они искали одного своего знакомого, который задолжал крупную, очень крупную сумму солидным людям в Одессе и сбежал, намереваясь сесть на пароход и уехать, может, в Турцию, а может, в Батум. Вот им и поручили найти его и попросить рассчитаться перед отъездом. Да вот беда, ошибочка вышла, номером ошиблись. Тот, получается, на третьем этаже живет, а здесь, значит, второй только...

— Я почти все понимаю, если говорить не быстро, и слова такие, из учебник для детей 10 лет, 12 лет. Вы намерений иметь взять долг другой человек, а зашли ко мне случайно, без желаний, так? Мисандестендинг¹, да?

— Совершенно все правильно понял, добрый человек. Ты бы отпустил нас, а мы уж отблагодарим, чем можем. И наказания мы уже, ох наказаны. Рука у твоего слуги тяжелая. И ребра болят, и шея, и печенка, сил нет. Как бы не лопнула... — В глазах главаря билась сумасшедшая надежда — неужто удастся

¹ Мисандестендинг — недоразумение (англ.).

облапошить штымпа¹, туфту заправить, оторвать с концами? Его подельники дружно закивали головами, горестными минами демонстрируя искреннее раскаяние и тяжесть полученных увечий.

— Так, так... — покивал головой Шульгин. — Не есть повезло. Талейран говорил: это хуже, чем преступлений, это есть ошибка.

Он искоса взглянул на фон Мюкке. Немец напряженно вслушивался, и выражение его лица в момент, когда он не думал, что за ним наблюдают, сказало Сашке о многом.

— Вы поняли, Гельмут, о чем он говорит?

— В общем и целом да. Они хотели ограбить совсем другого человека, так? А может быть, это выход? Я не говорю, что я им верю, но... Если это действительно просто воры, а не те, о ком вы думаете? Если вы обратитесь в полицию, вам придется задержаться здесь надолго. Следствие в России тянется неспешно. Здесь не Соединенное королевство.

— Склонен с вами согласиться. Связываться с бюрократами всегда было для меня мукой. Тем более что материально-го урона я не понес, а моральный Джо компенсировал сполна. Как все было, Джо, поведай нам.

Робот коротко, но обстоятельно доложил, что через 16 минут после возвращения домой услышал звуки, говорящие о том, что в замке ковыряют отмычкой. Он заблаговременно развернул платяной шкаф наискось, так, что за ним в углу оказалось достаточно места, чтобы спрятаться. Эти господа вошли, включили ручной фонарь и быстро осмотрели все помещения. При этом переговаривались. Джо не понимает по-русски, но запомнил их разговоры дословно и может повторить...

При этих словах фон Мюкке издал удивленный возглас.

— Совершенно верно. У Джо такая уникальная память и лингвистические способности, что он может, как фонограф, воспроизвести полный текст католической мессы, ни слова не зная по-латыни.

¹ Ш т ы м п — простофиля, лох (блат.).

— Удивительно. Впрочем, я знал человека, который с одного раза запоминал две сотни чисел и мог повторить их хоть подряд, хоть вразбивку.

— Да, тайны человеческой природы неисчерпаемы. Я вам многое могу порассказать на эту тему. Но мы отвлеклись. Пока не надо, Джо. Что было дальше?

— Эти люди вынесли из кладовой ваши чемоданы и вскрыли замки первого. Я не мог более терпеть, выскочил из-за шкафа...

— Из-за? — пробормотал предводитель, забыв о своем «по роли» непонимании английского. — Да он через него перепрыгнул... Не человек, а черт...

— ...и велел им прекратить преступное посягательство на чужое имущество и стоять, подняв руки. Они начали сопротивляться, выхватили оружие. Тогда я слегка ударил каждого, отобрал револьверы и нож, положил их на ковер, обыскал, потом связал и стал ждать вас, сэр.

— Молодец, Джо, ты всегда на высоте. После прекращения преступного посягательства эти люди что-нибудь тебе говорили?

— Нет, сэр, насколько я понял, они только ругались. В мой адрес и между собой. Это я тоже запомнил.

Шульгин жестом велел ему замолчать и начал в задумчивости раскачиваться с носка на пятку, стоя посреди комнаты. И все затаив дыхание наблюдали за трудным процессом принятия решения.

— Да, отпустить бы можно, — изрек наконец Сашка. — Это и проще для меня, и гуманнее. Но я человек не слишком доверчивый. И очень не люблю, когда меня считают дураком. Это куда оскорбительнее, чем попытка ограбления. Давай-ка, Джо, проверим, насколько эти люди искренни. Принеси мой специальный несессер...

Среди необходимых в дороге вещей Шульгин имел и целый набор специальных фармакологических средств, которые могли пригодиться в самых неожиданных ситуациях. Здесь он был специалист.

НИИ, в котором он работал до начала «событий», занимался, кроме прочего, разработкой и клиническими испыта-

ниями всевозможных психотропных средств, транквилизаторов, наркотиков и тому подобного.

Вот Сашка, перед тем как проститься с институтом навсегда, и прихватил из его сейфов все, что считал нужным и полезным в предвидении самых неожиданных жизненных коллизий. Мало ли чью психику потребуется подкорректировать или кардинально изменить в грядущих тайных и явных войнах с людьми и пришельцами?

Среди его препаратов были такие, что не имели в мире аналогов по силе и избирательности действия. В том числе и на сексуальную сферу. Но сейчас требовалось не это.

Он выбрал несколько ампул с понятной только ему маркировкой, вставил их в магазин безыгольного шприца-пистолета.

— Давайте, дорогой Гельмут, проведем небольшой научный эксперимент, — предложил он фон Мюкке. — Джо, развяжи вот этого господина и проводи его в соседнюю комнату. Мы с ним побеседуем, а ты посторожи остальных...

— Что вы собираетесь делать? — спросил немец, когда Шульгин усадил предводителя в кресло и притянул его к спинке широким сыромятным ремнем.

— Небольшой допрос. Мой слуга умеет развязывать языки любому, но обычно это сопряжено с рядом малоприятных процедур. Он, например, кроме банальных, известных с древности пыток с использованием подручных предметов, владеет тайнами цзень-чжу, то есть иглоукалывания. Тоненькая золотая игла вводится в известный нервный узел, и человек через несколько секунд готов признаться в чем угодно, вплоть до заговора с целью свержения бога и установления на небесах полной демократии на основе всеобщего избирательного права.

Но при этом, к сожалению, очень громко кричит и совершает неэстетичные физиологические акты. Я этого, признаться, не люблю...

— Вы говорите страшные вещи...

— Ах, оставьте, о чем вы. После того, что и немцы, и союзники вытворяли на фронтах мировой войны, все эти иприты, люизиты, торпедирования пассажирских пароходов, возму-

щаться всего лишь намеком на возможность вполне деликатных попыток в отношении одного, далеко не лучшего представителя человечества — лицемерие и ханжество.

Прошу извинить. Тем более что я как раз и сказал, что мне это претит. Поэтому воспользуемся «сывороткой правды»...

До сих пор терпеливо сносивший все производимые над ним манипуляции, налетчик забеспокоился.

— Что вы собираетесь делать, господин хороший? Я же вам все объяснил. Не верите — черт с вами, вызывайте легавых. А эту штуку уберите...

— Не надо бояться. Больно не будет. Совсем. Коротенький «чик», и все. Потом поговорим.

Препарат, аналог суперпентотала, только еще более эффективный, начал действовать почти сразу.

Ничего особенно нового для себя Шульгин не услышал. Допрашиваемый действительно оказался человеком достаточно образованным, в прошлом — чиновником, надворным советником по департаменту службы военных сообщений (транспортное ведомство, проще говоря), а после революции лицом без определенных занятий, зарабатывающим на жизнь чем придется: от маклерства и спекуляций до «интеллигентной уголовщины».

Подлинное имя его было Геннадий Константинович Пичутин, но года три уже он в основном обходился кличкой «Путеец».

Он легко, даже с удовольствием, признался, что давно завербован людьми, скорее всего московскими, непонятными, толком даже и не объяснившими целей этой вербовки.

Будешь, мол, выполнять поручения, какие скажут, а за это получать хорошее вознаграждение. Хоть валютой, хоть русским золотом.

— Не обманули? — поинтересовался Шульгин.

— Ни-ни. Каждый месяц, как в аптеке, по пятьсот рублей на книжку перечисляют. И еще сдельно, когда сто, а когда и тысячу.

— А работу какую поручают?

— Разную. Как вот сейчас. Или еще проще — встретить кого приезжего, на квартиру надежную поместить, состоять для поручений. Мало ли что. Бывает много дел, бывает — и

месяц, и два не тревожат. В прошлом году убить одного, тоже не местного, приказали. Но я за такие дела сам не берусь, всегда поднанять можно, из настоящих блатных. Недорого выходит...

— А со мной как было? Только подробно.

— Ради бога, секретов никаких. Получил я три дня назад с посыльным письмо. Без всяких вступлений и предисловий сказано: в гостинице «Морской», номер 26 поселился господин фон Мюкке. Увидеть, запомнить в лицо, организовать круглосуточное наблюдение: где бывает, что делает, с кем встречается. На глаза не попадаться, не мешать. Отчет ежедневно в полночь опускать в почтовый ящик дома номер 17 по Карантинной улице...

Услышав адрес, фон Мюкке встрепонулся: ему, похоже, показалось, что в деле появился конкретный след, но Шульгин заведомо знал, что это пустышка.

Дом или вообще нежилой, или хозяин передает его дальше безадресно, тому же наемному посыльному.

— А на меня как вышли?

— Так я же и говорю — наблюдали мы за господином, — Путеец впервые указал на фон Мюкке, которого раньше словно и не видел, — заметили, как вы к нему подошли, заговорили, посидели, ну и тут же вас в разработку. Ввиду экстренности вопроса письмо отнесли не в положенное время, а сразу. И получили команду выбрать момент и сделать вам обыск.

— Что искать велели? — быстро спросил Шульгин.

— Да ничего специально. Все вещи пересмотреть и составить опись. На этот случай я ребяток и взял. В обысках они большие спецы. Так все обставят, что хозяин нипочем не догадается, что к нему гости наведались.

— А промашка вышла, — посочувствовал Шульгин.

— Вышла, — согласился Пичугин. — Двенадцать человек в деле участвовали, все подходы перекрыли, а слугу вашего прозевали...

Под пентоталом Путейца совершенно не интересовала собственная судьба, он просто отвечал на все задаваемые вопросы, но не механически, как было бы под гипнозом, а нормально, со всеми естественными человеческими реакциями.

— Сделаем так, — сказал Шульгин, посмотрев на часы. — Препарат будет действовать еще часа полтора. Это много. Ясно, что ничего полезного Путеец больше не расскажет. Значит, придется ввести антидот и еще один препарат и подождать минут пять.

Они с Мюкке отошли к окну.

— Вот видите, Гельмут, как я и предполагал, так и вышло. Вами занимается некая очень серьезная служба, ведет вас навёрняка от Берлина, и им очень хочется знать, с кем вы встречаетесь во время и вне службы. Наводит на размышления?

— Естественно, наводит. Но я по-прежнему ума не приложу, что все это значит. И что мне теперь делать прикажете?

— Вот уж тут я вам не советчик. Не знаю ничего о ваших делах и знать не хочу. А сам я уеду немедленно. Прямо утром, поскольку не представляю, каким будет следующий шаг этих милых господ. Поэтому считаю правильным дать господину Пичугину некоторую сумму денег и убедить его не сообщать своим нанимателям о происшедшем. Пусть расскажет, что именно он нашел в моем чемодане, и живет спокойно, а то ведь и ему может не ...

Шульгин не успел закончить фразу. Дверь номера распахнулась от сильного толчка, и в прихожую ввалилось сразу не меньше пяти человек.

Как в классическом вестерне — с револьверами на изготовку и лицами, до глаз спрятанными под широкими клетчатыми шарфами.

— Всем стоять, руки вверх! — Голос из-под шарфа звучал глухо, но вполне разборчиво.

— М-да, — без удивления констатировал Шульгин. — А зачем? Мы и так без оружия. Что означает это вторжение?

— Молчать! Всем! Стать к стене! Быстро! Иначе стреляю без предупреждения.

Думать теперь было некогда. И плести тонкую интригу тоже. Шульгин резкой подсечкой сбил с ног фон Мюкке, толчком в спину придав ему ускорение в направлении промежутка между шкафом и диваном.

— Джо! Вперед! По полной, но не насмерть! — успел он скомандовать роботу, поскольку даже в этой ситуации покойники ему были совершенно не нужны, и сам ринулся в бой.

Драться в тесном помещении, да еще полном людей, умеют немногие. Этот опыт обычно приобретается или в тюрьме, или на курсах спецназа. Нормальные же люди, пусть даже весьма бывалые и хорошо вооруженные, в такой ситуации становятся почти беспомощными.

А если еще противник владеет неизвестными в начале века приемами рукопашного боя и в несколько раз более быстрой реакцией, то теоретически подавляющее преимущество — пять вооруженных против двух безоружных — сводится к нулю. Схватка же превращается в избивание младенцев. В буквальном смысле.

Ворвавшиеся в номер люди почти ничего не успели понять. Шульгин и Джо врезались в их тесную кучку с двух сторон, работая и руками, и ногами, и корпусом. Не прогремело даже случайного выстрела, потому что самовзвод у «наганов» тугой, от неосторожного движения пальца или падения на пол не срабатывает, а били и Сашка, и робот прежде всего по рукам, парализуя мышцы и нервы, именно чтобы не дать никому выстрелить сознательно.

Если бы фон Мюкке догадался считать секунды, то на четвертом счете ему пришлось бы остановиться.

Все. Дело сделано. Четырех секунд хватило на десяток точно нацеленных ударов — по два на объект. Один по руке, второй по шее или под ребра.

На полу куча не шевелящихся и безмолвных тел.

— Нет, ну нельзя же все так сразу... — возмущался Сашка, ни к кому специально не обращаясь. — Это уже восемь незваных гостей за ночь. Что же тогда утром будет? Нет, ехать, немедленно ехать... — При этом он разминал пальцы и потряхивал кистями. — И все почему-то ломятся именно в мой номер. В ваш ведь не ломились? — поинтересовался он, поворачиваясь к немцу.

— Откуда я знаю? — ответил фон Мюкке, поднимаясь. — В Японии обучались? Это и есть знаменитое джиу-джитсу? Кстати, зачем вы меня так грубо толкнули?

— Приблизительно. А толкнул, чтобы убрать с линии огня. Шальные пули часто опаснее прицельных. Джо, быстро, всех обыскать, связать, сложить в ванной.

Эти ребята — ваши? — спросил он у предыдущих налет-

чиков, так и сидевших смирно на диване и молча взиравших на происходящее.

— Нет, не наши, никогда их не видели... — ответили «Владя и Никеша» хором. Судя по всему, вторжение незнакомцев их обрадовало. На фоне этого эксцесса их собственное деяние выглядело совершенно невинно.

— Постойте, постойте... — сказал вдруг фон Мюкке, всматриваясь. — Вот этого господина я, кажется, видел. Совершенно определенно. И вы правы, Ричард, именно в Берлине. Около месяца назад...

— Вот даже как? Он немец?

— Почему немец, русский. Из эмигрантов. Их там под сто тысяч. Очень многие настолько напуганы, что до сих пор не рискуют возвращаться ни в красную Россию, ни в белую. Дайте-ка я на него ближе посмотрю...

Капитан направил свет настольной лампы в лицо человека, одетого в очень приличный синий плащ явно не местного производства.

Шульгин для удобства запоминания и идентификации незнакомых людей всегда сравнивал их с персонажами популярными, чаще всего с киноактерами. Так вот этот весьма смахивал на артиста Гриценко в роли Рощина, разве что был несколько моложе.

— Да, это он. Там мне представили его как господина Славского. Имя очень трудное, но я все равно запомнил. — И фон Мюкке с огромным трудом, но достаточно разборчиво выговорил: — Станислав Викентьевич...

Да, это иностранцу чистое мучение. Вроде как в том анекдоте про «вы-ка-ра-б-ки-ва-ю-щих-сю-сю-ся из пруда лягушек».

— Значит, он из числа ваших друзей?

— Насчет друзей не сказал бы, но в общем...

— Значит, или сейчас ошибочка вышла, или тогда... Я приведу его в чувство, а вы пока посмотрите, что там Пичугин делает. Не сбежал под шумок?

Пока Шульгин известными приемами выводил Славского из шока, фон Мюкке заглянул в кабинет. Лицо его выразило искреннее удивление.

— Сидит как ни в чем не бывало, смотрит в потолок...

— Так и должно быть. Если я кого о чем прошу, меня обычно слушают... — Шульгин явно шутил, но фон Мюкке со сложным чувством подумал, что слова новозеландца весьма недалеки от истины.

Этот человек не то чтобы пугал его, но изумлял своей какой-то демонстративной «нездешностью». Хотя черт его знает, с новозеландцами он никогда раньше не сталкивался. И не мог представить психологию людей, живущих на краю света, на островах, окруженных безбрежным океаном, в стране, территория которой почти равна Германии, а население — едва ли больше, чем в Берлине.

Как должны чувствовать себя люди, даже на подсознательном уровне не думающие о возможности вражеского вторжения и не представляющие, что такое неукротимая, терзающая нацию жажда «лебенсраум» — жизненного пространства...

Славский пришел в себя, повертел головой, попытался сесть.

— У, дьявол, как шея болит. Кто меня так, вы, что ли? — посмотрел он снизу вверх на Шульгина.

— Я, — не стал отпираться Сашка. — И еще повезло, что я руку придержал. А то бы амбец. При нормальном ударе позвонки вылетают только так, господин Славский. Давно из Берлина? — Шульгин давно перешел на нормальный, чистый русский язык.

Тоже маленькая хитрость. Если первые 15—20 минут говорить на ломаном языке, собеседник привыкает мысленно переводить его в правильный и почти никогда не замечает подмены.

Лицо человека выразило старательно изображенное недоумение:

— Из какого Берлина, о чем вы? — Но тут в поле его зрения попал немец. Вот тут изумление стало неподдельным. — Это вы? И вы с ними заодно? Ничего не понимаю...

— Спокойно, герр Славский. Имеет место небольшое недоразумение. Я — это я, господин Мэллони сам по себе, а вот эти люди совершили налет на номер сэра Ричарда...

— Вот черт. А я понял все совершенно наоборот. Ну тогда нам всем надо поскорее отсюда сматываться, пока...

Шульгин не стал ждать продолжения.

— Встать можете, голова не кружится?

— Нет, ничего. А мои ребята?

— Сейчас все будут в порядке. Вон, уже зашевелились. Вы уверены, что бежать надо немедленно?

— Более чем. Если мы уже не опаздываем...

— Тогда не будем отвлекаться. Детали — потом. Для отхода эта улочка подойдет? — спросил Шульгин, указывая за окно спальни. — Тогда так. Джо, ты с балкона спускаешь чемоданы во двор, грузишь машину. Вы, Гельмут, хватайте из номера все, что успеете, и со своего балкона присоединяетесь к Джо. Спуститься по опорным столбам легко, я проверил.

Будете готовы — выезжайте на улицу и ждите меня. Вы, господа, — обратился он к Славскому, — выбирайтесь тем же путем, что и пришли. Автомобиль вас подберет. Только... Когда мы уйдем, вытолкайте этих господ и еще одного, он сейчас в моем кабинете, на черную лестницу и... навсегда забудьте о них.

Вряд ли они нам еще понадобятся. А я спущусь по главной лестнице, рассчитаюсь с портье и заберу свой паспорт. Кстати, а где ваш, Гельмут? — Определяя диспозицию, Шульгин отнюдь не стоял на месте, он быстро и бесшумно кружил по комнатам, проверяя, не забыто ли что-нибудь важное, следил, как Джо готовится к эвакуации, и заодно выбирал из несессера еще какие-то ампулы.

— Мой паспорт при мне. Я его взял раньше...

— Предусмотрительно... Как вы считаете, господин Славский, стрельба при отходе возможна? Вы, наверное, лучше знаете цели и намерения противостоящей стороны.

— Не исключено... Но зачем вы хотите отпустить этих? Они же нас непременно выдадут. Кончить, и все дела.

При этих словах парни побелели и мгновенно покрылись липким потом.

— В том, что касается меня, я принимаю решения сам. И отвечаю за них. Занимайтесь своими делами. Джо, приготовь мой автомат... А вы, парни, сюда!

В кабинете он быстро вогнал остальным налетчикам по два кубика того же снадобья, что перед этим Путейцу.

— Так. Запоминайте. Ничего не было. Вы пришли, чтобы

★ проникнуть в мой номер, но не успели ничего сделать, как появились неизвестные люди, и началась заваруха. Вам еле-еле удалось спрятаться, а потом сбежать. Видели, как мы собрались и быстренько ушли в сопровождении тех самых, которых вы встретили. Ясно?

Все трое дружно закивали. Лица их отражали напряженную работу мысли.

Этот новейший (для 1984 года) препарат действовал эффективнее любого гипноза или так называемого «электронного зомбирования». Причем не требовал предварительно разработанной легенды внушения. Мозг, получив принципиальную установку, все остальное делал сам: убирал в подсознание ненужные воспоминания и формировал новые на основе полученной команды. Минут через пятнадцать все трое будут искренне верить, что все случилось именно так, как сказал Шульгин.

И ни под пыткой, ни под обычным гипнозом от своих слов не откажутся. Теоретически, до конца своих дней. Впрочем, утверждать это категорически Сашка бы не стал. Не располагал соответствующей статистикой. Если даже на пару суток хватит силы внушения, и то достаточно.

...Получив, кроме положенной платы, щедрые чаевые, ночной портье не выразил удивления неожиданным отъездом постояльца.

И Шульгин с британской надменностью не стал ничего объяснять.

Это русский, независимо от чина и сословия, не преминул бы пуститься в пояснения: мол, срочное дело требует немедленного отбытия в столицу, или жена заболела, или в карты проигрался и денег осталось только на билет третьего класса, а западный человек непоколебимо уверен, что его поступки никого не касаются, а уж тем более — obsługi.

При этом он внимательно и цепко осматривал и обширный, едва освещенный настольной лампой вестибюль, и улицу за высокими, на два этажа, окнами.

Хотя ничего действительно важного увидеть не надеялся, скорее — просто по привычке.

Если кто и собирается устроить очередное покушение, болтаться на виду перед входом в гостиницу он не будет.

Или в подворотнях накапливаются, или через чердак проникать будут, через подвалы, к примеру.

Забавно новая жизнь началась.

Проще всего было бы попросить отпереть дверь, ведущую на хозяйственный двор, и оттуда прорываться на полной скорости. Никто бы задержать не успел.

Да только... Швейцар, пожалуй, просто не поймет, для чего господину в темноте пробираться среди мусорных баков с кухонными отбросами, дождевых луж и конских яблок, оставленных битюгами ломовых извозчиков, доставлявших припасы для завтрашнего дня, если слуга обязан подать экипаж прямо к крыльцу.

Нет уж, будем действовать согласно протоколу. Шульгин кивнул на прощание портье и швейцару, отдавшему по-военному честь, и шагнул за порог.

Дождь, слава богу, наконец-то прекратился.

До последнего Сашке не верилось, что сейчас произойдет что-то экстраординарное. Скорее всего он спокойно сядет в машину и отправится неизвестно куда и неизвестно зачем.

Впрочем, зачем — более-менее понятно. Чтобы поддерживать уже достигнутую стабильность в мире, который начал каким-то образом самоорганизовываться в ответ на грубо предложенные ему новые обстоятельства и правила игры.

Вся беда в том, что 99 и 9 в периоде процентов обитателей этого мира никогда не воспринимали свою деятельность или бездеятельность именно как «созидание» или «сохранение» реальности.

Они просто жили так, как подсказывали обстоятельства, обычаи, привычки или даже придуманные цели. Для них все просто и обычно. И для фон Мюкке, для Славского, для Пичугина с его ребятами.

Жизнь такова, какова она есть, и больше — никакова. Он же, Шульгин-Мэллони, обречен постоянно помнить, что есть очередная, отдельно взятая реальность и есть он, каждый поступок которого постоянно превращает эту реальность в нечто совершенно иное.

И никогда не догадаешься, к лучшему или наоборот. Думаешь так, а выходит совершенно иначе. Не подошел бы он за завтраком к немцу, и на данный момент десятки, а впоследствии и сотни людей прожили бы совершенно иную жизнь...

Все это промелькнуло в голове мгновенно, не до конца даже оформившись в слова, и Шульгин хмыкнул скептически. Тогда проще всего застрелиться, подумав напоследок, что уж это изменение реальности, судеб всех тех людей, к которым ты больше никогда не подойдешь, — последнее. Дальше все будет изменяться по тем же законам, но всего лишь без тебя. Ну и что?

События же тем временем покатались по вновь предназначенной колее, повинуясь щелкнувшему механизму стрелочного перевода мировых линий.

Слева, на углу квартала, он заметил тихо, без огней выскользнувший из ворот «Додж», сразу свернувший в переулок. Там же мелькнуло несколько теней, возможно — люди Славского. Откуда они появились, он не разглядел.

Наверное, проскользнули сквозь широкие проемы между финтифлюшками узорчатой кованой ограды, отделяющей гостиничный палисадник от улицы.

И в тот же миг, словно только этого и ждали, сразу с двух сторон вспыхнули электрические фары чужих автомобилей. Или они подкрались так бесшумно (что маловероятно при здешних моторах), или давно ожидали, затаившись под деревьями.

Хлопанье дверей, топот подкованных сапог по брусчатке, крики, в том числе и матерные.

Настоящая группа захвата прибыла, неизвестно чья и по чьему вызову. Угадал Славский, если это не очередная подстава. На него, иностранца, рассчитанная.

Лишь бы не оказалась это белая контрразведка. Шанс велик, нужные предосторожности он принял, но все же...

Шульгин выдернул из-под плаща как раз на этот случай приготовленный «ППСШ» с двумя сцепленными магазинами, на сорок патронов каждый.

Отвлекая на себя внимание противника, несколько раз выстрелил короткими очередями трассирующих, целясь по-

верх голов, но так, чтобы нападающим был слышен свист пролетающих в опасной близости пуль.

Еще две серии по три выстрела он пустил под острым углом к стенам и мостовой.

Рикошеты тоже звучат впечатляюще. Убивать он по-прежнему не хотел, не зная, с кем имеет дело.

Ну а если кого и заденет шальная пуля, уже потерявшая энергию и скорость, то почти наверняка не смертельно.

Присев на корточки, боком, как краб, Шульгин перебежал на другую сторону улицы, заскочил в подворотню, еще трижды пальнул, рассчитывая, что вспышки из полной темноты достаточно его демаскируют.

Дождался ответных выстрелов и повторил маневр, вернулся к ограде гостиницы, пригнулся ниже цоколя, чтобы голова и плечи не проецировались на фоне светлой стены, заскользил в сторону машины.

Оттуда, перекрывая подходы к переулку, молотили в пять стволов люди Славского. Нападающие азартно и дружно отвечали, так что бой разгорался неслабый.

Хорошо еще, что торопливая револьверная пальба навскидку да в темноте имеет скорее психологическое, чем практическое значение.

Джо, не получив соответствующей команды, не стрелял. И правильно делал. Потому что он-то и в темноте бил бы точно, наповал. Шульгин ухватился рукой за борт джипа.

— Все здесь?

— Я и Джо здесь, остальные — сами слышите... — отозвался из-под тента фон Мюкке.

— Общий отход. Сигналь, Джо, и медленно-медленно трогайся. Вы, Гельмут, крикните господину Славскому что-нибудь, непременно по-немецки...

Подействовало. На громовой, привыкший командовать в бою на палубе крейсера голос корветтен-капитана, продублированный Славским, в ближайшие секунды подтянулась вся группа. Похоже, без потерь. По крайней мере, все передвигались самостоятельно, продолжая палить наобум во все стороны.

— Быстро, быстро, в кузов, на подножки, пошел, Джо, гони, отрывайся с концами... — В азарте Шульгин не замечал,

что командует по-русски, но роботу это было все равно, а остальным пока еще недосуд было вникать в такие пустяки.

Переводили дыхание, цеплялись пальцами за холодный металл и резину «запасок», стараясь удержаться, устроиться понадежнее, кто где оказался, внутри кузова и снаружи.

Из перпендикулярного улице темного переулочка вдруг вернулся черный автомобиль, сверкающий яркими ацетиленовыми фарами, намеревавшийся не то перегородить дорогу «Доджу», не то повиснуть у него на хвосте.

Гораздо более мощные электрические фары джипа мазнули по лобовому стеклу чужой машины, ослепляя водителя.

— Ну-ка, Джо, давай! Только аккуратно, вскользь. Всем держаться, крепче!

Тяжелым кованым бампером Джо ударил автомобиль в левое переднее крыло. Тот с грохотом и звоном бьющихся стекол отлетел в сторону. Послышались крики раненых или просто обозленных, перепутанных людей.

Кто-то из помощников Славского тоже не удержался за стойку тента, покатился кубарем по булыжнику.

За спиной продолжали торопливо гроыхать выстрелы.

...Оторвались от возможного преследования вчистую уже за первым же углом.

Робот не включал фар, но легко и стремительно вписывался в повороты, едва не ставя «Додж» на два колеса, вел машину самым запутанным и сложным для погони маршрутом, руководствуясь не командами Шульгина и не интуицией, а подробнейшим планом или, точнее, макетом города, который он держал перед «внутренним взором».

— Команда выполнена. Преследование исключается. Куда ехать дальше? — Джо сбросил скорость, чтобы хозяин мог услышать его голос, только что перекрываемый ревом двигателя, грохотом покрышек по булыжнику, свистом ветра и хлопаньем заднего полога тента.

— Вопрос, однако. Что скажете, Гельмут, или надо спрашивать герра Славского? Куда прикажете направиться после устроенного вами шухера? Учтите, что до утра я предпочел бы убраться из этого негостеприимного городка. Британцам

здесь снова не везет. — Это он намекнул на Крымскую войну и не слишком успешные действия флота Его Величества в 1920-м и особенно 1921-м году.

— Что скажете, Славский? — переадресовал вопрос Шульгина фон Мюкке. — Вы-то, надеюсь, знаете, куда нам бежать, где скрываться и что делать дальше...

— Прошу также иметь в виду, — вставил Сашка, — что я к вашим делам ну совершенно непричастен и более всего желаю забыть о них и продолжить путешествие. Теперь уже — за пределами России. Этой. Надеюсь, Советская будет гостеприимней...

— Это как сказать, — будто в пространство хмыкнул Славский. — Причастны вы или нет, не мне решать.

— Но вот господин капитан же может подтвердить...

— Не беспокойтесь, разберемся. Во всем разберемся. А наилучший способ исчезнуть — это немедленно отправиться в Одессу...

— Как? Через весь Крым, Перекоп, и там еще пятьсот верст? Да у меня и бензина не хватит...

— Морем. Сейчас едем на Корабельную сторону, там погрузим вашего железного коня на шхуну и — вперед. По дороге и поговорим... На все времени хватит. И без всякого риска...

По интонации Славского можно было допустить, что в понятие «без риска» входит и возможность утопить нежелательного свидетеля в открытом море в случае чего.

— Выбора, как я понимаю, у меня особого нет, — вздохнул Шульгин.

— Пожалуй что. Если вам не улыбается возможность на самом деле продолжить свой путь по суше, очень рискуя и без надежды на дружескую помощь...

— «Никогда не заговаривайте с незнакомыми», — процитировал Сашка.

— Что вы сказали?

— Так, ничего. Вспомнил одного умнейшего русского писателя. У него тоже нечто похожее на мой случай описано. Правда, там он с дьяволом заговорил на бульваре...

...Действительно ли Славский готовился к подобному варианту или тридцатитонный парусно-моторный дубок «Лев Толстой» с экипажем из полурыбаков-полуконтрабандистов постоянно был готов к выходу в море, но уже через полтора часа, задолго до рассвета, постукивая керосиновым «Болиндером», поплеывая горячей водой из патрубка системы охлаждения, крутобокий кораблик, похожий формой корпуса на скорлупку грецкого ореха, вышел за боновые ограждения.

Укутанный старым парусом, принайтовленный смоленым канатом «Додж» утнезвился между рубкой и трюмным люком, Джо устроился якобы спать в его кузове, демонстративно пристроив под бок «маузер» с пристегнутым прикладом, а Шульгин с сопровождающими лицами спустился в крошечный кубрик под полубаком.

Немолодой матрос, более похожий на грека, чем на русского, принес медный чайник с кипятком, заварку, колотый сахар, хлеб, сало, лук, две крупные копченые кефали и квадратный штоф с жидкостью понятного назначения.

— Казенка по нашим средствам дороговато выходит, а это сам боцман дома гонит. Из груш и яблок. Забористая, — счел нужным сообщить он.

— Местный кальвадос, — объяснил «темному», как он считал, иностранцу Славский. — Теперь наконец и поговорить можно по человечески. Ну, за спасение... — поднял он по первой.

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

***Возможно, Индийский океан.
Время неизвестно***

Я, верно, болен: на сердце туман,
Мне скучно все, и люди, и рассказы,
Мне сняты королевские алмазы
И весь в крови широкий ятаган.

Н. Гумилев

Проход «Призрака» через фиолетово пульсирующую в ночном тумане рамку межпространственного окна сопровождался резким оглушительным хлопком, похожим на вы-

стрел противотанкового гранатомета. У меня даже зазвенело в голове, и корпус яхты загудел, резонируя.

Перепуганные женщины, невзирая на строгий приказ сидеть внизу до конца боя, выскочили на мостик.

«Вот этого мы не предусмотрели», — подумал я.

По странному закону природы межвременной переход осуществлялся беззвучно, а межпространственный всегда вызывал звуковой эффект, но — незначительный.

От легкого, едва слышного щелчка при перемещении массы в 50—100 кг до звука откупориваемой бутылки шампанского, когда сквозь «барьер» переносился, например, автомобиль. Как-то никому не пришло в голову, что зависимость здесь линейная и океанская яхта в четыре сотни тонн, отправляясь в Южные моря, вызовет такой вот «прощальный салют».

Впрочем, беды в этом, кроме посеянной среди моих спутниц паники, никакой. Наоборот, этот гром подтвердит версию гибели «Камелота» от вражеского снаряда.

— Все, девчата, успокойтесь. От англичан мы оторвались, видите, море чистое, а грохнуло так на прощание. Воронцов всем бортом пальнул из крупного калибра.

— Где же они теперь, я не вижу, — удивилась Анна.

Действительно, гладь вечернего моря была абсолютно пустынна, как во времена Магеллана. Небо покрывали густые облака, только в узком их разрыве у самого горизонта багровое солнце касалось краем зелено-черной воды.

— Ушли к северу, вот их и не видно. Все, дело сделано. Иди вниз, отдохни полчасика, и будем ужинать...

Анна послушно застучала каблучками по трапу, Ирина, отчего-то поджав губы, но ничего не сказав мне, направилась следом.

Ну и хорошо. Мне вдруг захотелось побыть одному. Перепсиховал, наверное.

Сейчас хорошо покурить, привести в порядок мысли. Может быть, послать рассыльного с вахты в бар за рюмочкой.

Потому что и вправду проблемы, заботы, терзания кончились.

Так я ощущал себя как в первый день отпуска, приехав куда-нибудь в Геленджик или Новомихайловку.

Душевная расслабленность, радость при виде совершенно экзотических для москвича пейзажей, а главное, все-таки море.

Не резервуар соленой воды, а символ абсолютно других критериев и принципов жизни.

Никто в Москве после работы не идет на набережную, чтобы в компании друзей пить кофе десятками чашек и обсуждать семейные, городские или общемировые проблемы. И не играет в нарды. В Сухуми же это в порядке вещей. Никто там не поймет нашего, столичного образа жизни.

Дурацкого, по большому счету.

Ирина появилась рядом со мной совершенно неошутимо. Только что ее не было. И вот она стоит рядом, положила теплую ладонь мне на шею.

Я даже не успел заметить, как наступила ночь.

— Все? — спросила она, придерживая пальцами волосы, раздуваемые куда более свежим и соленым, чем в Эгейском море, ветром.

— Выходит, что все. Полкубуйся на небо. Давно такое вида? — Я обнял ее за плечи и ниже.

Зрелище действительно было эффектное. Пожалуй, даже чересчур.

Словно на театральной декорации.

В разрывах быстро бегущих по небу туч слева открывалась моментами громадная полная луна с отчетливо видимыми и невооруженным глазом морями и цирками.

Ее яркий, но отчего-то выглядящий зловещим диск окрашивал края туч мерцающим зеленовато-янтарным цветом. А чуть правее зенита, склоняясь к юго-востоку, то открывался, то вновь задергивался облачной кисеей Южный Крест. Будто нарочно.

Знаковое, слегка даже культовое созвездие для нас, романтиков шестидесятых годов, никуда не выезжавших дальше Пицунды или Паланги, но мечтавших о краях, прославленных Стивенсоном и Джеком Лондоном.

Не слишком яркое и заметное, кстати сказать, созвездие, и, если бы я не штудировал в свое время звездные карты, вряд ли нашел бы его на небе. А представлялось (вернее — хотелось думать), что оно должно сверкать на тропическом небе,

как бриллианты королевы на черном бархате сафьянового футляра.

— Наконец-то, — прошептала Ирина, прижимаясь ко мне и небрежным движением плеча сбрасывая куртку на палубу.

Действительно, я как-то сразу и не заметил, что температура здесь градусов на двадцать выше, чем там, откуда мы пришли.

— Неужели это правда, мы с тобой снова одни и никто не помешает нам жить только для себя? Как мне все надоело...

Мне тоже, хотел я сказать, но отчего-то воздержался. Может быть, мне просто вообще расхотелось разговаривать. «Уж если отдыхать, так от всего...» На самом деле.

Наконец-то детская мечта осуществилась — я на собственной яхте плыву по Индийскому океану в сторону Южных морей, островов Фиджи и Туамоту и больше не должен никому и ничего...

На неограниченное, определяемое только мною самим время. «Отпуск по ранению» — вспомнилось название повести Вячеслава Кондратьева.

Сюжет там совершенно другой, но в то же время... Лейтенант отвоевал год на Ржевском фронте и вдруг после госпиталя получил отпуск, до перекомиссии. С правом поездки домой.

Через месяц или два, наверное, возвращаться обратно, но пока он гарантированно будет жив какое-то время и уже поэтому счастлив. А в Москве его ждет девушка...

И со мной рядом тоже любимая женщина, которой все последнее время я уделял непростительно мало внимания.

Как она вообще меня еще терпит?

Наверное, действительно любит, если прощает то, что обыкновенная, нормальная женщина никогда бы не простила. Так она и не обыкновенная, слава богу!

Только что я собирался заняться навигационными наблюдениями, определить место, где мы оказались, и тут же все эти дела показалось такими никчемными.

— Пойдем к себе, отметим это дело, — шепнул я Ирине, отодвинув закрывающую ей ухо прядь волос. — Я только отдам соответствующие распоряжения. Спускайся в каюту и приготовь все...

— Все — это как? — В голосе ее прозвучал сдерживаемый счастливый смех. Словно тогда, девять лет назад, во времена нашей первой влюбленности, еще не омраченной ни нелепой ссорой, ни ее еще более нелепым замужеством, ни космическими проблемами.

— Все — значит все, и по полной программе...

Я вызвал на мостик капитана Ларсена.

Полностью вжившийся в свою роль робот слушал мои приказания с видом человека, сознающего свое профессиональное превосходство, но вынужденного подчиняться хозяину.

Безусловно, он и без моих инструкций сделал бы все в лучшем виде, но положение обязывало. И меня, и его.

— Определите наше место, капитан, после чего следуйте под парусами генеральным курсом на чистый зюйд-ост, сообразуясь с ветром и лодией. Скорость и галсы на ваше усмотрение. До утра меня не беспокоить, за исключением форсмажорных обстоятельств, которые вы не сможете предотвратить самостоятельно. Подъем флага в восемь ноль-ноль местного времени, завтрак должен быть готов и накрыт в кают-компании в восемь тридцать.

— Простите, сэр, но боюсь, что ваше приказание до утра выполнить вряд ли удастся. Облачность все более сгущается, я скорее всего не успею даже приготовить инструменты. Но если луна и звезды все же откроются до утра, я обязательно произведу обсервацию.

Все правильно. Программа действует. Вот что меня до сих пор поражает. Машина же, электронно-вычислительная, поновомодному — компьютер, а ведет себя абсолютно адекватно.

Олег много раз объяснял мне, что принцип здесь тот же, что и в шахматном автомате: перебор всех вариантов следующего хода вплоть до оптимального в данной позиции. И ничего больше.

Так и эти ребята. В памяти у них имеется несколько десятков тысяч или миллионов стандартных ситуаций, любое внешнее воздействие инициирует запуск подходящей подпрограммы со скоростью перебора до триллионов «да — нет»

в секунду, и получите: на выходе динамический стереотип или ответ в вербальной форме.

Как психолог я все эти термины понимал и вообще мог сам любому все рассказать и объяснить вполне популярно и доходчиво, но душой — не воспринимал. Дико мне все это было.

Так же точно мой отец, окончивший, кстати, в свое время Ленинградский институт инженеров путей сообщения, признавался мне, что не в силах смириться с принципом работы телевизора. Не понимал он его. Однако чинить любые механические поломки в «Рубине» умел вполне качественно.

И также, наверное, первые машинисты управляли паровозами, в глубине души считая их технологическим извращением.

Но я, как всегда, отвлекся.

Изложив Ларсену все, что я считал на данный момент необходимым, я тоже отправился вниз, прихватив из бара кают-компания две бутылки лучшего крымского шампанского из довоенной еще коллекции князя Голицына.

Ирина занимала одну из двух на «Призраке» трехкомнатных кают, отделенных от кают-компания тамбуром трапа и поперечным коридором. Хотя и крошечных, конечно, в сравнении с необъятными помещениями «Валгаллы», но предоставлявших пассажирам максимально возможный комфорт.

Гостиная в девять квадратных метров, нечто вроде кабинета величиной с вагонное купе, который Ирина приспособила под косметический салон, и чуть большего размера спальня, большую часть которой занимала низкая, но просторная кровать с подъемными штормовыми сетками, а вокруг нее едва оставалось место для платяного шкафа, тумбочки и музыкального центра с квадроколонками по углам.

Ирина любила засыпать под тихую классическую музыку. Скрипичную по преимуществу.

Я вроде бы беседовал с роботом совсем недолго (правда, потом еще не смог удержаться, чтобы не обойти палубу яхты от кормы до бушприта и лично убедиться, что все в полном порядке), а Ирина за это время успела сделать «все», что я подразумевал.

Нет, я еще постоял у борта, довольно неторопливо выкурил сигару, поплеывая в шелестящую и заплескивающую почти до самого планшира волну, переосмысливая свой нынешний статус и морально настраиваясь на...

А на что? Что снова я из вершителя судеб мира становлюсь просто мужем тети Хаи. Как это называется в Одессе.

И уже потом через тамбур бакового люка спустился в штормовой коридор, прорезающий яхту от таранной переборки до двери кают-компаний.

Ирина меня поразила. Она успела переодеться в белое, все из пенных кружев, платье. С пышной многослойной юбкой ниже колен, какие носили девушки в середине шестидесятых.

А еще она украсила себя бриллиантовым колье в пару сотен каратов и такими же серьгами.

Будто собралась на прием в Карнеги-Холл.

На мой недоуменный, возможно, даже и бестактный взгляд она ответила очаровательнейшей из своих улыбок.

— Милый, но у нас ведь свадебное путешествие. Не так ли? Или ты передумал?

До меня начало доходить.

Ровно полтора года назад она дала зарок Берестину (за которого чуть сдуру не выскочила замуж по причине нашего глупого разрыва), что не будет принадлежать ни ему, ни кому-нибудь другому до законного брака.

С ним ли, с другим — не важно. И долго его соблюдала.

А когда я все-таки ее в очередной раз соблазнил, ей потребовалось считать, что она, следовательно, все же вышла замуж.

Софистика, но тем не менее.

И раз так, то сейчас у нас означенное путешествие, а равно и медовый месяц.

— Что ты, дорогая! Я счастлив открыто назвать тебя своей женой. Жаль, что мы не додумались до этого сразу, в семьдесят шестом. Жили бы сейчас поживали в окружении троих детей где-нибудь в Улан-Баторе, куда меня непременно сослали бы за невесторженный образ мыслей, и никаких Валгалл и Южных морей...

— Какой ты невыносимо бестактный тип...

На откидном столе каюты был накрыт легкий торжественный ужин. В полном соответствии с рекомендациями знаменитой, а также пресловутой Елены Молоховец, который у среднего интеллигента позднебрежневской Москвы (не говоря уже о провинциалах) вызвал бы смешанный с изумлением приступ пролетарского гнева.

Мои бутылки шампанского были здесь как бы даже и лишними, поскольку боевая подруга озаботилась не только им, но и «Энесси» на предельной грани выдержки. Это пространенный предрассудок, что коньяк чем старше, тем лучше. На самом деле даже «тридцати-сорокалетние» коньяки изготавливаются из смеси спиртов максимум пятнадцатилетнего возраста.

Присутствовали также столь любимые нами в те самые годы крепкие ликеры «Бенедиктин» и «Селект».

Освещал каюту тяжелый серебряный шандал на пять свечей, пахло ароматическими индийскими палочками, из динамиков доносились звуки бетховенской элегии «К Элизе».

Замысел Ирины был понятен: в очередной раз начать жизнь «с чистого листа».

Что же, это совпадало и с моими намерениями. Как оно будет дальше — не сейчас задумываться. Следует наслаждаться текущим мгновением, пока оно длится. Надеюсь, мы заработали это право.

— А девочку ты не захотела пригласить на ужин? — скорее для порядка поинтересовался я, запирая за собой дверь на защелку и вешая на крючок слишком плотный для этих широт форменный китель.

— Девочку я уложила спать и угостила ее чаем... Сейчас она видит прекрасные сны...

Знаем мы этот чай. Все правильно. Ароматный цейлонский чай с мягким, совершенно безвредным транквилизатором. Анна проспит свои законные десять часов, встанет бодрая, полная сил, готовая без потрясений и даже удивления воспринять тот «прекрасный новый мир», в котором ей неизвестно за какие заслуги довелось оказаться.

И нам она помешать не сможет, что весьма существенно.

Но опять же. Мне сейчас совершенно неинтересны были все эти подробности. Словно бы действительно все мои беды

связаны были только с теми делами, которыми непосредственно пришлось заниматься последние два года.

И испытание целомудрием на Валгалле, когда меня мучительно соблазняла Сильвия, тоже отразилось на моей психике.

Вот только сейчас я вдруг почувствовал себя нормальным мужиком. А то уже начало казаться, что я окончательно утратил вкус к женщинам. И Ирина это замечала, хотя и не позволяла себе высказываться по этому поводу.

А сейчас даже выглядывающие из декольте округлости уже вызвали здоровое возбуждение.

Все правильно, жених перед первой брачной ночью и должен вожделеть невесту.

Я погасил верхний плафон и длинной каминной спичкой поджег розовые восковые свечи. От центральной, толстой, как хороший батон московской колбасы, прикурил венесуэльскую сигару (кубинских не люблю, несмотря на их всемирный авторитет). Синеватый дым потянуло в иллюминатор.

Сразу три категорических запрета парусного флота нарушаю — открытый огонь во внутренних помещениях, курение там же и незадраенный иллюминатор, ночью, в жилой палубе, почти у ватерлинии, при неизвестном прогнозе погоды.

А если сейчас налетит шквал?

Какая ерунда все время лезет в голову. Наверное, я действительно слегка повредился в уме, что немудрено. Только самоконтроль позволяет на людях сохранять видимость нормальности.

— Ну, за долгую счастливую жизнь! — Я специально открыл бутылку так, что пробка шарахнула в потолок с выстрелом и хлестнувшей из горлышка пеной.

Выпили. Ирина до дна свой фужер-тюльпан, а я чуть-чуть. Хотелось подольше быть трезвым.

— Знаешь, — сказала Ирина, — я бы хотела, чтобы мы прожили молодыми и здоровыми еще лет сто, а потом умерли вот так — сидя за хорошим столом, хотя бы и здесь же, наскочив на морскую мину...

— Так а зачем вообще умирать, если мы и тогда будем молодыми и здоровыми?

— Ну, я имела в виду, что когда перестанем ими быть.

— Давай лучше отложим эту тему на загаданную сотню лет, а уж тогда...

И после этих слов я с удивлением понял, что говорить нам больше вроде бы и не о чем. Относящееся к предыдущей жизни давно переговорено, будущее пока скрыто «неизвестным мраком», как мы любили выражаться в студенчестве, а настоящее...

Его еще нужно обрести. Или — создать для себя.

Поэтому после третьей рюмки коньяка и совершенно необязательного, более того — почти бессвязного разговора, поскольку мы оба готовились к одному и тому же, я встал, обошел стол, обнял Ирину и начал целовать высокую, пахнущую горькими духами шею.

Насколько я помню, океан в том месте, где мы оказались, был совершенно штилевой, но все равно его мерные колебания, отражение глубинных течений и бушующих где-то за сотни миль штормов приподнимали и опускали яхту настолько ощутимо, что моментами с непривычки зависало сердце. А может быть, не только от этого...

Страстные объятия, прерывистое дыхание в паузах, вздрагивающие тонкие пальцы у меня на затылке. Не нужно было ничего говорить, я даже не помню, кто из нас кого вел за собой в ее спальню, на мерцающий красный глазок магнитофона рядом с кроватью.

Ирина отлично знала мои склонности и пристрастия, поэтому в отличие от любой другой женщины в данной ситуации не сняла с себя все лишнее, а, наоборот, максимально оделась.

Наверное, в каком-нибудь каталоге Квелле или Неккермана она нашла этот комплект белья для новобрачной. Предназначенный не для использования в реальной жизни, а исключительно для демонстрации на подиумах.

Ирина изображала испуганную расслабленность девушки, с которой сейчас произойдет то самое, непонятное и волнующее, пресловутый диалектический переход из девушки в женщину.

А мне приходилось разбираться сначала в «молниях» и застежках ее платья, потом искать, где спрятан замок тугого и твердого, как бронежилет, бюстгальтера (оказалось, спереди, между чашечками), да и пояс был непривычного образца.

Но все же в конце концов мы упали на просторную, два на три метра, постель, и она то громко, прерывисто дышала со всхлипами, то будто непроизвольно сжимала бедра, стараясь защитить свою невинность, то незаметно мне помогала, приподнявшись на локтях и лопатках, стянуть с крутых бедер облегающие, упругие, словно эластичный бинт, трусики.

Мы словно разыгрывали ремейк давней любовной сцены, даже двух — когда я впервые решился посягнуть на ее девственность и когда она вынудила меня заставить ее впервые изменить мужу.

Оба раза так и было — торопливо, страстно, без предварительной подготовки, и, может быть, именно поэтому запомнилось на всю жизнь.

Все остальное хоть и вполне нас устраивало, но казалась все же пресноватым. Поэтому время от времени мы и придумывали себе этакие «праздники любви», в которых каждому позволялось реализовывать самые смелые фантазии.

По очереди.

Если мне нравилось брать Ирину как можно более одетой, то ей, наоборот, чтобы получить свою долю радости, требовалось раздеться, помыться и надушиться изысканнейшими французскими духами, после чего превратиться в яростную наездницу-амазонку.

И, судя по всему, хотя сам я этого никогда не видел, иногда перед тем, как предаться страсти, она принимала нечто возбуждающее, типа препаратов Сашкиного производства. Например — производные эфедрона или его агтрианских аналогов.

Помню, еще в ее студенческие времена, когда мне впервые пришло в голову это подозрение, я взял у Шульгина порошок противоположного действия. Замедляющий естественные реакции.

Просто хотелось посмотреть, как оно получится.

Это было нечто невероятное. Она уже охрипла от криков, испытала подряд пять или шесть оргазмов, а я был свеж, бодр и готов, как пионер.

Мне наконец стало ее просто жалко, и я прекратил это из-

девательство. Дернувшись последний раз, она лежала, уронив голову мне на грудь, не в силах даже самостоятельно подняться.

Я приподнял ее потное тело и положил рядом.

Только минут через пять она отдышалась и на подгибающихся ногах побрела в ванную. Вернулась, кутаясь в махровое полотенце, села в кресло, жадно выпила стакан сухого вина, закурила, едва попав сигаретой в огонек зажигалки.

— Нет, это невозможно... Не делай этого больше... — Она, похоже, догадалась, в чем дело.

— Чего? Вот этого? А как же тогда? — прикинулся я дураком. — Я думал, ты как раз этого и хотела.

ГЛАВА 9

Шульгин осмотрелся.

Великолепная декорация для очередного эпизода криминальной драмы. Тесная, как канатный ящик, каютка, иллюминатор над головой крошечный — не выскочишь.

Вламываются вдруг крепкие ребята, наставляют «нагагны», а то и обрезают, я в безвыходном положении, поскольку от двери меня отделяет стол.

Все довольны, все смеются, враг обезврежен и готов к употреблению. И тут я начинаю махать руками и ногами, мочить, крушить и так далее.

Лихо, эффектно, мы победили, и враг бежит... А поскольку бежать ему некуда, то теперь разборку начинаю я...

Только ничего этого не будет. Не такие они дураки. Два раза меня в деле понаблюдали, на сегодня им хватит. И поединок предстоит чисто интеллектуальный.

Вот сейчас этот господин Славский любезно улыбнется и спросит:

— Ну-с, на кого же вы работаете, милейший?

Господин Славский без всякой улыбки посмотрел на Шульгина и спросил по-русски:

— На каком языке предпочитаете беседовать, господин Мэллони?

— Да я как-то... Английского вы скорее всего не знаете?

— Верно. Английскому нас не учили. Классическое образование, знаете ли. Латынь, греческий, немецкий, французский.

Шульгин проявил заинтересованность.

— Вы заканчивали университет? — По тем временам человек с университетским образованием был явлением куда более редким и вызывал большее уважение, чем полвека спустя доктор каких угодно наук.

— Классическую гимназию. Это нечто вроде ваших колледжей. Только с более серьезным уровнем подготовки. Потом — Николаевское кавалерийское училище.

— О, так вы кавалерист! Героический род войск. Мой дед тоже был кавалерист, воевал под Севастополем в знаменитой бригаде ...

— Да. Ротмистр. Выше подняться революция помешала. Александрийский гусарский полк. — На мгновение лицо его приобрело мечтательное выражение, которое он тут же прогнал.

— В таком случае давайте говорить по-немецки. Он нам обоим неродной, игра будет на равных. А если недоразумения возникнут, господин фон Мюкке поправит и поможет. Что вас интересует?

Славский, очевидно, готовился к предстоящей беседе.

Потому начал «допрос» (именно так Шульгин это воспринимал) нестандартно.

— Вы — богатый человек?

— Забавно. И не слишком деликатно. Впрочем, в нашей ситуации... отвечу. Смотря что понимать под этим термином. В сравнение с Рокфеллером или Ротшильдами, разумеется, не иду. Но для вас — пожалуй.

Однако все же лучше сказать — состоятельный. О том, что буду есть завтра, могу не задумываться.

— Это хорошо... — задумчиво сказал Славский.

— Но наличных у меня с собой почти что нет. Умеренное количество рублей и сто фунтов на непредвиденный случай. Чековая книжка удобнее.

Славский весело рассмеялся.

— Вы что, вообразили, я вас грабить собрался? Отнюдь. Я спросил скорее из любопытства. Богатый человек, что вас

заставляет заниматься такими делами? Я бы на вашем месте сидел у камина в родовом поместье и наслаждался жизнью...

— Понимаю, — сочувственно кивнул Шульгин и для оживления обстановки рассказал анекдот про белого бизнесмена, отдыхающего на Таити, и аборигена под пальмой. Видимо, обстановка не располагала его собеседников к веселью, и анекдот вызвал лишь вежливые улыбки. — А если без шуток, то мы с вами существуем на разных полюсах жизни и вряд ли пойдем друг друга до конца. Ваша жизнь настолько сумбурна, опасна и жестока, что толстые стены дома вокруг, камин, стакан грога и абсолютная предсказуемость прошлого и будущего — предел мечтаний. Словно богатый монастырь или гостеприимный неприступный замок для озябшего, преследуемого волками или бандитами путника в Средние века. Для меня все ровно наоборот. Размеренность, предсказуемость и гарантированная рента с капитала, жизнь в стране, где двести лет ничего не происходило и еще двести почти наверняка не произойдет, кроме урагана или извержения вулкана, невыносимы.

Вот я и жажду вернуться к временам моих достойных предков, которые, рискуя жизнью, создавали империю, над которой никогда не заходит солнце...

Светскую беседу прервал матрос, просунувший голову в приоткрытый люк.

— В море корабль. Светит прожектором...

— Совершенно нежелательный вариант, — процедил Славский и враскорячку полез вверх по трапу, демонстрируя свое совершенно сухопутное естество.

Наверху было темно, ветрено и сыро. Только блики света от керосинового фонаря в нактоузе падали на палубу возле штурвала. Волна от турецких берегов шла примерно четырехбалльная, но для небольшого, крепкого, однако не отличающегося изяществом обводов корпуса суденышка вполне достаточная.

Дубок зарывался носом, и ежеминутно на круто приподнятый полубак обрушивались тяжелые каскады брызг.

Цепляясь за ванты, Шульгин осмотрелся. Действительно, примерно в миле к зойду черноту ночи резал яркий луч прожектора, принадлежащего скорее всего военному судну.

— Джо, мой бинокль!

Массивный морской двенадцатикратный «Цейс», оснащенный насадкой ночного видения и фотоумножителем, почти вплотную придвинул низкий силуэт миноносца с двумя высокими, склоненными назад трубами.

Шестисоттонник типа «Лейтенант Шестаков», дозорный эсминец, несмотря на выдвинутые к Эгейскому морю рубежи базирования флота, прикрывающий подходы к главной базе.

Воронцов и Колчак хорошо поставили службу, памятуя о 1904, 1919 и 1941 годах, учитывая, что враг может прийти не только из Средиземного моря, но и с Дуная, из Констанцы, Варны и Батума тоже.

Не обязательно английские линкоры, хватит и подводной лодки-малютки или торпедного катера.

Скорость даже у потрепанного войнами, пять лет не ремонтировавшегося миноносца вчетверо превосходила парадные шесть узлов, которые мог выдать дубок при полном напряжении сил. Значит, надежда только на ночь и маневр.

— Вы явно не хотите с ним встречаться? — спросил Шульгин Славского.

Тот только фыркнул и протянул руку за биноклем.

— Тогда командование нашим фрегатом следует передать господину корветтен-капитану. Он наверняка лучше знает, как уклоняться от вражеских дозоров, чем ваши рыбаки...

— Это еще как сказать...

Шульгин знал, что Славский прав, и опытные контрабандисты имеют куда больший опыт общения с военными моряками и таможенниками, тем более — у родных берегов, но роль требовала некоторой наивности.

Эсминец сменил галс, и луч прожектора чиркнул совсем рядом с бортом дубка. Рулевой, присев от натуги, отчаянно завертел штурвал. Ему на помощь кинулся еще один матрос. Хлопая парусом, дубок покатился влево. Бортовая качка резко усилилась.

— Скажите им, пусть спустят паруса, легче будет маневрировать, — прокричал Славскому фон Мюкке. Тот продублировал совет немца шкиперу и получил ответ: «Пусть будет

такой умный раньше, как моя жена потом. Без парусов против волны не выгребем. Движок дрянь, совсем не тянет...»

«Погано, — подумал Шульгин, — если мотор сдохнет, нас можно брать голыми руками». Встречаться с колчаковскими моряками ему абсолютно не хотелось.

Бояться было нечего, но игра поломается напрочь. И последствия — хуже не придумаешь.

«Хотя плавали же люди под одними парусами тысячи лет, и ничего... И эти орлы наверняка еще с царского времени своими делами занимаются — и все в порядке...»

Эсминец явно совершал обычное патрулирование и не имел понятия о близком присутствии «Льва Толстого», поэтому луч прожектора погас так же внезапно, как и вспыхнул несколько минут назад. В бинокль было видно, что корабль меняет курс, его силуэт укоротился, изрыгающие густой дым трубы почти закрыли одна другую, сливаясь в одну.

«Ну, хоть здесь, кажется, пронесло», — успел подумать Сашка и словно бы сглазил.

Неизвестно, просто на всякий случай или все ж таки заметив в море нечто показавшееся ему подозрительным, вахтенный офицер вновь приказал включить прожектор, теперь уже с кормового мостика. И его луч точнехонько уперся в борт и рубку дубка. Все, кто был на палубе, присели, отворачиваясь, закрывая руками глаза.

— Ну вот и спеклись, мать ихую перемать... — пробасил кто-то рядом.

Почти в тот же момент с мостика эсминца по крутой параболе взлетела зеленая ракета и замигал ратьеровский сигнальный фонарь.

— Приказывают остановиться, лечь в дрейф, приготовиться к досмотру, — перевел сигнал шкипер.

— Джо, огонь по прожектору, точно в отражатель! — прокричал, реагируя на уровне подсознания, Шульгин.

Такое, конечно, мог проделать только робот с его невероятной реакцией и скоростью обработки информации о сотнях влияющих на точность выстрела факторов.

Он за несколько секунд успел выхватить из зажимов над ветровым стеклом дальнобойный штучер-суперэкспресс, способный прицельно посылать на два с лишним километра

двадцатиграммовую пулю с ртутным сердечником, соотнести бортовую и килевую качку дубка и миноносца, их относительную скорость, силу ветра и деривацию, то есть боковое отклонение пули под влиянием ее собственного вращения и вращения земли.

И при этом даже не щурился от бьющего прямо в глаза миллионоваттного голубого столба света.

Два резких звенящих хлопка, от которых у окружающих заложило уши и заныли корни зубов.

Прожектор погас, и тут же фон Мюкке заревел, перекрывая свист ветра:

— Руль лево на борт, круто, паруса долой!

Старый кайзеровский корсар, немало покомандовавший парусными шхунами и прославившийся как раз тем, что умел выкручиваться из самых гибельных ситуаций, принял единственно, пожалуй, верное решение.

Со сброшенными парусами и переложенным рулем дубок, шедший крутым бакштагом, резко покатился под ветер, а высокие волны с пенными гребнями полностью скрыли его черный смоленый корпус.

Теперь, даже если бы миноносец включил второй прожектор, вряд ли сигнальщики разглядели бы в штормовом море две тонкие голые мачты.

Скорее со злости, чем надеясь попасть, миноносец бабахнул в темноту из своей баковой четырехдюймовки, а с крыла мостика затрещали длиннейшими очередями, обводя горизонт широкой дугой, сразу два пулемета.

Командир эсминца явно вышел из себя, что неудивительно, особенно если кто-то из его людей был ранен или, упаси бог, убит. Тем более Шульгин нарушил правила игры.

Контрабандисты, попавшись на глаза дозору, имели право пытаться убежать, но стрелять друг в друга они с военными моряками не договаривались.

Следовательно, командир вполне мог посчитать, что имеет дело с настоящим противником, а не с зарабатывающими на хлеб доступным им способом дядьками с соседней улицы.

Эсминец начал метаться по морю широкими галсами,

время от времени включая на несколько секунд прожектор и посылая вдоль оси луча пулеметные очереди.

Хуже всего было то, что без парусов ветер и волны сносили дубок к берегу, а поднятые паруса резко увеличивали риск быть обнаруженными.

Но все же судьба (и ненастная ночь) их сегодня хранила. После целого часа крайне рискованного маневрирования «Лев Толстой» все же сумел, сдрейфовав почти до устья Качи, уйти.

Все были мокрые с ног до головы от дождя и брызг волн, ладони Шульгина, наряду с матросами тянувшего шкоты, маневрируя парусами, горели, содранные до крови.

С миноносца последний раз наудачу бахнула пушка, и он окончательно растаял во мгле.

И тут фон Мюкке, державшийся за поручень «Доджа» рядом с Шульгиным, вдруг вскрикнул и сдавленно застонал.

— Что это с вами? — машинально спросил Шульгин, уже догадываясь, в чем дело. Одна из сотни шрапнельных пуль, вслепую летевших над морем, кажется, все же нашла свою цель.

Редко, но бывает. Как говорится, если уж не повезет, так с родной сестрой подхватишь...

Он коснулся рукой плеча немца и почувствовал, как тот медленно валится лицом вперед. Опустился на колени, слабеющей рукой кое-как удержался за толстый, чутунный кнехт.

Узкий луч фонарика пробежал от затылка до поясницы капитана, и немного ниже хлястика плаща Сашка увидел маленькую дырочку с совершенно чистыми краями. Крови не выступило ни капли.

«Скверное ранение, — подумал Шульгин, — тут тебе и позвоночник, и кишки, а рикошетом от костей вообще неизвестно куда заехать может. И в печеньку, и в аорту... Ну, сейчас посмотрим...»

— Помогайте, потащим капитана вниз, — скомандовал он оказавшимся рядом людям Славского, приподнимая фон

★ Мюкке за плечи. — Да осторожнее, осторожнее, не трясите и не перегибайте. Джо, мою аптечку, бегом!

Капитана уложили на обеденный стол. Джо включил сильный аккумуляторный фонарь, направив луч в потолок.

Фон Мюкке уже был без сознания. Шульгин нащупал пульс. Сердце билось слегка замедленно, но пока ровно. Значит, аорта, по крайней мере, цела, иначе всю кровь выхлестало бы в брюшную полость за полминуты.

Прежде всего он достал из аптечки шприц-тюбики с промедолом и камфарой. Прямо через брюки вколол капитану в бедро. Теперь можно работать не торопясь и спокойно.

— Оставьте нас одних. Я достаточно разбираюсь в медицине, чтобы понять, есть ли у господина капитана шансы. Если есть, постараюсь что-нибудь сделать.

Как Шульгин и предполагал, круглая свинцовая пуля попала немцу между третьим и четвертым поясничными позвонками. Застрела на излете, не пройдя дальше, в брюшную полость.

Но почти наверняка перебила спинной мозг. Даже окажись они сейчас в операционной самой лучшей севаستопольской или одесской клиники, фон Мюкке скорее всего был обречен на пожизненный паралич.

Да и в конце XX века судьба его была бы ненамного лучше, если экспресс-диагноз Шульгина верен.

Сашка сделал еще один укол. Немец открыл глаза.

— Как вы себя чувствуете, Гельмут?

— Отвратительно, — прошептал фон Мюкке, — очень больно, и в то же время ниже груди ничего не чувствую. Камень. Я умираю?

— Не торопитесь, успеете, — с грубоватым сочувствием ответил Сашка. — Ранения в спину или даже в позвоночник весьма неприятны, но далеко не всегда смертельны...

Под воздействием наркотика фон Мюкке держался мужественно, а скорее ему было почти все равно, жить или наоборот.

— Вы разве врач?

— В том числе и врач. Жизнь учит многому...

— Судя по моему самочувствию, не помешал бы и пастор... А вообще удивительно глупо все получилось.

— Увы. Я не только не священник, но даже и не лютеранин. Ваших обрядов не знаю. Но, возможно, вы слегка торопитесь. Кое-какие шансы есть. Очень возможно, что пуля только контузила вам спину, и, если мне удастся ее извлечь, выздоровление не займет много времени.

— Или — или, — попытался улыбнуться фон Мюкке серыми от боли губами.

— Именно так. Сейчас я сделаю вам еще один укрепляющий укол и позондирую рану. Хуже не будет, поверьте мне, но может и повезти...

— Ничего другого и не остается. Черт меня дернул связаться с вами. Правильно вы сказали: «Не заговаривайте с неизвестными»... Давайте ваш укол, я уже не в силах терпеть.

— Уже делаю. Боль сейчас пройдет, но в сознании вы останетесь.

Фон Мюкке полежал несколько минут, шумно дыша сквозь стиснутые зубы, потом боль отпустила. Немец перевел дух.

— Спасибо. Так хорошо. Приступайте. Только скажите все же, перед тем как начнете, ответьте мне всего на один вопрос, может быть, последний: вы специально меня выслеживали? Работаете на русскую контрразведку? Или на английскую?

— Не понимаю, о чем вы...

— Оставьте, Ричард. Вы все понимаете. Как и я. Перед близкой смертью мышление обостряется. И вам записаться теперь нет смысла. Я в любом случае выбит из игры...

— Я уже сказал — если я и работаю на кого-либо, так только на себя. Но вопрос вы задали все равно интересный. И мы к нему обязательно вернемся, но позже. Если мне удастся вас вытащить...

Пулю Сашка действительно извлек почти без труда, но с остальным было хуже. Спинной мозг разможило так, что он держался буквально на двух-трех ниточках.

Участии храброго капитана оставалось бы только посочувствовать, если бы... Если бы у Шульгина не было с собой браслета-гомеостата.

Так они договорились с друзьями: один, принадлежавший Ирине, достался экипажу «Призрака», второй, берестин-

ский, память о прогулке в шестьдесят шестой год, исполняла роль судебного госпиталя «Валгаллы», а этот подарила Шульгину Сильвия.

Вполне возможно, что у нее, в соответствии с должностью, имелся достаточный их запас. Хотя об этом она не распространялась. Но вряд ли же она презентовала своему победителю последний собственный экземпляр.

Как известно, гомеостат обеспечивал сохранение постоянства внутренней среды и физическую целостность организма при воздействии на него любых неблагоприятных факторов, за исключением одномоментного полного разрушения тела и, главное, — мозга.

Во всех же остальных случаях гомеостат гарантировал своему носителю регенерацию поврежденных органов, причем со скоростью, адекватной возникшей угрозе.

То есть при огнестрельном поражении сердца его функции восстанавливались быстрее, чем человек должен был умереть от прекращения кровообращения, а раздробленная нога могла срастаться и сутки, и двое.

Вообще-то гомеостат предназначался для постоянного ношения, тогда он полностью настраивался на биохарактеристики владельца и заботился о нем каждую секунду, в профилактическом режиме. Нашим же героям приходилось использовать его по преимуществу как аппарат экстренной и интенсивной медицинской помощи.

Вот и сейчас Шульгин, закрыв рану фон Мюкке тампоном и заклеив пластырем, застегнул на его запястье черный браслет с мерцающим на матовом экране широким желтым сектором.

Его размеры показывали, что, хотя жизнь пациента в данный момент вне опасности, степень нарушения жизненных функций превышает 50 процентов.

— Кажется, я могу вас поздравить, — сказал Шульгин, вытирая руки смоченной в спирте салфеткой. — Жить вы точно будете, о прочем же станет ясно несколько позже. А теперь вам нужно поспать. Возле вас подежурит мой слуга.

— Я и вправду чувствую себя гораздо лучше, — попытался улыбнуться капитан.

— А как же иначе. Чтобы стало совсем хорошо — спите. — Он осторожно перевернул пациента на спину, поудобнее устроил его голову на плоской, набитой не то сеном, не то водорослями подушке, укутал двумя одеялами. После чего сделал перед лицом фон Мюкке несколько пассов ладонями.

Глаза раненого закрылись, и он задышал тихо и ровно.

В капитанской каюте его ждал Славский. Один. Куда делись его люди, Сашка интересоваться не стал. Спят в трюме, наверное, на старых парусах или мешках с грузом.

— Налейте стаканчик, коллега, — попросил Шульгин, присаживаясь на край койки и без всякого труда изображая усталость хирурга после трудной операции.

Они выпили вдвоем, закусили четвертушками хрустящей и невероятно горькой луковицы.

— Вы удивительно легко перенимаете наши национальные традиции, — усмехнулся Славский.

— Что русскому здорово, то немцу смерть? — тоже улыбнулся Шульгин. — Так я же не немец. А в путешествиях мне приходилось есть и пить такое, от чего, уверен, вас стошнило бы при одном виде. Вот, например, пиво пембе. Африканцы его готовят так...

— Спасибо, не надо продолжать. Майн Рида я тоже читал. Так что там с нашим немцем?

— Жить будет, — ответил Сашка ритуальной фразой.

— Не считите за лесть, но вы меня все больше и больше восхищаете, господин Мэллони. И тем самым до определенной степени рассеиваете мои подозрения.

Шульгин позволил себе надменно улыбнуться.

— Боюсь, что в ваших словах звучит не столько лесть, сколько вам самому не до конца понятная бестактность.

— Отчего же так? — искренне удивился Славский. — Я ведь из самых лучших побуждений...

— Об этом и речь. Вы вообразили, будто перед вами какой-то там шпик, агент не знаю уж каких именно спецслужб, избравший себе для маскировки личину иностранного путешественника.

Потом убедились, что мои способности и возможности несколько превосходят понятный вам стереотип, и решили

мне об этом сказать, думая, что мне приятно услышать хвалебное слово из уст такого, как вы...

— А теперь я могу расценить ваши слова как оскорбление...

— Зачем же? Я действительно имею о себе устойчивое мнение, которое не в силах поколебать ни в ту, ни в другую сторону даже особа королевской крови.

Сегодня я составил представление и о вас, как о человеке, занимающем определенное положение в... не знаю, каком обществе и какой организации.

Возможно, оно вполне достойное. Меня это не касается, как не интересуют ваши дела и ваше мнение обо мне.

Случилось так, что на короткий срок наши пути пересеклись. Я поступил так, как счел нужным. На этом все.

Надеюсь, очень скоро мы расстанемся, поскольку невмешательство в дела аборигенов — мой принцип. За очень редкими исключениями...

Наверное, Сашка достиг своей цели, потому что Славский несколько даже увял. Впрочем, не он первый, не он последний.

Шульгину самому неприятно было видеть очередное подтверждение объективной, увы, истины.

Как повелось с допетровских еще времен, русский человек всегда почти терялся, сталкиваясь с британским высокомерием, даже вполне корректным.

Срабатывал генетический стереотип, ежели независимо от чинов и титулов один — «раб божий» и «царский холоп», а за вторым восемьсот лет «хартии вольностей» и «хабеас корпус», то о чем еще говорить? Но этот ведь вроде бы дворянин, старший офицер престижного полка. У Шульгина шевельнулось первое подозрение...

— Другое дело, — решил он подсластить пилюлю, — что в данный момент мы волею судьбы вынуждены делать одно дело, поэтому можем рассматривать друг друга как равноправных партнеров, и в этом случае оценка личных качеств друг друга достаточно существенна.

Вы, таким образом, даете мне понять, что кое-что во мне вас устраивает. Хорошо. Остается выяснить, до какой степени устраиваете меня вы...

Это был один из любимых Сашкиных приемов — заморозить собеседнику голову, используя знание психологии и умение оперировать логическими связями высших порядков, сбить его с позиций, чтобы впредь человек уже не продолжал собственную политику, а мучительно пытался понять, в каком же положении он оказался и как из него с наименьшими потерями выпутаться.

— В частности, — продолжал Шульгин, — как вы думаете разрешить коллизию с господином фон Мюкке? За его жизнь я ручаюсь, но потребуется неделя, две или больше, чтобы он вновь стал сравнительно здоровым человеком.

У вас есть возможность разместить его в Одессе в приличной клинике или на частной квартире, где он мог бы находиться под присмотром хорошего врача? Или же, как иногда, к сожалению, бывает среди людей вашей профессии... — он сделал кистью руки отстраняющий жест в сторону борта.

— Что вы, что вы, — как бы даже испугался Славский. — Что вы о нас на самом-то деле думаете?

Шульгин предпочел расценить этот вопрос не как риторический, а как требующий ответа.

— Только то, чему сам стал свидетелем. Не знаю и знать не хочу, кто вы на самом деле, но понимаю, что деятельность ваша далека от легальных форм и методов. А здесь так уж принято — от ставших обузой соратников нередко избавляются. Со мной, кстати, это не пройдет, — счел он нужным предупредить, подтвердив слова выразительным взглядом на собственные руки и на торчащую из-под ремня пистолетную рукоятку.

— Уж за себя можете быть совершенно спокойны, — с некоторым даже облегчением сказал Славский. — Давайте лучше еще выпьем и поговорим как серьезные люди.

...Перед утром Шульгин еще раз наведлся в кубрик к фон Мюкке и снял у него с руки браслет. Ему сейчас не требовалось, чтобы немец проснулся совершенно здоровым.

Спинной мозг начал активную регенерацию, и пока этого достаточно.

Он решил подлечивать пациента браслетом с интервалами в два-три дня, чтобы процесс выглядел естественным, соответствующим диагнозу «контузия», а за это время решить все накопившиеся проблемы.

В разговоре со Славским он позволил убедить себя задержаться в Одессе хотя бы на неделю, но исключительно в качестве лечащего врача. Ни в каких других делах он попросил на него не рассчитывать.

ГЛАВА 10

...Разместили Шульгина и раненого фон Мюкке на хотя и необитаемой, но поддерживающейся в относительном порядке даче на 12-й станции Большого Фонтана.

Владельцем дачи был, похоже, весьма богатый человек, не лишенный причуд, о чем можно было судить по венчающей главный корпус высокой каменной башне со стеклянным куполом наверху, окруженным галереей с чугунными перилами. Не то копия Воронцовского маяка, не то мусульманского минарета.

Стояла она совсем рядом с морем, точнее — над ним, на краю высокого глинистого обрыва, обнесенная грубой, какого-то античного вида оградой из дикого местного камня, сложенного всухую.

Со стороны Приморского шоссе внутрь ограды вели высокие кованые ворота, сейчас запертые на полупудовый, покрытый налетом ржавчины замок.

От ворот до парадного входа тянулась мощенная плитками из голубой итальянской лавы широкая аллея, обсаженная могучими, трехметровыми кустами можжевельника.

Но в главном корпусе жить было невозможно, потому что стекла в большинстве высоких венецианских окон были выбиты еще во времена красной оккупации и последующих боев за город, да и, кроме того, в огромных комнатах не было стационарного отопления. Зимой хозяин тут жить явно не собирался.

Зато в глубине сада прятался низкий каменный флигель всего из трех комнат, сводчатых, темноватых, скудно мебели-

рованных, но снабженных печками-«буржуйками», которые мгновенно разогревались и начинали распространять вокруг сухое устойчивое тепло.

Шульгину здесь понравилось.

Будто в маленькой крепости, окруженной голыми черными деревьями с сюрреалистически перекрученными ветвями, заросшими бурьяном огородами, другими заброшенными дачами, накрытой густым туманом, сквозь который не видно не только Ланжерона, Аркадии и Одесского порта, но и плещущего внизу моря.

— Как вы считаете, — спросил его вернувшийся из города вечером первого дня Славский, куда он, очевидно, ездил повидаться с местной своей агентурой или руководством, — требуется нашему пациенту консультация специалистов или?..

— Думаю, что непременно и обязательно. Рана, по счастью, оказалась намного легче, чем я предполагал. Но — только рана. О последствиях я судить не рискую. Я ведь всего-навсего не слишком хороший военно-полевой хирург, давно не имевший практики. А здесь нужен авторитетный специалист именно по поражениям нервной системы. Так что ищите такого врача. В большом городе его не может не быть. И сделайте это как можно быстрее, иначе...

Случайно ли так вышло или намеренно, но в этом флигеле предыдущим жильцом тоже был какой-то немец, гувернер хозяйских детей или квартирант — преподаватель гимназии, оставивший после себя множество книг в картонных и кожаных переплетах, отпечатанных почти непонятным для Шульгина готическим шрифтом.

Фон Мюкке же эта библиотека восхитила, и он, благо состояние его заметно улучшилось, погрузился в беспорядочное чтение, добывая упущенное за большую часть предыдущей жизни.

Да и что может быть лучше для человека, почти простившегося с жизнью, а сейчас выздоравливающего, никуда не спешащего, как окунуться в сокровища родной литературы, от Шиллера и Гейне до Шопенгауэра и Карла Мая.

Шульгин и сам бы с удовольствием последовал примеру

капитана, улегшись на соседней койке и потягивая глинтвейн или водку с лимонным соком, если бы во флигеле нашлись какие-нибудь русские книги, кроме разрозненных томов энциклопедии Брокгауза и Эфрона.

Говорил он по-немецки совсем неплохо, а вот читать легко и свободно, так, чтобы получать от процесса удовольствие, пока не научился.

...Одесса при первом выходе в город разочаровала Шульгина. Он помнил ее по последнему посещению в 1977 году и по книгам Катаева, Бабеля и Паустовского.

Сейчас же она выглядела почти жалко. Хозяйственное возрождение новой России коснулось ее отчего-то мало.

На каждом шагу видны были следы двухлетнего владычества большевиков, а местные деловые люди скорее всего в силу врожденной осторожности, усугубленной слишком свежими воспоминаниями, не до конца поверили в окончательность врангелевской власти.

А средства, если они у них и сохранились, предпочитали вкладывать и приумножать не слишком заметными способами. Или — в других местах.

В знаменитом кафе Фанкони крутились подозрительные типы, ухудшенные издания (точнее, не отшлифованные талантом авторов прототипы) Остапа Бендера, привычно торгующие сомнительного происхождения долларами, фунтами, затертыми транспортными накладными на неизвестно где пребывающие вагоны с вряд ли существующими в природе грузами.

Аналоги «пикейных жилетов» все так же горячо обсуждали свежие новости о сражении «Алексеева» с английской эскадрой и грядущие перспективы международной политики.

Сашка не удивился бы, услышав слова: «Колчак — это голова, и адмирал Воронцов тоже голова...»

Фасады домов были обшарпаны, улицы грязны, и даже шляпы-канотье щеголей и порывевшие лапсердаки старых евреев с Портофранковской улицы производили грустное впечатление.

Впрочем, возможно, все дело было в том, что на Сашку вдруг навалилась мутная тоска. Кратковременная, несомненно, но от того не менее нудная. Как зубная боль в сердце.

Вроде бы привык он уже давно мотаться «в дали времен, в пыли веков», а тут вдруг накатило.

Скорее всего оттого, что слишком хорошо ему было давними августовскими днями, когда он с очередной подружкой сподобился прожить целых две недели в шикарном пансионате ЦК ВЛКСМ Украины «Чайка» в Лузановке.

И сейчас очень не хватало тогдашней веселой уличной толпы, потока машин, шелестящих вдоль Дерibasовской и Пушкинской, музыки в кафе на Приморском бульваре...

Ну и всего прочего, что бывало в двадцать с небольшим лет почти с каждым, кто вырывался из будничной суматохи на море, да еще не в провинциальные Лазаревку или Геленджик, а в легендарную Одессу.

А может, и погода влияла, все-таки не солнечный август стоял на дворе, а сырой и туманный октябрь, его последний день, просквоженный вдобавок пронзительно-резким норд-остом.

Но... «Времена не выбирают, в них живут и умирают», как сказал еще один поэт. И вместо веселой подружки в коротеньком летнем платье ему пришлось довольствоваться обществом совсем не веселого господина Славского, навязавшегося в спутники, то ли оттого, что действительно захотел прогуляться и попить пива в «Гамбринусе», то ли с целью пресечь несанкционированные контакты «поднадзорного».

Так Шульгин, не стесняясь, ему и сказал.

Если, мол, вы, господин Славский, считаете меня по-прежнему иностранным шпионом, так я все равно найду способ связаться со своей здешней резидентурой, хотя бы с помощью своего слуги, а ежели и вправду намерены показать мне достопримечательности вашего бывшего черноморского Марсея, то так и быть...

Они не стали выезжать в город на «Додже», а вполне демократически добрались до железнодорожного вокзала на разболтанном трамвае, почти полтора часа тащившемся по унылой степи вдоль «станций», а дальше пошли пешком.

— Хочу вас также поставить в известность, что в ближайшие дни я собираюсь заказать железнодорожную платформу, погрузиться на нее и покинуть пределы гостеприимной России. Скорее всего — в сторону Греции. Осмотрю Акрополь и затем пароходом — в Африку. Там, мне кажется, будет не в пример спокойнее...

— Ну, зачем же так? Сами говорили, что обожаете приключения, а стоило столкнуться с совсем маленьким недоразумением — и сразу в Африку. Думаете, туареги или берберы отнесутся к вам почтительнее? Ах да, как же! «Несите бремя белых...» Просвещенному мореплавателю гораздо привычнее общаться с дикими туземцами, чем с непостижимыми скифами. Так ведь, господин Мэллони?

Ирония Славского была изящна и уместна, Шульгин подумал, что он действительно весьма неглупый человек. Что его вполне устраивало.

— Есть резон в ваших словах, есть. Туареги действительно относятся к богатому «ференги»¹ если не почтительнее, то, по крайней мере, предсказуемее.

— Ничего, попривыкнете. А то ведь уедете, ничего, по сути, не увидев и не поняв, и будете потом описывать нас, вроде как Герберштейн московитов шестнадцатого века.

Обидно, честное слово, читать такие глупости. Давайте вот лучше спустимся в этот подвальчик, выпьем по маленькой, пивцом заполируем, перекусим опять же. Глядишь, и настроение у вас улучшится...

Шульгин не возразил. Они спустились по стертым чуть не до половины грязным мраморным ступенькам в сводчатый зал рестораника, тот самый, где через полсотни лет помещался пивной бар «Гамбринус», не имевший, кстати, ничего общего с настоящим «Гамбринусом», описанным Куприным.

По причине раннего времени, кроме них, в зале оказалось всего трое посетителей, пивших водку и нещадно дымивших контрабандным турецким табаком в дальнем углу.

Сашка привычно напрягся. Слишком целенаправленно, как ему показалось, Славский шел именно к этому заведе-

¹ Ференги — европеец (араб.).

нию. Здесь вполне могла ждать засада. Но не беда, с четырьмя он справится голыми руками, не придется и пистолет вынимать, а обстановка зато сразу прояснится.

Привычно, словно бывал здесь каждый день, Славский движением пальца подозвал официанта.

— Ну-с, любезнейший, что у вас есть?

— Все! — с великолепной уверенностью ответил остроносый человечек с жидкими усиками.

— Тогда угощайте...

Не прошло и трех минут, как на столе появилась тарелка с крупными креветками, тарелка с золотыми здоровенными кефальями горячего копчения (здесь все ели кефаль, как через полвека — мороженого минтая. «Шаланды, полные кефали» — помните?), несколько ломтей хлеба, две высокие, с выщербленными краями кружки пива и бутылка местной водки с подмокшей синей этикеткой.

Шульгин, вернее, в данном случае Ричард Мэллони смотрел на все это с некоторым изумлением.

— По-русски слово «все» обозначает именно такой ассортимент блюд?

Славский довольно рассмеялся.

— Вот именно. Ничего другого здесь исстари не подают. Зато ручаюсь — и «рачки», как здесь говорят, и рыба совершенно изумительны. Вы попробуйте, попробуйте...

Тут бывший гусар не солгал. И креветки, и рыба, и даже водка оказались чрезвычайно вкусны.

В немалой мере потому, наверное, что море у Одессы было совершенно чистым, несколько лет в него не попадали ни промышленные отходы большого города и порта, ни остатки нефти из топливных цистерн боевых кораблей.

Сашка ел, пил, поддерживал разговор и одновременно продолжал размышлять, чем именно его все сильнее и сильнее настораживает господин Славский, что в нем не так, не по сюжету.

А чувство несоответствия было вполне отчетливым, так, бывает, раздражают американские фильмы, построенные по совершенно чуждым русской натуре канонам. И событийный ряд развивается совсем не в ту сторону, и поступки героев неадекватны ситуации. Вот и сейчас...

Предположим, что Славский действительно бывший кавалерийский офицер, позднее — эмигрант, авантюрист, искатель приключений.

Это может быть правдой, манера говорить и держаться весьма соответствует легенде.

Тогда непонятно, в качестве кого и зачем он опекает фон Мюкке? Что не со стороны югорусской контрразведки — очевидно. Работает на ГПУ? Тоже как-то маловероятно, без санкции Агранова осуществлять операции на чужой территории бывшая ЧК вряд ли стала бы, а ни о чем подобном собственная агентура Шульгина в Москве его не информировала.

Поверить в то, что осевшие в Берлине и Париже эмигранты имеют свой интерес в Югославии, также сложно. По имеющимся данным, те, кто по каким-то причинам до сих пор не вернулся на родину, собственной политической структуры с независимой политикой не имеют.

Да и работать на разношерстную русскую эмиграцию в то время, когда нет никаких препятствий к тому, чтобы вернуться домой и неплохо здесь устроиться, тоже странно, не похоже на такого, как Славский, человека.

Разве что платят ему столько, что можно забыть и о патриотизме, и о долге офицерской чести.

Платят исключительно за прикрытие и обеспечение деятельности немца?

Тогда задача, стоящая перед нехоти раненым капитаном, весьма и весьма ответственна.

А ему, Шульгину, удалось почти случайно, но сразу оказаться в центре завязывающейся интриги чуть не мирового уровня?

Если это не рука судьбы, то крайне удивительная игра случая.

— Сегодня под вечер к нашему капитану должен приехать для консультации профессор Гронфайн, крупнейшее в Одессе светило невропатологии. Я уже договорился. Если его диагноз будет обнадеживающим... — Славский замялся, словно колеблясь, говорить ли дальнейшее или нет.

Шульгин ему помогать не стал, полностью увлеченный высасыванием нежного розового мяса из тельца креветки.

— Так вот, если фон Мюкке сможет в ближайшее время встать на ноги, не согласитесь ли вы сопроводить его до Стамбула, раз уж все равно собираетесь направиться в ту сторону?

«А вот это уже интересно, — подумал Сашка. — Меня все же решили ввести в игру, хотя пока и втемную».

— Если речь идет о том, чтобы сопроводить, отчего же и нет?

— Хорошо. Тогда возьмем билет на поезд до Софии, там пересядем на Восточный экспресс, и через двое суток мы в Стамбуле.

— А зачем? — наивно спросил Шульгин.

— Что «зачем»?

— Зачем такие сложности? Не совсем оправившемуся от тяжелой раны человеку гораздо удобнее сесть на пароход прямо здесь и без пересадок, без вагонной тряски на следующий день оказаться в столице Блистательной Порты.

Славский посмотрел на него несколько даже сожалеюще.

— Вы же бывалый человек. Должны бы понять, что после всего уже случившегося... Враги у господина фон Мюкке — люди серьезные. Выследить и перехватить его в Одессе, на пароходе, при прохождении паспортного контроля в Стамбуле для них несложно. Но если мы погрузим его в вагон на носилках и с билетом до Берлина, интерес к нему будет потерян. Он опасен своим врагам только живой, здоровый и здесь, в России.

— Нет, положительно приключения меня преследуют помимо моего желания. Даже там, где рассчитываешь совершенно на другое. Знаете что, милейший... оберст?

— Увы, всего лишь ротмистр. Я же говорил. Майор по-вашему. Так что?

— А вы можете гарантировать, что меня самого не разыскивают все ваши местные спецслужбы, официальные и неофициальные? Если бы вы, положим, устроили подобные беспорядки со стрельбой в центре Лондона или Эдинбурга, не думаю, что королевская полиция отнеслась бы к такой эскападе благосклонно. Фамилия моя им известна...

— А вот этого можете не опасаться, господин Мэллони. Мы уже позаботились. Все, кого это может интересовать в

Севастополе, уверены, что вы отбыли по назначению и сейчас давно уже пересекли границу Совдепии.

«Так, — сообразил Сашка, — то, что он вполне небрежно, не задумываясь, сказал не РСФСР, а Совдепия, само по себе ничего не значит, это только Кадочников в «Подвиге разведчика» не мог себя заставить поддержать тост за победу германского оружия, а вот сообщение о том, что они в состоянии организовать убедительную «дезу» в отношении моего маршрута, кое о чем говорит».

— Ну-ну, господин Славский. Ваша предусмотрительность прямо-таки поражает. Здесь курят?

— Разумеется.

— Тогда я закурю. — Он аккуратно обрезал кончик сигары, тщательно ее зажег. Славскому же не предложил. — Вы упоминали о своем классическом образовании? Помните Аммиана Марцеллина: «Когда человек много страдает — утешением ему служит целесообразность тех причин, из-за которых он страдает»?

Во имя чего должен страдать и рисковать своей судьбой жизнью, пусть лишь репутацией я? Я уже говорил, впрочем не вам, нашему немецкому другу, что всегда помогу европейцу, встреченному на тропях Африки или в южноамериканской сельве. Я помог вам, пусть не в джунглях, пусть в трущобах вашей страны. Но вы хотите большего, не так ли? А это уже совсем другая тема. Как-то я помогал вождю одного тайского племени против другого вождя, кажется, из племени мяо. За это я получил право беспрепятственно вести изыскания в поглощенном джунглями городе Ангкор. Изыскания были успешными...

Казалось, Славский удивлен словами новозеландца.

— Вот как? А вы мне показались бескорыстным искателем приключений вроде доктора Ливингстона.

Шульгин отрывисто и, как он надеялся, нагло рассмеялся.

— Вы знаете, сколько стоит не то чтобы организация полноценной экспедиции сроком на год-другой, а просто билет на пароход в каюту 1-го класса от Окленда до Бомбея, потом из Бомбея в Кейптаун, а оттуда хотя бы в Рио-де-Жанейро? Только билет...

Славский забарабанил пальцами по столу, потом закурил собственную папиросу.

«Думай, паренек, думай, — веселился Сашка. — За право проникнуть в ваши тайны вы мне еще отстегнете неслабый кербеш. А как же? Не я же у вас должен информацию покупать».

В то же время он решил, что партия приобретает до чрезвычайности занудливый характер. Как если бы утомленный карлсбадским турниром гроссмейстер решил не идти на обострения в легкой партии с крепким мастером и ввязался в нуднейшую позиционную борьбу за лишнюю пешку или качество.

А ведь это даже не угроза проигрыша, это просто скучно.

Значит, необходимо встряхнуться и резко обострить игру.

— Эти приятные молодые люди, — указал он кивком головы на компанию активно выпивающих и закусывающих молдаванских или пересыпских жлобов, — ваша группа прикрытия? Вы меня по-прежнему опасаетесь или ждете возможного эксцесса со стороны?

— Да что вы, господин Мэллони! Зачем так грубо? Если мне и потребуете прикрытия, вы его гарантированно не увидите. Мы же не дилетанты...

— Приятно слышать. Так что вы скажете в ответ на мой вопрос?

Славский развел руками.

— О какой сумме вы думаете?

— Адекватной вашей заинтересованности в моих услугах. Если жизнь и здоровье вашего друга стоят меньше тысячи фунтов — говорить вообще не о чем. Если он вам дорог и вы хотите, чтобы он благополучно прибыл в Стамбул с моей помощью — эту сумму следует утроить...

— Да-а... Вы высокого мнения о цене своих услуг. — Славский сделал лицо человека, внезапно узнавшего, что чудотворные иконы изготавливаются в мастерской захолустного монастыря вечно пьяным и не несущим ни малейших признаков благочестия богомазом. — А если подойти к проблеме иначе?

— То есть?

— То есть вы нам поможете из чисто альтруистических побуждений, которые так близки вашей натуре. Заодно и за то, что МЫ вам поможем беспрепятственно выехать из страны, в которой весьма суровые законы, почти законы военного времени. И очень просто может случиться так, что проблемы у вас возникнут очень и очень серьезные.

Шульгин удивился.

— Независимо от судьбы вашего друга?

— Если вопрос встанет так, как вы предлагаете, то, возможно, и независимо. Просто это будут две разные проблемы...

— Хорошо, господин Славский. Очевидно, мне придется еще раз подумать. Я понимаю, что вы, очевидно, читали лорда Пальмерстона.

— Это вы насчет того, что нет ни врагов, ни друзей, а есть только интересы? — Славский проявил гораздо большую эрудицию, чем Шульгин от него ожидал исходя из легенды. В кавалерийских училищах Пальмерстона не проходят. Но это ничего не меняло.

— В данном случае я имею в виду другое высказывание: «Как тяжело жить на свете, когда с Россией никто не воюет». Он, очевидно, встречался с людьми, подобными вам по характеру. Такие, как вы, бывают сговорчивее в условиях назревающей катастрофы...

С удовлетворением Сашка увидел на лице собеседника почти не замаскированную гримасу самодовольства.

— При всем к вам уважении, сэр Ричард...

— Достаточно. Я больше не испытываю удовольствия от общения с вами. Позвольте откланяться. — Шульгин встал и бросил на мраморную столешницу вчетверо сложенную врангелевскую сторублевку. — Надеюсь, этого достаточно, чтобы покрыть ваши расходы...

— Да подождите же, подождите. Скажите наконец, чего вы хотите на самом деле?

— Только одного. Знать, в какую авантюру вы меня уже втянули и чего хотите еще. Может, все-таки раскроем карты? Хотя бы здесь, без свидетелей?

Славский улыбнулся как-то очень двусмысленно.

— Вы и вправду уверены, что хотите знать ВСЮ правду?

Не боитесь, что знание не сделает вас свободным, а совсем даже наоборот? Есть ведь вещи, относительно которых благо-разумный человек предпочитает оставаться в неведении...

— Эмерсона я тоже читал. И не согласен с ним...

— И все же подумайте. Приличный заработок без особого риска или...

— Вы что, господин Славский, лакея себе нанимаете? За такие предложения в цивилизованных странах вызывают на дуэль, а в вашей стране, насколько я знаю, допустимо и просто дать в морду...

Шульгин выразительно пошевелил пальцами, потом сжал их в кулак. Допил стоявшую перед ним рюмку водки, щелкнув зажигалкой, прикурил погасшую сигару, встал.

— Окончательный разговор состоится сегодня вечером. После того, как больного посетит ваш профессор. Затем я не буду считать себя связанным чувством долга. Хотя бы и врачебного.

Шульгин вышел из «Гамбринуса» как истинный британец, твердым размеренным шагом, с прямой спиной и высоко поднятой головой. Выстрела в спину он не опасался.

Держа в памяти примыкающие к Дерибасовской проходные дворы и переулки, сразу от крыльца свернул направо, еще раз направо и растворился между грязными, обшарпанными, окруженными крытыми галереями, воняющими чадом керосинок и жареной рыбой домами быстрее, чем Славский пришел в себя и кинулся следом.

Туман упал еще гуще, чем в то время, когда они спускались в кабачок, поэтому Шульгину даже не требовалось про-веряться по всем правилам оперативной работы.

Уже метров за десять все тонуло в сероватой мути, а звук шагов по брусчатке, напротив, слышен был куда отчетливее. Здесь литая каучуковая подошва его ботинок давала дополнительные преимущества перед кожаными, на гвоздях подметками сапог Славского или до сих пор распространенными в Одессе деревянными «стукалками».

Спустившись дворами до Пушкинской, Сашка покурил у выходящего на улицу окна на площадке второго этажа солидного доходного дома, ожидая, не проявится ли вдруг в поле зрения подозрительная фигура.

Ничего заслуживающего внимания не увидел и, выйдя черным ходом, неторопливо направился к Французскому бульвару.

Ему, вообще-то, светиться не хотелось ни перед кем, но ситуация заставляла.

Сутки, максимум двое он мог еще в нормальном режиме играть свою роль перед фон Мюкке и Славским, а потом должен был наступить кризис.

Так лучше организовать его сейчас и под собственным контролем.

Губернское управление контрразведки располагалось в белом двухэтажном здании наискось от памятника Дюку.

На всякий случай Шульгин подождал еще минут пятнадцать, сидя на парапете в начале Потемкинской лестницы.

Ни одного человека, похожего на филера, он за это время не обнаружил. Те, кто проходил мимо, вдоль бульвара, вверх или вниз по лестнице, либо вообще не обращали на него внимания, поглощенные собственными проблемами и мыслями, либо, наоборот, смотрели на неуместного здесь господина с чересчур уж откровенным, дилетантским, можно сказать, интересом.

Нет, слежки не было, да и не могло быть по определению. Это все же 21-й год, а не последняя треть века. Здесь «по-нашему» работать просто еще не умеют.

Начальник управления, сорокалетний полковник с худощавым умным лицом, по счастью, оказался на месте. После того как Шульгин назвал ему пароль высшей категории, разговор у них состоялся весьма содержательный и плодотворный.

Полковник Максин Владимир Иванович давно уже скушал без интересного дела, отчего и принял проект Шульгина не просто по обязанности, а с истинным удовольствием.

Рассчитывая, между прочим, и на полезные для себя лично последствия, поскольку в тех условиях должность у него была тупиковая. На ней можно просидеть и десять лет, и больше, до самой отставки, а неожиданный посетитель без всяких околичностей наметнул на совсем другие возможности.

По дороге от контрразведки к площади рядом с цирком

Чинизелли, где помещалась биржа извозчиков, берущих се-
доков в Аркадию, станции Фонтанов и дальше по хуторам, с
ним случилось забавное приключение.

Для него забавное, любому же мирному обывателю Одес-
сы — более чем неприятное.

Когда он не торопясь шел мимо Александровского парка и
как раз остановился, чтобы прикурить, из тумана вдруг вы-
ступили два молодых человека весьма цивилизованного вида,
скорее всего принадлежавших в свое время к «приличным»
слоям общества.

Это чувствовалось и по их опрятной одежде, и по манере
разговора. Один из них наверняка был крещеным евреем,
обучавшимся в коммерческом училище или гимназии Файга,
второй — несомненно русский.

— Огоньком не позволите одолжиться? — спросил пер-
вый в надвинутой на глаза английской кепке с хлястиком,
протягивая к Шульгину руку с зажатою между пальцами па-
пиросой.

— Почему нет? — совершенно по-одесски ответил Сашка
вопросом на вопрос и вновь откинул крышку зажигалки.
Парни по очереди прикурили, переглянулись и вежливо по-
благодарили.

— О чем речь, не стоит. — Здесь Шульгин не считал нуж-
ным коверкать язык, а что касается до его заграничного вида,
так уж где-где, а в черноморском Марселе одеждой никого не
удивишь.

Кивнул, повернулся и сделал первые шаги, как вдруг его
снова окликнули.

— Да?

— Вы, простите, далеко ли направляетесь? Мы так поня-
ли, что вы не местный?

— Да уж... — Шульгин не испытывал иллюзий по поводу
своего московского произношения, которое никак не похо-
дило на одесское. Точнее — «одесское», с одним «с» и специ-
фической тональностью. — Не слишком далеко. Примерно
до Привоза. А что?

— Ничего такого. Но вы, возможно, слышали, что в Одес-

се сильно грабят. На пути от парка до Привоза с вас непременно снимут вашу шикарную заграничную курточку...

— Так уж непременно? — растерянно улыбнулся Сашка.

— С вас — непременно. Лицо у вас такое... располагающее. А вам ведь все равно, где вас разденут? Как вы думаете? Так лучше снимите вашу курточку здесь. Если хотите — выньте из карманов все, что вам нужно, кроме денег. А деньги, если есть, отдайте нам тоже... — Парень ловким и совершенно неуловимым со стороны движением выбросил из рукава длинную, со вкусом сделанную, великолепно отполированную и даже на вид очень острую финку.

Шульгину стало весело. Давно на него так нагло и в то же время интеллигентно не наезжали.

Да, пожалуй, и никогда. Разборки в старых московских переулках в ранние шестидесятые обставлялись, наоборот, нарочито грубо, по-блатному, хотя бы и участвовали в них мальчики из хороших семей.

И вдобавок данная коллизия слишком буквально напомнила ему что-то читанное в молодости как раз об Одессе и об этом времени. Возможно, у Катаева. Стандартный, стало быть, приемчик. Или — нынешние режиссеры этой сцены читали ту же книгу.

— Нет, ну вы, господа, как-то даже не оставляете выбора. Неужели у вас в бывшем вольном городе все такие?

— Не все, но многие. Поторопитесь, любезнейший. Бандиты с Молдаванки и Станички вообще не дали бы вам права голоса...

— Жалеть потом не будете?

— О чем, папаша? — раздраженно-презрительно протянул второй грабитель. Похоже, ему начало изменять терпение, а интеллигентский прикид долго держать он не привык.

— О неразумии своем, об отсутствии физиономических способностей. В гимназии небось учились, книжки читали, а Козьму Пруткова не помните. Он как говорил: не все стриги, что растет...

С этими словами Шульгин изобразил свой коронный трюк.

Спокойно (но в совершенно ином темпоритме) взял из рук налетчика финку за середину клинка, а свободной рукой

закатил ему обыкновенную оплеуху, от которой тот отлетел к зеленой изгороди сада и упал на карачки. После чего приставил острие ножа к горлу оставшегося.

— Где твоя? Доставай...

«Налетчик», а скорее всего обычная «смявка», решившая попытать счастья по схеме настоящих молдавских бандитов, испуганно зыркая глазами, предъявил свою финку, чуть попроще, но тоже неплохую.

Наверняка безработные лекальщики с завода имени Январского восстания старались, из лучшей инструментальной стали вытачивали.

Без всякой злобы, скорее соблюдая ритуал, Сашка рывком развернул его на 180 градусов и от души пнул мягкой каучуковой подошвой в копчик.

Опережая собственный визг, парень пролетел сквозь ключий кустарник, оставляя на нем клочья одежды и данной от природы кожи.

— Вот так вот, фраера, другой раз соображайте, на кого хвост поднимать... — Шульгин спрятал трофеи в карман, с сожалением притоптал ногой оброненную в пылу схватки сигарку и, насвистывая, зашагал дальше.

Отойдя на приличное расстояние, услышал надрывный, без всяких уже признаков интеллигентности крик:

— Сволочь! Старый каторжник! Подожди, мы тебя еще встретим...

Можно было бы, конечно, вернуться для достойного завершения урока, но как-то вдруг раскотелось. Неинтересно. Если б они хоть драться умели...

...Шульгин возвратился на дачу в пролетке извозчика и был более чем обрадован, что Славский встретил его у ворот.

— Сэр Ричард, на самом деле, нельзя же так! Ну поспорили, не сошлись во мнениях, бывает, но так исчезать... Это же не Лондон, не Париж, здесь хорошо одетый человек может никогда не вернуться домой просто оттого, что кое-кому понравилось его пальто...

— Оставьте, господин Славский. С меня пальто не снимут. Даже и пытаться не станут. В этом я уверен. И ваша Одес-

са против Тимбукту или Рабаула так, тьфу... — Шульгин плюнул вполне натурально. — Я собираюсь сейчас же дать команду моему слуге собираться в дорогу. Профессор еще не приехал?

— Как раз и приехал. Осматривает больного. Ну не сердитесь, прошу вас. Давайтеждемся его приговора, а потом уже... Ну, давайте я извинюсь, если для вас это важно...

Шульгин, не отвечая, проследовал во флигель. Там, в прихожей, профессор Гронфайн, представительный пятидесятилетний мужчина с полуседой бородой и в золотом пенсне, как раз подбрасывал клапан старомодного рукомоЙника длинными холеными пальцами.

Один из сотрудников Славского почтительно держал на вытянутых руках махровое полотенце.

— Здравствуйте, коллега, — сказал Шульгин по-немецки, предполагая, что профессор с такой фамилией или учился в Гейдельберге, или знает идиш.

Профессор учтиво наклонил голову.

— Это вы оперировали пациента? Весьма грамотно, весьма. Вы практикуете? А где учились? Позвольте представить — Борис Давыдович.

— Ричард Вильямович, если угодно. Учился на медицинском факультете в королевском университете Сиднея, это в Австралии, практиковал только эпизодически, в полевых условиях. — Не давая профессору опомниться и рассчитывая, что его слышит через не до конца закрытую дверь и фон Мюкке, и Славский, спросил: — Как ваше мнение? Пациент имеет шансы?

Профессор понял, о чем говорит Шульгин. Не о жизни шла речь.

— Сожалею, коллега, очень сожалею. Спинальные больные с такими поражениями имеют очень мало шансов. Год, два еще можно поддерживать удовлетворительное состояние, но позже... Пролежни, трофические язвы и так далее, и так далее, вплоть до неизбежного исхода...

— Благодарю вас, профессор. Но я, бывая в разных экзотических странах, в Индии в том числе, имел возможность убедиться, что тамошние врачи, придерживающиеся иных, нежели европейские, взглядов на природу болезней и спосо-

бы их лечения, успешно исцеляли и такие, как у нашего пациента, и даже более тяжелые увечья...

— Не знаю, не знаю. — Гронфайн презрительно скривил лицо. — Легендам не верю, хотя слышал подобные рассказы неоднократно. В том числе про филиппинских лекарей, делающих полостные операции без скальпеля и пролития крови. Практика — критерий истины, — он назидательно поднял палец. — Если бы туземная медицина была эффективнее европейской, тамошние раджи и шейхи отнюдь не обращались бы к нам. А я лично имел честь и удовольствие излечить эмира бухарского от перемежающейся хромоты. За что удостоен бриллиантового перстня. Так-то, коллега...

Профессор покровительственно улыбнулся и, отставив назад руки, позволил охраннику надеть на себя длинное демисезонное пальто с каракулевым воротником. Возникла сценическая пауза.

— Господин Славский... — Шульгин приподнял бровь и сделал известное движение пальцами.

— Все готово.

Славский вручил Гронфайну конверт с гонораром, который тот, не открывая, сунул в карман, раскланялся и неторопливо проследовал к наемному, а то и собственному автомобилю редкостной марки «Делоне Бельвиль». Благородного мышинового цвета, с цилиндрическим капотом и медной решеткой радиатора.

— Ну-с, достопочтенный сэръ, что скажете? — Славский выглядел по-настоящему расстроенным. Да и неудивительно. Очевидно, приговор профессора ломал все его планы, а может быть, грозил и существенными личными неприятностями.

Шульгин выразительно посмотрел на дверь комнаты, где лежал фон Мюкке. И тут же из-за нее раздался голос капитана:

— Входите, господа, чего уж теперь секретничать.

Немец явно слышал разговор Шульгина с профессором, но воспринял страшный приговор мужественно. Лицо его было сосредоточенно, но спокойно. Только руки слегка вздрагивали, когда он поднес спичку к кончику сигары.

— Судьба, очевидно, — сказал он. — А возможно, распла-

та за многолетнее везенье. Я вполне мог погибнуть еще семь лет назад и много раз впоследствии. Конечно, заканчивать дни парализованной развалиной... не совсем приятно. Я предпочел бы умереть на мостике «Эмдена»... — Заметил сделанный за спиной Шульгина предостерегающий жест Славского и махнул рукой. — А, бросьте. Мне теперь наплевать на ваши тайны. Единственно, о чем прошу, — помогите добраться домой. В своем тихом Аренсбурге я, возможно, еще успею написать мемуары и несколько статей об истории германского рейдерства.

— Разумеется, капитан. Я обязательно отвезу вас на родину, — заверил его Шульгин, — но не следует столь безоговорочно верить моему русскому коллеге. Я тоже имею некоторый опыт и совсем не уверен, что все обстоит так трагически. Не следует терять надежды...

— Вы что-то там говорили про индийских врачей. Это серьезно?

— Более чем. Господин Славский, я думаю, у вас наверняка есть неотложные дела. А если нет — не затруднит ли вас просьба выяснить, когда отправляются поезда в сторону Европы и сколько будут стоить два билета в первом классе и платформа для автомобиля?

Славский понял намек и с оскорбленным видом направился к выходу. Уже на пороге он остановился.

— Кстати, сэр Ричард, а зачем ваш слуга покинул наш приют? Мне сообщили, что он перебрался с автомобилем на пятую отсюда дачу, совсем разрушенную. Как это понимать?

— Все очень просто. Мой слуга очень старательный человек и, пользуясь свободным временем, решил сделать машине тщательную профилактику. Перебрать ходовую часть, повозиться с мотором. А на той даче обнаружился подходящий сарай с верстаком, тисками, кузнечным горном и даже смотровой ямой. Автовладелец, наверное, жил. Вот там он и работает. Кроме того... — Шульгин изобразил озабоченность. — Вы совершенно уверены, что профессор Гронфайн не сообщит о своем визите в полицию? Мне бы не хотелось оказаться в участке и давать объяснения...

— В полицию? Зачем? — Славский искренне удивился.

— Ну, я не знаю, как тут у вас, но в цивилизованных стра-

нах врач обязан сообщать в полицию, если ему пришлось оказывать помощь пациенту с огнестрельными или ножевыми ранами неясного происхождения.

— А, пустяки. Я заплатил ему очень хорошо, да и за годы Гражданской войны врачам столько раз приходилось оказывать помощь не больным, а именно раненым, что упомянутое вами правило в этой стране просто не имеет смысла... Не Англия здесь, слава богу.

— Смотрите, вам виднее...

...Когда Славский наконец ушел, Шульгин позволил себе расслабиться, устроился в кресле, вытянув ноги, налил себе и капитану виски из фляжки, тоже закурил.

— Не доверяю я отчего-то этому русскому, — доверительно обратился он к фон Мюкке. — Не нравятся мне люди такого типа. Вы его хорошо знаете?

— Совсем не знаю. Его мне представили в Берлине, сказали, что этот господин будет обеспечивать мою безопасность и служить, как бы это выразиться, связующим звеном между мной и моими работодателями. Обеспечил, называется... Ну да ладно. — Видно было, что капитан сейчас ни думать, ни говорить о чем-то, кроме своего состояния, не может. — А есть какая-то возможность рассчитывать на помощь в духе той, индийской? Как вы понимаете, чтобы выздороветь, я готов потратить все свое состояние. Весьма скромное, впрочем. Кроме офицерской пенсии я располагаю примерно десятью тысячами марок. Правда, золотых, инфляции не подверженных. Может быть, нам сразу лучше отправиться не в Германию, а куда там — в Бомбей, в Калькутту?

— Вот это пусть вас совершенно не беспокоит. Если вам суждено поправиться, это будет зависеть совсем не от денег. Скажу вам больше — я намеренно хотел до вашего сведения приговор из уст признанного специалиста, чтобы...

— Чтобы что? — перебил его немец, склонный, как и всякий человек в его положении, поверить в любое чудо.

— Чтобы в очередной раз посрамить чересчур самодовольную «официальную науку».

И Сашка пустился в пространные рассуждения об оккультизме, эзотерическом знании, власти духа над материей, тайнах йогов, умеющих сутками медитировать голыми на морозе и пронзительном ветре Гималаев, о старцах, замурованных в каменных мешках, где они в течение года без воды и пищи, исключительно усилием воли полностью омолаживают свой организм и выходят из заточения двадцатилетними на вид юношами.

— И вот сейчас я хочу провести над вами эксперимент, дорогой Гельмут. Скажите, вы чувствуете что-нибудь? — Он резко провел по ноге капитана, от колена вниз, кончиком карманного ножа. На бледной коже появилась длинная царапина с капельками крови.

— Совершенно ничего.

— Хотя бы пальцами пошевелить можете?

— Конечно, нет. Профессор полчаса со мной занимался, пытаясь обнаружить хоть какие-то признаки чувствительности. Безуспешно.

— Я так и думал. А сейчас я попробую воздействовать на вас одним мистическим амулетом. Говорят, что это — священный браслет царя Ашоки. Закройте глаза и постарайтесь как можно более ярко представить один из моментов вашей жизни, не важно какой, лишь бы вы его лучше помнили. Тот, когда вам пришлось идти или бежать босиком по траве, по горячему песку... Только очень старайтесь, возможно, от этого зависит ваше будущее.

Шульгин надел на руку фон Мюкке браслет и включил секундомер. За последний год он научился виртуозно обращаться с инопланетным устройством, дозируя его действие в нужных пределах.

Сейчас ему требовалось в очередной раз запустить процесс регенерации нейронов и прервать его в точно рассчитанный момент.

Так он сможет внушить немцу не только надежду на выздоровление, но и уверенность, что только он, Ричард Мэллоуни, держит в руках жизнь и судьбу капитана.

По лицу фон Мюкке со стиснутыми челюстями и плотно смеженными веками было видно, как старательно и с какими усилиями он выполняет рекомендацию своего целителя.

— Достаточно, — сказал наконец Шульгин и расстегнул брашлет.

— Мне кажется, я сделал все, что мог. Вспомнил 1901 год, Шварцвальд, последнее лето перед морским училищем. И что же дальше?

Шульгин вновь взял нож и вонзил острое в икроножную мышцу. Капитан вскрикнул. Отдернуть ногу у него не получилось, но она заметно вздрогнула.

— Чудо! Это чудо, Ричард! Боль была совершенно натуральная. А ведь только что... Так я вправду могу поправиться? Если да, я не знаю...

Фон Мюкке задохнулся от избытка чувств.

— Надеюсь, что все будет хорошо. Не сразу, конечно, но мои надежды стали определеннее. Это был самый ответственный момент. Если бы не удалось, то все... Благодарите царя Ашоку.

— Да я теперь готов уверовать во что угодно. Стану, если нужно, правоверным индуистом...

— Выпейте лучше еще пару глотков этого выдержанного виски и усните. Вы потратили очень много сил, нужно их восстановить. А вечером я дам вам еще одно лекарство. Не менее чудодейственное.

ГЛАВА 11

К концу этого сумрачного и холодного, унылого дня, готового уже перейти в ранние сумерки, выставленное Славским по все правилам боевое охранение на чердаке главного корпуса дачи заметило три движущихся по Приморскому шоссе со стороны города автомобиля.

Разболтанный, сильно дымящий грузовой «Ганомар», брошенный, похоже, за ненадобностью еще немцами в 1918 году, и легковые открытые «Рено». В бинокль было видно, что они заполнены вооруженными людьми с различными на плечах шинелей погонами.

Часовой поднял тревогу.

Конечно, можно было с большой долей вероятности предположить, что это следует по назначению всего лишь очередная смена караула на дальнобойные береговые батареи Люст-

дорфа, но сторож дачи, человек бывалый, забеспокоился не на шутку.

— На батареях — моряки, они в черном ходят, а это — армейцы. Не по вашу ли душу? Давайте-ка, господа хорошие, сюда ходите, а я сам гостей встречу, если что. — Сторож топорливо отпер дощатую дверь в углу коридорчика, указал рукой: — Там в углу лючина подвала, а за бочками — лаз в катакомбы. Прячьтесь и ждите. Если обойдется — я позову. Если нет — сидите, пока не уедут. Только далеко, упаси вас бог, не ходите...

За оставшиеся две-три минуты Славский успел отдать команду своим людям по возможности свести дело миром, выдавая себя за беженцев, прибившихся на пустую дачу пересидеть осень-зиму.

Шульгин же в это время стремительно натянул на фон Мюкке штаны, свитер и куртку, пару одеял и две свои походные сумки сунул в руки Славского и велел ему бежать в указанное место.

Немца он понес на руках уже тогда, когда с улицы громкий жестяной голос в мегафон предлагал всем скрывающимся на даче приготовиться к проверке документов, выходить к воротам по одному, имея при себе оные, а оружие заранее сложить на веранде.

В случае малейшего сопротивления комендантская служба одесского гарнизона стреляет без дополнительного предупреждения.

Протолкнув капитана в начало тесного, едва полтора на метр, лаза в углу подвала, Шульгин метнулся обратно. На такую удачу он даже не рассчитывал.

Пока он добрался до прихожей, у ворот гроыхнул первый выстрел.

У помощников Славского нервы не выдержали или контрразведчики первыми пошли на обострение, разбираться было некогда.

Выстрелы гремели уже не переставая. Под кроватью у Шульгина была спрятана еще одна сумка, с «большим комплектом выживания». Под матрасом — автомат.

Он дернул последовавшего за ним Славского, пытающегося что-то рассмотреть в приоткрытую дверь, за рукав.

— Бежим, спастись надо, иначе всем конец!

Славский было попробовал упереться, не совсем понимая, что лучше — последовать ли паническому призыву бригады или поддержать своих людей.

А с улицы надрывался мегафон:

— Я — начальник центральной полицейской части! Немедленно прекратить стрельбу, иначе отдам приказ на полное уничтожение! Со мной целый взвод. Все бандиты будут убиты на месте. Бросайте оружие и сдавайтесь. Три минуты на размышление!

— Вы идиот, Славский? Черт с вашими людьми! Этих трех минут нам и хватит, бежим!

При должном напоре и хорошо аффектированной энергетике панические настроения можно передать почти каждому.

Славский тоже поддался. Накинул железный крюк на петлю входной двери и устремился за Шульгиным.

Потом они торопливо завалили ящиками и пустыми бочками изнутри дверь чулана.

Вспомнив какой-то приключенческий фильм с подобной коллизией, Сашка пропустил в люк погреба Славского, нагреб на крышку всякого подручного мусора и, придерживая ее одной рукой, протиснулся в оставленную щель. Так, чтобы при беглом осмотре в темноте или при свете ручных фонарей показалось, что никакого люка вообще нет или в крайнем случае он давно не открывался.

А окно из второй комнаты флигеля в сад он распахнул еще раньше. То есть вломившиеся в домик контрразведчики скорее всего решат, что запершиеся изнутри люди успели бежать именно этим путем и давно уже пробираются под обрывом вдоль пляжа или просто уплыли на лодке.

Тут Шульгин даже слегка заигрался в стремлении к абсолютной убедительности и правдоподобности.

Его ведь на самом деле совсем не интересовало, что подумают посланные полковником Максиным опера.

Но так он привык: если делать дело — чтобы комар носа не подточил.

Больше всего его раздражали приблизительные, надуманные сюжеты американских, да и многих отечественных бое-

виков, где непрерывно хочется плевать от непрофессиональных, а то и просто глупых действий персонажей.

— Бегом, бегом, быстрее, — торопил он Славского, — надо отойти в глубь пещеры хоть метров на сто, тогда нас найдут не сразу или вообще не найдут.

Неизвестно, бывал ли Славский вообще в одесских катакомбах или слышал о них что-нибудь.

Пожалуй, если да, Шульгину не удалась бы его провокация.

Предоставив ротмистру нести непослушное, полупарализованное тело немца, сам он спешил впереди с двумя тяжеленными сумками, словно набитыми двухпудовыми гирями, через плечо, болтающимся на ремне автоматом и сильным электрофонарем в вытянутой руке.

Штрек был достаточно высоким и вел в глубь каменного массива с небольшим наклоном, идти было нетрудно, несмотря на груз, метров двести они отмахали за четыре-пять минут. И ни выстрелов за спиной, ни топота и криков преследователей пока не услышали.

Только когда каменный потолок начал ощутимо снижаться и сначала пришлось просто головы втягивать в плечи, а потом уже и сильно пригнуться, Шульгин остановился.

Ушли они достаточно далеко. Тем более что как раз здесь находилась приличных размеров квадратная камера, из которой подземные ходы шли сразу в трех направлениях.

— Уф-ф! — сказал Шульгин, садясь. — Кажется, здесь нас уже точно не найдут. А в крайнем случае — позиция отличная. Можно и бой принять — без света противник не сунется, а на огонек я берусь снять первой же пулей любого, кто появится вон из-за того поворота...

Осмотрелся вокруг, поковырял ногтем рыхлый ноздреватый камень.

— Ну и подземелья. Я такие видел только внутри египетских пирамид и в храмах Элоры. Это в Индии, недалеко от Аурангабада, — счел нужным пояснить он. — А как вы себя чувствуете, друг мой? — спохватился он, обращаясь к фон Мюкке. — Вас не слишком растрясло?

— На удивление прилично, — ответил немец. — Вы бы лучше спросили, как себя чувствует господин Славский, ко-

торый пронес мои восемьдесят килограммов, наверное, целую милю...

— Нормально чувствую, — Славский никак не мог отдышаться, но держал фасон.

Минут десять они, каждый по-своему, приходили в себя, потом Шульгин налил всем виски в пятидесятиграммовую крышечку от фляжки.

Выпили, окончательно успокоились, закурили.

Воздух в штреке был достаточно свежий, хотя и сыроватый, прохладный, едва ли больше чем градусов десять по Цельсию.

На полу лежал густой слой каменной пыли, но главное здесь была тишина.

Тишина стояла вокруг совершенно нечеловеческая. Стоило замолчать, и она буквально обрушивалась не только на уши, а на все органы чувств сразу, хотя в принципе такого не могло быть.

Однажды Сашка уже посещал катакомбы, правда, расположенные с другой стороны города, у села Нерубаевского, где был устроен мемориальный музей защитников Одессы. И, конечно, читал одноименный роман Катаева, когда он еще назывался, в первом издании, «За власть Советов».

Поэтому и радовался сейчас. Теперь партнеры были полностью в его власти, он знал прикуп и имел вдобавок четырех тузов в рукаве.

— Посидим, я думаю, здесь до утра, а потом кто-то из нас двоих сходит на разведку, — беспечно сказал Шульгин. — Если наверху все будет спокойно — в машину и немедленно к румынской границе. Без дорог, напрямик. Хватит с меня российской экзотики.

— Надеетесь, машина уцелеет? — внешне небрежно поинтересовался Славский. — Ваш слуга не вмешается в драку?

— Сам? Ни за что. Он парень дисциплинированный и осторожный. Без моей команды будет сидеть как мышь. И день, и два, и неделю. В чужой стране в чужие разборки не ввяжется.

— А если при повальном обыске соседних дач его все же обнаружат? — не отставал жандарм.

— Если, если... Русского языка он не знает, но знает зако-

ны. Предъявит паспорт и будет требовать переводчика и британского консула. Пусть это вас пока не волнует. Поговорим о другом — откуда здесь вдруг взялись полицейские? Все же профессор выдал или?..

Славский снова начал закипать. Наглая настырность собеседника надоела ему хуже горькой редьки. И он разразился тирадой в том смысле, что профессор сам по себе, а вот совершенно дурацкая выходка господина Мэллони (сэром его на этот раз Славский не назвал), который ни с того ни с сего поперся шляться в одиночку по незнакомому городу, вполне могла привести к подобному итогу. Подцепил при своей вызывающе нездешней внешности «хвост» — какого-нибудь скучающего филера, и пожалуйста.

— Оставьте, господин Славский. Я полмира обошел и объехал и никаких «хвостов» не цеплял. Значит, страна у вас такая, и вы все здесь...

Азартный межнациональный спор, в меру сил поддержанный и немцем, угас после того, как Шульгин налил всем еще по второй и по третьей. Запас еды и напитков у него в сумках был небольшой, но для троих на пару дней достаточный, поэтому он соорудил каждому по доброму сэндвичу с колбасой и сыром. После чего сошлись на том, что искать виноватых несвоевременно, а лучше поспать.

Тем более что Шульгин наконец сообразил выключить фонарь. Он хоть и был аккумуляторный, рассчитанный на сутки непрерывной работы, но кто знает, как оно повернется еще.

Впрочем, «как» — Шульгин имел соображения.

Одно шерстяное одеяло, сложенное вдвое, постелили на землю, вторым закутали фон Мюкке, как младенца в пеленку, подмостили ему под голову сумку, и, согревшись, капитан быстро уснул.

— А нам-то как? Холодновато здесь, оказывается, — сказал Славский.

— Да, пожалуй, — согласился Шульгин, хотя сам был одет куда теплее его.

Сашка под плотным твидовым костюмом имел еще и шерстяное егерское белье, и крупной вязки пуловер.

— Могу вот предложить походную печку с сухим спир-

том. Пещеру не нагреет, а руки над огнем подержать тоже не плохо. И свет хоть какой-нибудь.

Действительно, голубоватый дрожащий огонь четырех крупных таблеток сразу создал ощущение походного уюта.

— До утра не так уж долго, уважаемый. Каминчик вот, полфляжки виски у нас еще есть, в крайнем случае побегать-попрыгать можно. Не пропадем. И не такое бывало. А расскажите мне лучше, откуда такие пещеры под этим городом, кто их прорубил и какой в них смысл? — обратился Сашка к невольному товарищу по несчастью.

Славский об истории катакомб знал крайне мало, однако сказал, что на протяжении не то двухсот, не то всей тысячи лет таким образом здесь добывали белый ракушечник, из которого и выстроен город Одесса, а до него, возможно, безымянные греческие и готские колонии. И что тянутся они якобы на десятки и десятки верст.

— Не слишком понятно. Отчего же не добывали камень открытым способом? Сделали бы нормальные каменоломни на площади в один-два гектара и работали бы как люди... А здесь? Пилить камень в темноте и духоте, таскать его ползком за километры... Абсурд какой-то.

— Насколько я помню, аналогичные катакомбы имели место во всех городах-государствах древности. Нам этого и вправду не понять. Иная психология или иные экономические условия. Допустим, труд рабов в катакомбах стоил дешевле, чем пахотная земля на поверхности...

Мысль Славского показалась Шульгину здоровой. Нет, явно не дурак был этот мужчина.

— Может быть, может быть. А еще можно предположить, что камень начинали добывать, так сказать, по месту строительства. Углублялись под землю, сразу выпиливали блоки нужного размера и укладывали в стены, пока не заканчивали здание. И тут же начинали следующее, — продолжил он мысль. — Но в этом случае массив под городом на самом деле изгрызен, как трухлявый пень древоточцами. И почти каждый дом, следовательно, может иметь с катакомбами сообщение. Интересно бы исследовать эти подземелья систематически...

— Как повезет, — зевнул Славский. — Но давайте все же попробуем уснуть. Хоть ненадолго. Сядем спина к спине, пока спирт горит, и вздремнем. Устал я за минувший день.

Но тут же снова вдруг оживился.

— Не покажете ваше оружие поближе? Еще с Севастополя любопытствую, а все случая не было...

Шульгин охотно протянул ему «ППСШ». Вынув предварительно сдвоенный магазин и проверив патронник. Не потому, что не доверял, а по привычке, вьевавшейся в кровь и спинной мозг.

— Интересно... Я до этого видел только автомат Федорова и немецкий «рейнметалл». Этот куда проще будет. И где делают?

— По слухам — в Екатеринославле. Но лично я купил у похожего на «махновца» (это слово он с трудом произнес по-русски) человека на станции Батайск. Недорого, а в употреблении удобен, и бой хороший. Главное — патроны всегда доступны. Что для «кольта», что для «маузера», что для этого...

— Любите оружие? — со странной подначкой спросил Славский, довольно грамотно разбирая автомат на детали. Ничего сложного в этом, кстати, не было. Конструкция, рассчитанная на солдата с начальным образованием. А то и на неграмотного бойца из стран «третьего мира».

— Думаете, задали умный вопрос? Можно провести двадцать лет в походах по Африке и Азии, не считая оружие частью своего тела? Однажды в Бирме я оказался на вершине пагоды с хорошим «снайдером» и сотней патронов в поясе. Вокруг — почти столько же туземцев. Правда — с луками. Но на двести метров их стрелы дюймовую доску пробивали...

— И что? — Ротмистр выказал неприкрытый интерес.

— Пришлось двое суток держать их на вдвое большем расстоянии. Всего лишь. Пока мне на помощь не пришел эскадрон сипаев. Патроны у меня еще оставались, а вот воды и виски — уже нет.

Поговорив еще с полчаса на разные интересные темы, они все же легли, с двух сторон прижавшись к тихо похрапывающему немцу, и действительно сумели заснуть.

Военные все-таки люди.

Но проснулись окончательно замерзшие, с затекшими ру-

ками и ногами, когда светящиеся стрелки шульгинского «Лонжина» показывали без четверти три.

Глухая ночь или раннее утро. Как кому нравится. Один только капитан продолжал мирно посапывать в своем теплом коконе.

— Черт, пить как хочется, — пробормотал Славский, хлопая себя по щекам. — У вас вода есть?

— Вот чего нет, того нет, не обессудьте. Водой не запасся. Да и не беда. Сейчас я проберусь обратно, к подвалу, послушаю. Если все тихо — наверх выгляну. Там и напьемся. Не в Сахаре мы, слава богу, в этом климате от жажды не умирают. Посветите мне...

При свете фонаря Шульгин тщательно осмотрел свой автомат, не напортил ли чего Славский, проверил, как ходит затвор, дослал патрон в патронник.

— Ну, я пошел. Если задержусь — покормите Гельмута, продукты здесь, — он указал на меньшую из сумок. — Только придется на ощупь, фонарь я с собой возьму.

— Ничего, у меня спичек полный коробок, и можно еще вашу таблетку зажечь...

— Правильно. А с оружием у вас как?

Славский показал свой револьвер.

— А кого здесь бояться?

— Вам виднее. А вдруг меня наверху схватят и за вами направятся?

— Много тут восемь патронов помогут... Так что лучше не попадайтесь.

— Сделаю все, что в моих силах...

Удалившись от бивуака на полсотни метров, Шульгин включил фонарь. В одиночку он почувствовал себя гораздо увереннее.

Естественно, пока он будет проводить свою рекогносцировку, Славский непременно тщательнейшим образом обыщет его багаж. И пусть его. По крайней мере окончательно успокоится. Вещи там подобраны с умом, чтобы создать именно то впечатление, которое требуется.

Сашка шел по штреку уверенно, обдумывая, что именно собирается сделать наверху и каким образом будет держать себя по возвращении, потому что именно тогда игра вступит в

решающую фазу — или ему удастся без каких-либо эксцессов разговорить этих ребят и убедить их в неизбежной необходимости принять искателя приключений в свою компанию на равных, или...

Но коридор тянулся и тянулся, вышло разумное время, за которое он должен был подойти к нужному проходу, но его не было. Шульгин остановился, поглядел на циферблат часов, осмотрелся по сторонам.

Все так — шел он уже целых девять минут, а прошлый раз, с грузом, этот путь занял вдвое меньше. Вокруг — те же самые тесные стенки с явно видимыми следами пиливших некогда камень инструментов. Только на полу — ни единого следа человеческих ног. А ведь они точно были, он специально обратил внимание и даже мельком вспомнил известную песню на счет пыльных тропинок далеких планет.

Значит, он элементарным образом заблудился? Неужели проскочил нужный лаз еще в то время, когда не включил фонарь?

Забавно.

Собираясь напугать своих партнеров именно этой опасностью и шантажировать ею, а на крючок попался сам? И где — на полукилометровом отрезке практически прямого штрека?

Так не бывает.

И Сашка сразу почувствовал себя в своей тарелке. Вот и началось. Вернее — проявилось окончательно и безусловно. Он с самого начала ждал, что никакой новой, самостоятельной, независимой от прошлого жизни ему начать не удастся. Не позволят.

Кто? Это уже другой вопрос. Кто-нибудь. Начиная от Держателей, Антона, той же Сильвии, если ей заблагорассудится.

Он все время готовился и ловил признаки чужого вмешательства в свои планы?

Вот сейчас вроде бы нашел. И сразу стало легко и понятно.

Именно в этом режиме они жили последние годы, отрезок времени относительной независимости воспринимался даже с некоторым удивлением...

Теперь нужно подумать.

Когда он бежал с фонарем от виллы в глубину катакомб,

то отлично помнил все до них касающееся. В том числе и слова экскурсоводши, что даже партизаны Отечественной войны старательно отмечали, обозначали, огораживали все окрестные ходы и штреки, поскольку заблудиться в катакомбах мог любой, как угодно хорошо их знающий человек.

Действительно, то, что он успел увидеть за двухчасовую экскурсию, внушило ему должное почтение, но чтобы заблудиться вот так, как он сейчас...

Зрительная память у него была если не абсолютная, то очень хорошая. Все четыре поворота, которые ему пришлось сделать, он запомнил. Как и то, что по сторонам главного хода он видел пять или шесть боковых ответвлений. Обратно он шел известным маршрутом, ни в один из этих ходов не сворачивал, и тем не менее...

Был бы с собой компас... А что компас, что бы он показал? Дача стояла на берегу моря. Флигель смотрел на него окнами задней комнаты. Значит — строго на юг. Соответственно, вход в катакомбы из подвала был ориентирован примерно на восток. И что из этого?

Шульгин попытался сосредоточиться. Против желания, несмотря на достаточно отчетливое понимание ситуации, им овладел неожиданный, пока еще не соответствующий обстоятельствам страх.

Иррациональный.

Клаустрофобия, можно сказать.

С иррациональной, а значит, скорее всего со стороны наведенной эмоцией можно и должно бороться.

Из точки, в которой он сейчас находится, следует неторопливо, без паники вернуться задним ходом к месту поворота, к развилке, где он ухитрился уйти с собственного следа.

Сейчас ему казалось невероятным, как он мог так увлечься, что перестал смотреть под ноги.

Сашка опять взглянул на часы. С момента начала его экспедиции прошло уже сорок минут. Время идет неестественно быстро. Все предыдущие мысли и переживания в нормальном режиме не могли занять больше пяти-семи минут.

Теперь — спокойствие. Только эксперимент и точный расчет. Он извлек из-за голенища ботинка универсальный десантный нож, несколькими ударами высек на мягком раку-

шечнике стены косой крест, рядом нацарапал дату, час и текущую минуту.

Посмотрим, как у нас дальше получится.

Усмехнулся, опять вспомнив Смока Белью. «Рулетка — сама по себе система, и любая другая система против нее бес- сильно».

Откуда он пришел, сомнений не вызывало. Не спеша, придерживаясь левой рукой стены, он вернулся назад метров на пятьдесят, до первого ответвления, которого, ей-богу, на своем пути сюда не заметил.

Пусть так.

Шульгин подобрал несколько небольших камней, положил их поперек прохода вроде шлагбаума, нанес очередные кресты перед боковым штреком и за ним, двинулся дальше.

Аналогичную операцию проделал еще возле двух коридоров и вот, кажется, вышел к основному стволу.

По крайней мере, здесь он увидел отпечатки собственных ботинок-вездеходов. Значит, нужный выход просто-напросто перекрыт каменным монолитом, как это делалось в египетских пирамидах для грабителей.

Или, если исходить из привычных невероятностей, искривлена метрика пространства. Специально для него.

— Славский, эге-гей! — закричал он, сложив ладони ру- пором. Эха мягкие пористые стены не отражали, но через несколько секунд из тоннеля донесся хотя и искаженный, но знакомый голос.

Делая отметки на стенах каждые пятнадцать-двадцать шагов, Шульгин добрался до бивуака.

Поначалу Славский не поверил.

— Вы что, хотите сказать, что заблудились на расстоянии трехсот шагов от входа?

— Трехсот, пятисот — не суть важно. Выхода я не нашел. Сколько на ваших часах?

Золотой брегет Славского показывал шесть.

— Шесть — чего? — ядовито поинтересовался Шульгин.

— Как чего? Утра, конечно.

— Я бы не был так категоричен. Но ваше счастье, у меня хронометр более подходящий к данной ситуации. — Сашка показал Славскому часы с двадцатью четыремя делениями

циферблата и календарем. — Пока да, шесть утра 2 ноября 1921 года. Но вас не удивляет, что я бродил почти три часа, хотя тоже вполне уверен, что прошел не более километра в ту и в другую сторону? И вы согласитесь, не слишком похоже, что с момента нашего погружения «ин профундис»¹ прошло более 12 часов...

Славского это и в самом деле удивило. Но тут подал голос и фон Мюкке, положение которого и без того было самым невыгодным из всех присутствующих, а теперь как бы и совсем осложнилось.

— Не удивляйтесь, господа. В море такое случается сплошь и рядом — компас врет, карты врут, в тумане черт водит, тайфун несет неизвестно куда, и в результате оказываешься в Патагонии вместо Камеруна.

— Так то же в море, — сказал Шульгин, испытывая очередной приступ симпатии к этому моряку, явно не своей волей оказавшемуся в центре совсем не нужной ему интриги.

— Я и говорю — в море. А уж под землей... Простите, любезнейший, не оставите ли вы меня с сэром Ричардом наедине?

Славский, нечто невразумительно-недовольное пробурчав, выбрался из пещерки.

— Только не отходите за пределы видимости фонаря, — крикнул ему вслед Шульгин. — А то ведь, сами понимаете... Что у вас? — спросил он немца, когда они остались вдвоем.

— Прошу прощения, конечно, — засмущался капитан, — но вы вроде мой врач. Мне бы по нужде как-то организовать... У этого господина просить неудобно.

Проблема действительно была не такой уж простой по нынешней обстановке, но Шульгин ее благополучно разрешил.

После чего, поправив постель, поудобнее устроил раненого и еще на полчаса застегнул на его запястье браслет. По его расчетам, примерно через сутки фон Мюкке сможет попробовать встать на ноги. Для начала.

¹ И н п р о ф у н д и с — в бездне (лат.).

Услышав хруст щебня под ногами Славского, немец шепнул:

— Пошлите теперь его на разведку, а мы поговорим...

— Ну и что мы теперь будем делать? — спросил Станислав Викентьевич, который по запаху понял, что никакого заговора не имело места. — Как кому, а мне пить хочется все сильнее.

Шульгин с ним согласился. У него в сумке был крошечный НЗ — две пол-литровых алюминиевых банки газированного тоника и одна банка «Алказельцера», то есть содовой воды с аспирином, припасенные совсем на другой случай, но расходовать их без крайней необходимости он не собирался. Как минимум сутки жажду терпеть можно. А уж тогда...

— Знаете, коллега, у меня есть моток шелкового шнура — триста метров. Нить Ариадны, если угодно. Привязав его здесь, можно спокойно исследовать окрестные ходы на указанный радиус. Отметив засечками или копотью на стенах крайнюю точку, перевязать веревку и продвинуться еще на столько же. Не займетесь? Как мне кажется, судя по геологии данной местности, здесь должна быть вода. Хотя бы просачивающаяся с поверхности в виде капли со сталактитов. Или ручьи, или колодцы... Попробуйте. Не найдете — будем думать дальше.

Не скрывая недовольства, Славский тем не менее взял протянутую Шульгиным бухточку не шелкового, конечно, а кевларового крученого шнура толщиной в карандаш, но выдерживающего на разрыв нагрузку более двух тонн.

— Сразу б вы его у входа привязали, и никаких проблем бы не было...

— А что ж вы мне не сказали, куда нас направляет? — парировал Шульгин. — Роман Жюль Верна «Черная Индия» не приходилось читать?

— Увы, нет. А если воду найду, куда ее собирать прикажете?

Шульгин задумался лишь на секунду.

— Вот, пожалуй, складной стакан. Вмещает полпинты. А вот — резиновый чехол от медицинской аптечки. Сюда можно налить литра три воды. Если сумеете наполнить — по-

кроете себя бессмертной славой. Вперед, мой капитан, сорок веков смотрят на вас из этих подземелий...

Выматерившись сквозь зубы, Славский удалился в глубь штрека, разматывая шнур.

— Зачем вы его злите? — поинтересовался фон Мюкке, которому после оправки стало совсем хорошо, а действующий браслет, нормализуя внутреннюю среду, приглушил и чувство жажды.

Здесь, кстати, крылся сильно интересующий Шульгина вопрос: ну вот защищает эта машинка постоянство гомеостазиса, способна даже почти разорванного на куски человека вылечить, а если вот просто так, как сейчас, — ничего особенного не происходит, просто воды нет и не будет, и ты готовишься подышать от жажды? Что браслет может сделать при достаточно строго поставленном эксперименте? Ну, какое-то время он будет оптимизировать расходование тканевой жидкости, производить гидролиз жиров, как у верблюда, а дальше? Все же допустит постепенное усыхание или переведет меня на усвоение атмосферной влаги через кожу и легкие? Интересно бы исследовать этот вопрос вплотную... Впрочем, тьфу-тьфу! — Шульгин натурально сплюнул, не жалея драгоценной влаги.

— Из принципа. Он мне не нравится.

— А я?

— А вы нравитесь. Несмотря на то, что он мой соотечественник, а вы — исторический враг.

Здесь Шульгин, что называется, пальнул в темноте и навскидку. Просто ему давно начало казаться, что Славский все-таки не русский по происхождению.

Сначала он перебирал разные варианты, примеривал на него и польскую личину, и немецкую (из хорошо обрусевших остзейцев), а потом вдруг сообразил, что все-таки Славский — англичанин.

Или американец, пусть даже сильно обрусевший. Возможно, много лет изображавший русского. Как «японец» — штабс-капитан Рыбников или «араб» — полковник Лоуренс.

Сашка даже восхитился и своей догадливостью, и изяществом ситуации: он, косящийся под британского потомственно-

го рыцаря, и противник (не враг пока, а просто противник в игре), англичанин, талантливо изображающий русского.

Нет, это прямо здорово. Может завязаться такая комбинация... Даже на филологическом уровне. Он, правда, с помощью Сильвии и всей мощи аггрианской обучающей техники сейчас знает наизусть восьмисоттысячный словарь Вебстера со всеми фразеологизмами плюс несколько словарей сленгов. Смог бы, при необходимости, писать стихи в стиле Киплинга, где одновременно используется оксфордский английский, жаргон лондонских доков XIX века и пиджин-инглиш Южных морей.

А знает ли господин Славский наизусть словарь господина Даля, язык палубы балтийских броненосцев и изысканный стиль пересыпских биндюжников, раз уж мы в Одессе?

Знает, нет — не суть важно, но за дни их знакомства пока не допустил ни одного прокола...

— Что? Славский, по-вашему, — англичанин?

— А по-вашему — кто? — Тут же, для поддержания разговора и якобы для лечения, он подал капитану маленькую голубоватую таблетку, две галеты с вложенным между ними кусочком ветчины и хорошую стопку виски.

— Я как думал, так и думаю, что русский. Меня с ним познакомили именно как с русским и заверили, что во время моей миссии он будет оказывать мне всю необходимую помощь, по преимуществу негласно, но в случае необходимости... Как это и случилось.

Голубая таблетка из специальной аггечки Шульгина, предназначенная для очень мягкого, аккуратного развязывания языков, когда собеседник начинает выбалтывать тайны, не видя в этом ничего необычного, напротив, считая, что именно так и следует поступить из неких высших соображений, начинала действовать.

Сейчас немец вообразил, что, во-первых, они оказались в таком положении, что друг Ричард должен наконец узнать правду. Неизвестно, удастся ли им спастись, а позволить хорошему человеку умереть, даже не понимая, отчего он оказался в подобном положении, — непорядочно.

Во-вторых, если они выберутся, то на лучшего соратника,

чем Мэллони, нечего и рассчитывать, он это уже доказал неоднократно.

В-третьих, фон Мюкке имел не только право, а и обязанность по ходу дела вербовать себе помощников.

Ничего этого Шульгин капитану не внушал, в том и заключалось коварство препарата, что заставлял мозг пациента по собственной инициативе находить убедительные обоснования необходимости немедленно поделиться своей тайной.

И за следующие полчаса фон Мюкке наконец-то признался своему спасителю, что еще в начале этого года он был не то чтобы завербован, а приглашен на службу в одну могущественную организацию резко националистического толка, ставящую своей целью возрождение самосознания германской нации и реванш за позорный Версаль.

— Это что же, «Стальной Шлем», или партия Гитлера — Штрассера? — поинтересовался Шульгин. — А может быть, наоборот, сторонники Вальтера Ратенау? То есть вопрос в чем? Вы собираетесь идти к реваншу с Россией против Антанты или с Антантой против России? И с какой Россией вам больше по пути: с красной или с белой?

— Сложные вы мне вопросы задаете, — с некоторой даже тоской в голосе ответил фон Мюкке. — Понятно, что вы мой спаситель, и я вам должен, как обещал, правду сказать. А как я вам ее скажу, если и сам не знаю. Вот хотите — верьте, хотите — нет, а я ведь по-прежнему всего лишь моряк. Не торговец я машинами и котлами, хотя, если сумею продать, кое-что с этого поймею. А вообще-то мне была обещана помощь очень высокопоставленных людей из окружения Кемаля-паши, чтобы устроиться служить на «Гебен». Я ведь, честно признаться, больше ничего и не умею. А тут есть шанс стать даже и командиром. Как мне сказали, многим турецким деятелям нужен противовес слишком уж усилившемуся влиянию русских...

— Так. Это и вправду интересно. Но разве сейчас все подобные посты не занимают русские офицеры? Я читал...

— Да, пока занимают. Но уже и в ближайшем окружении Мустафы Кемаля зреет недовольство.

Психологическая и историческая инерция, знаете ли. Ведь большинство турецких офицеров, их отцы и деды при-

выкли видеть в русских извечных врагов, а в европейцах — советников, финансистов, военных инструкторов и так далее. Пусть даже русские помогли выиграть последнюю войну, полгода-год — слишком малый отрезок времени по сравнению с веками. Все еще можно отыграть назад. Далеко не всем нравится, что русские фактически контролируют проливы, строят свой город на подступах к Стамбулу... В общем, переплетается слишком много факторов, а в итоге — лично у меня появляется редкостный шанс...

— Я вас прекрасно понимаю, — кивнул Шульгин. — Грех не воспользоваться. Такой человек, как вы, прямо рожден для подобных авантур. А я? Как видите вы мою роль в этой истории?

— А вы, мой друг, можете стать моим ближайшим помощником и партнером. С вашим опытом, знанием Востока, надеюсь, и неплохими связями в метрополии...

— Почему бы и нет? Я уже занимался чем-то похожим в Бирме и Южной Америке, хотя и на уровне племенных вождей, а не правительств в недавнем прошлом великих держав. Но отчего не попробовать свои силы на более высоком уровне. Только имеете ли вы соответствующие полномочия? Как все это будет выглядеть?

— По правде сказать — пока не знаю. Но если мы доберемся до Стамбула, я вступаю в контакт с людьми, к которым имею рекомендации... Там посмотрим, а пока вы будете числиться именно моим близким другом и напарником. Осмотримся, потом будем конкретизировать наши позиции...

— А... — собрался Шульгин задать следующий вопрос, и тут услышал отдаленные шаги Славского. — Все. Пока молчите, Гельмут. Позже продолжим... Мне ваши тайны вообще ни к чему, но терпеть не могу дураком себя чувствовать в чужих играх...

...Славский вошел, осторожно неся перед собой стаканчик.

— Поздравьте с успехом, господа. Нашел. Там по стене сочится струйка. Очень слабенькая, но все же. За час вот набралось.

Он протянул стакан фон Мюкке, и тот, смакуя, выцедил ровно треть.

— Пейте, пейте, ваша доля — половина. Я уже напился. И пристроил там мешочек. Часа через три, думаю, у нас будет приличный запас.

Он уселся в углу, с наслаждением расправил затекшую во время сбора воды спину, закурил папиросу.

— А вы чем без меня занимались?

— Чем тут заниматься? Сделал вот Гельмуту массаж. Он явно идет на поправку. Выбраться бы наружу, попарить его в содовой ванне, растереть бальзамом на змеином яде, — подмигнув фон Мюкке, ответил Шульгин. — Так что принимайте вахту, а я отправлюсь на дальнейшие поиски.

И вот еще что, господин Славский... Давайте-ка отойдем на минутку.

За ближайшим поворотом он, до этого вроде бы дружески поддерживая Станислава под локоток, внезапно резко сжал его пальцы. Так, что тот сдавленно зашипел от боли.

— Вы что?..

— Нет, я ничего. А вы себе хорошо представляете наше положение? Заодно не забыли наш разговор в пивной? Так вот. Дурака я из себя делать никому не позволю. — И тут же он перешел на стремительный английский. Шульгин говорил очень быстро, едва успевая языком за мыслями: — Дело ведь вот в чем. Дорогу наружу я могу найти и один. Один и уйду. Вы мне совершенно не нужны, если честно сказать. Скорее — даже обуза. Долг чести, если он и был, я исполнил. Дальше живите как хотите. Не моя забота. А если желаете продолжать отношения — расскажите мне все: для чего это все, кто вы, на кого работаете, сколько могу заработать лично я. Ставки у вас идут на миллионы, чувствую. Готов получить свою долю. Или...

Прервался, наблюдая за реакцией Славского, начал, как всегда, выигрывая время и маскируя свои эмоции, прикуривать.

— О чем вы говорите, Ричард? Я не понимаю. Скажите по-русски, по-немецки... — В голосе Славского Шульгин уловил долгожданную слабость.

И ответил опять по-английски:

— Не понимаете? Тем хуже для вас. Лучше бы бросили валять дурака. Вы давно себя выдали. Родной язык от специа-

листа не скроешь. Я даже могу сказать, откуда вы родом, где учились и какими языками сверху маскируете базовый. Что я, зря изучил лингвистику двенадцати языков?

А выход из лабиринта я найду и без вас. Вы мне не нужны. Это понятно? — помахал он в воздухе ярко пылающей и рассыпающейся искры сигарой. — Гуд бай, май лав, донт край, май лав...

Отвернулся от Славского, сделал шаг, второй и, резко присев, развернулся на каблуках.

Станислав, оскалившись, тянул из-за пояса револьвер.

Отлично, просто отлично! Как раз этого Сашка от него и ждал.

— Ну давай, давай его сюда...

Тыльной стороной левой руки он отбил руку Славского в сторону, правой закатил не сильную, но звонкую пощечину, потом отобрал аккуратный восьмизарядный «кольт-38 арми спешиап».

Хорошая такая машинка, с откидным барабаном и полированными ореховыми щечками рукоятки. Но профану что ни дай, толк один...

— Дурак! Ну и подыхай в этой поганой пещере вместе со своим паралитиком!

Сунул револьвер в карман, для полной достоверности мизансцены плюнул Славскому под ноги и не спеша пошел по штреку.

Все это, как ранее отмечено, говорилось по-прежнему на изысканнейшем английском, на котором даже аналоги русских «дурак, подонок и сволочь» звучали вполне по-джентльменски.

Как ему казалось, все он сделал более чем убедительно. Оставалось только ждать.

И результат акции последовал незамедлительно.

— Да подождите же вы, черт возьми! — Этот глас вопиющего в пустыне прозвучал на чистом языке их «общей» родины — туманного Альбиона. — Ладно, понимаю я ваш проклятый язык. Ну и что? Чего вы от меня хотите добиться?

— Мой бог! Я вам уже десяток раз повторял. Что абсолют-

но ничего. Не нужны вы мне и почти неинтересны. Это я вам все время для чего-то нужен. Но раз вы дозрели, спрашиваю последний раз — в чем смысл всей этой истории, кто вы, кто фон Мюкке и те люди, которые гонятся за нами? Как вы упорно не хотите понять, что судьба свела вас совсем не с тем человеком, которым можно управлять втемную. Вот я вас сейчас немного поучил. Вы не нашли адекватного ответа... Какие у вас претензии?

Даже при свете направленного в потолок фонаря Шульгин увидел, что Славский пребывает в состоянии «плюнь — зашипит». Как раскаленный утюг. Этого он и добивался. Разведчик — обязательно перетерпит. А бывший офицер может и броситься, невзирая на последствия. Впрочем, момент им уже упущен.

Сашка сказал примирительно:

— Плохо владеете собой, «мистер Лоуренс». — Это имя он произнес с издевкой, подчеркивая разницу в классе. — Но вы сами этого добивались. Обычно, когда на Ричарда Мэллоуни направляют револьвер, он стреляет сразу и наповал. Сейчас я отступил от этого правила, поскольку кое-что нас как бы связывает. Поэтому мой удар по вашему лицу прошу расценивать не как оскорбление, а совсем наоборот. Естественный жест врача, приводящего в себя пациента, впавшего в нервический припадок. Успокойтесь. Все будет хорошо. Возвращайтесь к нашему капитану, покормите его, поспите. Когда я найду выход, я за вами вернусь. Слово чести. Но вам советую хорошо подготовиться и на заданный мной вопрос дать искренний ответ. Договорились, Станислав Викентьевич?

Скрипнул ли зубами Славский, Сашка не услышал. Но тон ответа был подходящий.

Ничего, так с вами и разговаривать...

Однако все же слишком хорош был английский язык этого человека.

Способности профессора Хиггинса, усвоенные Шульгиным через обучающие программы Антона, позволяли установить даже то, что для маскировки природного акцента господин «Славский» прежде русского в совершенстве выучил сначала польский.

А вот это было странно. Неужели он готовился к возможности столь квалифицированного лингвистического анализа? Или все получилось случайно, просто по ситуации?

Сначала потребовался польский (например, для работы против австрийцев во Львове в начале войны или против России в Варшаве ближе к ее концу), а уже потом на этой базе (или параллельно) и в русском усвершенствовался.

— Хорошо. Если уж так получилось... Наверное, придется сказать вам всю правду. Боюсь только, что она вам не очень понравится. Есть вещи, которые нормальным людям лучше бы и не знать...

— Ничего, господин Славский. Не такое переживал, переживу и это. А за вами я вернусь, не извольте сомневаться. Если найду дорогу наверх — обязательно вернусь. Еще никто не упрекал Ричарда Мэллони, что он бросает спутников на произвол судьбы... *Hasta la vista*¹, — сказал он, неизвестно почему, по-испански.

...Чем дальше он шел, тем отчетливее становилось видно, что количество штреков постоянно увеличивается и они произвольно меняют направления.

От базового лагеря Шульгин сейчас двигался, разматывая шнур и сверяясь со сделанными ранее засечками. Миновал последнюю, прошел по наиболее ему понравившемуся штреку еще шагов семьдесят, пока шнур не кончился.

Теперь предстоял путь в неведомое.

Он осмотрелся. Снова перед ним три прохода. Два расходятся V-образно и с легким подъемом, третий ответвляется вправо под прямым углом.

Надо выбрать. Но рационального критерия нет. Наудачу...

Вместе с тем Шульгин почти совершенно был уверен, что, какой путь ни выбери, итог окажется совершенно одинаковым.

¹ До свидания (исп.).

Через два с лишним часа блужданий Шульгин, выругавшись в очередной раз, сел на землю.

Безнадежно. Теперь очевидно, что собственными силами выйти ему не дадут. До тех пор, пока не сочтут это необходимым.

Кому? Надо думать — пресловутым Держателям Мира, Игрокам.

Следует ли понимать, что каким-то своим действием он совершил нечто неподобающее, расходящееся с их планами?

Вдруг сам по себе он им не нужен, они так и не заметили его перехода в новое качество, а пространственная флюктуация в катакомбах создана для других целей и по другому поводу?

Или, наконец, просто-напросто, как они уже предполагали с Андреем, очередной пролом пространства-времени при уходе «Призрака», самый мощный за последние годы, вызвал такое возмущение мировых линий, что полетела к черту вообще вся евклидова геометрия заодно с хронологией?

Страшно ему по-прежнему не было, чувство страха в обычном понимании этого термина у него давно уже атрофировалось.

Скорее наоборот — без систематических и массированных выбросов адреналина в кровь он себе и жизни не мыслил, как отчаюга-альпинист или специалист по прыжкам через пропасть на мотоцикле. Тем более что в силу определенной специфики положения угроза реальной и окончательной смерти для него была снижена раз в десять, если не более того.

Моментами Шульгин вообще допускал, что правилами предложенной им игры обычная смерть вообще не предусмотрена, иначе отчего же все они, вступившие на инопланетную тропу войны, до сих пор живы вопреки стандартной формальной логике.

Ему сейчас было скорее интересно, что еще новенького приготовили массовики-затейники и какой нестандартный ход придется придумать, чтобы в очередной раз с честью вернуться из ситуации.

А бродить по утомительно одинаковым каменным тоннелям стало уже и скучновато.

Спелеология никогда его не привлекала, знаменитую книгу популярного когда-то Норбера Кастере «Моя жизнь под землей» он даже не дочитал до конца, о чем, впрочем, сейчас несколько сожалел. Возможно, какие-то полезные советы из воспоминаний специалиста можно было бы почерпнуть.

Лучше всего, думал Сашка, отдалиться сейчас полностью на волю судьбы. Или продемонстрировать свою полную незаинтересованность в исходе этого предприятия.

Хотите — сдохну для вашего удовольствия, но шлаться по холодным и душным коридорам больше не намерен...

Если существует цель, ради которой его загнали в «крысиный лабиринт», то рано или поздно она обозначится.

Следует, может быть, подать какой-нибудь сигнал, что он все понял и ждет указаний.

Всего два раза, причем первый — с помощью Антона, а второй — профессора Удолина Шульгин в этой жизни ухитрялся входить в хотя бы частичный контакт с Великой Сетью. Имел представление, разумеется — весьма поверхностное, о том, что по большому счету не только сам он, но и все человечество вместе со всей историей и материальной культурой в масштабах Сети не более чем комплект монад, влачащих свое исчезающе краткое существование внутри одного из триллионов микрочипов, составляющих «Вселенский Процессор».

Его данный факт не задевал, точно так же, как не беспокоила истина, что прекрасная и необъятная планета Земля является песчинкой среди миллиарда звезд одной из захолустных Галактик. Да, ну и что?..

Земные девушки от этого не становятся менее красивыми, коньяк не теряет аромата, и закат солнца над лесными дачами волнует ровно в той же мере, как если бы это светило было единственным и неповторимым во всем мироздании...

Он только не знал сейчас, к кому именно следует адресоваться своим призывом о контакте. В этом деле признанным специалистом был Новиков, ему несколько раз удавалось связываться в астрале не только с Антоном, но и с кем-то из самих Держателей Мира. По крайней мере, так Андрей утверждал, рассказывая о своем возвращении на Валгаллу¹.

¹ См. роман «Вихри Валгаллы».

Шульгин не завидовал другу, который оказался гораздо более одаренным в этом смысле медиумом, каждому свое, как известно, и, если мозги у Андрея устроены несколько по-другому, тут уж ничего не поделаешь. Зато Сашка был почти уверен, что в пределах отпущенных ему возможностей он сумеет распорядиться даром куда лучше Андрея. Точнее — найти ему лучшее применение. К своей и общей пользе.

Но... Он хорошо помнил разговор с Антоном, который произошел перед началом операции по спасению Новикова и Сильвии с Валгаллы. Тогда форзейль явился ему в облике старого шамана Забелина, единственного, может быть, в позднесоветское время знатока оккультных тайн тунгусского народа.

Антон предупредил, что каждая их попытка самостоятельного выхода в астрал, точнее — в Гиперсеть, смертельно опасна. Куда опаснее, чем прогулка альпиниста по снежному мосту над пропастью. Неверный шаг, громкий звук — и «прощайте, скалистые горы».

Ловушки Сознания, стерегущие Гиперсеть от попытки проникновения в нее посторонних мыслеобразов, всегда на боевом взводе и готовы подсунуть нарушителю правил такую псевдореальность, что не выбраться из нее никогда.

Да вдобавок, оказавшись там, никогда и не поймешь, что отныне существуешь в специально для тебя придуманном мире, теперь уже, без всяких оговорок, виртуальном.

Тогда же он добавил, что, возможно, и сама Валгалла, и агтры, ее населяющие, и солидный кусок Метагалактики вместе с Землей — тоже иллюзия, Ловушка высшего порядка. Но рациональным путем установить это невозможно.

Такой вот солипсизм¹.

«Вам же было предложено сидеть тихо и земными делами заниматься. Целая подлинная Реальность вам на откуп отдала. А вы снова в Гиперсеть полезли. Причем в своей обычной манере — напролом. По ковру из розовых лепестков — в

¹ С о л и п с и з м — философское течение, считающее, что весь материальный мир является лишь плодом воображения субъекта.

грязных кирзовых сапогах... Вот хозяева этого ковра и решили вас несколько... э-э... окоротить...»

Тогда они сошлись на том, что в обмен на возвращение Андрея с далекой планеты земляне окончательно пообещают сидеть тихо и не в свои дела не соваться...

Иначе...

Антон еще добавил, что, по его ощущениям, Держатели, играющие, условно говоря, «черными», почувствовали, что партия зашла в тупик, и сделали нестандартный ход. Только вот непонятно, в чем именно он заключается. В том, что Новикова решили пожизненно изолировать на Валгалле, или, наоборот, что созданы условия к его возвращению. Как раз через эту встречу Шульгина и Антона.

— Так отсюда вытекает, что противоположная сторона в любом случае — на нашей стороне. И можно надеяться на ответствующий контрход? — оживился Шульгин.

Антон аж передернуло от возмущения.

— Не знаю даже, как тебя назвать. Иногда вроде умный, а иногда тупой, как три слоновые задницы, накрытые брезентом... Ты бы хоть задумался, чем для вас может обернуться такая «помощь». Я лично вообразить не могу. Большевики тоже помогли русскому народу выйти из Первой мировой войны и экспроприировать экспроприаторов. О чем он, народ, кстати, страстно мечтал. Хорошо получилось? Так что не совет тебе даже, а категорическое пожелание — сидите, как мышь за печкой, и не мечтайте в подходящее время с решающим результатом вмешаться в кошачью драку...

Очень все тогда доходчиво ему объяснил Антон, и оснований не соглашаться с ним не было. Шульгин с Новиковым потом обсуждали эту коллизию, пришли к единодушному мнению, что и вправду нужно завязывать. И длительный отпуск с путешествием в Южные моря был ими спланирован во многом из-за желания полностью погрузиться в частную жизнь.

Но сейчас-то что происходит? Не сам же он загнал себя в аналог крысиного лабиринта. Он мечется в поисках спасения, а экспериментатор наблюдает и делает пометочки в рабочем журнале.

Или не эксперимент это, а просто способ изолировать его навсегда и бесследно?

Значит, какой-то его шаг, скорее всего именно попытка вмешаться в интригу Мюкке — Славского признана опасной для Держателей?

Пока, размышляя подобным образом, он продолжал бессмысленно брести по штреку, судьба или те, кто ею управлял, подкинули ему последний сюрприз.

Очередной тупик, поворот, и Шульгин оказался в сравнительно обширном помещении, в котором совсем недавно жили люди.

Высеченные в стенах ниши с каменными нарами, застеленными серыми шинелями и лоскутными одеялами. На каменном кубе, заменяющем стол, лампа, кажется, еще теплая, с закопченным стеклом, в комнате вроде бы даже висит запах керосиновой копоти.

Эмалированный чайник, две кружки, алюминиевая миска с недоеденной кашей.

На ржавых крюках, вбитых в стену, висят вниз стволами автомат «ППШ» и короткий трехлинейный карабин.

Он даже засмеялся хрипло, присаживаясь на край нар.

Ну, господа, это совсем уже... Неостроумно, что ли.

Во-первых, слишком похоже на декорацию тех самых, музейных Нерубаевских катакомб. Экспозиция: быт партизан 1941—1944 годов.

Вот-вот, этого только и не хватало — рядом с лампой раскрытая книжка в зеленоватом картонном переплете. «Краткий курс истории ВКП(б)». Некоторые абзацы четвертой главы подчеркнуты красным карандашом. Не иначе комиссар отряда готовился к политинформации.

Сейчас вот вывернется из-за угла, худой, утомленный, с серым лицом давнего обитателя подземелий, но непременно гладко выбритый.

И спросит хмуро: «А вы что, товарищ, здесь делаете?».

Увидит, что обознался, что не свой это человек, неизвестно как здесь оказался, и рука дернется к кобуре.

А скорее всего дело тут совсем в другом.

Шульгин вспомнил пещеру, бывшую базу совсем других

партизан, кордильерских, куда, бежав с виллы Сильвии, он пришел по сигналу Антона.

«Все тот же сон?» — как восклицал персонаж «Золотого теленка» Хворобьев.

Или исходящий опять от Антона сигнал. Ты не забыт, мол, ничего не потеряно, сражайся, и победа за нами...

Тонких зеленоватых сигарок в портсигаре осталось совсем мало. Всего три, если быть точным.

Вздохнув, он одну из них все же закурил.

А лампа действительно теплая, убедился он, коснувшись ладонью пузатого стекла.

Так, может, в ней и керосин еще есть? Хоть фонарик отдохнет...

Лампа и в самом деле охотно вспыхнула. Широкий язычок желтого слегка коптящего пламени обрисовал на столе ровный уютный круг света. Сашка фитиль немного прикрутил.

Интересная жизнь нам досталась, господа. Расскажи кому у себя в институте, даже после пары хороших мензурок «спиритуса вини» — хрен поверят...

Из чистого любопытства он снял с крючка автомат. Тяжелый, с неудобным, грубо выструганным прикладом, торчащими вдоль краев ствольной коробки заусеницами. Убедительно для не слишком грамотного человека. Именно так выглядели автоматы военной поры, изготовленные в какой-нибудь наскоро приспособленной кастрюлькиной фабрике.

Да только неувязочка получается. В катакомбах Одессы никак не мог оказаться автомат выпуска 1943 года. Наиболее удачливые из окруженцев, подавшихся в партизаны, могли владеть трофейным «МП-38», кто-то из командиров — редким, как жемчуг в навозной куче, «ППД».

А те изготавливались чрезвычайно тщательно, с лакировкой дерева, полировкой металла, и не штампованные детали там применялись, а исключительно фрезерованные.

Впрочем, все это чепуха. И без этого штришка он видел, что декорация — она и есть декорация.

А вот что все-таки прикажете сейчас делать? Помирать в подземелье, гордо не покорившись шантажу Держателей, или в очередной раз пообещать, что «больше не буду»? Или все-таки поискать третий путь?

«А ведь скучно, господа, все равно скучно. Ничего новенького вы при всех своих способностях не придумали», — успокаивая самого себя, думал Шульгин. Хотя, конечно, догадывался, что те, кто в состоянии создавать силой воображения Вселенные со всеми обеспечивающими их существование законами природы и даже подходящими цивилизациями, как-нибудь сумели бы изобрести нечто лично для него удивительное.

Да скорее всего просто не считают нужным.

И так сойдет.

Чем-то сложившееся положение напоминало то, что им уже довелось пережить с Новиковым при попытке выбраться из форзейлианского Замка.

А раз прием повторяется, значит, и выход надлежит искать примерно в том же направлении, что и прошлый раз.

Шульгин стал восстанавливать в памяти формулу профессора-эзотерика Удолина, которую следовало наложить на состояние «О мусе дзю ни се го син» («Не пребывая ни в чем, дай уму действовать»).

Буддисты другого толка склонны были называть означенное состояние духа «Самадхи». При должном навыке, впав в него, некоторые умельцы ухитрялись жить годами в виде почти что мумии, пока их дух витал в высших сферах. Тело же при этом сохранялось в целостности и сохранности, не старея ни на миг. Ходят слухи, что кое-кто из посвященных таким путем живет не одну уже тысячу лет.

А один знаток писал, что и миллион лет не предел.

Сашке, однако же, сейчас было нужно не это. Он намеревался лишь освободить свой дух для поисков «истины» в небесных сферах, и надеялся, что более получаса эта рекогносцировка у него не отнимет.

Он задул лампу, в наступившей мертвой темноте и тишине лег на спину и принялся вводить себя в транс, пытаясь увидеть ту самую картинку зрительной проекции Сети, которая однажды открылась ему в Замке.

И одновременно он постарался сосредоточить луч мысли таким образом, чтобы дать о себе знать кому угодно. Будто зажег сильный фонарь в глухой ноябрьской тьме.

Идеальный вариант, конечно, если бы сигнал «SOS» раньше всех принял Антон.

Как они ни конфронтировали в прошлом, форзейль все-таки умел мыслить «по-человечески», и договариваться с ним можно было, и в критических ситуациях он приходил на помощь, пусть и преследуя собственные цели.

Ну а если Сашка и нарушает сейчас предыдущую договоренность, так что делать?

Держатели же, если и услышат призыв к контакту, отреагировать могут самым непредсказуемым образом.

Условия для медитации в катакомбах были исключительные, не хуже чем в подземельях буддийских монастырей, и очень быстро Шульгин ощутил, что «плывет».

Состояние, близкое к тому, когда, как следует устав после многокилометрового лыжного перехода, напаришься в бане, примешь грамм полтораста настоящей на травах водки и уляжешься в свежую постель под вой метели за окном.

И начнешь погружаться в сладкий сон, а в глазах все мелькает лыжня и косо летят крупные снежинки...

...Такие, как сейчас, за окном. Высокое стрельчатое окно, стекла в морозных узорах, заснеженные крыши внизу, раскачивающиеся от ветра фонари и крупный-крупный снег, падающий с мутного ночного неба...

Он стоит у подоконника, а в голове крутятся строки:

...Идут белые снега,
Как по нитке скользя.
Жить и жить бы на свете,
Да, наверно, нельзя.

Идут белые снега.
И я тоже уйду.
Не печалюсь о смерти
И бессмертья не жду....

Шульгин покачнулся. Ему показалось, что он сейчас вот, немедленно упадет в обморок. И не успеет довести до конца иезуитский с обеих сторон разговор-спор с Антоном.

Форзейль хочет, чтобы он пока еще подзадержался в теле

наркома Шестакова, помог порешать некоторые возникшие у него в отношении реальности 1938 года задачи.

А он сам?

Ему это нужно или следует, как и наметил, немедленно бежать в прошлое? Чтобы воссоединиться со своей исходной личностью.

Или поступить совершенно наоборот...

Голова кружилась все сильнее, в ушах нарастал томительный звон. Может быть, так вот и умирают скоропостижно от инсульта?

Головокружение, тошнота, потом резкая, как взрыв, вспышка боли — и конец? Добраться бы только до дивана, лечь, вызвать помощь... Он оттолкнулся от подоконника, попытался сделать шаг, но не успел.

Вспышка все-таки полыхнула в мозг, но не болевая.

Вспышка невысказанно яркого света словно расколола череп изнутри, и клочья мозга, сохраняющие при этом способность видеть, чувствовать и мыслить, разлетелись в пространстве объемом в миллионы кубических парсеков, среди звезд, галактик, шаровых скоплений.

Или — внутри невысказанно сложно устроенного квазиживого механизма, состоящего из нейронов, аксонов, пучков разноцветных проводов и искрящихся щеток электрогенераторов.

Человек, которым целых три недели был Шульгин, он же нарком Советского правительства Шестаков, которого только сегодня... принимал в своем кабинете Сталин, предлагал один из высочайших в государстве постов, этот человек застонал от боли и накотившегося вдруг отчаянного страха смерти и, цепляясь ногтями за стену, сполз на пол большой полутемной комнаты.

Тут же Сашка снова пришел в себя, но не в темноте катакомб, как ожидал, а в знакомом кабинете в доме в Столешниковом переулке. Он сразу вспомнил, что текущий момент хронологически предшествовал только что им пережитому.

...Шульгин сел перед экраном, по ту сторону которого уже видна была приветливо улыбающаяся женщина.

Она совершенно не изменилась с момента их последней встречи. Да и сколько тут времени прошло, едва неделя. И тут же Сашка спохватился. Никак он не привыкнет к этим вещам. Какая там неделя?! Ей еще жить и жить до того дня... И одета Сильвия совсем иначе, и прическа другая, покрашена довольно аляповато, на его вкус...

— Вот вы какой, — сказала Сильвия по-русски, с едва уловимым акцентом. — Рада нашему знакомству.

— Увы, на самом деле я совсем не такой. О чем и пойдет речь. Только чего же мы так официально, через стекло? — Он пощелкал ногтем по поверхности экрана, которая, безусловно, не была стеклянной. — Будто в тюрьме на свидании. Ваши коллеги предпочитали непосредственное общение. Будьте любезны, — он сделал приглашающий жест и даже слегка отодвинулся, словно пропускающий даму в дверь джентльмен.

«Сильвия-38» была готова к этому, но все равно слегка недоуменно повела плечом, будто уступая не совсем приличному предложению человека, не разбирающегося в этикете.

Рамка вокруг экрана изменила цвет, он вытянулся в длину до самого пола, и женщина, приподняв элегантным жестом край платья, шагнула в кабинет.

В руках у нее ничего не было. А Шульгин, напротив, извлек из-под ремня наркомовский «вальтер», по-ковбойски крутнул его скобой вокруг пальца.

— Закройте это, — указал он на экран стволом пистолета.

— Отсюда — не могу.

— А вон то? Разве не действует? — У края стола лежал портсигар Лихарева. — Имейте в виду, я знаю, как эта штука работает, поэтому закройте проход и, не направляя блок в мою сторону, аккуратно положите вот сюда... — Зрачок дула был направлен строго в переносицу аггрианки. Со слов Ирины он знал, что при повреждении мозга регенерация длится не меньше двух-трех часов. Ему этого хватит.

Потом они сели в кресла у окна.

— Вы очень опасаетесь за свою жизнь, — констатировала Сильвия. — Даже неприлично для мужчины.

— Общаясь с вами? Прошлый раз я всего на несколько минут утратил бдительность — и вот! Так что вам придется потерпеть, пусть и не совсем приятно чувствовать себя все время на мушке. Итак — что вам нужно от меня?

— Но ведь это вы настаивали на встрече... — искренне удивилась агтрианка.

— Миледи, хватит вам валять дурака! У меня нет ни времени, ни желания плести словесные кружева или, как говаривал один персонаж, размазывать манную кашу по чистому столу. Ваша реинкарнация или вы сами в другой реальности загнали меня в это тело. Зачем?

— Хотите — верьте, хотите — нет, но я не имею никакого представления. Я и узнала-то об этом прискорбном факте всего три дня назад...

— Каким образом?

Сильвия, усвоившая его предупреждение, осторожным жестом извлекла из рукава узкий конверт.

— Я получила письмо. Весьма странным образом. С кратким и не слишком понятным изложением случившегося. А это поручено передать вам.

Продолжая углом глаза следить за агтрианкой, Шульгин косо разорвал конверт и быстро просмотрел текст.

Там было буквально несколько фраз.

«Александр! — писала другая Сильвия, образца 1984/20 года, — глупо оправдываться в сделанном перед человеком, с которым все давно оговорено и решено.

Вернешься — готова повторить все еще раз. Поверь, то, что между нами было у меня дома, — не каприз и не случайный эпизод. Я сумела позже доказать тебе это. Но не о том сейчас речь. Раз ты читаешь мое письмо — все получилось.

Та, кто его передала, в состоянии тебе помочь. Когда придет время — покажи ей эту формулу. — Далее следовали две строки совершенно непонятных значков. — Она переправит тебя на Валгаллу, в ваш форт, буквально на следующий день после того, как вы его эвакуировали. Там я тебя найду и помогу вернуться. О том, что вы сделали на базе, и о том, что было позже, — не рассказывай ничего и никому. Если потребуется, я это сделаю сама. И, прошу, не ввязывайся больше ни в какие авантюры. С тебя станется. До встречи...»

Так.

Сюжетик продолжает развиваться. В нем появились варианты. Только кому верить, Антону или Сильвии? Задача.

— Вы это читали? — спросил он женщину напротив.

— Вы разве не видели — конверт не поврежден. — Леди Спенсер даже несколько обиделась предположением, что она может читать не ей адресованные письма.

— Откуда я знаю, что вы не сами его написали? — Это должно было выглядеть как Сашкина ошибка.

Лицо агтрианки приобрело сочувственное выражение:

— Вы действительно очень взволнованы. Как я могу знать обо всем этом?.. — Она встряхнула в воздухе листками, которые были адресованы ей. — Из тридцать восьмого года о подробностях личной биографии не советского наркома, а именно Александра Шульгина... Да вы сами прочтите. Тут все сказано правильно?

Шульгин бегом просмотрел второе письмо.

— Ну, извините. Я слишком хорошо знаю ваши приемы и методы. Потому и не исключал очередного фокуса. Вплоть до того, что вы и она — одно лицо. Перемещенное сюда аналогичным способом...

— Ну, что вы. Это абсолютно невозможно. И я действительно не знаю, как вас переубедить.

— Есть единственный способ. Возвратить меня в собственное тело. И не говорите, что это невозможно...

— Но я действительно пока не знаю, как это сделать. Предположим, соответствующая аппаратура у меня есть. Но укажите мне ваше подлинное тело, тогда мы попробуем...

«Что-то здесь не так, — подумал Сашка. — Они теперь, выходит, играют за разные команды? Неужели мы там у себя и ее перевербовали, как Ирку? Почему «моя» Сильвия пишет, что формулу показать «этой», только «когда придет время», а не сейчас?

И что значит — «не ввязывайся»? Она имеет в виду Антона или свою копию? Действительно, лучше не спешить и во всем разобраться как следует...»

А Сильвия продолжала:

— Поймите меня правильно, Александр Иванович. Мы оба с вами сейчас в абсолютно тупиковом положении. Я не

хочу кривить душой и обещать то, чего не смогу исполнить. По крайней мере — сейчас. Я не знаю, что происходило между вами, другой Сильвией и моими... коллегами там, в будущем времени. Вы это знаете. Знаете и многое другое. Поэтому нам остается только заключить джентльменское соглашение. Вы поможете нам сейчас, поскольку то дело, которое делает здесь Лихарев, действительно не терпит отлагательств. А я, в свою очередь, сделаю все, чтобы помочь вам. Мои слова вас убеждают?

Шульгин молчал. А что он мог ответить? Формулу возврата на Валгаллу следует пока поберечь. Вдруг да и пригодится? Запасной парашют.

Ему вдруг страшно захотелось вновь увидеть свой терем на далекой планете, сложенный из бледно-золотистых бревен, частокол, мачтовые сосны, обрыв, Большую реку...

Форт, откуда он ушел, до последнего отстреливаясь из «ПК» от агтрианских бронеходов.

— Ну а какие же будут гарантии? — спросил он, демонстративно пряча в карман пистолет.

— Ведь вы все просчитали и взвесили, Александр Иванович, не так ли? Если вас что-то способно убедить — скажите, мы все сделаем...

— Хорошо, я вам скажу. Немного позже. Раз игра затевается по-крупному, обманывать по мелочам вы вряд ли станете. Сегодня я схожу к Сталину в гости. Завтра вы придумаете, как обеспечить спокойное будущее семьи Шестакова, когда и куда их переправить. А послезавтра мы встретимся у вас в Лондоне и еще раз поищем устраивающие всех варианты...

...Сильвия исчезла. Пошел следующий эпизод никогда с ним не происходившего, но выглядящего чертовски реально.

...Шульгин вышел на кухню все в той же квартире, вскипятил себе чай, нашел в холодильнике лимон и коньяк, поставил на заграничный электропроигрыватель пластинку с записью нью-орлеанского джаза, растянулся на диване, раздевшись до исподнего.

В любом случае недурно.

Тепло, тихо, одиноко, и за окнами, похоже, опять начина-

ется серьезная метель. Довоенные годы в этом смысле куда лучше гнилых семидесятых, когда уже и в Подмоскowie январь — февраль настолько слякотные и оттепельные, что ни катков не заливают, ни на лыжах толком не покатаешься...

Пока не появился Антон, можно не спеша разобраться в положении дел. Который уж день приходится действовать в состоянии острого цейтнота, так хоть сейчас никто не гонит.

Для начала он исчеркал графиками и схемами несколько листов бумаги, пытаясь уяснить для себя суть и смысл временных парадоксов, с которыми в очередной раз столкнулся. Кое-что из начал хронофизики он прихватил у Левашова, не раз беседовал с Ириной, Антон, не всегда добровольно, тоже выбалтывал интересные фактики. Но системы в знаниях Александра было не больше, чем у описанного Паустовским наборщика провинциальной типографии.

«Его чудовищная эрудиция сочеталась со столь же чудовищным невежеством».

Шульгин изобразил жирной стрелой так называемую «Главную последовательность», на которой прожил свою первую, «настоящую» жизнь и на которой, очевидно, находился и до сих пор, только почти на полвека раньше. По крайней мере, ни один факт нынешней жизни, известный ему, и вся память Шестакова не давали оснований усомниться, что до 7 января эта реальность была той самой.

Он отметил крестиком 1941 год, откуда, очевидно, началась новая историческая линия вследствие деятельности Новикова и Берестина.

О ней не известно ничего, она, истинная или мнимая, уходит за пределы листа и никакого отношения к его сегодняшним заботам не имеет.

Гораздо важнее другая, начинающаяся в 1920 году. Туда, если верить «Сильвии-84», они все переместились из Замка, после того, как он все-таки выполнил поручение Антона.

Где, оказывается, они с леди Спенсер простили друг другу взаимные обиды и стали «близкими друзьями».

Само по себе это вполне вероятно и даже приятно. Женщина она эффектная и в постели себя ведет выше всяческих похвал. Другой вопрос — насколько ее записке можно верить?

Но, пожалуй, придется. Потому что другого выхода просто нет.

Значит — что мы сейчас имеем? «Сильвия-84», оказавшись в двадцатом году, проигравшая все и перешедшая на сторону победителей (интересно, какие в этом случае у нее сложились отношения с Ириной?), находит способ переместиться отсюда на Валгаллу (с помощью установки Левашова, при технической поддержке Антона или самостоятельно). Что, кстати, по словам того же Антона, практически невозможно.

Но — переместилась. Очевидно, во временную точку, непосредственно предшествующую их рейду на Главную базу. Позже — вряд ли, поскольку, когда информационная бомба взорвалась, аггры исчезли из Реальности вообще.

Причем явилась она туда, зная будущее, которого еще не знают ее хозяева.

Сумела получить информацию о «собственном» запросе по поводу его, Шульгина, матрицы, сохранившейся в мозгу Шестакова. Вернулась к началу все той же «Главной последовательности» и отправила письмо самой себе.

Пока все логично, хотя голова немного идет кругом. В том числе и потому, что он еще не знает о событиях, в которых уже участвовал его двойник.

Шульгин решил, что от мировоззренческих вопросов лучше пока отстраниться. До выяснения...

Продолжил теоретический анализ ситуации, от которого зависело не только его будущее.

В позиции буриданова осла ловить нечего, нужен определенный выбор.

Значит, остановимся на варианте, при котором «Сильвия-84/20» заслуживает доверия. Соответственно — и нынешняя тоже. Но не следует при этом забывать и завета мудреца: «Люби ближнего своего, но не давайся ему в обман».

Размышляя обо всем этом, Шульгин не заметил, как снова попал под влияние подспудно тревожившей его мысли. Вроде бы чисто теоретический анализ обстановки все больше определялся страхом предстоящего.

Никуда он не ушел от мыслей о том, что будет означать его «возвращение в себя». И с каждым часом тревога нарастала.

Как у человека, ожидающего плановой операции под общим наркозом.

Именно под общим. Местный наркоз не страшен совсем. Больно будет или не очень — перетерпим.

А общий... Как бы плохо ты себя ни чувствовал перед операцией, но ты все-таки жив и полностью себя осознаешь, можешь еще сам решать свою судьбу. А потом врач капает на маску эфиром или вводит препарат в вену — и все. Проснешься ты потом или нет — никто сказать не может. Умрешь — и даже не узнаешь об этом...

Шульгин сам был врачом, знал, как оно случается.

То же самое и сейчас. Трусом он себя никогда не считал, смертельный риск его скорее возбуждал, наполнял удесятеленным ощущением радости бытия, но есть риск — и риск. Попытаться проскочить на мотоцикле по переброшенному через пропасть бревну — это одно, а крутануть барабан револьвера в «русской рулетке» — совсем другого плана забава.

И как смертельно больной перед пересадкой сердца или почек одновременно хочет, чтобы все скорее кончилось, и надеется в душе, что операцию отложат, на день, два, неделю, так Сашка, пока еще неосознанно, стремился оттянуть свое возвращение в собственное тело.

Примерно через час после ухода Лихарева капсула в ухе Шульгина вновь ожила.

— Твой компаньон сейчас приступил к веселью в хорошей компании. Часа четыре минимум у нас есть.

— Он действительно развлекаться поехал? Я, честно говоря, думал, что это какой-то финт.

— Напрасно. Ничто человеческое ему не чуждо. Как и Сильвии, в чем ты убедился, да и Ирина ваша отнюдь не монашествовала. Работа работой, а в остальном они себе в радостях жизни не отказывают. Я сейчас постараюсь аккуратно снять защиту и заблокировать системы слежения. Нам лучше поговорить с глазу на глаз, согласен?

— Тебе виднее...

Шульгин в очередной раз убедился в техническом превосходстве форзейлей над агтрами. Вроде бы и у тех, и у других аппаратура настолько несоизмерима с земной, что не человеку судить, а тем не менее... Разница, как между фордовской

кареткой модели «Т» 1915 года и современным «Мерседесом».

Вот и сейчас — никаких агтрианских «окон», окруженных светящимися рамками, и внепространственных тоннелей. Просто вдруг бесшумно исчезла стена напротив дивана. Шульгин увидел угол знакомого кабинета, колеблющиеся кремовые шторы и самого Антона, сидящего в простом деревянном кресле у раскрытого на океан окна.

И никакого «шва» или видимой границы между мирами.

Встань и шагни туда, в Замок, с которым связано столько романтических и приятных воспоминаний. Шагни — и закончатся все твои проблемы.

Даже сердце слегка защемило, когда представил...

— Барьер пересекать не пробуй. — Антон словно угадал мелькнувшее у Сашки желание. — Иначе могут быть последствия... Грубо говоря, «пробки вышибет».

— Раньше ведь ходили... — слегка растерянно ответил Сашка. — Сколько раз, и туда, и обратно.

— Так, против временного потока с некомпенсированной массой — не ходили. Когда Воронцов в прошлое отправлялся, здесь... как бы это выразиться... оставался адекватный объем ранее занятого им пространства-времени. Такой эфирный слепок. В него он и возвращался, энергия требовалась только на механическое перемещение объекта, грубо говоря. А Шестакова в нашем мире не было, то есть твое тело сейчас фактически — около сотни килограммов антиматерии. Нейтрализовать ее мне нечем. Хорошо, что уходить ты будешь в виде информационного пакета. Но это все теория. Поговорим о практике.

Антон изложил ему, какие именно надежды он возлагает на Шульгина сейчас, что ему следует сделать до того, как он вернется к самому себе¹.

— Понятно, — покивал головой Сашка. — Но у меня случайно и другие предложения есть. Вот, посмотри... — Он протянул записку Сильвии.

— Чрезвычайно интересно... — Шульгин отметил, что

¹ См. роман «Бои местного значения».

форзейля идея перехода на Валгаллу чем-то заинтересовала. — Ты «ей» это показывал?

— А зачем?

— Молодец. Пока не знаю, но мало ли... Вдруг пригодится. Тебе, тебе, не мне. Я на Валгаллу не собираюсь, а вот ты... Чем не запасной вариант? У тебя формула, у нее — аппаратура. Ей придется все время изобретать доводы, по которым она пока не может тебя отправить. Вот-вот, мол, не сегодня завтра... А человек, которому приходится юлить и врать, неминуемо будет совершать ошибки... Потом я тебя «эвакуирую», вставлю Шестакову новую программу, а она все еще будет считать...

И тут Шульгин выбросил на стол свой козырь. Плод кратковременных, но мучительных размышлений, шанс отсрочить так пугающее его «развоплощение» и одновременно посмотреть, что получится в результате столь эффектного вмешательства в историю и геополитику. Уйти никогда не поздно, но отчего бы вдобавок еще и не хлопнуть громко дверью?

Шульгин вновь стал самим собой, приняв решение, и страх его бесследно исчез, вместо уныния и тревоги появился азарт предстоящей борьбы и жадный интерес к тому, что ждет его за поворотом...

В конце-то концов, все, что он сейчас придумал, в нравственном смысле можно рассматривать всего лишь как упражнение на берестинском военно-компьютерном тренажере. И только...

— А что, если сделать все совсем наоборот? Они будут уверены, что я ушел, а я останусь?

— То есть как? — не сразу сообразил Антон.

— Да очень просто. Зачем нам женщину напрягать, терзать ее неразрешимыми проблемами: отпустить—оставить—отпустить... Мне помнится, с помощью их универблока можно на Валгаллу проход организовать?

— Одним блоком вряд ли. А если блок плюс «шар» — наверняка можно. Тем более твоя формула перехода на такую схему и рассчитана. Что ты опять задумал? — Форзейль не мог сам догадаться о замысле Шульгина, и это его злило, опять

подчеркивало превосходство землянина в способности к нестандартному мышлению.

— Да пустячок один. Надоело мне, понимаешь, с пришельцами беспрестанно торговаться. То с тобой, то с ней, то снова с тобой... Вот я и подумал — чего же проще, взять и прямо сейчас симитировать мое бегство. Наладим систему, введем в нее нужные команды... Валентин в кабак пошел, с девками, и портсигар в сейф сунул. Я видел. Открыть — раз плюнуть. Наладим все, записочку оставим: мол, адью, ребята, извините за внимание, а я пошел. Оставляю вам наркома Шестакова, готового к любому применению...

— Лихо! — не скрыл смешанного с удивлением восхищения Антон. — А как же?..

— А это уж твоя забота. Сделать так, чтобы и матрицу в этой вот голове, — для наглядности Сашка ткнул себе в лоб пальцем, — их аппаратура больше не фиксировала, и характеристики переноса массы Шестакова туда и обратно ихний «шар» подтвердил. Неплохо бы и мои сапоги в свежей земле испачкать, и чтобы травинка, зеленая, сочная, к подошве прилипла. Деталь, штрих — но какой! В Москве январь и пурга, а тут — летняя травиночка... Еще раз убедятся, какой я был крутой, глядишь, свечку в Елоховском поставят, что от меня избавились. И с Шестаковым будут держаться куда беззаботнее, и вообще... Так сумеешь или нет?

— Думаю, что сумею. Но ты иезуит, однако!

— Все, что могу лично...

Антон совершенно человеческим жестом почесал нос.

— Допустим, мы все сделаем. Только я не пойму другого — зачем тебе это?

— Не обольщайся, не ради торжества форзейльского дела. Просто так. Поразвлечься охота. Посмотреть, как все повернется. Агтрам нос натянуть. Мысль-то классная — все считают, что перед ними какой-то Шестаков, а в натуре — я! Интереснейшая ведь коллизия, согласись.

Похоже, Антона Сашкина затея поставила в тупик. Теперь уже ему предстояло терзаться мыслью, кому на самом деле принадлежит сей замысел. Самому ли Шульгину, перевербовавшему его агтрам или Держателям Мира?

— Ну, что же, Саша. Пожалуй, это в самом деле интерес-

но. Только я не готов тебе ответить так сразу. Подумать надо, просчитать...

И вот сейчас Шульгин испытал настоящее удовлетворение. Затея явно удалась. Один лишь ход конем — и под боем сразу ферзь и две ладьи. Причем без малейшего риска. Или, что тоже неплохо, — карамболь от трех бортов в середину.

— Подумай, братец, подумай. И просчитай, — сказал он с непроницаемым покерным лицом. — Надеюсь, успеешь до возвращения товарища Лихарева. Засим — честь имею кланяться...

И когда Антон исчез, Шульгин снова прошел на кухню, заварил чашку крепчайшего кофе. Опершись на подоконник, погрузился в созерцание закрывшего даже ближнюю перспективу снегопада.

Идут белые снега,
Как по нитке скользя...
Жить и жить бы на свете,
Да, наверно, нельзя.

Идут белые снега...
И я тоже уйду.
Не печалюсь о смерти
И бессмертья не жду.

Идут снега большие,
Аж до боли светлы,
И мои, и чужие
Заметая следы...

«Черт его знает. Жить все-таки хочется. Пусть и в чужом теле. А если совсем неважноту станет, этим же путем всерьез воспользуюсь. До этого ни Антон, ни Лихарев не додумаются. Вторая логическая. Отчего-то она пришьельцам не по зубам... Дерну на Валгаллу, ребят отыщу... А нет — Робинзоном заделаюсь. Все равно хорошо. Но главное, господа, война продолжается...»

И — снова ослепительная вспышка боли, ощущение вплотную подступившей смерти. И темнота.

ГЛАВА 12

Шульгин на каменной лежанке приподнялся с крепко пахнущего затхлой сыростью холодного одеяла, сел, потер ладонью тупо ноющий лоб.

«Ни хрена себе, хохмочки с яйцами...» — неизвестно отчего пробормотал он фразу из старого анекдота.

Эффект попытки выхода в астрал превзошел все ожидания.

Прямой связи ни с Антоном, присутствие которого за спиной наркома Шестакова он только что ощущал, ни с Держателями Мира не получилось, зато Шульгин теперь удивительно отчетливо и подробно знал все, что случилось с ним самим, вернее, с его дубликатом за время, проведенное в теле наркома зимой 1938 года.

Вопрос только один возник у Шульгина — а действительно ли все так и было? Ему ведь уже приходилось задумываться, фантазировать на тему, а что же именно случилось с наркомом дальше, после того, как Сильвия выдернула Сашкину личность из его тела? Столь подробно он, конечно, этот вопрос не прорабатывал, недосуг было, но кое в чем его фантазии совпадали со вновь обретенным знанием.

Самое главное — нет абсолютно никакой возможности убедиться в правдивости или ложности предложенного ему варианта.

Что из того, что воспоминания четки и тщательно детализированы. Давно известно, предела достоверности наводимых инопланетянами галлюцинаций нет. Шульгин и сам в этом убеждался, и опыт Воронцова говорит о том же. Как лихо, используя его воспоминания, Антон в Замке сумел смоделировать личность Наташи...

Вот и сейчас — ну что ты будешь делать?

Селигерские места изображены весьма достоверно, так он несколько лет подряд там бывал, хотя и на 30 лет позже.

Город Кольчугино с поправкой на тот же срок — аналогично. В начале 70-х годов там оставалось достаточно реальных

★
прошлого, и вообразить город в довоенном варианте ничего не стоило бы.

Киношные режиссеры это делают постоянно.

Несколько более тонко выглядит воспоминание Шестакова о непонятной ему интрижке с докторшей на практике в пятигорском санатории. Этот факт, как говорится, имел место, и целых полтора месяца он от души наслаждался связью с умелой и страстной женщиной, на целых пять лет старше его. Тогда это казалось огромной разницей, почему и не имело продолжения.

А иначе бы он, пожалуй, и женился бы на Людмиле, по всем прочим параметрам она его устраивала.

И распределился бы он тогда в Пятигорск, а не в Хабаровский край, и вся жизнь пошла бы совершенно иначе...

Но сейчас дело совсем не в этом. Настоящая, добротная наведенная галлюцинация и должна изобиловать такими тонкими, изящно продуманными деталями.

Но даже если все «вспомнившееся» — правда, так все и случилось с наркомом, руководимым его «альтер эго», в достопамятном тридцать восьмом году — что из того?

Ну, получил он в подарок воспоминание о параллельно прожитых месяцах, ознакомился с очередным вариантом реальности, который начал возникать после его вмешательства в жизнь Шестакова, Ежова, Заковского, Сталина, Лихарева etc.

Что из этого? Зачем ему это сейчас?

Мельком проскочила мысль: ну, если все правда, то что же в таком случае происходит сейчас с наркомом и его собственным дубликатом? Снята ли матрица с мозга Шестакова полностью или дурная бесконечность продолжается?

Что, если воспоминания к нему вернулись, а матрица так и осталась на месте и Шульгин № 2 продолжает свое существование в сталинском СССР?

Ведь то, что рекомендовала сделать Сильвия для возвращения к себе, и то, что обсуждали они с Антоном, так и не сделано. Значит...

И тут же эта мысль исчезла, отогнанная другой, показавшейся ему куда более важной.

Сильвия — вот ключ ко всему. Достаточно только добиться от нее ответа — посылала ли она письмо сама себе?

И если вдруг да? Что это меняет, кроме подтверждения подлинности воспоминаний о не им прожитом отрезке жизни? А пусть даже и им, какая разница? Чем ему может оказаться полезным такое знание?

Шульгин, чтобы подстегнуть мозг, чиркнул спичкой, излишне жадно, что говорило о том, что он все-таки нервничает, раскурил предпоследнюю сигару.

Крепкий ароматный дым сразу его успокоил, хотя вообще курение в полной темноте доставляет намного меньше удовольствия. Всего лишь не видишь дыма, а эффект совсем другой.

Поразмышляем. То, что с момента их вмешательства в Гражданскую войну сформировалась очередная реальность, — очевидно. Что в момент возникновения бифуркации какое-то время существовали обе реальности одновременно и между ними была возможна физическая связь — до сего момента было не очевидно, но вполне допустимо.

Что тут такого необычного по сравнению со всем остальным?

Но!

Зачем ему именно сейчас дано такое знание? Кому-то и зачем-то нужно, чтобы он знал о такой возможности, сделал неизвестные пока выводы и что-то предпринял?

Или все проще: его попытка выхода в астрал совершенно случайно установила связь между наиболее близкими, в унисон настроенными структурами, сиречь двумя экземплярами одного и того же мозга.

Тогда полученное знание бесполезно, искать в случившемся некий высший смысл незачем.

И в то же время Шульгин чувствовал, что с ним происходит нечто от его воли не зависящее.

В мозгу словно запустился какой-то процесс внутреннего переустройства.

Сашка во время работы в своем НИИ высшей психической деятельности одно время ставил на себе эксперименты с разными нейрорептиками и галлюциногенами. Сейчас происходило нечто подобное.

Будто активизировались одни зоны и приглушалась деятельность других, устанавливались новые, ранее латентные связи, менялся сам темп обработки информации, менялись структура и взаимоотношения между оперативной и долговременной памятью.

Более всего это напоминало действие точно рассчитанной дозы фенамина.

Частью сознания, которая у Шульгина и составляла ядро его личности, абсолютно не подверженного воздействию ни алкоголя, ни психотропных препаратов, Сашка с интересом наблюдал и оценивал происходящее.

Да, он начал размышлять о намеке на парадокс, возникающий в случае признания возможности связи между одновременно существующими реальностями. В принципе ничего особенно странного здесь нет. Изменения ведь не могут захватить весь мир одновременно. Картину можно представить себе по аналогии, скажем, с морским приливом или, даже лучше, с процессом наступления осени и зимы в стране от Ленинграда до Кавказа. С августа по ноябрь.

Вот когда пожелтеют и осыплются лиственные леса в предгорьях и устойчиво ляжет снег, только тогда можно сказать, что процесс завершился. А до того вполне можно слетать на выходные из холодной слякотной Москвы в Сочи и прихватить последний кусочек жаркого лета...

Так и тут.

Одним словом, война не окончена, пока не похоронен последний павший солдат.

И если так, то две реальности сосуществуют одновременно, может быть, еще и сейчас, плавно перетекая одна в другую.

Но интересно не только это.

Он физически ощущал, что мозг его работает все мощнее и стремительнее, словно набирающий обороты мотор.

Нет, даже не так.

Впечатление, будто до этого он летал на крошечном одномоторном самолетике и вдруг оказался за штурвалом истребителя с двумя реактивными турбинами.

Только двинь чуть-чуть сектор газа, и машина со свистом несет тебя в стратосферу...

И земля внизу стремительно превращается в подобие географической карты...

Шульгин вдруг увидел внутренним взором яркую, цветную, пульсирующую трехмерную конструкцию, висящую на бархатно-черном, тоже живом и пульсирующем фоне. И сразу же понял (или просто вспомнил), что изображает она как бы структурную формулу конгломерата реальностей, с которыми за последние два года приходилось иметь дело.

И обозначенную линиями, пунктирами, струящимися энергетическими жгутами полную карту их пространственных и межвременных перемещений.

Вот ось «Главной исторической последовательности», тянущаяся из глубины веков до сакраментального 1984 года.

Сдвоенная S-образная стрелка, обозначающая поход Берестина в 1968-й и возвращение оттуда.

Рядом туманное фиолетовое веретено — возникшая на два месяца псевдореальность, в которой Алексей чуть не сгинул, благополучно извлеченный оттуда совместными усилиями Левашова и Ирины.

Сбоку и сверху (хотя как поймешь, где в многомерном континууме верх, где низ?) призрачное бирюзовое образование, символизирующее находящуюся вне исторического пространства-времени планету Валгалла и лиловые как бы щупальца-стрелки, обозначающие многочисленные переходы туда и обратно из 84-го года, в период ее первой колонизации.

Там же особым цветом выделялась зона перехода Берестина и Новикова в 1941 год.

Где-то в районе засечки, обозначающей X век, но тоже вне Мировой линии, он увидел похожее на химическую структурную формулу образование — форзейлианский Замок... Одним словом, он видел и понимал теперь крайне наглядно, что, как и где с ними происходило.

И даже нашел, где и когда жил тот безымянный нищий, которого он заставил умереть. Ниневия, XIV век до Р.Х.

Самое же главное, представленная ему схема позволяла, как таблица Менделеева, не просто наглядно представить уже известное, но отыскивать и прогнозировать неведомые раньше закономерности, связи, процессы...

Например, вполне отчетливо обрисовался разноцветный перекрученный жгут, ответвившийся от «Главной исторической последовательности» еще в 1905 году.

О подобном он до сих пор не подозревал. Еще более интересным было то, что означенная реальность связывалась с нынешней несколькими перемычками — псевдоподиями... Вот здесь, как раз в нынешнем 1921 году, и в районе 1924-го, и дальше, дальше, вплоть до середины XXI века... После чего — странный клубящийся туман.

И много еще интересных и неожиданных подробностей. Запомнить бы все, сохранить в памяти, когда прервется контакт или закончится действие неизвестного галлюциногена.

Пока же Шульгин мог читать эту схему... Нет, скорее не как химик таблицу Менделеева, а как опытный офицер — топографическую карту.

Там, где обыкновенный штатский человек видит только бледные зеленые и голубые пятна, черные кольца горизонталей и неведь что обозначающие условные значки, глаз специалиста видит реальную местность, со всеми высотами и низинами, полевыми и шоссейными дорогами, рубежами, удобными для обороны, танкоопасными направлениями и обратными скатами, подходящими для размещения артиллерии на закрытых позициях.

А особенно если на эту карту еще и нанесена текущая обстановка. На своей стороне и на стороне противника...

Одновременно он с интересом отмечал (как бы со стороны), что не испытывает абсолютно никаких эмоций — исключительно голый рациональный ум действовал сейчас, анализируя предложенную ему картину и делая из увиденного своеобразные, более чем оригинальные выводы.

Так вот, выводы получались крайне интересные.

Опять же, как опытному оператору-генштабисту достаточно внимательно изучить три-четыре карты с нанесенными на них изменениями обстановки, чтобы с достаточной долей вероятности угадать замысел противника и возможное развитие событий, так и Шульгину сейчас стало понятно очень многое из происходящего.

Так, например, он видел (как — объяснить трудно), что Андрей Новиков на своем «Призраке» отнюдь не перемес-

тился, как предполагали, обычным образом из Эгейского моря в Индийский океан, но пребывает сейчас в будущем, лет за сто с лишним вперед, как раз на той линии, которая ответвилась от основной где-то в районе Русско-японской войны и первой русской революции.

И вдобавок начинал догадываться, что знает, каким образом он сам может пройти тем же путем и догнать Новикова, а главное, исчезнувшую вместе с ним из настоящего Анну.

Но сначала ему следовало бы повидаться с Сильвией.

Путь из катакомб на волю для него уже не был проблемой.

Он чувствовал, что сейчас достаточно просто встать и пойти, практически в любую сторону, и очень скоро он найдет выход.

Причем скорее всего — не в подвал дачи, а где-то поблизости от нее, возможно — на пустыре по ту сторону Приморского шоссе.

...Так оно и вышло. Не далее как через полчаса он выполз в узкую щель между выветренными пластами ракушечника, всего в полуверсте от знакомых строений.

На воле вечерело. Туман рассеялся, и ветер почти утих, зато температура упала ниже нуля, и покрытые инеем кусты и полыни казались причудливыми изделиями работы Фаберже.

Шульгин старательно дышал удивительно вкусным после подземной затхлости воздухом и подивился, как это партизаны без особого смысла и военной пользы ухитрялись сидеть в катакомбах годами.

Он не подвергал сомнению их героизм и, так сказать, «упертость», но практического смысла в них не видел.

Считай, три года строгого тюремного режима для нескольких сотен человек ради того, чтобы разбросать в городе десяток листовок и, в лучшем случае, взорвать несколько не имеющих военного значения тыловых складов почти безвредной румынской армии, — такого героизма и такой самоотверженности он не понимал.

Как вообще не понимал очень и очень многого в совет-

ской истории. Не подлинной, а предлагаемой для изучения и восхищения.

Время, по счастью, снаружи оказалось то же самое, ровно сутки спустя, не какой-нибудь сорок второй — сорок третий год, и Джо ждал его в условленном месте, не удивляясь долгому отсутствию хозяина и не сучая от безделья.

Шульгин выслушал краткий и толковый доклад о случившемся в его отсутствие. Ребята полковника-контрразведчика исполнили оговоренное даже с некоторым превышением. Или люди Славского оказали слишком уж серьезное сопротивление.

Короче, кое-кто в перестрелке был убит, и все они, мертвые и живые, включая сторожа, увезены в том же грузовике. Сама же дача отнюдь не разрушена и даже не разграблена. Все оставленные Шульгиным и Славским личные вещи хотя и носили следы поверхностного обыска, но пребывали на своих местах.

Обратный путь через подвал до места, где Шульгин оставил фон Мюкке и Славского, занял, как и в прошлый раз, не более десяти минут. Вернулись на дачу они тоже без всяких проблем.

Только вот больше Сашка не ощущал в своей черепной коробке сразу двух синхронно работающих мозгов нечеловеческой мощи. Память — да, осталась, но и не более.

Ему стало и грустно немного, и в то же время радостно. Он привык быть нормальным человеком. Умным, отчаянным, подчас эксцентричным, умеющим многое такое, что и не снилось нормальным обывателям, — но человеком. Пусть даже «кандидатом в Посвященные», но ведь пока лишь кандидатом...

Еще Шульгин чувствовал, что автором интриги была скорее всего дружелюбно настроенная к нему личность. Или — неодушевленное, но определенным образом мыслящее устройство.

Хотя замысел интриги оставался для него по-прежнему темен.

Дебютная идея гроссмейстера, способного мыслить на 15—20 ходов вперед, для всего лишь перворазрядника Сашки пока что выглядела непостижимой.

Поэтому он, по обычному своему практицизму, удивительным образом сочетающемуся с наплевательским отношением к далекой перспективе (не тревожся о дне грядущем, грядущий день сам позаботится о себе, каждому дню достанет своей заботы), решил отложить стратегические проблемы хотя бы до завтра, а сегодня предаться отдыху, развлечениям и неторопливым беседам с новыми «друзьями».

Шульгин не без оснований предполагал, что время, на которое он оставил Славского и фон Мюкке наедине, партнеры использовали для соответствующих консультаций. На что он, кстати, и рассчитывал.

На кухне дачи Джо приготовил вполне приличный ужин из курицы, принадлежавшей сторожу, найденных в кладовке овощей и собственных припасов. Занавесив на всякий случай окна одеялами, поставили посередине стола семилинейную керосиновую лампу, разлили по стаканам чуть разбавленное невкусной, излишне минерализованной колодезной водой виски.

Вечер получился тем более приятный, что капитан начал уже понемногу передвигаться, пока еще держась руками за стены, спинки стульев и прочие подходящие опоры.

Не договариваясь, они дружно решили не касаться могущих вызвать споры и разногласия вопросов, а сосредоточились на тайнах природы вообще и восточной медицины в частности.

Шульгин, вроде бы полностью «перетянув одеяло на себя», красочно и подробно рассказывал о своих встречах с первобытными целителями Африки, Центральной и Южной Америки и особенно Индии, Бирмы, Сиам и Кохинхины. Кроме некоторого собственного опыта, Сашка почти дословно цитировал целые главы из книги «Свидетель колдовства» и ефремовского «Лезвия бритвы».

Чем и выгодна позиция пришельца из будущего — всегда можно выдать известные любому развитому десятикласснику вещи за глубочайшие откровения.

К концу беседы Шульгину все уже было ясно.

Расчувствовавшись по поводу очередного чудесного спасения, под воздействием выпитого виски и растормаживающей голубой таблетки Славский наконец признался, что до

последнего момента испытывал в отношении сэра Ричарда серьезные сомнения.

Наученный горьким опытом, он привык считать любого нового человека, внезапно завязывающего с ним знакомство, возможным неприятельским агентом.

— А после мировой войны нравы настолько упали, что вполне приличные люди не брезгают шпионажем. Раньше такого не было. Даже офицеры Генштаба, занимающиеся агентурной разведкой по должности, считались не вполне комильфо. Ненамного лучше жандармов... — сообщил Станислав Викентьевич, расслабленно улыбаясь.

— И на кого же я мог, по вашему впечатлению, работать?

Славский, в котором голубая таблетка разбудила какие-то глубинные качества личности, внезапно посерьезнел.

— Сэр Мэллони, давайте поговорим, как полагается белым людям...

Шульгин совершенно не ожидал, что его тщательно сбалансированный психотропный препарат произведет на господина Славского подобное действие. Но, очевидно, суть его натуры была именно такова...

Подобно свободомыслящему интеллигенту 60-х годов, он вдруг «отвязался».

И начал рассказывать, причем очень близко к истине, известной Шульгину, о крайне неприятной организации, именуемой «Круглым столом», ставящей своей целью если и не захват всех ключевых позиций в политике и бизнесе, с последующим созданием тайного «мирового правительства», то нечто весьма к этому близкое.

— Нет, вы не можете до конца этого понять, Ричард! — Лицо и голос Славского выражали прямо-таки страдание уязвленного в своих высших побуждениях человека. — Для чего мы сражались столетия подряд, отвоевывали территории, цивилизовали туземцев, сражались не за барыши ведь, за идею, какой бы она ни была?!

Киплинг — «Несите бремя белых».

— Ермак, Ермолов, Сессиль Родс, Скобелев, Черняев, князь Барятинский — все они создавали империи, которые служили благу цивилизации. А что нам хотят навязать взамен? Протоколы сионских мудрецов? Американизм в фари-

сейской трактовке Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона? Я не знаю ваших идейных принципов, дорогой Ричард, я просто надеюсь, что такой человек, как вы, никогда не согласится, чтобы вами помыкали неизвестно откуда взявшиеся люди, желающие доказать, что то, что хорошо для банка «Соломон Бразерс», хорошо и для человечества.

Пафос Славского был Шульгину совершенно понятен, особенно в свете грядущих десятилетий истории.

Да, для истинного британца исходная позиция правильна.

Пусть говорит дальше. Сашка плеснул еще по пятьдесят граммов в стаканы.

— А война? Кому нужна была мировая война? Что делили Англия, Германия, Россия? О Франции я не говорю, у тех отрыжка 1871 года...

— Короче можете, Станислав? — мягко спросил Шульгин.

Сейчас ему вдруг показалось, что Славский и вправду может быть этническим русским или поляком российского подданства. Как Джозеф Конрад. Слишком не британский запал руководил им сейчас. Тут и голубая таблетка не объясняет всего.

— Нет, Ричард, не мешайте мне. Хочу высказать все. Чтобы вы поняли. На наш мир надвигается враг. Коварный, жестокий, почти всесильный. Или — воображающий, что он всесильный. Вы молодец, вы помогли нам в самый сложный момент. Помогите же и дальше...

И потом, нервно затягиваясь трещащей папиросой, стал объяснять именно то, что Шульгин знал и раньше, интересуясь делами «Хантер клуба».

Честно сказать, до последнего он предполагал, что Славский вместе с фон Мюкке как раз на них и работают. Теперь выходило, что нет.

— На чьей же тогда стороне вы, Станислав? Красной контрразведки, белой или?..

— Именно что «или». На стороне тех, кто не желает допустить перехода власти в руки «мировой закулисы». Московские же большевики к ней очень близки. Еще с времен восстания 1905 года, если не раньше.

— А белые?

— В отношении их я тоже испытываю сильные сомнения. Говорят, что все, от великих князей до Керенского, Гучкова и Милюкова, принадлежали к масонам, а это почти одного поля ягоды... А вот в вас я увидел настоящего человека. Человека принципов, чуждого новомодных, крайне неприятных веяний. Наверное, такие люди сохранились лишь на окраинах империи.

Я очень внимательно за вами наблюдал, иногда даже провоцировал некоторые ситуации, чтобы посмотреть, как вы себя поведете. Естественно, я все время опасаюсь ответных действий врага, жду, что он попытается внедрить свою агентуру в мое ближайшее окружение. Не может быть, чтобы мне долго удавалось оставаться нерасшифрованным. Так не бывает. Предатели всегда найдутся, даже на самом верху. Дело лишь в темпе. Нам нужно все время опережать врага, хотя бы на шаг. И без помощников я не могу обходиться. Мне нужны десятки, сотни надежных людей. А уж такие бойцы, как вы, — предел мечтаний! Поэтому я и не поверил своей удаче. Ну, посудите сами — это почти то же самое, как если бы приехать на Аляску и в первый же день споткнуться на улице о самородок в двадцать фунтов весом.

— Спасибо, вы мне весьма льстите, — усмехнулся Шульгин.

— Но все обстоит именно так. Вы меня поразили уже при встрече в гостинице...

— Причем — в буквальном смысле, — съязвил Сашка.

— Вот именно. Потом — на шхуне. Ну и так далее... А еще и ваш слуга! Два супермена сразу — разве их можно встретить случайно?

— Но и для «Системы» подводить к вам сразу двух суперменов, да еще так грубо, разве логично? Я человек простой, но и то удивился бы. Зачем для уличной драки нанимать чемпиона мира по боксу?

— Вы так оцениваете нашу борьбу? — удивился Славский.

— Не обижайтесь, но так. Я знаю себе цену, жизнь отучила от излишней скромности, поэтому могу сказать определен-

но: людей моего класса завербовать на роль мелкого шпика... Денег не хватит и у Ротшильда. Вот если я увижу в деле настоящий интерес, тогда да.

— Я подумал примерно так же. Когда понаблюдал за вами. Я ведь тоже разведчик не из последних. Если хотите знать, процентов на тридцать (я не преувеличиваю и не преуменьшаю) события российской истории семнадцатого-девятнадцатого годов определялись мной...

И тут Сашку осенило. Он понял, с кем имеет дело. Мгновенно сопоставил массу ранее известных фактов, наложил их на стиль работы Славского, его странное национальное происхождение, характер — и понял.

Не кто иной, как майор Сидней Рейли сидел перед ним. Но назвать его по имени было бы ошибкой.

А тот продолжал:

— Уже в катакомбах я понял, что следует вам открыться и привлечь на свою сторону. Не завербовать, упаси бог! Аристократов не вербуют, их убеждают. Если вы согласитесь пусть и не присоединиться к нам окончательно, то хотя бы помогать нам в меру сил, сохраняя строжайшую тайну... Не ругаюсь за окончательный успех, но мы можем дать миру шанс.

— Такое слово я могу дать без ущерба для своих принципов. Никто еще не говорил, что члены клана Мэллони способны нарушить свое слово! — произнес Шульгин с некоторым металлом в голосе.

— Вот и отлично. Вашего слова достаточно. Но я не договаривал. Начав помогать нам, вы можете быть спокойны за свое благосостояние. Названные вами суммы и даже гораздо большие вы сможете получать регулярно. Я в данный момент — сотрудник Интеллидженс сервис, уважаемый капитан — тоже, но одновременно он представляет ушедший после Версаля в подполье германский Генеральный штаб...

— Удивительно, русский и немец вербуют меня, британского аристократа, в сотрудники разведки моей собственной метрополии...

— Жизнь изобилует парадоксами, — философически заметил фон Мюкке. — Ради спасения самих устоев европейской цивилизации и национального суверенитета наших фа-

терляндов можно поступиться некоторыми историческими заблуждениями, с течением времени превратившимися в аксиомы.

— Весьма тонкая мысль, — одобрил Шульгин. — И большевизм, и ваш так называемый «Круглый стол» не вызывают у меня сочувствия. Так что можете на меня рассчитывать. В пределах разумного, конечно. Сражаться за вас с оружием в руках я больше не собираюсь.

— Тем более что нам сочувствуют весьма важные персоны в правительствах и национально ориентированный крупный капитал... И еще, — продолжал откровенничать Славский, — на меня возложена куда более сложная и масштабная миссия. Вы знаете о так называемом сионизме?

— Слышал. Теодор Герцль, Всемирный конгресс, создание национального очага...

— Все-то вы знаете, Ричард. Поистине незаменимый в наших делах человек. Так вот. У очень умных людей возникла идея. Почему бы и нет?

Если дать им этот самый очаг, наладить массовую репатриацию туда евреев со всего мира, так, может быть, они станут наконец настоящим народом, посвятят себя нормальным вещам — строительству, сельскому хозяйству, работе на заводах, заведут себе армию и флот... И перестанут наконец мешать нормальным людям в собственных государствах жить так, как они хотят... И провоцировать антисемитизм, от которого сами же потом страдают.

Шульгин не стал сдерживаться, рассмеялся.

— Что такое? — не понял Славский.

— Совершенно ничего. Идея крайне остроумная. Просто я представил, как это будет выглядеть. Целая страна, в которой абсолютно все жители — евреи. Все — и банкиры, и полицейские, и воры, и солдаты, и нищие, даже проститутки и сутенеры — сплошь евреи...

Видимо, теория теорией, а когда представишь ее наглядно... Фон Мюкке и Славский переглянулись и тоже захохотали...

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

По-прежнему неизвестно, где и когда

На палубу я поднялся, по моим расчетам, минут за десять до восхода солнца, рассчитывая в полной мере насладиться феерической картиной наступления утра в тропиках.

Впрочем, ожидания мои были обмануты, если, открыв глаза в заполнявшем каюту сероватом полумраке, я подумал, что просто еще слишком рано и, пока я побреюсь и умоюсь, солнце как раз и подтянется к горизонту. Еще по Никарагуа я помнил, что и ночь, и день в тропиках наступают почти мгновенно.

Однако, поднявшись наверх, я убедился, что надежды мои тщетны. Плотная низкая облачность простиралась от края до края свинцово отсвечивающего океана. Яхта находилась словно бы в центре заполненной лишенным полутонов, унылым светом полусферы. Примерно на километр еще различались гребни невысоких волн, а дальше вода и небо неразлично сливались воедино. Будто не в Индийском океане мы находились, а в северных областях России, где-нибудь на Онеге или Ладоге.

Надо бы заглянуть в лоцию, характерна ли такая погода для этих широт и в это время и чего следует ожидать. Кто его знает, может, мы попали как раз в период муссонных дождей и до самого Таити обречены на туманы, сырость, шквалы и прочую экзотику.

Хорошо хоть ветерок подходящий, паруса ловят бриз, дующий, как мне кажется, от африканского берега, и кильватерная струя показывает, что ход «Призрак» имеет никак не меньше десяти узлов.

Господи, да бог с ней, с погодой. Неужели я все-таки дожил и до этого? Я повидал в свое время и Карибское море, и Мексиканский залив, даже выходил, подобно героям Хемингуэя, на большую рыбалку, но все это совершенно не то. Непонятно, в чем дело, но прибрежные воды отличаются от середины океана, как... Ну, допустим, как опушка подмосковного соснового леса от зауральской тайги. Вроде бы и деревья

одинаковые, и кругозор ограничен тем же количеством метров, однако самочувствие совершенно другое...

Капитан Ларсен деликатно ждал на противоположном крыле мостика окончания моей медитации, чтобы подойти с докладом. Тем более что за ночь явно ничего неожиданного не случилось, а подъем флага назначен только на восемь ноль-ноль.

Вообще-то на частном прогулочном судне эта церемония не производится, однако я хорошо помнил один из постулатов, на котором Воронцов воспитывал своих роботов: «Если в восемь ноль-ноль флаг не будет поднят, в восемь ноль-одну минуту наступит конец света».

Боюсь, что андройды восприняли это буквально.

— Ну что, — наконец обратился я к капитану, — доклады-вайте. Покажите наше место. Много ли за ночь прошли? Не попался ли навстречу «Летучий голландец»? «Дер флигенде холлендер», так сказать...

Понимание юмора в данный момент не входило в функцию капитана. Без нормальных человеческих эмоций, которые неизбежно присутствовали бы даже у самого хладнокровного шкипера, Ларсен доложил, что ввиду состояния атмосферы астрономических наблюдений произвести не удалось и в ближайшее время вряд ли удастся. Можно основываться только на показаниях компаса, лага и анемометра. От координатной точки, в которой яхта оказалась в момент перехода, «Призрак» прошел заранее намеченным курсом шестьдесят миль и сейчас находится ориентировочно вот здесь...

Я не большой знаток мореходной астрономии, но кое-что в этом деле понимал, не зря обучался основам штурманского дела последние полгода.

Ларсен же был в данной своей «реинкарнации» штурманом наивысшей квалификации, да и Воронцов с Левашовым тщательно рассчитали все элементы и параметры перехода.

Прошлый раз, кстати, они вывели «Валгаллу» от побережья Северной Америки к району Гибралтара с прецизионной точностью, несмотря на то что при этом еще имело место перемещение во времени почти на тысячу лет вперед. И вчера

Дмитрий передал по факсу в последний момент лист карты с обозначением места, куда они нас переправляют.

В точку с координатами 6 градусов южной широты и 51 градус восточной долготы. Это приблизительно на середине расстояния между Сейшельскими островами и мысом Амбр — северной оконечностью Мадагаскара.

— Поэтому, не имея возможности провести определение места по методу линий равных высот для трех и более звезд, я счел наиболее безопасным до полного выяснения обстановки проложить курс на зюйд-ост, включить радиолокатор и дополнительно выставить на бак вперёдсмотрящего, — продолжал доклад Ларсен. — Даже если в ближайшее время не удастся провести обсервацию, единственная земля при сохранении данного курса и скорости — западный берег Австралии — откроется не раньше чем через десять суток.

— Решение правильное, — кивнул я с умным видом. А что тут еще скажешь? Плыдем и плывем, «как аргонавты в старину». Радиомаяков в этом мире пока нет. Системы спутниковой навигации тоже. Но и судьба «Титаника» нам не грозит — локатор засечет любое препятствие минимум за десять миль, времени на маневр расхождения хватит, а в самом крайнем случае вахтенный робот без всякой оптики видит лучше, чем я в бинокль, а отвлечься и прозевать хоть риф, хоть перископ не способен в принципе. Так что можно жить спокойно и не забивать себе голову.

Однако для полного спокойствия я решил все же связаться с «Валгаллой». По правилам это нужно было сделать, узнать, как у них дела с англичанами закончились, и доложить о «благополучном прибытии». Но сначала меня отвлек инцидент с Анной, а потом, увидев Ирину, я не захотел отвлекаться на прозу жизни.

Со связью ничего не получилось. То есть мне не ответила не только «Валгалла». Молчали вообще все диапазоны длинных и коротких волн, на которых работали радиостанции Земли в это время. Один только треск грозowych разрядов, шорох и шелест эфира, иногда — протяжные тоскливые рулады супергенерации.

Странно, но тогда это меня не столько встревожило, как, наоборот, успокоило. Попали мы в какую-то зону непроходи-

мости радиоволн, ну и ладно. Через несколько часов все наладится...

Так мы и плыли себе навстречу невидимому солнцу по совершенно пустынному океану, не встречая ни парусников, ни пароходов. Да и неудивительно — курс наш проходил вдали от судоходных трасс. Линия Кейптаун — Фримантл лежала на полторы тысячи миль южнее, а Аден — Коломбо — Гонконг на столько же севернее.

Несколько раз в течение дня налетали короткие шквалы, но волнение оставалось умеренным, и мои дамы не страдали от морской болезни. Сегодня по случаю начала отдыха можно ограничиться блаженным ничегонеделанием, кревоугодием, распитием легких спиртных и прохладительных напитков, купанием в океане и, например, музицированием в каюткомпании.

А с завтрашнего дня я собирался занять спутниц по полной программе. Мало того, что на ограниченном пространстве «Призрака» угроза хандры и скуки является более чем реальной, так мне просто нужны надежные помощники. Роботы роботами, а человеческий фактор со счетов сбрасывать нельзя. И я предполагал обучить девушек работать со снастями и парусами, лазить по вантам, драить палубу, грести веслами на шлюпке и все такое прочее. Планировались также занятия фехтованием, стрельбой, боевыми искусствами...

И скучать не будут, и часы отдыха покажутся долгождан-ными, а заодно и сил поднаберутся. Предъявлю Сашке вместо нежной былиночки, колеблемой ветром, крепкую загорелую деваху, с которой не стыдно пойти в разведку.

Заодно и посторонних мыслей будет меньше. Как специалист, я опасался, что в нашем тесном мирке могут возникнуть проблемы. Ирина мне говорила, что Анна оказалась женщиной чувственной и темпераментной, и переносить собственное воздержание при том, что мы будем регулярно уединяться в каюте, чтобы заниматься там известно чем, ей будет тяжело.

А это чревато плохим настроением и непредсказуемыми поступками.

Так что всем будет лучше, если после экстремальных фи-

зических нагрузок девушка будет забываться здоровым сном без сновидений.

Пока Сашка не вернется.

Вертелся лаг, считая мерно мили, и в конце концов барометр показал, что мы выходим из области низкого давления, и стрелка уверенно поползла в сторону «Ясно». Однако связь пока так и не восстановилась, что начало внушать умеренную тревогу.

В шестом часу утра стало очевидно, что уж сегодня солнце мы увидим, лохматые обрывки туч смутно темнели лишь за кормой, а восток алел совершенно по-маоистски¹.

— Теперь и узнаем, капитан, какие мы с вами штурмана, — сказал я Ларсену, любясь нежными переходами цветов на границе моря и неба. Отчего-то всю жизнь, с раннего детства, рассветы вызывают у меня сдержанный восторг и прилив оптимизма, а закаты, наоборот, вгоняют в меланхолию и провоцируют на странные поступки. — Готовьте инструменты, а я буду вам ассистировать.

Не буду подробно излагать здесь методику работы с секстаном, креномером и прочими штурманскими инструментами, но ручаюсь, что все было сделано по всем правилам науки и искусства, к которому, несомненно, относится штурманское дело. Но результат нас с Ларсеном поначалу просто удивил.

Я допускал, конечно, что координаты, определенные путем прокладки и счисления с помощью компаса и лага, с поправками на ветер и течения могут расходиться с обсервованными миль на десять-пятнадцать в каждую сторону, но сейчас выходило, что мы промахнулись больше чем на триста. Обычно так не ошибаются даже курсанты-троечники на первой практике. Мы с Ларсеном молча посмотрели друг на друга, после чего робот совершенно по-человечески пожал плечами.

Мы перешли на другое крыло мостика и повторили наблюдения. Результат совпал до долей градуса. Согласно прокладке на карте, от точки перехода мы шли курсом ост-зюйд-ост 115 градусов, со средней десятиузловой скоростью, и сей-

¹ «Алеет восток» — полуофициальный гимн Китая при Мао Цзэ-дуне.

час должны находиться на сорок миль северо-восточнее островов Каргадос — Карахос.

Обсервованное же место «Призрака» находилось южнее острова Маврикий, в непосредственной близости от тропика Козерога.

И, значит, либо капитально ошибся в своих расчетах Воронцов, что маловероятно, так как он использовал гораздо более точную стационарную аппаратуру «Валгаллы», либо...

Здесь приходилось размышлять самому, поскольку роботы к творческой деятельности не способны по определению. Я поручил Ларсену еще раз выверить инструменты, убедиться, что хронометры показывают правильное время, и посмотреть, нет ли опечаток в навигационных таблицах и таблице логарифмов. Потому что на триста миль в определении своего места не ошибались даже кормчие Колумба и Магеллана. Тем более — по широте. Ошибку в определении долготы допустить легче.

Значит, так. Раз неисправность приборов и опечатки в таблицах мы отнесли к компетенции Ларсена, на мою долю остаются гипотезы иного плана. Каковых не так уж и много. Точнее — нормальных, то есть нефантастических нет совсем. Если только очередной кок Негоро не подложил топор под главный компас, условно говоря.

Все остальное уже было. В том числе допущенная Олегом в Замке ошибка, забросившая нас с Ириной на целый вечер в 1991 год. Вернее, не ошибка самого Левашова, а какой-то не учтенный им фактор, нечто вроде принципа неопределенности, не позволяющий одновременно обеспечить точность попадания по месту и времени.

По аналогии можно представить, что если время сейчас, как мы предполагаем, расчетное — 29 октября 1921 года, 6 часов 17 минут поясное, то по месту находиться мы сейчас можем где угодно, как на предполагаемых координатах, так и на противоположной стороне шарика, то есть где-то между островами Туамоту и побережьем Перу.

Но томила меня смутная тревога. Мы ведь уже убеждались, и не один раз, что все наши шуточки с пространством-временем добром не кончаются.

Поход Берестина в 66-й год вызвал образование едва устаренной развилки реальностей.

Первая и последняя попытка возвратиться из Замка в собственные время и реальность забросили нас с Ириной в будущее, хорошо еще, что ненадолго и без всяких парадоксов.

Впрочем, это как раз большой вопрос. Отчего не предположить, что все, что случилось с нами после этого, как раз и является одним большим парадоксом?

Все — белый Крым, Врангель, победа над большевиками, спасение Колчака и Парад Победы в Стамбуле — как раз и есть иллюзия, пресловутая Ловушка Сознания.

А уже внутри ее содержатся более мелкие частности: почти недельный сбой во время моего визита на виллу Сильвии, новые приключения с нею же на Валгалле et cetera...

И хорошо, если и на сей раз все ограничится ошибкой в триста миль. Но ведь еще имеет место и замолкшее радио...

Ведь решили же мы, что будем впредь всеми силами избегать проломов мирового континуума, жить в нашей последней реальности как подобает законопослушным обывателям Великой Сети. А тут успокоились, утратили бдительность, решили, что еще разок попробовать можно.

Правда, сослаться можно на то, что выхода другого у нас не было. Или погибать под английскими снарядами, или — так.

Впрочем, рискнуть тоже было можно, пощекотать себе нервы ремейком прорыва «Гебена» и «Бреслау» в противоположном направлении, но как-то не захотелось. Навоевался я сверх меры. Да и в случае удачи прорыва «просвещенные мореплаватели» нас бы в покое не оставили, здесь пока еще все судоходные пути и почти все порты контролируются ими.

Все равно как сначала публично наплевать в морду предводителю марьянской шпаны, а потом отправиться с подружкой вечером посидеть в летнем кафе на углу Октябрьской и Суцевского Вала.

Да чего я так взволновался? Ничего же пока не произошло и ничего не известно. Океан, небо, солнце, яхта — все при нас. И принцип Оккама пока еще никто не отменял.

Я попытался выбросить из головы тревожные мысли, и

мне это почти удалось, потому что как раз в этот момент на крыше рубки появились Ирина с Анной.

Свеженькие, умытые, причесанные, одетые сообразно моде и ситуации «светские дамы на морской прогулке», то есть в легкие светлые платья и широкополые шляпки для защиты нежной кожи от жарких солнечных лучей.

Я поприветствовал спутниц полупоклоном, приподняв над головой фуражку. (Удивительно быстро привыкаешь к нормам и обычаям времени. Всю жизнь я даже зимой ходил, за исключением самых свирепых морозов и метелей, без головного убора, а здесь легко смирился с мыслью, что без фуражки или шляпы ходить почти столь же неприлично, как и без штанов.)

Ирина ответила мне легкой улыбкой, а Анна будто и не заметила. Вцепившись пальцами в планшир, она буквально остолбенела, широко раскрыв глаза.

Да уж, я ее отлично понимаю.

Увидеть в двадцать один год Индийский океан во всем его великолепии, освещенный утренним солнцем, с палубы королевской яхты дано не каждой. Особенно после того, как девушка почти смирилась за три года жизни в Совдепии, что ничего хорошего ей, дочке статского советника, в пролетарском раю не светит. Что ни в какой вуз ее не примут, это еще полбеды, так ведь в ходе объявляемых большевиками одна за другой кампаний свободно можно оказаться там, куда Макар телят не гонял, а то и еще дальше.

И вдруг не только вернулась прежняя жизнь и общественный статус, а былью стала сказка, сюжет из романов Буссена-ра или Чарской: она вышла замуж за красавца мужчину, генерала и одного из богатейших людей на земле. А теперь плывет в изысканном обществе не куда-нибудь, а в Австралию!

Горевала, конечно, девочка, что ненаглядный Александр вновь ее покинул и не с кем разделить радости жизни и постель (к этому делу она быстро приобрела вкус, хотя совсем недавно данная сторона супружества представлялась ей неизбежным, но от этого не менее стыдным злом). Но ничего страшного, можно и потерпеть немного, Шульгин обещал разделаться с неотложными делами и возвратиться не позднее чем через две-три недели.

Мы немного поболтали в общем-то ни о чем, поскольку грузить девушек своими проблемами я не считал нужным, обсудили программу предстоящего дня.

После церемонии подъема лично мной придуманного флага «Призрака», очень похожего на будущий ооновский, голубого с вышитой серебром розой ветров и девизом «Вулюар сэ пувуар», прошедшей достаточно торжественно и сопровождающейся гимном экспедиции — увертюрой Дунаевского к фильму «Дети капитана Гранта» и салютом, на крыше рубки под тентом был накрыт завтрак, изысканный, но достаточно плотный, поскольку морской воздух и физические упражнения весьма способствуют аппетиту.

Оставив девушек услаждать себя кофе глясе и любоваться пейзажем, я спустился в рубку и в очередной раз включил радиостанцию. Увы!..

А тут еще явился Ларсен с докладом. Он так и не нашел каких-либо неисправностей в инструментах и ошибок в таблицах. Но зато очередная обсервация показала, что мы находимся всего в 15 милях северо-западнее острова Платт, и, значит, не позднее чем через час откроется характерный двузубый пик, венчающий его северную оконечность, как обещала лочия.

Любой мореход обрадовался бы этой возможности. Тут и место свое определится со стопроцентной точностью, и правильную прокладку курса можно начинать.

Одна только закавыка портила дело — остров Платт расположен почти в сутках пути от места, где мы якобы находились всего два часа назад. То есть дела наши обстоят, грубо говоря, хреново.

Разумеется, ни через час, ни через два ни в бинокли, ни радиолокатором мы не обнаружили ничего похожего. Океан был гладок и пустынен.

— Что из этого следует, капитан? — поинтересовался я, изображая хладнокровие, но, может быть, излишне нервно покусывая мундштук трубки. Лично мне ответ был уже очевиден.

Столь совершенные мыслящие машины не ошибаются, и ставить под сомнение штурманские способности робота я не мог. Если даже предположить, что внепространственный ска-

чок каким-то образом повлиял на позитронный, или какой он там у него, мозг, который начал давать сбои при вычислениях, так я и сам брал секстаном высоту солнца в полном соответствии со «Справочником штурмана» издания 1968 года под общей редакцией контр-адмирала В. Д. Шандабылова.

Предположим, что и адмирал со странной фамилией тоже не вполне компетентен, так там еще двенадцать докторов и кандидатов военно-морских и физико-математических наук трудились. Не баран начинал.

Эрго — мы находимся на самом деле неизвестно где. Единственно достоверно известно — в южном полушарии, поскольку яхта идет на восток, а солнце от нас слева.

Забавно.

— Единственное, что я могу предположить, — мы пользуемся неверными навигационными таблицами, — сообщил Ларсен и протянул мне книжку ежедневных таблиц «МАЕ» на 1921 год.

Таблицы как таблицы. Совершенно такие, какими пользуются судоводители всего мира. Найти в сотнях столбцов цифр ошибку или опечатку совершенно невозможно, разве только остановить первый встреченный в море корабль и вместе с их штурманами произвести сверку каждой строки и цифры на сегодняшний и ближайшие дни.

Только ничего это не даст, поскольку теперь я был почти совершенно уверен, что мы в очередной раз попали не туда. В иное время, проще говоря. Не знаю пока, на месяц мы ошиблись, на год или столетие, но другого разумного объяснения просто нет.

Для меня разумного, поскольку любой нормальный человек любой реальности до последнего отстаивал бы какую угодно причину, кроме названной. Для всех прочих, включая и писателей-фантастов, время в повседневном обиходе — константа из констант. Куда проще согласиться даже с неожиданным и немотивированным изменением угла наклона земной оси или увеличением орбитальной скорости нашей планеты, нежели с шутками со временем.

Но я, побывав в прошлом, будущем и как минимум трех параллельных временах, подумал как раз об этом варианте.

— Скажите, Ларсен, а вы смогли бы произвести расчеты

по, так сказать, обратной экспоненте? То есть установить, какому дню, месяцу и году могло бы соответствовать наше численное место?

Робот ответил практически сразу. Смысл моей идеи он понял, но ни удивления, ни иного эмоционального отклика вопроса у него не вызвал. Он же не человек, хотя и похож неотличимо, и требуется сначала включить специальную подпрограмму, чтобы он начал соответствующим своему психотипу и профессиональному статусу образом реагировать на дурацкие или странные вопросы.

— Технически такой расчет возможен, но практической пользы от него не будет... — Где-то у него внутри происходили недоступные моему разумению переборы вариантов.

В принципе если в главной памяти самого робота или базе данных судового компьютера имелись необходимые алгоритмы, учебники и справочники по астрономии, Ларсен мог бы вычислить реальное положение солнца для любого места на земле в каждую секунду от сотворения мира. По крайней мере, мне казалось, что ничего теоретически невозможного в такой задачке нет.

Однако Ларсен меня разочаровал.

Не своими математическими способностями, а сутью ответа. По его мнению, в силу таких-то и таких-то причин означенному соотношению координат и положения солнца на небосводе может соответствовать неограниченное количество дат как до, так и после наступления нашей эры по грегорианскому календарю. С аperiodичными интервалами от 14-го до 21-го года. Грубо говоря, ближайшими точками времени, в которые нас могло занести, оказывались промежутки между началом октября 1906—1913 годов в прошлом или последние числа сентября 1937—1944 годов в будущем. И так далее, вверх и вниз до бесконечности...

Требовать уточнения до дня и часа я по понятным причинам не стал. Хотя меня несколько удивили два противоречия. В прошлый раз мы с Ириной нечувствительно попали в 1991 год, который отстоял от нашего 1984-го всего на 7 лет, а Антон, подбирая для нас пригодную для жизни реальность, утверждал, что доступные для проникновения координаты времени разделены гораздо большими интервалами.

Впрочем, скорее всего в каждом указанном случае имелись в виду совсем другие законы и принципы. И необязательно мы сейчас находимся именно в ближайшем прошлом-будущем, и какой-то поправочный коэффициент кратности как раз и может воображаемое противоречие устранить.

И проблема совсем не в теории, а в том, как понять, где мы на самом деле, и как жить дальше, если все случилось так, как я думаю. Согласитесь, оказаться за пределами своего времени в хорошо вооруженной и подготовленной к чему угодно компании надежных друзей, да еще и чувствуя постоянную поддержку почти всемогущего и всеведущего Антона, или вот так, как я сейчас, — две большие разницы.

После обеда, когда Аня устроилась с книгой в шезлонге под тентом, я уединился с Ириной на кормовом балконе и в осторожных выражениях изложил ей суть моих опасений. К предложенной гипотезе она отнеслась достаточно спокойно. Как я давно уже убедился, главное для нее — чтобы мы были вместе, а остальное как-нибудь уладится.

— Мы же все равно собрались путешествовать без особой цели, и отпуск у нас не 24 дня, так что пока причин для тревоги нет. Сначала нужно точно определиться, где мы и почему, а уже потом думать, как быть. Или сами найдем выход, или Антон возникнет, как чертик из табакерки. Как бы опять не его это шутка. Появится и скажет, что неизбежная на море случайность требует твоего вмешательства именно здесь, сейчас и таким именно образом...

За годы общения она вполне овладела и принятой в наших кругах лексикой, и стилем мышления. Впрочем, еще 9 лет назад (биологического времени), в ночь первого знакомства я установил, что мы с ней «одной серии», отчего и неожиданностей в наших отношениях быть не может. А когда они вдруг все-таки случаются, как, например, произошло с нашим давним разрывом и ее замужеством, то все рано или поздно возвращается на круги своя.

— Если мы оказались в будущем, — сказала она, мечтательно всматриваясь в рассекающую индиговую гладь океана кильватерную струю, — ты быстро в этом убедишься, покрутив ручки радиоприемника. В тридцать седьмом и следующие

ми за ним временными рубежами со связью было все в порядке. Поймаешь Би-би-си или радио Коминтерна, и все узнаем.

— А вот тогда газеты потерялись, и мы так и не узнали, что же на нашей родине произошло, и что за три славянских президента подписали приговор Советскому Союзу, — вспомнил я нашу четырехчасовую прогулку по странной, осененной царскими трехцветными флагами Москве декабря 1991 года.

Даже Антон не смог помочь нам выяснить, где и почему мы побывали, поскольку подчинялся тем же законам природы, которые гласят, что, оставаясь в пределах данной реальности, побывать в будущем и вернуться после этого в прошлое невозможно. Мы же совершенно случайно попали из безвременья Замка вообще неизвестно куда — в собственное ли наше будущее или, как в романе Шекли, в реальность, отличающуюся от исходной одной-единственной деталью, всего двумя деталями и так далее...

— Да, забавное вышло приключение, — ответила Ирина с мгновенно проявившейся и так же быстро исчезнувшей улыбкой, непонятно к чему относящейся — к тому, что мы пережили на московских улицах, или к эпизоду уже в квартире, когда нас чуть не застали друзья за спонтанными и чрезмерно бурными любовными утехами.

— А если мы оказались не в будущем, а в прошлом? — поинтересовался я. — Тенденция-то ведь в том, что мы как-то незаметно соскальзываем все ниже и ниже. До двадцатого года уже добрались, а теперь вдруг раз, и еще глубже провалились. Хорошо еще, если в начало нынешнего или конец прошлого века, а то сразу в тартарары, времена Магеллана или Крестовых походов... И радио, кстати, здесь не работает.

Я не шутил, подобная перспектива казалась мне куда более возможной, чем противоположная. И радости, само собой, от подобной возможности отнюдь не испытывал. Ну, конечно, мы и там не пропадем... Поначалу.

На год продовольствия у нас хватит, золота имеется в достатке, оружия и боеприпасов — до конца дней, если даже со всем миром воевать придется, тем более имея таких верных и умелых бойцов, как наши роботы.

Но социализироваться в архаическом обществе мы точно

не сможем. И, значит, придется превращаться в таких Агасферов, обреченных бродить по миру, нигде надолго не задерживаясь, без друзей, единомышленников и всего, что сопутствует нормальной человеческой жизни. Вроде дона Руматы Эсторского, даже еще хуже.

— Не грусти, Новиков, — уловила ход моих мыслей и смену настроения Ирина. — Еще ведь ничего не решено. Давай сначала разберемся, а уж потом будем думать, как жить...

Ничего более умного я все равно придумать не мог, почему и отправился в рубку, поскольку подошло наконец время аварийной связи. Те самые «три минуты молчания».

Таковыми они и остались. Ни на коротких, ни на средних волнах ни малейших признаков осмысленных сигналов. Только треск атмосферных разрядов.

Я еще сидел перед рацией, выключив питание и мрачно уставившись на собственное отражение в экране компьютерного монитора, как, почти бесшумно прошелеств босыми ногами по ступенькам трапа, за моей спиной вновь возникла Ирина. Лицо ее прямо-таки лучилось радостью, и я еще не успел догадаться о причине, как она рассеяла мое недоумение.

Нет, она летела ко мне отнюдь не для того, чтобы сообщить, что все наши проблемы решились сами собой и Ларсен, к примеру, увидел-таки в бинокль берег, именно тот и именно там, где нам нужно.

Все гораздо проще. Расставшись со мной, Ирина вдруг вспомнила, что она не только светская женщина, отправившаяся с другом в запоздавшее не то на год, не то на восемь лет «свадебное путешествие», а и неплохой в прошлом специалист как раз по межвременным перемещениям и спецоперациям в иных мирах.

Хотя из всей необходимой аппаратуры у нее с собой был только портсигар, прибор весьма универсальный, но мало-мощный, рассчитанный на поддержку стационарных установок типа «шар», она все же сумела рассчитать необходимые параметры генерируемого поля и дотянулась лучом до географической точки, где сейчас должна бы находиться «Валгалла».

Ирине это удалось потому, что координаты постоянного места парохода у второго причала на внутреннем рейде острова Мармор, где ударными темпами возводился Царьград, вольный город и новый форпост Югороссии в Мраморном море, уже имелись в памяти прибора. То есть канал прямой связи как бы уже существовал, только в свернутом виде, его нужно было только активизировать. Но все равно энергии в «аккумуляторах» хватило еле-еле.

Буквально за несколько секунд, пока они работали, Ирина успела увидеть нужное место, и ей все стало ясно.

— Будущее, Андрей, несомненное будущее, причем опять не в нашей реальности... — И она объяснила, почему пришла к данному выводу.

Во-первых, там, где мы заложили город, где местные и привезенные из России строители уже успели воздвигнуть пирсы, портовые сооружения, первые кварталы городских улиц, она не увидела совсем ничего.

Пустынный малоазиатский пейзаж, такой же, как до Рождества Христова, а возможно, и до потопа. Зато в море она увидела сразу несколько кораблей более чем современного вида, а в небе — инверсионные следы летательных аппаратов. И — «сапиенти сат»¹, как любили говаривать древние.

В самом деле, раз Ирина не увидела никаких следов города, значит, его здесь и не было. За 50—100 лет (допустим) даже те постройки, что мы уже успели возвести, никуда бы не делись при любом развитии исторических событий. Стоят же на месте и Порт-Артур, и Дальний, и Харбин, хотя Россия давно потеряла права на обладание ими. Следовательно, и реальность здесь другая. Жаль, что я своими глазами не увидел те корабли и самолеты, которые видела она. Уж я бы смог хоть приблизительно определить время, отделяющее их и от 1921-го, и от 1984-го, в ту или другую сторону.

Но самое главное даже не это. Парадоксальным образом факт попадания в иную реальность вселил в меня оптимизм. Из собственного будущего выбраться в случае чего гораздо труднее, если не невозможно совершенно. А из па-

¹ Умному достаточно (лат.).

ральной реальности — куда вероятнее. Поскольку есть уже прецеденты.

Так что поживем — посмотрим. Теперь остается только определить время, в которое мы угодили, и начать соображать, как здесь можно устроиться...

Вопросов, конечно, у меня сразу же возникла уйма, но без спешки со всеми можно будет разобраться. По мере их практической реализации.

...С наступлением ночи отпали последние сомнения. В обыкновенный бинокль сразу же стали видны перемещающиеся между истинными звездами и планетами светлячки, не могущие быть не чем иным, как искусственными спутниками. Меньше чем за час Ларсен с помощью оптики и локатора насчитал их несколько десятков, летающих по разнообразнейшим орбитам, а также неподвижных, зафиксированных над определенными точками земной поверхности.

Из этого следовало, что здешняя цивилизация никак не уступает хотя бы нашей исходной. У меня даже мелькнула мысль, не вернулись ли мы, случаем, домой, в собственные восьмидесятые, на крайний случай девяностые годы? Впрочем, она так же быстро и отпала. По простейшей причине — наша радиоаппаратура по-прежнему не принимала никаких сигналов. Значит, принципы связи здесь совсем другие, использующие как минимум совсем другие диапазоны частот, если не гравитационные или совсем нам неизвестные волны.

Одного из роботов, носившего судовое имя Джонсон, в честь очередного персонажа «Морского волка», я перенастроил на специальность радиоинженера высшей для уровня 1984 года квалификации и поручил ему, используя имеющуюся на «Призраке» аппаратуру, а при необходимости конструируя новую, разобраться в ситуации и поймать какую угодно передачу. Не может же техническая, тем более земная цивилизация обходиться вообще без связи.

А яхта продолжала свой бег под парусами к осту. Сохраняя прежнюю скорость, через неделю или дней через десять мы достигнем берегов Австралии. И что нас там ждет?

Можно, конечно, переложить руль вправо и пойти к

французским (в нашем мире) островам Амстердам и Сен-Поль. Туда немного ближе, и можно надеяться, что мои английские документы не вызовут на этих затерянных в океане клочках земли чересчур пристального внимания.

В том 21-м году, из которого мы выпали, так бы оно и было, изнывающему от скуки губернатору и полицейскому офицеру столько радости доставили бы приглашение на борт, хороший ужин и общение с красивыми женщинами (ну и соответствующие рангу подарки, разумеется), что и так небольшие формальности свелись бы к исчезающему минимуму. Но здесь? Кто его знает, может, Англия и Франция в состоянии войны или вообще не существуют как самостоятельные государства, да и просто документов здесь нет в нашем понимании, а все пользуются какими-нибудь электронными карточками или отпечатками сетчатки... Мало ли подобного приходилось читать.

По той же причине не стоит идти в Индию, на Цейлон или Индонезию: неизвестен их политический статус, нравы и обычаи аборигенов, принципы обращения с иностранцами.

Но все эти проблемы занимали только нас с Ириной, Анна ни о чем не подозревала и с энтузиазмом двадцатилетней девушки радовалась жизни, роботам же было абсолютно все равно в рамках действующей программы.

К полудню следующего дня Джонсон добился первых успехов. Исходя из того, что при наличии такого количества спутников здешние обитатели вполне могут использовать ультракоротковолновые диапазоны, он изготовил несколько антенн и собрал подходящий приемник. И чуть ли не с первой попытки поймал передачу. Не слишком пока отчетливую, с помехами, но явно на английском языке. Пустейшего, надо заметить, содержания. Ничуть не лучше тех, что гнали местные радиостанции Карибского бассейна и Флориды, когда я там работал.

Может показаться удивительным, что на мощной радиостанции «Призрака», способной доставать на другую сторону земного шара, не было элементарного УКВ-диапазона, которым с шестидесятых годов оснащались даже наши советские «Фестивали», «Ригонды» и «ВЭФы».

Правда, пользы в них было чуть. Ловились полуэкспери-

ментальные станции, вещавшие по два-три часа в день, да звуковое сопровождение телепередач. И дальность приема — километров 10—15.

В двадцатые же годы весь мир звуковое вещание вел на длинных и средних, а на КВ работал морзянкой.

Здесь же наряду с ультракороткими волнами использовали еще что-то, и на это «что-то» у Джонсона квалификации уже не хватило.

Поэтому ловить нам удавалось, может быть, процентов десять того, что на самом деле шло в эфир. К именно этой пропорции я пришел, элементарно сравнив плотности вещания в наше родное время и здесь. Не может же быть, чтобы космического уровня цивилизация уступала в радиообмене нашей на порядок. А цивилизация была космической на самом деле, покруче нашей. Несколько раз за время плавания мы наблюдали старты солидного размера космических кораблей с какого-то экваториального космодрома.

Судя по размерам объектов, мощности ионизированного столба, пронзающего атмосферу, тут летали полноценные межпланетные, если не межзвездные корабли.

А вот доступные нам передачи поражали первобытной глупостью. Ничуть не лучше того, что ловилось в 1979 году в Сан-Сальвадоре из Майами. Более-менее содержательными были только программы новостей.

С их помощью мы определились во времени. Сначала прозвучала дата — 19 сентября, а потом всплыл и год — 2055-й.

Но жил этот мир не впереди, а как бы сбоку нашего. Никаких намеков на победу коммунизма. Зато имя «Россия» прозвучало неоднократно и во вполне спокойном, деидеологизированном контексте.

Политическая же ситуация в мире оставалась смутной. Для меня, естественно. Мелькали названия государств, как известных и у нас, так и совершенно новых, и требовалось немало сообразительности, чтобы идентифицировать какой-нибудь Зулуленд, Бантустанию или нечто вообще непроизносимое. И в основном в этих географических артефактах воевали. В итоге у меня сложилось впечатление, что здесь история пошла по интересному пути. Похоже, обошлось без

деколонизации, да и великие империи XX века распались по несколько другим границам и принципам.

Впрочем, тогда мне было понятно весьма немного. Нас с этим миром психологически разделял всего 71 год. Однако что понял бы о нашей жизни человек из пресловутого 1913 года, с которым коммунисты сравнивали все свои достижения и успехи, прослушав несколько выпусков «Последних известий» и посмотрев отрывки программы «Время»?

Конечно, в сравнении с обывателем 1913 года я куда как умен, опытен и не в пример лучше подготовлен к восприятию самой шокирующей информации, но тем не менее. Я легко могу понять и принять почти все, но никакая сообразительность не компенсирует дефицит фактов. Чтобы ответить, сколько ног имеет «дас пферд», нужно как минимум быть в курсе, что по-немецки так называется лошадь.

...В конце концов я принял решение идти в Австралию. Немаловажную роль здесь сыграла наша с Сашкой договоренность.

Я почему-то, возможно без всяких оснований, надеялся, что, если есть хоть малейшая возможность, он станет искать меня. И — именно там, поскольку вся остальная земля слишком велика. И у нас нет даже такого единственного журнала, в котором можно было бы поместить понятное только нам двоим объявление. Как это сделал герой «Конца вечности». У нас есть только вариант Жеглова — Шарапова. Единственное место встречи.

Мой оптимизм подкрепляли вполне наглядные факты из прошлого. Сначала ребята вытащили нас с Алексеем из чужих тел в сорок первом, потом Сашка разыскал меня на Валгалле. Почему бы не сделать этого же и в третий раз?

Правда, в те разы им помогал Антон, так отчего бы ему не сделать этого снова? Куда ему от нас деваться? (В то, что Антон ушел навсегда, удовлетворившись своим опереточным титулом «Тайного посла», я поверить не мог. Интуитивно.)

Через пару дней Джонсон все-таки сумел наладить прием и телепередач. Прямо на монитор главного компьютера с ис-

пользованием недоступных моему разуму преобразований принятой здесь системы передачи изображения.

Теперь я мог быть уверен, что сумею адаптироваться в этом мире. Хотя он, конечно, поначалу показался мне достаточно странным. Как, между прочим, любому человеку, даже самому талантливому футурологу, не мог не показаться странным мир, отстоящий от его собственного на семьдесят лет.

Я по-прежнему считал своим временем именно 84-й год «первой реальности». А как же иначе и какой еще?

Признаться, никогда не пытался прогнозировать будущее, вполне убедившись на собственном скромном опыте и на примере куда более умных по должности людей, что ничего хорошего из этого выйти не может.

Взять хотя бы В.И. Ленина с его обещанием построить коммунизм к 1940 году и Хрущева — к 1980-му. И все прочие прогнозы.

Но вот что меня удивило, так это почти точное совпадение прогноза (если это можно так назвать) А. и Б. Стругацких насчет космических полетов. Здесь люди действительно летали к звездам, и летали именно так, как у них, — не релятивистским способом, а за недели и месяцы до самых отдаленных систем и, кажется, даже Галактик.

Я даже подумал, не в мир ли Альбы, Корнеева и Айера мы попали.

Но в остальном этот мир был совсем другой. Судя по тому, что я увидел, почти сутки не отходя от экрана, жить в нем вполне можно, и даже с удовольствием.

Девяносто процентов пойманных нами программ были развлекательными: концертами, викторинами, фильмами-комедиями и довольно гуманными боевиками. Люди здесь старались друг друга не убивать, используя по преимуществу всевозможные методики бескровного воздействия — всяческую пиротехнику, шоковое воздействие света, звука, психоволн и так далее.

Юмор был ничуть не более тупым и плоским, чем в американских комедиях, виденных мною по флоридскому телевидению, одеты артисты и ведущие программ в не слишком от-

личающиеся от наших одежды. А главное — говорили все на вполне понятном английском языке.

Соответственно, я мог бы допустить, что, раз сохранился английский, должны употребляться и другие языки, но передач на них мне не попало. Наверное, дело в регионе и ориентации спутников.

Но развлекательные программы меня не интересовали. Куда важнее и интереснее было слушать и смотреть новости. Вначале я их просто смотрел и слушал, а потом стал прогонять всю поступающую информацию через компьютер, в соответствии с программой, позволяющей по принципу ключевых слов создать своеобразный толковый словарь здешней цивилизации, а заодно и скорректировать наши знания языка применительно к местному. За семьдесят с лишним лет параллельного развития изменения в словарном запасе и фонетике накопились изрядные.

Вот тут я понял, что мир этот очень и очень далек от нашего. Пугающе далек, я бы сказал. Потому что если сходство того же 21-го года с нашим 84-м было очевидно, и отнюдь не потому, что я хорошо знал историю, здесь аналогий и параллелей почти не просматривалось. Ведь «по большому счету» не так уж много произошло у нас событий, кардинально меняющих сам облик цивилизации.

Пожалуй, только пассажирская авиация, телевидение и компьютеры сделали наш мир принципиально отличным от того, что существовал в первой четверти века. Все же остальное...

А здесь было как-то необъяснимо по-другому.

Даже карта мира (политическая) выглядела совершенно иначе. На ней, например, не было СССР. Вместо нее — Российская республика в границах приблизительно Российской империи накануне Первой мировой войны. И роль она тут играла несколько другую. Ну и так далее...

Меня же сейчас больше всего интересовал вопрос — каким образом вклиниться в этот мир, ухитриться, почти ничего о нем не зная, не попасть в тюрьму или сумасшедший дом.

Ирина тут помочь мне не могла, ее опыт легализации в

чужом мире предполагал как раз предварительное, зачастую на уровне подсознания, изучение «обстановки».

Мы с ней могли только советоваться, логическим путем искать наиболее приемлемую линию поведения.

То, что плаваем на собственной яхте, — это большой плюс: богатый иностранец, сходящий на берег в чужом порту, избавлен от необходимости знать многие и многие подробности местной жизни и обычаи.

Но документы-то он иметь должен в любом случае, и желательно со всеми необходимыми визами. И деньги тоже не помешали бы, любые, которые имеют тут хождение. Не решив этих проблем, делать нам здесь нечего. Я имею в виду — на суше. В море, как я понял, мы можем болтаться беспрепятственно. Весь срок автономности. Если здесь не найдется какая-нибудь «свободная экономическая зона», куда пускать без паспортов...

...Но, как мне показалось, выход все-таки нашелся.

Не гарантирующий стопроцентного успеха, однако ничего лучшего в голову не пришло.

Чем ближе мы подходили к берегам Австралии, тем плотнее становился поток местной информации, необходимой для реализации моего замысла. В географическом плане ничего принципиально нового здесь не было, и я свободно мог пользоваться имеющимися на яхте справочниками и атласами, а вот в смысле политической и общественной жизни было чему поучиться. Я старательно запоминал, изучая программы новостей, художественные и документальные фильмы, рекламу, как и о чем люди разговаривают, как одеваются, ведут себя на улицах, что заказывают в барах и ресторанах.

Скрыть случившееся от Анны уже не представлялось возможным, слишком тесен был наш кружок, и пришлось ей кое-что объяснить. Привыкшая к чудесам девушка восприняла межвременной скачок почти спокойно, тем более что Ирина постаралась подать дело так, будто все идет по плану и, «заглянув одним глазом в будущее», мы вскоре вернемся обратно. Больше всего ее расстроила откладывающаяся встреча с Шульгиным.

Я об этом тоже жалел, но совершенно по другой причине.

С Сашкой вдвоем мы куда быстрее и проще разобрались бы с ситуацией. А теперь мне придется «идти на дело», оставив женщин на «Призраке» одних. И, случись что со мной, Ирине придется рассчитывать только на себя да на помощь роботов. Не пропадет, конечно, она и без меня готовилась руководить доброй половиной СССР, но думать, что по моей вине ей придется пережить не самые веселые минуты, было неприятно.

...Местом высадки я избрал район южнее Аделаиды, где к морю спускаются склоны хребта Дарлинг, сплошь покрытые густыми эвкалиптовыми лесами. Несколько небольших городков, вытянувшихся вдоль впадающей в глубокий залив неширокой, но полноводной реки, на мой взгляд, идеально подходили, чтобы войти в этот мир, изобразив из себя путешественника, странствующего по горам и лесам пятого континента. Таковых в этом мире тоже хватало, пожалуй, даже больше, чем в нашем. Что и объяснимо, здесь люди жили куда как спокойнее.

Однако похоже, что далеко не все.

Постепенно вырисовывалась картина некой благополучной, но как бы и осажденной крепости. Складывалось впечатление, что только Северная Америка, Европа, Россия и тяготеющие к ним страны, включая Австралию с Новой Зеландией, являлись хотя и огромным, но все же островом стабильности и благоденствия в абсолютно нецивилизованном, бурлящем и взрывающемся гражданскими и межнациональными войнами океане.

Совершенно противоположная картина тому, как мы предполагали себе будущее планеты, где все большую силу набирали страны лагеря социализма и «идущие по некапиталистическому пути».

Судя по теории научного коммунизма, к данному времени мы должны были бы иметь нечто совершенно противоположное — могучий и счастливый «прогрессивный» блок и задыхающиеся под гнетом собственных проблем, загнившие страны капитализма.

Но это могло быть и предвзятым мнением. Слишком мало я видел, знал и понимал пока что.

...Собираясь на разведку на берег, я копировал легенду Шульгина, хотя и с соответствующими коррективами. А что можно придумать лучше маски чудака-путешественника, не совсем от мира сего, вроде Паганеля?

В случае чего и отсутствие документов можно объяснить, и переключить чересчур пристальное внимание должностных лиц на экзотические подробности своей внешности и поведения. Тем более что очень кстати по телевизору показали кинокомедию местного производства о приключениях американской журналистки, прилетевшей в Австралию, чтобы снять фильм об охоте на крокодилов и кенгуру.

Конечно, весьма опрометчиво использовать в качестве наглядного пособия эксцентрическую комедию, а с другой стороны... Даже не имея иных источников информации, кроме, допустим, «Фантомаса», пару дней в Париже наших дней продержаться можно было бы.

А вот интересно, исходя только из «Волги-Волги» и «Светлого пути», можно было устроиться в сталинской России, не имея других сведений?

...В качестве спутника я решил взять с собой Джонсона. За последнюю неделю он не только приспосабливал нашу аппаратуру к местным стандартам, но и вместе со мной изучал жизнь. Если можно так выразиться, мы даже подружились. Внешность он сам себе подобрал типичную, взяв за образец одного из телеведущих студии Сиднея.

Потом это пригодилось.

ГЛАВА 13

Оставив своих новых друзей-партнеров в стамбульском отеле «Мидилли», удачно расположенном на европейском берегу, всего в нескольких кварталах от знаменитой площади Токатлиан, где полтора года назад Шульгин с Новиковым вербовали своего первого волонтера, капитана Басманова, Сашка вышел прогуляться в город.

Под предлогом, что, как законопослушный обыватель, не по своей воле вынужденный многократно нарушить законы соседнего государства, он хотя бы в этом должен отметиться в

своим посольстве, чтобы тем самым поступить под его защиту в случае чего.

— А вы пока отдыхайте. Прошу прощения за откровенность, но вы и ваши эскапады меня определенным образом утомили. Несмотря на достигнутую между нами договоренность. В России, может, и считается нормой столь тесное общение, но я привык иметь вокруг себя гораздо больше частного пространства...

Уже неторопливо идя по улицам космополитического и стремительно русифицирующегося Стамбула (правительство и большинство национально ориентированной элиты избрали своей резиденцией захолустную Ангору), Шульгин вдруг задумался. А что, если Славский его самого тоже расшифровал и раскручивает сейчас собственную игру?

За язык свой он был спокоен, а вот манеры, стиль поведения? Как это все воспринимается со стороны весьма неглупым контрразведчиком?

Хотя Сильвия, куда более квалифицированный специалист, утверждала, что после ее школы Сашкина легенда абсолютно непробиваема.

Шульгин знал, куда сейчас направляется, и в то же время ему по-прежнему очень не хотелось этого делать — нарушать свое инкогнито, общаться с друзьями.

Как-то не слишком солидно это выглядело — сначала утаил от них свои планы превращения в вольного стрелка, а потом, не сумев продержаться в этой роли и двух недель, сдался и прибежал за помощью.

Мальчишество, конечно, но его самолюбие это слегка царапало. Впрочем, оправдание у него было. Даже два.

Он действительно посетил британское консульство, где произвел все необходимые формальности, причем, поболтав с клерками, угостив их дорогими сигарами, поругав русских, в чем встретил полное взаимопонимание, как бы между прочим попросил зафиксировать его прибытие в Турцию неделей раньше.

Вице-консулу было все равно, а Сашка получил законным образом заверенное алиби на одесские события. Это алиби было нужно ему отнюдь не для защиты от врангелевских

властей, а исключительно в целях дальнейшей дезинформации Славского, если она потребуется.

Затем он пообедал в ресторанчике на набережной (погода в Стамбуле в отличие от Одессы стояла совершенно летняя), в промежутках между блюдами осматривая рейд в миниатюрный, размером чуть больше театрального, бинокль с переменной, от 6 до 20 кратностью.

Как он и надеялся, «Валгалла» слегка дымила средней трубой в миле от берега.

Это было удачей, в противном случае пришлось бы искать способ покинуть своих поднадзорных на сутки-двое, чтобы сгонять на остров Мармор, где по преимуществу базировался пароход. Или вызывать сюда Воронцова по телеграфу.

Сейчас же достаточно было нанять яличника.

Шульгин расплатился, по дороге к шлюпочной пристани тщательно проверился на предмет слежки, после чего свистом подозвал наиболее, на его взгляд, подходящий ялик, аляповато раскрашенный, с намалеванными на скулах вытаращенными карими глазами и бархатным тентом с бомбошками над кормовым сиденьем.

Здоровенный турок, судя по ухваткам и манере грести — бывший военный моряк, — за полчаса доставил его к борту «Валгаллы».

Там Шульгин довольно долго препирался с палубным матросом, который никак не соглашался вызвать к трапу самого капитана, предлагая неизвестному иностранцу изложить свое дело ему или в крайнем случае вахтенному штурману.

Субординации Воронцов своих моряков научил, и Сашке пришлось-таки назвать пароль, принуждающий роботов к безусловному подчинению.

Минут через десять Воронцов, недовольный, возможно, поднятый прямо из койки (капитан корабля спит не по распорядку, а когда удастся урвать момент), застегивая пуговицы белого кителя, перегнулся через обвес мостика, вглядываясь, кто там внизу такой настырный.

Даже он не узнал Шульгина в его новозеландском облике.

— Там, на ялике, что вам нужно от капитана? Ничего не покупаю, пассажиров не беру. Говорите быстро, что нужно, и отваливайте. Я занят...

Не желая расшифровывать себя даже перед яличником, Шульгин ответил по-английски, но вставил в длинную, избыточную коммерческими терминами фразу несколько понятных только Дмитрию слов.

Воронцов сумел остаться невозмутимым.

— Ну ладно. Насчет поставок мазута франко-борт я согласен поговорить. Поднимайтесь.

По знаку капитана матрос сбросил шторм-трап, и Шульгин, сунув турку лиру, велел его не ждать.

— Надеюсь, обратно господа доставят меня на своем катере. — И нарочито неловко полез вверх.

Они отошли в глубь мостика, Воронцов подвинул ногой бамбуковое походное кресло, кивнул Сашке на другое.

— Какая неожиданная встреча! Чему обязан ее приятностью? Хорошо ты над собой потрудился, смотрю на тебя и с трудом узнаю. На улице бы точно мимо прошел. В каком качестве изволишь пребывать? Как успел за неделю вернуться из Индийского океана? Почему на связь не выходили? Пить будешь? Вот и все, что меня интересует. Отвечать можешь в произвольном порядке.

— Совсем немного коньяку и кофе. Вопреки распространенному мнению, турки его заваривают отвратительно. По крайней мере в той забегаловке, где я только что отобедал.

И, лишь отхлебнув должным образом приготовленного кофе, расслабившись и ощутив себя наконец дома, в покое и безопасности, он в десятке компактных фраз изложил Воронцову суть происшедшего с ним в последние дни. Неявно при этом извинившись, что как бы невольно ввел друзей в заблуждение относительно своих планов.

— Это как раз дело десятое, — отмахнулся Воронцов. — А что Андрей исчез, ты, выходит, не знаешь? — Вопрос в принципе казался самому Дмитрию риторическим, ибо откуда бы знать об этом Шульгину, занимавшемуся совсем другими делами и рации дальней связи при себе не имевшему. Поэтому ответ его искренне удивил.

— Мало, что знаю, так даже догадываюсь, куда именно. Для чего, по преимуществу, и пришел. Мне сдается, что он сейчас отскочил от нас на сотню с лишним лет вперед. И слегка в сторону... — и изобразил на листе бумаги соответствующую часть увиденной во время транса схемы. В двухмерной, естественно, проекции.

— Вот так даже? — Подобного рода сообщения воспринимались здесь примерно так, как нормальными людьми сообщение о том, что друг по пьяному делу сел не в тот поезд и телеграфирует просьбу о материальной помощи из Кзыл-Орды вместо намеченного Сочи. — Конкретизируй.

Шульгин конкретизировал, умолчав, правда, о большей части вновь обретенных знаний и о собственной судьбе.

Точнее — судьбе своей матрицы, счастливо с ним воссоединившейся.

— Соображения есть?

Соображения сводились к тому, что сейчас Шульгин возвратится на берег, ибо есть у него еще и другие планы, а Воронцов ближе к вечеру сам подскочит в город, и они встретятся в укромном кабачке, а там, по обстановке, или обсудят дальнейшее на месте, или вдвоем вернутся на «Валгаллу».

— А Олег здесь или?..

— Еще на той неделе отбыли в Первопрестольную.

— Сильвия?

— Думаю, в Лондоне...

— Вызывай обоих сюда. Пусть самолетами летят, без всяких внепространственных переходов. Лишние сложности нам не нужны. Но чтобы к утру были или хотя бы к обеду. Ситуация в натуре неординарная. Хурал будем держать...

— Ох... не живется вам спокойно, господа межзвездные скитальцы. На хрена я с вами связался.

Шульгин легонько похлопал ладонью по лакированному планширу.

— А хоть для этого вот, товарищ бывший капитан-лейтенант. Париж, говорил один циник, стоит мессы... Судовладелец ты, адмирал и вершитель истории, а мог бы по-прежнему в морских извозчиках числиться, и каждый помполит шутил бы тебя в хвост и в гриву за упущения в воспитательной работе с личным составом и подрыв авторитета страны победив-

шего социализма путем покупки в лавке «секонд-хэнд» импортных штанов сверх разумных потребностей...

Воронцов безнадежно махнул рукой, не встретив со стороны Шульгина взаимопонимания. А Сашка и еще добавил, соскучившись по нормальному человеческому трепу:

— И Наталью ты благодаря нам же встретил и в люди вывел. Спроси при случае, часто ли она с тоской спокойное прошлое вспоминает...

— Да пошел бы ты, братец, к этой бабушке со своими нравоучениями... Ждут тебя твои единомышленники, вот и двигай. Приду как договорились. Охрану с собой брать?

Шульгин задумался на секунду.

— А и возьми. Хуже не будет. А мне уже надоело каждый день сражаться с убийцами.

...В отеле Шульгин в последний раз осмотрел фон Мюкке в качестве лечащего врача.

— Ну, все, Гельмут. Я свое дело сделал. Теперь советую разыскать здесь хорошего физиотерапевта, принять курс грязевых и серных ванн. Через две недели сможете фокстрот танцевать.

Вообще сдержанный и мужественный немец расчувствовался, долго и неумело рассыпался в благодарностях, заверял в вечной признательности и дружбе.

В принципе он был прав, без помощи Шульгина конец его ждал скорый и мучительный, но почудилась Сашке в его словах некоторая нарочитость.

Может быть, состоялся у него только что какой-то не слишком благоприятный для Шульгина разговор со Славским, после которого фон Мюкке испытывал тайное чувство вины?

Но тут уж бог ему судья, в случае чего Шульгин себя связанным какими-то обязательствами тоже считать не будет. А если немец останется на его стороне — тем лучше.

Славскому же Шульгин сказал, что дела требуют немедленного его отъезда в Лондон, где якобы возникла непредвиденная паника на алмазной бирже, могущая как принести внезапную прибыль в несколько миллионов фунтов, так и

полностью его разорить. И еще кое-какие проблемы возникли с другими акциями из-за поражения английского флота.

— Так вы еще и биржевой игрок, достопочтенный сэръ? — удивился Славский.

— Не биржевой только, а вообще игрок. С судьбой по преимуществу. А в каких именно одеждах судьба выступает на сей раз — не суть важно. Позавчера она приняла облик нашего друга фон Мюкке, вчера — вас. Сегодня захотела выступить под маской конкурентов из Амстердама, которые затеяли крупную игру на понижение. Требуется принимать неотложные и неожиданные для противника меры. Пятый туз в рукаве и так далее... Жаль с вами расставаться, но ничего не поделаешь.

— Но — ваше слово? Мы ведь договорились и в случае успеха сможем заработать не меньше, чем вы на своих алмазах.

— Я никогда не отказываюсь от самых рискованных дел, если они сулят достойную прибыль. Если в Лондоне все обойдется и у меня в итоге хватит денег на обратный билет, непременно приеду. Оставайтесь жить в этом отеле, я вам телеграфирую не позднее чем через неделю, а то и раньше.

Славский опять посерьезнел. На эти его неожиданные смены настроения Сашка обратил внимание уже давно. Не кокаирист ли он, часом? В описываемые годы этим пороком страдали в основном представители высших кругов преступного мира и аристократии в равной мере.

— Если ваши финансовые дела действительно поставлены на карту, я могу вам дать адресок в Лондоне. Под мое поручительство возможно получение ссуды. Под грядущие прибыли. Или — помощь иного рода...

— Беспроцентно? Или все же под залог души? Вы, часом, не дьявол? Последнее время я все чаще начинаю испытывать сомнения... Как-то интересно все у меня стало в жизни складываться после встречи с вами...

Похоже, заданный в максимально серьезной форме вопрос Славскому даже польстил.

— Каждый зарабатывает по-своему. Я тоже рискую очень крупно. Может быть, и головой. Но оставим пока эту тему. Вернетесь если — поговорим конкретнее. Так дать адресок-то?

— Давайте, — согласился Шульгин. — Кто знает, как оно повернется.

Он получил не только адрес, но и конверт, в котором сохранилось рекомендательное письмо, и не в стандартных общих фразах, а с конкретным указанием, что новообращенный друг может быть весьма полезен в операции «Голгофа». Так шифровалась программа скорейшего создания в Палестине еврейского государства.

Да уж, что полезен, то полезен. Историю подлинного возникновения Израиля Сашка знал хорошо и на самом деле мог поспособствовать.

— Вы чем собираетесь ехать? — поинтересовался на прощание Славский.

— Время не ждет, полечу аэропланом.

К этому времени уже действовало несколько регулярных трансевропейских воздушных линий, обслуживаемых французскими «Бреге» и немецкими «Юнкерсами», берущими на борт 6—8 пассажиров. С ними успешно конкурировали югославские модернизированные «Муромцы», двадцатиместные, впервые в мире оснащенные буфетом с подачей горячих блюд, баром и даже туалетом.

— Не боитесь лететь? Я вот так и не смог решиться...

— Чего уж. Пароходы тонут, поезда сходят с рельсов, а чтобы пассажирские аэропланы падали — я пока не слышал. Слетаю, вернусь, и мы еще увидим небо в алмазах...

Славский неожиданно громко засмеялся, хлопнул Шульгина ладонью по плечу.

— Конечно, конечно, скатертью дорога, как говорится...

Но в глазах его снова мелькнул опасный огонек, и Сашка подумал, что слегка теряет над собой контроль. Алмазы алмазами, о них и шла речь, но вот дословная цитата из Чехова в устах новозеландца прозвучала чересчур нарочито.

Если, конечно, сам англичанин читал или смотрел «Дядю Ваню». Однако если он работает в России много лет, еще с мирных времен... Посещение общедоступных театров весьма способствует изучению языка и национального менталитета аборигенов страны пребывания...

...На встречу с Воронцовым Шульгин, в очередной раз с помощью Джо гарантировав себя от возможной слежки, явился одетый неброско, но прилично, как одевались здесь многочисленные, не слишком еще разбогатевшие русские коммерсанты и средней руки чиновники государственных представительств.

В отдельном кабинете рестораника, отделенном от общего зала невысоким деревянным барьером и малиновыми бархатными занавесками, его ждал не только Дмитрий, но и Павел Васильевич Кирсанов собственной персоной.

Шульгина это немало удивило. Неужели Воронцов успел вызвать полковника из Харькова?

— Нет, не специально я сюда примчался, — ответил Кирсанов на не высказанный вслух вопрос. — Просто так удачно сложилось. Образовались здесь у меня неотложные дела, я сегодня утром пришел на миноносце из Севастополя, позвонил Дмитрию Сергеевичу, он мне и сообщил о вашем внезапном появлении. Я, признаться, не слишком и удивился, поскольку получил уже докладные и от подполковника Орлова из Севастополя, и от полковника Максина из Одессы. О проделанной работе по паролю «Призрак». Кое-что я заподозрил сразу. Мои сотрудники — люди со способностями. Умеют в нескольких словах обрисовать не только внешность контактера, но и некие тонкости его поведения. Не считите за упрек, Александр Иванович, но не умеете вы до конца перевоплощаться. Как из актера-премьера, натура так и прет, хоть принца Гамлета он исполняет, хоть лакея на выходах... Ну а теперь вот и лично встретились, Александр Иванович. Душевно рад.

«Вот же мерзавец, — беззлобно подумал Сашка, — ни книжек умных не читал, ни Высшей школы КГБ не заканчивал, а чутье имеет, куда там ищейке дипломированной, что наркотики в запаянном железном ящике угадывает...»

— Следует понимать так, что заметка в газете оказалась не совсем точной и генерала Шульгина на борту яхты не было? — продолжал, поигрывая приборчиком для чистки ногтей, Кирсанов. — Или он счастливо спасся из пучины?

Прозрачно-голубые глаза контрразведчика, с которым Шульгин бывал во многих переделках, были, как всегда, ясны и даже слегка наивны. Ему бы с такой внешностью в

женской гимназии литературу, а еще лучше — ботанику с зоологией преподавать. Надеть вицмундир министерства народного просвещения да еще золотое пенсне со шнурочком — самое то было бы.

— Пожалуй, что спасся. Почти сутки плавал в море, держась за обломок мачты, а потом был выброшен волной на берег, но уже в обличье экстравагантного новозеландца-путешественника...

— Так-так. Совершенно в вашем стиле. И что случилось далее?

Кирсанову, как специалисту в тайных делах, Шульгин обрисовал все подробно, не скрывая ни фактов, ни собственных гипотез. Воронцов тоже слушал с интересом, но именно как увлекательную историю, до поры до времени его не слишком касающуюся.

Только когда дело дошло до намерений фон Мюкке занять вакантное место адмирала Сушона, он оживился.

— Они что, по-твоему, мятеж на флоте устроить затевают? Не слишком реально...

— Зачем же мятеж, Дмитрий Сергеевич, — вместо Шульгина ответил Кирсанов. — Это куда больше похоже на начало операции по глубокому внедрению. Не на один даже год рассчитанную. Кое-какой информацией и я располагаю.

И не так все глупо придумано. Подразделения «Системы» свои планы строят, ваши друзья-приятели свои. Раз кусок один на всех, то съест его тот, кто всем прочим перцу задаст. Думаю, пока с господином Славским и герром фон Мюкке нам сам бог велел дружить. Поскольку интереснейшие перспективы здесь открываются. Понятно, что и те и другие на турецких националистов главную ставку делают. Сам-то генерал Кемаль-паша пока что наш преданный друг, поскольку деваться ему некуда, и за освобождение Турции от оккупантов, за собственную власть он нам нелицемерно благодарен. И считает, что и концессии наши, и русский контроль над проливами — недорогая плата за власть. До поры до времени. А в силу войдет, пообвыкнет в своей нынешней роли, непременно станет задумываться — а на кой ляд ему такие друзья? Он и сам может Турцией править, а в дипломатических играх на противоречиях великих держав всегда можно хороший

куш сорвать... Так уже было с японцами, с китайцами в начале века, с братьями-болгарами...

«Неглуп Павел Васильевич, ох как неглуп. Да было бы иначе, зачем бы его куратором всей белой контрразведки ставить? — думал Шульгин. — Знал бы он, насколько четко его прогнозы на весь XX век оправдались. И именно в отношении России и ее «союзников». Американцы в этом смысле куда более мудрую политику вели. Нам еще учиться и учиться...»

— И что же вы в такой ситуации делать предлагаете? — спросил он жандарма.

— Пока — ничего, разумеется. Наоборот, всемерно способствовать вашим новым друзьям в проведении их планов. В разработку, конечно, возьмем. И вам не следует с ними контактов прерывать. Потихоньку-полегоньку будем материал накапливать, всю сеть их попробуем отследить. Здесь, в Харькове, в Москве, за границей, само собой. А уж когда-нибудь, в подходящее время... И за теми, другими, мы тоже присматриваем. Здесь Яше Агранову огромное спасибо. Спешить ведь нам совершенно некуда и незачем, согласитесь, Александр Иванович? Идея же про еврейское государство, на мой взгляд, прямо гениальная. Мы в этом им обязательно посодеем. В рассуждении собственных интересов...

Вообще это была интересная история — история взаимоотношений очень, казалось бы, близких друг другу по духу людей. Родившиеся с огромным разрывом во времени, и не просто хронологическим, а и психологическим тоже — Кирсанов в 1886-м, Шульгин в 1950-м, — они по всем законам были обречены на непонимание.

Да и странно бы было, если иначе, — то, что для Шульгина было древней историей, например так называемая «первая русская революция», для 19-летнего Паши Кирсанова — самой что ни на есть омерзительной реальностью.

Так и многое другое.

Но одновременно они были очень близкими психологически и даже, наверное, генетически людьми.

Наверное, именно поэтому у них сразу установились странные, как у сюзерена со строптивым вассалом, отношения. Царский жандарм, белогвардейский контрразведчик, в

числе первых завербованный Шульгиным в отряд рейнджеров капитана Басманова, отлично воевавший с красными на Каховском плацдарме и вместе с Шульгиным организовавший дерзкое похищение адмирала Колчака из иркутской тюрьмы за 6 тысяч верст от белого Крыма, он тем не менее относился к нашим героям с едва скрываемым подозрением и неприязнью.

Шульгину и Новикову стоило больших трудов понять, в чем же тут дело.

А загадка оказалась более чем простой.

Павел Васильевич, в силу своей великолепной интуиции и высокого профессионализма, сразу понял, что дела с его «работодателями» и героями, спасшими белую Россию, увенчанными Врангелем 1-й степенью высшего ордена возрожденной России — Святого Николая-Чудотворца, обстоят не так просто, как согласился верить чуждый интриг капитан Басманов.

Сам Кирсанов не верил ничему, не понимал происходящего и, соответственно, не мог относиться к Шульгину со товарищи тем образом, что им хотелось бы.

И лишь когда после трех недель, проведенных в одном вагоне, до Шульгина начал доходить смысл происходящего, он решил рассказать Кирсанову если и не всю правду, но процентов шестьдесят ее.

И все сразу стало на место. Факт, что странные люди пришли в 20-й год из своего 84-го специально для того, чтобы не позволить большевикам победить, вполне контрразведчика устроил. Технология межвременного перехода его интересовала куда меньше, достаточно было прочитанной в первом классе гимназии «Машины времени».

И сразу Павел Васильевич стал вернейшим помощником. Вот теперь они на равных и обсуждали предстоящие действия.

— Хорошо бы, конечно, если бы вы, Александр Иванович, войдя с нашими клиентами в окончательно доверительные отношения, подвели к ним двух-трех наших человечков для тесного сотрудничества...

— Это мы, безусловно, сделаем, Павел Васильевич, но, как говорил один весьма умный человек, клиент должен со-

зреть. Поэтому упаси вас бог предпринять что-то необдуманное. Лучше вообще присматривайте за ними из очень-очень солидного отдаления. А вот когда они по мне соскучатся, а я наконец появлюсь из Лондона, да с убедительными доказательствами моей полной лояльности, тогда контакт установится прочный. И заиграем мы в полную силу. Договорились? Да, кстати, возьмите... — Он протянул Кирсанову пачку фотографий, изображающих Славского и фон Мюкке во всех ракурсах крупным планом. Не зря он так часто щелкал зажигалкой в их присутствии. — Вот этот — главный партнер. По моим учетам проходит как Сидней Рейли, английский разведчик номер два. Крупно засветился в Москве в восемнадцатом году. Советую изучить его жизненный путь потщательнее...

— Какие вопросы, господин генерал! Как скажете, так все и исполним.

— Ну вот и ладненько. — Шульгин указал глазами на рюмки, что, мол, можно и налить, после чего перешел к деловому разговору с Воронцовым.

ГЛАВА 14

Даже после всего лишь десятидневного отсутствия Шульгин возвратился на «Валгаллу», соскучившись как по родному дому.

Да так оно и было.

Единственное место, где он чувствовал себя человеком из цивилизованных времен. Это только со стороны может показаться, что при наличии хороших денег и власти нет особой разницы, когда процветать: в XVII веке, начале XX или в его конце. На самом деле разница есть.

И огромная.

Казалось бы, пустяк, но, когда в роскошном номере гостиницы нет ни телевизора, ни даже радио, когда в синематографе можно посмотреть в лучшем случае с детства знакомый немой фильм Чаплина или Макса Линдера, а в худшем — нечто на уровне самостоятельности 5-го класса школы для детей с замедленным развитием, от этого очень быстро впадаешь в депрессию.

Интриги, военные действия, общение с известными из

книг «сильными мира сего» да — развлекает, доставляет, можно сказать, глубокое моральное удовлетворение. Но не постоянно же.

Ну двадцать, ну тридцать процентов от общего времени, а на самом деле даже меньше. Вот и звереешь от тоски и интеллектуального одиночества. Подавляющая масса населения вызывает в лучшем случае безразличие и скуку.

К нынешним невеселым размышлениям Сашку подвигла не иначе вернувшаяся к нему матрица личности Шульгина-38, в полную меру настрадавшаяся от всего вышеназванного. Так это Сашка и оценил, поскольку подобных мыслей за собой до этого не замечал.

Он брился, голый, перед большим зеркалом, только что выйдя из сауны и приняв душ. На диванчике было разложено свежайшее белье и приличный случаю костюм, переносной магнитофон исполнял соответствующие настроению мелодии. Предстоял ужин в достойной компании и дипломатической беседа. А в качестве финала, возможно, и кое-что еще.

Свое лицо в зеркале ему очень нравилось. «Серьезный мужчина в самом расцвете сил», — усмехнувшись, сказал он вслух.

Как-нибудь поинтереснее, чем пресловутый сэр Ричард, хотя и он проявил себя неплохо. Глядишь, и придется ему еще поблистать на международной арене.

Но пока этим делом будет заниматься Александр Шульгин.

Он поправил галстук и прическу, несколько раз аккуратно пшикнул на волосы и усы сухим и терпким одеколоном и отправился на очередную встречу, подумав при этом: «Черт его знает, совершенно невозможная жизнь пошла. Нет чтобы с ребятами попросту выпить и потрепаться. Стареем, наверное, скоро вообще начнем друг друга на «вы» называть...»

Сильвия, что в общем было удивительно, явилась по приглашению Воронцова час в час, не задавая лишних вопросов и не изображая из себя изнеженную даму, которой требуется два дня на сборы и три дня на дорогу в первом классе Восточного экспресса.

Шульгин так и подумал, что ситуация другой Сильвией была обрисована точно.

Его двойник, до того как воссоединиться, успел с ней в 38-м провести несколько частных консультаций, и теперь Сашка знал о будущем гораздо больше кого-либо из здесь присутствующих.

В том числе и о том, что после 41-го года, то есть после эксперимента агтров с переброской Новикова и Берестина в личности Сталина и Маркова, соответственно, в мире «Главной исторической последовательности», контролировавшейся агтрами, началось вдруг «свертывание будущего».

И уже к моменту осознания Шульгиным своей сущности в теле наркома Шестакова ни сама «Сильвия-38», ни верховный координатор агтров Дайяна понятия не имели о том, как же будет развиваться история в Главной реальности дальше. Хотя всего лишь за сутки до знакомства с письмом «Сильвии 84/21» все великолепно помнили.

Сейчас выходило так, что Шульгин был гораздо более подготовлен к разговору и рассчитывал извлечь из него для себя определенную пользу.

Немного смущало его только одно — он никак не мог должным образом настроиться, чтобы в каждый текущий момент отчетливо представлять, с какой именно Сильвией он имеет дело, что она знает из будущего, а чего нет.

Чтобы не проговориться случайно о чем не следует, не подставить под бой свой козырь или «голый туз».

Теперь заодно ему стал ясен и смысл заданного Сильвией при прошлом прощании вопроса: не происходило ли с ним что-нибудь необычное?

Естественно, раз она сама переправила ему записку с изложением способа вернуться в собственную личность, значит, должна была ждать, что это может случиться в любой момент.

Ну, вот и случилось. Что она станет делать исходя из этого факта?

Левашов с Ларисой тоже прибыли, хотя по лицу Олега не было заметно, что он так уж горел желанием вновь встретиться с друзьями, совсем недавно с ними расставшись. Наверное, ему и в красной Москве было неплохо.

Все-таки заметно, особенно внезапно посмотрев товарищу в глаза, как они начали друг от друга отдаляться.

Ладно Воронцов с Берестиным, они хоть и хорошие друзья, но все же новые.

А с Олегом-то не пуд, а пожалуй, и побольше соли съели, вместе еще в мальчишестве яхту «Призрак» придумывали и буриме о собственных кругосветных путешествиях писали. Да и потом...

Неужели все дело в том, что они с Новиковым на самом деле принадлежат к какой-то иной человеческой генерации?

«Кандидаты в Игроки», — как однажды выразился Антон.

Но ведь тогда скорее всего это они с Андреем должны были бы демонстрировать отчужденность и отстраненность от мелких человеческих забот и от близких людей в том числе.

А выходит все наоборот, они остаются как раз такими, как были с самого начала, со всем их юношеским энтузиазмом, склонностью к авантюрам, ироническому, но все же праздничному восприятию жизни.

А вот Олег уже другой. Словно бы перешел в иную эмоционально-возрастную категорию.

А может быть, все наоборот?

И Левашов, и Воронцов, и Берестин как раз ведут себя соответственно возрасту и жизненному опыту, с поправкой на необычность предложенных обстоятельств, а они с Андреем — другие.

И считают себя прежними по недоразумению. Из сохранившихся стереотипов.

А со стороны друзьям, знающим их как облупленных, видно, что они уже не совсем те, кем были еще год назад...

Расстроенный этими мыслями, пришедшими ему в голову на шлюпочной палубе, по которой он решил добежать до места сбора, чтобы не путаться во внутренних переходах «Валгаллы», Шульгин задержался у ограждения «променадека», постоял, глядя в черную воду далеко внизу и на россыпь огней поднимающегося от моря террасами города.

«Что за ерунда, в конце-то концов! Такая же ерунда и бессмыслица, как если бы в свое время мы с Андреем начали комплексовать по тому поводу, что Олег умеет придумывать

штуки, которые никому на свете и не снились. И сейчас у меня все эти мысли исключительно от переутомления».

В чем-то, разумеется, он был прав. И одновременно не прав в той же мере. Просто все они были разные, и поскольку обстановка все более и более менялась для каждого из них применительно к личным взглядам, вкусам и способностям, то некоторого отдаления не могло не произойти.

Шульгин, что удивительно, невзирая на свои профессиональные качества психолога и психиатра, упускал из внимания существеннейший фактор.

Все его друзья к этому времени наконец-то, с большим опозданием, кстати, обзавелись женщинами, фактически — женами, поскольку венчанные они там, невенчанные, но других женщин у них здесь быть просто не могло по определению. Случайные связи не в счет, но по-прежнему ощущать себя людьми своего времени они могли только в обществе женщин того же круга.

А Сашка и здесь выбивался из общей колеи.

Во-первых, он раньше всех женился в той жизни и вынес из своего брака исключительно негативный опыт, а во-вторых, новую жену он взял именно из этого мира, со всеми ее достоинствами и вытекающими оттуда же недостатками. Как испанский вице-король, женившийся на племяннице Монтесумы. Поэтому и здесь он не мог считать себя равным своим друзьям.

Но это отдельная история.

...Сильвия несколько удивила его своим новым обликом.

Шульгину было весело — сейчас он понимал людей еще лучше, чем когда бы то ни было.

Вот и ее.

В данной реальности здешняя Сильвия исчезла, а эта — заняла ее место. И, конечно, сразу же попала в затруднительную ситуацию. Поскольку должна была вести себя с людьми, которых видела последний раз шестьдесят лет назад, так, будто рассталась с ними вчера.

Впрочем, в Англии, тем более — начала века, адаптироваться природной аристократке было легче.

Люди с причудами там всегда были в цене и авторитете. Лорда Галифакса, который заявил, что нынешняя жизнь ему

отвратительна, уединился в своем поместье и велел подавать себе утром любимую газету, но изданную ровно за пятьдесят лет до этого дня, никто не посчитал идиотом. Наоборот, говорили в свете о нем с уважением. Человек, мол, твердых принципов.

Очевидно, такую же позицию избрала и леди Спенсер. Зная о неизбежных ошибках и пробоях в поведении, она сознательно «заострила позицию».

Начала изображать женщину нового времени, примкнула, по словам Гертруды Стайн, к «потерянному поколению», вышедшему из мировой войны с деформированной психикой.

Коротко остриглась, навела новомодный макияж, как в кинофильмах Мэри Пикфорд, стала носить длинные жакеты в стиле армейского френча и юбки выше колен. Заговорила на жаргоне вошедших в моду Джойса, Хемингуэя и Фицджеральда. Также и вести себя стала соответственно манерам героев «Фиесты».

Шульгину все это было понятно.

Если кто не знает — отношения у них были даже более чем специфические.

Она — всесильная и всемогущая глава инопланетной резидентуры на Земле, для нее и главы государств и правительств были так — пыль под ногами, поскольку жила она на этом свете полторы сотни лет, пребывая в неизменной молодости и красоте, успела побывать любимой наперсницей королевы Виктории, а достославного Черчилля, юного красавчика во френче цвета хаки, она, пожалуй что, первая пригласила на мазурку в Виндзорском дворце, когда он, увенчанный славою после побега из бурского плена, появился в свете. Герцог Мальборо, а отправился на войну простым корреспондентом «Таймс».

А Сашке Шульгину проиграла сражение и морально, и физически. В тот момент, когда поняла, что и из тела древнеассирийского инвалида-нищего он сумел выскочить, и охрану ее виллы в Кордильерах обезвредил, а потом положил ее на пол автоматной очередью возле виска и заставил испытать смертельный, абсолютно человеческий страх.

После этого все: леди Спенсер сломалась, смирилась с

судьбой и, как пленная патрицианка, почти добровольно разделила ложе с готским или лангобардским вождем.

Причем — не без удовольствия. Что тоже тысячекратно повторялось в истории.

И вот они снова встретились, и снова когда мировая константа забалансировала над пропастью, толкаемая туда очередной, как бы внезапно возникшей угрозой.

Встретились как лучшие друзья.

Взяв леди Сильвию под локоток, Шульгин отвел ее в уютное помещение, примыкающее к малому адмиральскому салону, по другую сторону от бронированной шахты элеватора десятидюймовых орудий.

Мало кому известный укромный уголок.

Но и здесь, кстати, имелся велюровый диван и откидной столик, куда стюард сразу же принес бутылку многолетней выдержки хереса, бокалы и жаренные с солью орехи кешью.

Как это бывает у давно расставшихся любовников, они расчувствовались, пили золотистое терпкое вино лучших урожаяев еще не перемолотых снарядами тяжелых мортир виноградников довоенной Франции. Одними только взглядами сообщали друг другу, что не забыли тех недолгих дней, когда униженная, все на свете проигравшая Сильвия вдруг встретила понимание и даже своеобразную нежность своего самого непримиримого вроде бы противника.

Но буквально через минуту Шульгин, положив поверх руки Сильвии свою ладонь, вдруг произнес ту самую, изложенную в ее записке формулу возможного освобождения его копии из мозга Шестакова.

— Что, леди Си, оттуда мне можно было выскочить только чисто механически, с предварительным переносом собственных тел на Валгаллу? А потом что? Как ты себе все это представляла? Какую еще игру собиралась затеять с нами двумя и наркомом?

Впечатление он произвел сильное. Леди Спенсер даже слегка изменилась в лице.

Но именно слегка. Через секунду она вновь выглядела спокойной и абсолютно уверенной в себе. Что значит школа.

— А ты, выходит, нашел другой способ? Великолепно. Остается только поаплодировать твоим способностям. — И она

действительно дважды свела ладони, но практически беззвучно. — Я, признаться, иного не представляла и не представляю сейчас. Все ж таки процесс наложения и снятия матрицы — операция чисто техническая. Электропотенциалы там и все такое. Аппаратура соответствующая нужна. Я и рассчитывала, что, когда тебе удастся добраться до Таорэры, мы проведем сеанс с использованием тамошней лаборатории...

— Так ведь никакой лаборатории там уже нет. А если бы и была — разве тебе разрешили бы ею воспользоваться в личных, так сказать, целях?

— В этом и прелесть ситуации, Саша, что после того, что произошло, база осталась в целости и сохранности, и мы с Андреем на ней побывали. Ты об этом должен помнить своей первой памятью. А вот моих коллег, судя по всему, там уже нет. Исчезли так же, как из нынешней реальности устранились и аттры, и форзейли.

На этот раз столь неприятное ей раньше обозначение ее соотечественников, введенное в оборот Антоном, она произнесла без запинки.

— Я ведь все неоднократно обдумала, еще когда мы с Новиковым с Дайяной воевали.

Да, действительно, Шульгин помнил, что ему говорила та, другая Сильвия, когда в очередной раз встретилась с Шестаковым и они обсуждали условия и способы его возвращения «домой». О свертывании времени, о горящем с двух концов бикфордовом шнуре и о том, что может случиться, когда он все же догорит.

— Так как же ты все-таки выбрался? — повторила свой вопрос Сильвия.

— Как-как! Если бы я сам это знал. Не мы выбираем, нас выбирают, как пелось в одной песенке. Если просто и коротко, то без всякого моего участия. Точнее, после некоторого моего действия, сочтенного «там», — он традиционно указал пальцем в потолок, — либо слишком хорошим, либо слишком плохим, кому-то показалось желательным восстановить статус-кво. И в один прекрасный миг в темном отсеке катакомб я почувствовал, что в голове шестеренки провернулись и я знаю и помню больше, чем минуту назад. Сначала было точно так, как если бы утром проснулся с ощущением, что только

что во сне видел и переживал что-то очень важное и интересное, только вот никак детали не вспоминаются. А еще через несколько минут все окончательно разложилось по полочкам.

И сейчас полное впечатление, что на самом деле со мной было то, что творил в сталинской Москве Гриша Шестаков. И с такой же достоверностью помню, как и случившееся после пробуждения на твоей горной вилле...

Для Сильвии то воспоминание явно было не из самых приятных. Она даже слегка поморщилась. Еще бы, вспоминать, как тебя возили мордой об стол... Такое любому не доставит радости. Особенно если до последнего ты считала себя могушественнейшей женщиной на Земле.

— Да-а... — протянула агтрианка после ощутимо напряженной паузы. — Получается, что и вправду шнур горит с двух концов. В той реальности все рухнуло, а теперь и в эту кто-то опять проник. Не Антон ваш, как считаешь?

— Что я вообще могу считать? Это вы у нас между мирами и реальностями, как пираньи в Амазонке, шныряете. А я?.. Со мной всякий... что хочет, то и творит. Сначала в одну шкуру загнали, потом в другую. Из одной вытащили, в другой забыли. Потом кто-то вашу или свою ошибку исправил. Господин же Шульгин по-прежнему пребывает в «Пэссив войс»¹.

— Ну-ну, только не надо изображать из себя невинную школьницу, жертву обстоятельств и «плохих парней». От святого духа только святая Мария беременела, а самая воспитанная девочка к своей неприятности тоже кое-какие усилия прикладывает.

— Фу, леди Спенсер, это, как у вас на Альбионе говорят, — «гаф»². Мало того, что не стоит на меня свои дамские комплексы и сравнения проецировать, но и войну с вами не я начинал. К войне же следует относиться рационально, если уж начать, то надо ее стремительно выиграть или так же стремительно проиграть, после чего переходить к очередным за-

¹ Пэ с с и в о й с — пассивный залог, одна из форм английского глагола.

² Га ф — бестактность (сленг. англ.).

дачам текущего момента. Иначе она превращается в утомительную и бессмысленную мясорубку.

— Это не Клаузевиц, — тонко заметила Сильвия.

— Именно. Это я сам придумал только что. Кстати, не позволите ли пригласить вас на танец? — спросил Сашка, услышав, что очередная мелодия закончилась. Он решил дать ей некоторое время подумать, а самому воспользоваться моментом и посоприкасаться с ней поближе. Благо исполнялись исключительно медленные танго и блюзы.

Несмотря ни на что, в чисто физическом смысле леди Спенсер продолжала его возбуждать. До Анны далеко и неизвестно, когда они встретятся. Провести же ночь с бывшей любовницей без всяких далеко идущих целей в его понимании изменой не являлось. Иначе придется считать таковой слишком многое. Хотя бы доставляющие ему и сейчас истинное удовольствие воспоминания о том, как у Шестакова, а строго говоря, все же у него, это происходило с Зоей, едва ли не самой сексапильной актрисой довоенного СССР.

Закончив танец, во время которого он с удовольствием скользил руками от талии Сильвии вверх и вниз на достаточное расстояние, касался щекой ее щеки и прядей легких волос, нашептывал на ухо подходящие к случаю шуточки, хотя и имеющие двойной как минимум смысл, он, извинившись, на минутку покинул леди Спенсер.

Заглянул в соседний зал и жестом показал Воронцову, что просит его выйти.

— Что за проблема? — поинтересовался капитан, разминая в пальцах сигарету под шум автоматически включившегося вентилятора в хвойно-озонированном отсеке мужской туалетной комнаты.

— Ничего особенного. Тут у меня с мадам наметился сугубо острый разговор как бы не до самого утра, так ты не считай за труд, распорядись, чтобы нам подготовили спецрейс на Лондон. На самом скоростном, что есть в распоряжении Губанова. Часиков в десять желательно, никак не позже. Тревожный чемоданчик у меня собран, только сделай еще запасной паспорт и десяток тысяч фунтов мелкими купюрами...

— А что, миледи тебя в Лондоне деньгами не обеспечит? — позволил себе усмехнуться Воронцов.

— Мэй би йес, мэй би ноу. Особенно если предположить, что дороги у нас разные.

— Нет, серьезно, Саш, или я чего не понимаю? Хоть мне-то объясни, в чем смысл происходящего? Или вы совсем уже нас за дураков держать решили... — В голосе капитана прозвучала уже не шутка, а неподдельная обида человека, которого вроде бы друг демонстративно выводит за скобки.

Откровенно дает понять, что, мол, белую работу делает белый, черную работу — черный.

Шульгин взял Воронцова за руку повыше локтя, вздохнул и произнес совершенно искренне:

— Знаешь, Дим, если бы я мог хоть что-нибудь связно объяснить! Сделал бы это с величайшим удовольствием. Беда-то в чем — ни хрена я сам пока не понимаю. Не в свои мы игры заигрались. В Лондоне ничего особенного не планирую. Хочу просто проверить, не сбыхал ли мне господин Славский, действительно ли «старые империалисты» решили вступить в войну с очередными претендентами на мировое господство. Если нет — сам подкину им в костерок пару бутылок бензина. Сильвия обещает воткнуть меня в близкое окружение Черчилля. Он хоть и в опалах ныне пребывает, но по своему потенциалу непременно и здесь премьером станет. А это нам снова на руку...

Главное начнется, когда вернусь. Ну, на той неделе максимум. С Андреем разбираться надо... Поверишь, нет — кручусь на голой интуиции. Поскольку чувствую, что в ближайшее время так нас прижать может. Или могут...

Поэтому, ради Христа, не спрашивай ты меня ни о чем. Знал бы — сам все давно рассказал бы. От тебя теперь с ребятами зависит, чтобы вы обстановку в режиме держали. На своем уровне. А я... Ну, не знаю. Камикадзе я или, наоборот, дон Румата, решивший сменить обруч наблюдателя на мундир штандартенфюрера. Как хочешь думай, а я пока буду делать, что должен, надеясь, что свершится, чему суждено.

— Ладно, — согласился Воронцов, — поступай как знаешь. Мне ваши сверхчеловеческие игрища не всегда понятны, но в чистоте намерений — не сомневаюсь.

Простому моряку Воронцову действительно все эти замо-

рочки со временем, пространством и инопланетянами надоели до чрезвычайности.

Сам дважды побывав в прошлом, первым из всех оказавшись в Замке, обретя с помощью антоновских штучек давно потерянную любовь, он понимал в происходящем очень многое. И почти свободно в переплетении интриг ориентировался.

Только вот в силу конструкции характера, в отличие от того же Шульгина, никак не мог заставить себя поверить, что так все и должно быть на самом деле.

Поэтому, смиряя гордыню и отодвигая в неопределенное будущее непроясненные вопросы, сказал:

— Саша, я — человек военный. Будем считать, что в смысле адмиральских приказов каплейту разбираться не положено. Какими бы они навскидку не казались дурацкими. Наше дело — стрелять и помирать. А за что и почему — государь император знает...

Шульгин испытал по отношению к другу мгновенный приступ нежности.

Действительно, каково человеку, лишенному возможности лично видеть Великую Сеть, верить на слово тем, кто якобы в ней бывал, и рисковать головой в обеспечение совершенно гипотетической для него истины.

А вот рискует же. Хотя для себя лично все, чего желал, давно получил. Ну взял бы плюнул на все, как Новиков, и свалил бы в Южное полушарие исследовать дельту Рио-де-ла-Платы или рельеф острова Тасмания. Так ведь нет, тянет лямку не самого первого в компании лидера.

Или... Понимает о себе гораздо больше, чем о нем — Шульгин.

— Ты, Дим, это... Не переживай. Прорвемся. Я когда в Англии буду, если живой, конечно, останусь, непременно решу вопрос, чтобы прикупить десяток квадратных миль на юге Новой Зеландии и соорудить там Нью-Валгаллу. На века. Независимо от конъюнктуры рынка. А ты у нас будешь генерал-капитаном колонии. Как?

Воронцов только усмехнулся. По своей последней морской должности старпома парохода совторгфлота Дмитрий разбирался в психологии недурно.

— Я вот что думаю, — сказал он, нервно затягиваясь сигаретой, которую по давней флотской привычке прятал в полусогнутой ладони, — может, нам опять Антона разыскать? Худо ли, хорошо, но он помогал, и если что сейчас случится...

— Никаких возражений, — улыбнулся Сашка. — В нату-ре-то, он прежде всего твой приятель. «Ведь это я привел его сюда, и вы его отдайте мне, ребята...» У тебя, кстати, и средство связи с ним имеется. Попробуй. Только не рассказывай ему ничего лишнего... Мы с тобой это дело перед прощанием еще раз перетрем в деталях.

Он вернулся к Сильвии, которая оживленно о чем-то болтала с Наташей и Ларисой. Но сначала подсел за столик к смакующему кофе глясе с коньяком Олегу.

— Ты с Аграновым давно встречался?

— Третьего дня. Только так, мельком. Подробно общаться повода не было. Обстановка в РСФСР спокойная. Троцкий денег просит в качестве моральной компенсации за отказ от претензий на ДВР, а так нормально.

— Много просит? — из чистого любопытства поинтересовался Шульгин, поскольку проблем с выделением сколь угодно больших кредитов не было. Единственные ограничения — чтобы сумма не выглядела несуразно большой с точки зрения иностранных аналитиков и чтобы нынешний московский режим не стал чересчур финансово самостоятельным.

— Он бы хотел миллионов пятьсот. Беспроцентно и с рассрочкой лет на пятнадцать.

— Дать-то можно. Хотя это почти половина нынешнего годового денежного оборота Англии и вдвое больше, чем в Германии. Не жирно ли будет? Он что, собирается завтра коммунизм вводить?

— Не то чтобы коммунизм, но рассчитывает ударными темпами преодолеть разруху и начать военную реформу...

— Предложи ему сто, причем строго оговори целевое использование только на хозяйственное строительство. Не хватало, чтобы на наши деньги он беспособную Красную армию создавал. Себе дорожке выйдет. Но я об Агранове. Он как, по сторонам еще поглядывать не пытается?

— Незаметно.

— Все равно припугни на всякий случай. И попроси его, настойчиво попроси, чтобы он вплотную занялся возможными контактами германских нацистов и каких-то кругов внутри РКП(б). Есть у меня определенные данные, что имеются такие контакты. Я тебе дам материалы, сегодня, но чуть позже. Надеюсь, Яшка из них кое-что должен выкрутить. Он все-таки специалист в своем роде. Но главное — не в этом. Ты знаешь, что Андрея, по всем данным, вынесло аж на полторы сотни лет вперед?

— Нет, еще не слышал.

— Так послушай. — И Шульгин рассказал ему то, что подтверждало данную версию.

— Я очень надеюсь, что ты что-нибудь сможешь придумать. Ты смог заслать Андрея с Ириной на 7 лет вперед. Значит, в принципе это возможно. Вы с Антоном переправили нас из Замка в 20-й год. Это тоже получилось. Теперь вы отправили «Призрак» через внепространство в Индийский океан, а он попал почти туда, но в будущее. Место незапланированного пробоя и время до секунд известно. Теперь я хочу, чтобы ты сел и, как встарь, подумал, что и почему произошло... И как выкручиваться. В разведку через фронт пойду, разумеется, я же. Поскольку больше все равно некому...

— Знаешь, — ничуть не удивившись, а загоревшись очередной увлекательной проблемой, ответил Олег, — а пожалуй, что и запросто. Все теоретические наработки у меня есть плюс компьютер раз в сто мощнее того, что был у меня в Замке. Я просто продублировал главный процессор много-много раз и включил это железо параллельно, последовательно и во всяких прочих вариантах. Если проанализировать подробности последнего перехода...

Лицо Левашова приобрело отстраненное выражение, как всегда, когда он начинал думать над техническими проблемами.

— Олег, ты давай, давай... Бросай на время московские заботы, запишись на «Валгалле», дай волю раскованному воображению... Через недельку я вернусь, и мы еще такое закрутим...

Потом они с Сильвией вышли в коридор.

— Где предпочитаешь продолжить переговоры, у меня или у тебя? — спросил Шульгин. От того, как она ответит, можно было судить о ее собственных планах. Как он и надеялся, Сильвия предложила пойти к ней.

В отличие от всех прочих пассажиров «Валгаллы» Сильвия свою каюту по личному плану не оборудовала и не отделяла. Здесь она по-прежнему считала себя гостьей, а настоящий, отвечающий ее вкусам и склонностям дом оставался в Лондоне. А бывая здесь, она занимала стандартные апартаменты, хотя и класса «суперлюкс», выходящие большими квадратными окнами на кормовую часть шлюпочной палубы. Обставленные и оборудованные точно так, как предусматривалось проектом лайнера «Мавритания» в конце прошлого века. Единственным, что говорило о том, что здесь регулярно обитает женщина, были некоторые безделушки, украшающие салон, букет темно-бордовых роз на подзеркальном столике и сильный экзотический запах тлеющих индийских ароматических палочек.

Сашка, как только закрылась за спиной отделанная резным полированным деревом дверь, испытал сильнейшее желание немедленно сжать Сильвию в объятиях, повалить на диван или прямо на застилающий пол гератский ковер и овладеть ею торопливо и грубо. Как бы в отместку за все, что она сделала с ним в ночь их первой встречи. Хотя, казалось бы, всю необходимую сатисфакцию он уже от нее получил. Давно и неоднократно.

Разве что сейчас в нем возобладала вторая часть личности, для которой ничего последующего просто не было, а сразу — спальня в ее особняке, вилла, затерянная в горах, предвоенная Москва и — данный момент.

Услием воли он подавил в себе инстинкт неандертальца. Несмотря на то, что этого ему совершенно не хотелось.

Однако — дело прежде всего.

Разговор начала Сильвия. Вполне традиционно спросила:

— Чай, кофе, вино?

— И пиво...

— ?

— Анекдот такой русский есть. Священник пришел в гости, его спрашивают: что будете пить, батюшка, водку или вино? И пиво, ответил поп.

— А, понятно. Так все же?

— Виски. Можно со льдом, можно без... — К определенному моменту ему захотелось как следует набраться, чтобы избавиться от стрессов и вообще ненужных мыслей. А до того — обсудить практические вопросы.

Сильвия выкатила из соседнего отсека сервировочный столик, уставленный всем необходимым для приема позднего гостя накоротке.

Отхлебнув порядочный глоток, Шульгин сразу взял быка за рога:

— Тебе придется вспомнить свое недалекое прошлое и включиться в Вельтполитик по полной программе. Ибо предстоит нам с тобой невиданного масштаба тайные сражения. Вроде как Ютландский бой, но в тишине и за задернутыми занавесками...

— Не совсем понимаю...

— Совсем понимать никому не дано. Поэтому обратиться к апостолу Павлу: «Не будьте слишком умными, но будьте умными в меру».

— Хорошо, — очаровательно улыбнулась Сильвия. — Чего не пойму — ты мне потом объяснишь. А в Лондоне особых проблем не будет, — покачивая изумительной ногой, обутый в туфельку на высоченной, сантиметров в 15, шпильке и потягивая свой любимый розовый джин, ответила Сильвия. — Только ты продумал, в каком качестве собираешься вести это свое Ютландское сражение?

— А в чем вопрос? Амплуа сэра Ричарда Мэллони у меня хорошо отрепетировано...

— С памятью опять проблемы, Саша? — заботливо поинтересовалась Сильвия. — Место ведь занято, «крыша» уже использована. Новиков целых три недели уже был «сэром Ричардом». Даже принят в качестве кандидата в «Хантер клуб». У него там осталось много знакомых и даже приятелей...

Это могло показаться совершенно невероятным. Шульгин не забывал практически ничего, мог и сейчас с легкостью воспроизвести важный для него разговор двадцатилетней

давности. А тут начисто забыл основную интригу совсем недавней операции. Наверняка не обошлось без постороннего вмешательства.

Хорош бы он был, появившись в «обществе» под именем и с легендой хорошо всем известного человека...

Или это следствие совмещения у него в мозгу двух параллельных личностей? Интерференция памяти? Тогда следует произвести тщательную ревизию, бог знает, что еще потеряно...

Но ответил он спокойно:

— И вправду. До чего замотался. Единственное, что извиняет, — этот эпизод попал как раз между поисками Андрея в Англии и на Валгалле и эпопеей спасения Колчака. Вот и вылетело... А у тебя другой вариант?

— Есть. Удивляюсь, как ты сам не додумался. Чьим посланцем ты явился тогда ко мне?

— О! Сэр Говард Грин... Но он же действительно существует? Факт одновременного нахождения означенного сэра в Лондоне и Веллингтоне... И сколько ему на самом деле лет?

Шульгин не знал о Грине ровным счетом ничего сверх того, что подготовил ему для легенды Антон. Внешность, род занятий, адрес, кое-какие детали биографии и якобы названный им пароль на агтрианском языке. Ну и, конечно, то, что сэр Говард являлся координатором, отвечающим за большую половину Южного полушария. Судя по имевшейся информации, в 1984 году ему было лет 60. Но это ни о чем не говорило. Столько же ему могло быть и в 1921-м.

— Тут как раз все достаточно удачно. Ему здесь было 40. Почти как тебе. Отпустишь усы подлиннее, перекрасишь волосы, и все будет в порядке. По счастью, здесь в паспорта еще не клеивают фотографии. А паспорт его я тебе дам. Образец у меня есть...

Шульгин вспомнил целый склад всех существующих документов СССР, который Берестин обнаружил в квартире агтрианского резидента в Столешниковом. Естественно, что аналогичное или еще более обширное собрание имелось у Сильвии.

— Я согласен. Подготовь мне полное досье на прототип, изучу и постараюсь соответствовать. А как же?..

Сильвия поняла смысл недосказанного вопроса.

— Точно так же, как и с моей «напарницей». Точно в момент завершения формирования реальности он из нее исчез, поскольку соответствующего аналога среди массива одушевленных существ и неодушевленных предметов, общих для параллельных реальностей, у него не нашлось. Он испарился из собственного костюма посреди своего дома. Хорошо хоть не на людях. После того, что произошло с моей «дублершей», я вовремя догадалась обо всем остальном и успела побывать везде, где судьбы агентов представляли для меня интерес, а их легенды могли быть использованы в дальнейшем.

— Мудрая женщина, — без признаков иронии сказал Сашка.

— Не первый год живем на свете и, надеюсь, не последний, — ответила Сильвия, усмехнувшись совершенно так, как недавно Шульгин. — Я тоже умею видеть перспективу и, пока вы вели свои гражданские войны, помоталась по миру и спасла все, что еще можно было спасти. Конкретно, если говорить о сэре Говарде, я, изобразив его доверенное лицо (все, конечно, сочли меня просто любовницей, тем более несколько раз нас уже видели вместе в прошлые годы), предъявила все необходимые документы, обеспечила полную достоверность легенды, что он по давно обдуманному капризу срочно отбыл в Тибет для поисков смысла жизни, оставив меня своей душеприказчицей. В подлинности моих, заверенных у калькутского нотариуса, полномочий, не усомнился ни один из его адвокатов. А поскольку каждый из них получил приличную премию, не усомнится и впредь.

— Неточно, — меланхолически заметил Шульгин, зевнув. Ему и вправду вдруг очень захотелось спать. — По-русски душеприказчик — это исполнитель последней воли умершего. А Говард же, по-твоему, должен быть жив и весел.

— Ну, я, может быть, неверно перевела. А смысл правильный. Так что теперь ты на полном законном основании можешь занять место Говарда. В Англии у него знакомых нет и не может быть, а если потребуется вернуться обратно в Веллингтон, там по странной случайности не останется никого, кто мог бы заметить подмену...

— Так ты что, тотальную зачистку территории провела? — поразился Сашка.

— Не в том смысле, как ты подумал. Ликвидировать почти никого не потребовалось. Просто кто-то получил небольшое наследство в Австралии или в Индии, кто-то завербовался на выгодную должность в Кению, весьма близко знавшего Грина губернатора отправили на аналогичную должность в Канаду... Кстати, всего месяц назад. Я как чувствовала... И так далее.

— Да, молодец, что скажешь, — похвалил ее Шульгин, не преминув подумать, а не ею ли самой вообще вся эта интрига и затеяна. Он сейчас готов был к любым неожиданностям. Только неясно — зачем бы это именно ей и сейчас? — Теперь осталось уточнить, потребуется ли твоя помощь Олегу для организации прохода в XXI век, к Андрею и Ирине, и все. Завтра отбудем в метрополию. Давай я его сюда приглашу...

Словно бы невзначай назвав имена двух друзей, он не упомянул Анну. Старое правило — собираясь соблазнить женщину, не следует произносить вслух имена ее мужа, собственной жены или предыдущей любовницы...

Шульгину показалось, что перспектива беседовать еще и с Олегом, энтузиазма у леди Спенсер не вызвала.

— Нет, не сейчас. Утром будет лучше. Тогда и поговорим. А сейчас я слишком устала.

— Как скажете, миледи, как скажете... Я и сам почти засыпаю на ходу. Последняя неделя выдалась более чем напряженной.

Он встал, приложился к ручке дамы и, приволакивая ноги, направился к дверям. Симулировать ему почти не приходилось. Многодневная усталость наваливалась на плечи едва ли не со скоростью снежной лавины. И о постели он мечтал в совершенно буквальном смысле, уже забыв о недавних желаниях.

— Куда тебе идти, оставайся здесь, — с интонациями самой обыкновенной русской женщины предложила Сильвия. — Комнат у меня хватит. И никто не потревожит.

— Если хочешь спать в уюте, спи всегда в чужой каюте, — пробормотал он неоднократно слышанный от Воронцова флотский афоризм. — Веди меня, Цирцея...

— Что только не придумают джентльмены, когда напьются, — сварливо заявила агтрианка, за руку подводя его к двери, за которой виднелся широкий бархатный диван. — Подожди, сейчас постель принесу.

— Джентльмен отличается от простолюдина именно тем, как он ведет себя, когда напьется, — старательно выговаривая слова, процитировал Сашка Бернарда Шоу.

Трезв он был совершенно, но сейчас ему казалось полезным изобразить себя пьяным до потери основного инстинкта. Он не понимал, отчего так резко изменил свои намерения, но догадывался, что это неспроста. Ведь и прошлый раз он очень хотел затащить ее в постель, и тоже не получилось.

Неужели и она гипнозом занимается или таблеточку соответствующую подкинула?

А зачем? Она ведь тоже любит это дело до исступления...

В свое время Шульгин всегда удивлялся любви Новикова к помещениям, расположенным за толстыми стенами, с дубовыми дверями и надежными запорами. Он расценивал это как своеобразное проявление если и не психоза навязчивых состояний, то определенной акцентуации в сторону агарофобии¹. Или — мании преследования. Но вот сейчас, закрыв за Сильвией дверь, он повалился в постель с восхитительным ощущением того, что никто не знает, где он сейчас находится, и что ближайшие несколько часов можно не думать, что кто-нибудь нарушит его покой.

Он разделся, сунул под подушку пистолет и почти сразу погрузился в сон. Предпоследней мыслью было: «Все мы тут психи. По определению...»

ГЛАВА 15

Всего через неделю новоявленный сэр Говард Грин стал своим человеком в кругах, близких к леди Спенсер, а тем самым и к Черчиллю, на данный момент отстраненному от всех военных и морских постов министру колоний, но от-

¹ Боязнь открытого пространства (мег.).

нюдь не потерявшему амбиций и явно претендующему на большее. Что следовало из его активного участия в авантюре Сиднея Рейли.

Что ж, в случае хорошего поведения можно пообещать ему и премьерство. Так Шульгин и сказал Джорджу Кери, который в отличие от знакомого ему солидного, слегка располневшего мужчины оказался типичным чиновником-щеголем лет тридцати, с модными тогда усами щеточкой.

Сильвия, представляя их друг другу, достаточно жестко дала понять Джорджу, что он поступает в полное, ничем не ограниченное подчинение сэру Говарду. Тот кивнул набриолиненной, с идеальным пробором головой, выражая полное согласие. Да иное было бы и немыслимо среди отборной агтрианской агентуры.

— Только изложите мне круг задач, которые мне предстоит выполнять, сэр Говард. Или, на первый случай, конкретные инструкции и форму наших взаимоотношений...

— Непременно, мистер Кери. В самое ближайшее время. А пока — договоримся лишь о способах связи. Они будут достаточно просты, но, надеюсь, вполне надежны...

В несколько следующих дней Шульгин познакомился и с солидными, национально ориентированными финансистами, с редактором журнала «Панч», который был признанным делателем, а равно и сокрушителем карьер и репутаций, а к началу следующего уикенда был даже приглашен на загородную виллу к принцу Уэльскому.

Все происходило по обычной схеме, хорошо отлаженной Сильвией за последние полсотни лет. Никто даже не удивлялся появлению рядом с ней очередного представительного мужчины, как всегда — весьма богатого и с достойной родословной. Понятная слабость красивой вдовы, никого не шокирующая, поскольку правила приличия соблюдались неукоснительно. Пожалуй, ее официальное замужество задело бы британский истеблишмент гораздо больше, поскольку сейчас любой амбициозный аристократ мог хотя бы в мечтах представлять себя в роли ее фаворита.

А многие и не только в мечтах. Так что леди Спенсер с ее очередным чичисбеем была традиционна и вполне комильфо.

Шульгина же его роль тем более не тяготила. Чего бы еще

желать провинциалу, пусть даже облеченному рыцарским званием, впервые принятому в высшем свете метрополии?

Мало того, так удачно сложилось, что за бриджем, в который он играть почти что и не умел и проиграл, ко всеобщему удовольствию, почти триста фунтов, Шульгин был представлен буквально вчера назначенному новому губернатору Новой Зеландии лорду Бонар-Лоу.

Теперь, значит, по возвращении «на родину» проблем у него не будет никаких. Впервые прибывший к месту службы администратор на кого и сможет опереться, как ни на человека безупречной репутации, аборигена, одновременно вхожего в королевский дом?

Лорд Бонар-Лоу вдобавок оказался милейшим человеком. Хрестоматийный британский аристократ пятидесяти лет от роду, но выглядящий максимум на сорок пять, он с удовольствием сыграл с Шульгиным партию в карамболь и проиграл ее с сухим счетом, потом они выпили по этому поводу хорошего старого виски, еще чуть позже выяснили, что лорд в молодости служил в королевском флоте и обожает играть в дарт.

Доска и стрелки немедленно нашлись, и лорд долго демонстрировал Сашке и окружающим дамам твердость собственной руки и меткость глаза.

Хотя англичане, в отличие от русских, умеют проигрывать с достоинством и не таят зла на победителя, новоявленный сэр Грин предпочел проиграть партнеру ровно одно очко. Что, понятно, потребовало от него еще большей точности бросков. Многие это заметили и оценили. Одновременно мастерство и такт игрока.

За следующим бокалом они договорились с губернатором, что желание Шульгина приобрести в собственность живописный фьорд на южном острове с прилегающими квадратными милями совершенно пустынной и не имеющей хозяйственного значения земли будет рассмотрено со всей возможной благожелательностью.

Вообще простодушные нравы представителей самого предприимчивого и сей момент пока еще самого пассионарного на земле народа приводили Сашку в восхищение. Оно понятно, что в собственном кругу никто не ожидал встретить вражеского агента, и люди из высшего общества руководст-

вовались особыми принципами и нормами взаимоотношений, но все же, все же...

Первый лорд Адмиралтейства без всякого понятия о военной тайне выбалтывал Шульгину едва ли не сверхсекретные стратегические концепции и мобилизационные планы. В частности, Сашка без труда выяснил, что в ближайшее время, несмотря на сильнейшее давление со стороны несколько своеобразной части «общества», суперпатриотов плюс прямых агентов «Системы», кабинет Его Величества не собирается придавать слишком большого значения недавнему эгейскому инциденту, который решено списать на умопомешательство так своевременно застрелившегося адмирала.

Двоюродный брат короля, заигрывая с Сильвией и, возможно, слегка ревнуя, намекнул, что вполне можно назначить сэра Говарда послом в Токио или Москву, а то и губернатором Ямайки, при условии, что леди Спенсер останется пока здесь...

С огромным удовольствием Сашка задержался бы в окрестностях Лондона и Виндзора еще на месяц-другой и, кто знает, может быть, добился бы и министерского поста.

Но дела требовали присутствия его совсем в другом месте. И даже — времени.

О чем они и говорили с Сильвией, лежа в ее роскошной, памятной с известной ночи постели.

— Я не хочу повторять, Саша, но мы все очень и очень рискуем. Особенно я это поняла после истории с возвращением на Таорэру и... твоей истории. Не знаю, о чем ты говорил со мной из 38-го года, мне достаточно и собственных сведений. Я много беседовала с Дайяной, пока Андрей ее... не обезвредил. Мои... соотечественники тоже в значительной мере слуги Держателей. Куда в большей, чем вы. Правильно сказал Антон, как бы он ни был мне антипатичен. Ты и Андрей — сами кандидаты в Игроки, мы же — только пешки. В лучшем случае — лакеи, которые готовят стол для игры, зажигают и тушат свечи...

Шульгин не стал ее переубеждать: мол, да что ты, вы тоже великая раса и т.п.

Незачем, каждый сам о себе понимает.

— Не могу даже вообразить, — продолжала она, — куда

могут завести попытки прорваться сразу и в будущее, и в другую реальность. Ты и Андрея можешь не найти, и сам исчезнешь...

— Горевать будешь? — с едва заметной подначкой спросил Сашка.

— Буду. Конечно, буду. Берестин хороший человек, мне с ним, наверное, так век доживать и придется...

— Век? Какой? Двадцатый? Или век от данного момента? — не удержался, чтобы не съязвить, Шульгин..

— Это так у вас, русских, говорится. А вообще век — не слишком и большой срок. Не будете влезать в любую заварушку по делу и без дела, можете и по два века прожить...

Сказано было не без намека, и, хоть приятно было Сашке вообразить, что может он молодым и здоровым прожить пару сотен лет, он не считал это подходящей причиной, чтобы отказаться от поисков Андрея, Ирины и Анны.

— Обсудим, это тоже обсудим... — Он загасил в пепельнице у изголовья сигарету и привлек к себе Сильвию.

За следующую неделю Шульгин провел бесконечное число встреч, собеседований, инструктажей и тому подобных мероприятий, раздал не меньше миллиона фунтов стерлингов наличными и чеками, посетил десяток городов и втрое большее количество загородных поместий нужных людей. К очередному уикенду вся эта суeta ему надоела до последней крайности. Челюсти сводило от непривычной английской артикуляции, лицевые мышцы ныли от дружеских и просто стандартно вежливых улыбок. Желудок неприятно реагировал на выпитые в ходе деловых контактов литры кофе, чая, виски и пива.

В общем, Шульгин устал морально и физически, с тоской вспоминая, от какой приятной и спокойной жизни на «Призраке» он отказался ради вполне субъективно понимаемого «чувства долга» перед реальностью этого мира.

Страшно представить, что Сильвия или Антон занимались чем-то подобным много десятилетий подряд. Причем не по своей воле, как он, и без права на добровольную отставку.

«Да провались оно все пропадом», — не раз и не два думал он. И утешал себя единственно тем, что вот-вот этот этап тай-

ной войны закончится и можно будет развлечься совсем иным образом.

Правда, после завершения трудового дня, хоть в два, хоть в три часа ночи, независимо от того, где они были и что делали, вместе или порознь, Шульгин с Сильвией встречались у нее. Иногда ужинали вместе, иногда нет, а сразу, приняв душ или ванну, спешили в спальню, на ту самую, печально памятную Сашке с 84-го года, необъятную кровать. Над ней не хватало только парчового балдахина, чтобы ощутить себя в объятиях какой-нибудь миледи Винтер или мадам де Монтеспан.

Туманными и пасмурными утрами, мучаясь адреналиновой тоской, Шульгин нередко испытывал нечто вроде раскаяния, вспоминая об Анне, но это чувство отнюдь не мешало ему с нетерпением ждать следующей ночи.

Уж очень неутомимо-изобретательна была агтрианка, уж так иступленно-изысканны были ее ласки. Совершенно как в старом анекдоте: «Сара думает, что это последний раз, и выделывает такое...»

Куда там Ларисе, которая в свое время казалась ему верхом женского совершенства...

...Никто этого не знал до конца, и Шульгин не знал тоже, что возвратившаяся к нему собственная матрица личности, прожившая два месяца между 84-м и 21-м годом, на самом деле представляла собой модель абсолютно самостоятельной, сформированной в совершенно другом времени и других обстоятельствах личность.

Слава богу, что в тринадцати триллионах мозговых клеток хватало места, чтобы разместить и эту личность, и сколько-то еще, если бы они появились.

Но зато теперь вдобавок Шульгин мог включать оба эти совершенно одинаковые, но в то же время и различные мозга одновременно. Как уже было сказано — двухмоторный самолет куда надежнее одномоторного.

Где-то в памяти у него сохранялось воспоминание о том, как он выходил в область Мирового разума и Всемирной Сети. И там он видел некий ключевой узел. В который, если бы стать пакетом импульсов, можно проникнуть. Ощувив

себя мыслеформой, способной охватить весь объем информации, определяющий существующую или вновь создаваемую реальность.

Одновременно это очень легко и невероятно трудно. Просто — как посмотреть. Одному человеку невозможно руководить даже колхозом, а другой спокойно возглавляет и даже учреждает империи.

При том, что амбиции у них одинаковые.

...Проснувшись очередным туманным утром с горьким табачным вкусом на губах и ощущением бездарно проведенного вечера и ночи, он совершенно отчетливо ощутил, еще не открыв глаз, что делать ему здесь совершенно нечего и надо немедленно лететь обратно в Стамбул.

Даже не задавшись вопросом, зачем и почему вдруг так, он снял телефонную трубку и заказал билет.

ГЛАВА 16

...Шульгину удивительно повезло, что именно в это время в Стамбуле пребывал и профессор Удолин, эзотерик, черно-книжник, некромант и прочая.

Устав от реалий советской жизни в Москве (оставлять которую насовсем он отнюдь не собирался, утверждая, что истинно русский человек должен жить именно в Первопрестольной), профессор решил рассеяться, совершить паломничество к Святой Софии, вековой мечте каждого русского националиста, и заодно на всю катушку использовать внезапно открывшиеся возможности для расширения своего кругозора.

После фактической оккупации Югославией столицы Блистательной Порты, к которой Ататюрк испытывал необъяснимую неприязнь (а возможно, и объяснимую, как Петр I терпеть не мог Москву), султанские библиотеки и архивы стали более чем доступны исследователям. То есть из них можно было практически бесконтрольно выносить, равно как и не возвращать, любые книги и документы, не имеющие

отношения к последним десяти предвоенным годам. Так называемой эпохе младотурков и армянского геноцида, к которому и сам Мустафа Кемаль тоже приложил руку.

Но как раз современность Удолина и не интересовала. Он, алкая новых эзотерических знаний, жадно погрузился в собственно турецкие, иудейские, армянские, египетские, арамейские инкунабулы, а также и свитки на прочих мертвых и полумертвых языках, числом до десяти, которыми владел в совершенстве.

Отказавшись от предложения Воронцова жить на пароходе, поскольку считал, что это стеснит его свободу, но испросив довольно приличную сумму в качестве, выражаясь современным стилем, гранта, Константин Васильевич снял трехкомнатные апартаменты в довольно затрапезном, но расположенном буквально в трех шагах от библиотеки отеля.

Свое обиталище он за короткий срок ухитрился превратить в полное подобие той конуры, в которой существовал в Москве под присмотром Агранова.

Встрече со своим спасителем и благодетелем Удолин обрадовался чрезвычайно и, как всегда, нуждаясь в благодарном слушателе, начал рассказывать о своих изысканиях, одновременно демонстрируя добычу.

Шульгин, одобрительно прищелкивая языком, обошел все помещение, к случаю процитировал строфу из стихотворения Гумилева:

О пожелтевшие листы
В стенах вечерних библиотек,
Когда раздумья так чисты,
А пыль пьянее, чем наркотик!

Но когда «старик», кстати, неполных 55 лет от роду, но любящий козырять своим возрастом, благодушно согласился, что да, мол, раздумья над этими памятниками минувшего чрезвычайно просветляют, Сашка тут же воткнул следующую цитату, уже из другого стихотворения того же автора:

Только книги в восемь рядов,
Молчаливые, грузные томы,
Сторожат вековые истома,
Словно зубы в восемь рядов.

Мне продавший их букинист,
Помню, был и горбатым и нищим...
...Торговал за проклятым кладбищем
Мне продавший их букинист.

— Ну, вы, Александр Иванович, всегда какую-нибудь пакость к случаю сказать умеете. Уважаю я и вас, и Николая Степановича, однако... Может быть, лучше о чем-нибудь возвышенном поговорим и это, чего и монахи приемлют, в связи с приятностью встречи употребим?

Вкусы профессора Шульгин знал великолепно и, хотя догадывался, что и сам Удолин финансово не стеснен, счел необходимым прихватить бутылочку с собой.

Без должной заправки Константин Васильевич общаться с астралом не умел, а собственную заначку предпочитал оставить на неизбежную опохмелку.

— Но закуска — ваша!

— Как же, как же, — засуетился профессор. — У меня где-то и недозволенная правозверным ветчинка была, и вполне кошерная вареная курица. Спроворим...

Под хорошую выпивку с закуской, любясь одновременно прекрасным видом из окна на Святую Софию и южную часть Босфора, Шульгин, хотя и с некоторыми купюрами, не влияющими, впрочем, на стройность изложения, поделился с профессором своей новейшей историей.

Основной упор он сделал именно на мистическую составляющую и попросил о помощи.

— Чем же я могу вам помочь? — осведомился профессор, пребывая в состоянии почти восторга от очередного подтверждения своих, в общем-то преимущественно умозрительных построений.

Обладая на самом деле сильными мистическими способностями, достаточными, чтобы слыть в определенных кругах почти что магом и ясновидцем, в каких-то деталях Удолин определенно не дотягивал даже до Шульгина, не говоря уже о Новикове.

Очевидно, он вполне бы мог претендовать на титул «посвященного» и даже «кандидата в Игроки», если бы...

А кто знает, какого именно условия ему не хватило? Обладая мощным и изворотливым умом, чудовищной эрудицией в

избранной области, знал мертвые и готовящиеся стать таковыми языки, но...

Так зачастую авторитетному шахматному мастеру, невзирая на очевидные успехи и даже талант, до конца дней не удается стать гроссмейстером.

Дефицит той самой «божьей искры».

Шульгин сказал, тщательно подбирая слова, что вот имеется, по его сведениям, некая область астрала, проникнув куда можно не только овладеть немислимым объемом знаний, но и обрести реальную власть над физическими процессами. И если Константин Васильевич сосредоточит все свои непревзойденные способности, Шульгин — свои и они при этом сумеют достигнуть резонанса, то тогда...

— А что? Не так уж и глупо все это звучит. Отчего бы не попробовать, как в прошлый раз? Тогда неплохо вышло.

Сашка увидел, что профессор увлечен, а это даже не половина дела. Это гораздо больше...

Методика у них была более-менее отработана, вдобавок они обсудили некоторые тонкости процесса, которые следовало учесть исходя из прошлого опыта.

В принципе все выглядело достаточно просто — раз Великая Сеть — скорее информационная, чем механическая конструкция, а разум человека всего лишь составная, некоторое время автономная часть Мирового Разума, которая после смерти индивидуума сливается с «целым», нет ничего невероятного в том, что эту же операцию можно провести несколько раньше. С почти гарантированным возвращением.

Несколько раз это уже получалось и у Шульгина, и у Новикова. С каждым разом — все удачнее.

Но, главное, сейчас Шульгин мог пользоваться ресурсами, так сказать, «двух комплектов» своего мозга сразу, как будто у него был в распоряжении компьютер с двумя синхронно действующими процессорами.

Эффект, наверняка никем ранее не исследованный, наложения на мозг человека его же собственной копии оказался весьма интересным и многообещающим.

Удолин же, пользуясь собственной, основанной на владении буддийскими «технологиями» приобщения к Вечному методикой, обеспечивал «движение тонкой субстанции»

(души, проще говоря) по наиболее короткому и безопасному маршруту.

...Несколько уже ранее пройденных ступенек к астралу они преодолели легко и намного быстрее, чем раньше. При чем Шульгин все время чувствовал Удолина рядом. Словно альпинист напарника, идущего в одной связке.

И вот наконец они выскочили туда, куда и направлялись.

К мерцающему в вечной ночи межгалактического пространства Узлу.

Еще в первое посещение проекции Великой Сети Шульгин узнал, что такие, как он и Андрей, кандидаты в Держатели могут при определенных условиях внедриться внутрь Узла и, кажется, перехватить таким образом систему управления огромным сектором реальностей.

Если, конечно, удастся преодолеть сопротивление специально на то поставленных «сторожевых псов», именуемых также Ловушками Сознания.

Идея их проста — своеобразные информационные капканы, разбросанные вдоль суперструн и узлов Сети на случай несанкционированного проникновения личности, способной охватить в полном объеме все мыслеформы данной реальности, а значит, имеющей возможность их корректировать соответственно собственным представлениям.

Этакие ментальные сверхконструкции, которые «жертва» должна воспринять как элемент подвластной ей реальности, хотя на самом деле они таковыми не являются.

Пример — зеленая лужайка посреди леса, которая на самом деле отнюдь не твердь, а только ряска над бездонной топью. Наступил — и буль-буль, как говорится.

То же и в Сети. Как только недостаточно могучий и защищенный разум поверил в подлинность генерируемой Ловушкой реальности — ему конец.

Вечная нирвана, бездна развоплощения.

Причем, как правило, — приятная, более приятная, чем подлинная жизнь.

Трудно даже сказать — в чем здесь самый ужас. Ведь если тебе будет казаться, что все хорошо и ты счастлив до конца дней, — о чем горевать?

Шульгин долго размышлял над этим, и с Новиковым, который первым узнал о Ловушках, они этот вопрос обсуждали.

Сошлись на том, что проблема здесь та же, что и проблема обыкновенной, без всякой мистики, человеческой смерти. С какого-то момента, раньше или позже ты начинаешь понимать, что как раз лично тебе твоя собственная смерть никаких неприятностей не сулит.

Если только момент умирания не окажется чересчур долгим и мучительным. Но невыносима мысль, что твоя кончина не позволит доделать что-то очень важное, принесет боль и страдания твоим близким. Да и просто — ты исчез, а вокруг абсолютно ничего не изменилось... Встает солнце, шумят листья деревьев, люди пьют пиво в кафе под навесом. Но все — без тебя.

Тот же «слег» из «Хищных вещей века» — великолепная, кстати, аналогия пресловутой Ловушки.

Или — не аналогия, просто — разновидность. Таким образом из той реальности вырубали неудобных людей.

«Ну, это мы еще посмотрим, кто кого распнет», — вспомнил Шульгин очередную подходящую к случаю цитату.

Антон в одной из бесед назвал наиболее простой способ защиты от «ловушек» — крайняя бдительность и осторожность. Заметишь резкое и немотивированное изменение обстановки — всеми силами уклоняйся от столь же резкого ответа. Любой ценой старайся удерживать статус-кво. И до последнего не воспринимай происходящее как окончательную данность.

Тогда, пожалуй, обойдется.

Легко сказать. Вся жизнь с известного момента только и состоит из совершенно немотивированных изменений...

Впрочем — нет. Не так. Это ведь они сами учиняют в этом мире не из чего не вытекающие безобразия, а окружающая среда реагирует как раз в пределах стандартной логики.

Но чем их встретит Узел?

... Время «полета» в астрале не поддавалось исчислению. Если исходить из того, что скорость мышления постоянна здесь и на Земле, добирались они до Узла минут десять. А если допустить, что скорость нервных процессов сопоставима со скоростью света, то и один квант времени — огромный срок.

Перед «стартом» профессор, продолжая умствовать, заявил, что мы, к счастью или к несчастью, являемся обитателями такой хроносенсорной ниши (масштаба времени), где сущее дано в своей максимальной членораздельности, а наша философия есть только следствие этой заброшенности, помещенности именно сюда. Кем бы мы были, окажись в другой нише времени — невозможно представить, легкий холодок ужаса пробегает по коже.

— Ну вот сейчас мы это и проверим, — с не соответствующей моменту легкостью в голосе сказал Сашка. — Столь ли велико будет искажение при попытке иного способа умозрения...

По предыдущим выходам в астрал, своим и Андрея, Шульгин убедился, что восприятие окружающего зависит от своеобразной «настройки» мозга в момент «внедрения» в Сеть.

Непредставимая человеком «объективная реальность» перекодируется в доступную, наглядную форму, как-то связанную с тем, какая мысль или эмоция доминировала в сознании или подсознании «контактера».

Так, первый раз Шульгин оказался почему-то в заснеженной уссурийской тайге, а Мировой Разум воплотился в образе шамана-тунгуса.

В катакомбах же информация из Сети поступила в предельно абстрактной форме нечеловеческих символов.

...Момент столкновения «астрального тела» Шульгина с поверхностью, или оболочкой Узла ощутился как-то очень материалистически. Словно при прыжке из окна второго этажа на плотный грунт.

Он «открыл глаза», если это применимо к эманации чистого разума, которой Сашка себя полагал. И увидел, что стоит во внутреннем дворике Замка — главной базы форзейлианского резидента Антона.

Все вокруг было так знакомо...

Только явственно ощущалась в сине-золотом воздухе ранней осени, бабьего лета, аура запустения.

Словно тут давным-давно не жили.

По гранитной брусчатке свежий, чуть знобящий ветерок гонял сухие, желтые снаружи, красные изнутри листья ка-

надских кленов. У стен они собирались в порядочные кучи, и их никто не убирал.

— Куда это нас занесло? — прозвучал за спиной знакомый, надтреснутый от непрерывного курения и регулярного потребления крепких и крепчайших напитков голос. Шульгин обернулся.

Удолин стоял на шаг сзади и потирал ушибленное при неловком приземлении колено.

Натурализм прямо потрясающий. Впрочем, так тоже бывало. Трудно сказать, зависела ли материальность структур Сети от способа проникновения в нее или исключительно от фантазии Игроков.

«Ловушка, Ловушка, — почти пропел Шульгин, оглядываясь по сторонам. — Если это ты, то я в тебя не верю».

Наверное, это уж слишком глупо, а может быть, и нет, кто знает. Не зря же в сказках и прочем фольклоре герои постоянно произносят волшебные слова и заклинания. Как правило, им это помогает.

— Это не Ловушка, это просто вход в Узел, — услышал он гулкий, совсем не похожий на удолинский тенорок, голос внутри черепа. — Ловушки будут позже. Что тебе здесь надо?

— А ты кто? Неужто сам Держатель? Или охранник при Узле?

— Зачем ты пришел? — повторил голос. — Ты можешь потеряться навсегда и без участия Ловушки...

«Фарс какой-то, — продолжал удерживаться в рамках здравого смысла Шульгин. — «Аленький цветочек» в постановке ТюЗа».

— Как пришел, так и уйду, — ответил он грубовато действительному Стражу Замка, оставленному здесь Антоном, или собственной галлюцинации. — Я здесь не чужой. Замок меня знает...

Это он вспомнил случай, когда они с Андреем бродили по запретным для непосвященных горизонтам, и Шульгин ощутил нечто вроде благожелательного интереса со стороны ноосферы Замка.

Голос ничего на это не ответил.

— Так где мы, Александр Иванович? Сдается мне, вы это знаете...

— Скорее всего — да. Вы себя как, нормально ощущаете?

— В смысле?

— В самом прямом смысле. Самочувствие как? Ничего не болит, голова не кружится, выпить хотите?

— А есть? — оживился профессор.

Судя по своим чувствам, Сашка предполагал, что никакой это не астрал, а просто в ответ на волевой посыл кто-то из Игроков или лиц, ими на то уполномоченных, просто перенес их с Удолиным в совершенно подлинный Замок. Тем же способом, что Антон переправил сюда Воронцова прямо с сухумского пляжа.

Может, и сам Антон тут по-прежнему обретается? Если его «двойник-38» сумел до него докричаться в сталинской Москве, отчего ему не быть здесь и сейчас?

Но расслабляться не стоит.

— Должно быть, Константин Васильевич. Тут много чего было еще в прошлом году... Формально ведь они покинули Замок примерно в июле 1920 года.

— Пошли...

Внутри все обстояло совсем не так, как раньше. Вернее, не обстояло никак. Замок, похоже, на самом деле был эвакуирован, о чем Антон тоже предупреждал.

Коридоры, зал, комнаты первых трех этажей были совершенно пусты.

Шульгин хорошо помнил планировку, помнил, где был «оружейный магазин», где библиотека, где спортивный зал с тренажерами и сауной.

Сейчас все выглядело так, будто строители сдали помещение «под ключ» лет двадцать назад, а хозяева так и не въехали, и теперь Замок медленно приходил в запустение и медленно начинал разрушаться.

Однако надежды Сашка не оставлял. Он знал за собой способность к визуализации, поэтому упорно шел вперед, со всем старанием представляя место, в котором хотел очутиться.

— Сколько можно тут бродить, господин Вергилий? — брюзгливо ныл профессор, поначалу воодушевленный грядущим угощением, а теперь все больше впадающий в уныние. Он с трудом поспевал за целеустремленно преодолевающим

лестницы и галереи спутником. — Ясно же, тут совершенно пусто. Пойдемте обратно, на солнышке погреемся, подумаем, как обратно вернуться...

— Сейчас, сейчас... — Шульгин зажмурился, напрягся не только умственно, но и физически, совсем как тогда, в попытке открыть дверь в межвременную квартиру в Столешниковом переулке. Толкнул высокую, с дугообразными медными ручками двойную дверь, остекленную оранжевыми рифлеными стеклами.

И по восторженно-удивленному вскрику Удолина, еще не открыв глаз, понял, что опять у него все получилось.

Уютный, всего на четыре столика бар. Стены обиты стеганной квадратами шоколадной кожей, ею же обтянута стойка, витрины полны бутылками и банками, за дверкой темного стекла должна помещаться камера мгновенной доставки закусок.

Он нередко посиживал здесь с Новиковым или Левашовым за кружкой доброго мюнхенского пива или бокалом бургундского.

Значит, Замок на самом деле его вспомнил и отозвался на призыв-мольбу.

И это скорее всего тоже не Ловушка. В противном случае все было бы совсем как раньше, и даже дамы их встречали бы на крыльце приветственными кликами.

Удолин торопливо шарил по полкам, очарованный ассортиментом и качеством выданной ему на поток и разграбление коллекции. Столько всего он не видел даже в магазине Елисеева в счастливые довоенные времена.

— Ну ладно, вы тут развлекайтесь пока, а еще кое-куда схожу...

— Идите, идите, я не тороплюсь. Как я понимаю, моя задача выполнена, вы попали куда хотели...

Шульгин поднялся в коридор, где раньше помещался кабинет Антона. В свою комнату ему отчего-то наведаться не захотелось. Из суеверия, или интуиция не велела. Вошел, осмотрелся.

Обстановка скудная, аскетическая. Стол, несколько стульев, терминал компьютера нечеловеческой конструкции.

Он сел на жесткий вертящийся офисный стул. Осмотрел

встроенную в нижний край наклонной столешницы клавиатуру. Раньше не приходилось.

Почти нормальная, только символы чуждые. Вот эта кнопка, судя по всему (по чему по всему?), наверное, означает «Пуск».

Не в силах понять, зачем он это делает, Сашка протянул руку и плавно утопил кнопку.

...Ему показалось, что он оказался за рулем гоночного автомобиля, на двухсоткилометровой скорости несущегося по ночному серпантину улиц города, похожего на Монте-Карло.

Гул, свист, перегрузки, вдавливающие тело то в один, то в другой борт кабины, бьющие по глазам вспышки фар встречных машин, светофоры, дорожные знаки, стенды с указующими надписями, половодье световой рекламы.

И на все хватает внимания и реакции — вертеть тугой дрожащий руль, схватывать смысл надписей, замечать даже отдельных зрителей-болельщиков на тротуарах и переходных мостиках, машущих руками, что-то одобрительно кричащих...

Так вспоминалось потом, на самом же деле происходило нечто совершенно другое, просто требующее от организма аналогичных реакций в условиях смертельного риска и потока недифференцированной, глушащей мозг информации.

Но это тоже не было пока Ловушкой. Просто осмысление сюжета по аналогии.

За пять или шесть гоночных кругов он успел считать и усвоить все, что выдал ему терминал Узла. Да, теперь он знал точно, Замок — это и есть Узел Сети, точнее, только один из его эффекторов, управляющих физикой, метрикой, бог знает еще чем в нашем секторе Галактики.

Нашел в себе силы протянуть руку, попасть пальцем в кнопку «Выход».

Откинулся на спинку, жалея, что не прихватил из бара что-нибудь выпить и закурить.

Вот сейчас он обошел Ловушку. Она была замаскирована соблазном непременно продолжить сеанс.

Еще немного, и ему стала бы понятна азбука, использо-

ванная изготовителем клавиатуры. А за ней и вся система интерфейса терминала.

Ведь в чем смысл Узла? Расшифровав его код, он получал полную власть над целым сектором Сети, включающим весь сноп использованных в этой партии Игры реальностей.

Стал бы сразу равен Игрокам. Точнее, тому из них, кто создал Замок, приставил к нему в качестве домоправителя Антона, поручил или позволил форзейлю ввести в игру Воронцова. Может быть, еще не подозревая, к чему это приведет...

А вот сейчас Шульгину как бы предложили сыграть на равных в преферанс с партнерами неизвестной силы и с заранее не обозначенными ставками.

Ему намекнули, что иногда он сможет даже знать прикуп.

Но как-то очень вовремя вспомнилась история, давным-давно случившаяся со старшим братом Новикова, которую он любил рассказывать «молодым» в назидание и поучение.

Генрих, выпускник престижного Электромеханического института инженеров транспорта, возвращался с практики в Новосибирске в купе спального вагона, и очень приличные попутчики, один даже в мундире штатского генерала железнодорожной службы, предложили будущему коллеге скоротать время до Москвы за преферансом.

Он легкомысленно согласился, и трое суток пролетели мигом. Играли классику, на час-другой забываясь кратким сном, и снова продолжали пулюку. Из ресторана проводник регулярно подносил выпивку и закуску.

Уже проехали Александров, когда пришла пора подсчета.

Одобрительно похлопав студента по плечу и позавидовав его удаче, попутчики начали выкладывать на столик пачки больших, как портянки, сталинских еще двадцатипятирублевых и сотен.

Только тогда он узнал, что игра шла по десятке вист. А он не понял, думал — по десять копеек.

Выигрыш составил почти двадцать восемь тысяч. Его стипендия за 10 лет или будущий двухлетний оклад инженера.

Глупо улыбаясь, он пытался отказаться, но генерал на него даже прикрикнул. Тут же написал на листе из именного блокнота справку, подтверждающую факт выигрыша, витиевато

расписался, вызвал начальника поезда (как тогда назывался бригадир) и заверил документ поездной печатью.

С «левыми» деньгами в те времена было строго. Не зря герой популярного в пятидесятые годы фильма признавался: «Дома я курю «Тройку», а на работе вынужден курить «Байкал». И все время боюсь перепутать».

— А если бы я проиграл? — спросил Генрих, заталкивая свалившееся богатство в фибровый чемоданчик.

Партнеры дружно пожали плечами...

Этого урока брату Новикова хватило на всю жизнь. С незнакомыми он больше не играл никогда.

Вот так и тут...

Сашке хватило и того, что он уже узнал.

В частности, как хоть прямо сейчас попасть на палубу «Призрака». Антон ведь тоже свободно отправил Воронцова в срок первый год, куда до этого агтры перебросили Андрея с Берестиным. Дмитрий пошел, забрал оттуда друзей и вернулся.

И здесь же форзейль смоделировал для Воронцова давно потерявшуюся в море житейском подругу. Наталью Андреевну.

А не стать ли ему Антоном? Мысль была настолько явно наведенная, что Шульгин засмеялся. Радуюсь, что сохраняет полный самоконтроль и трезвость мысли.

Нужен способ проверить, действительно ли он находится в том самом Замке, а не подвергается массированному гипновнушению, а то и вправду пребывает уже в капкане Ловушки Сознания?

Есть такой, хотя и выглядит он достаточно парадоксально. А что сейчас вообще не является парадоксом?

Сашка вспомнил некогда любимый, зачитанный в давние годы до дыр роман Эренбурга «Хулио Хуренито».

Там Великий Провокатор учит героя, жаждущего понять, что есть реальность.

«Возьмите трубку, набейте добрым «Капоралем» и курите. Это — единственная реальность».

Отчего бы не воспользоваться советом?

Вот только в карманах брюк и рубашки нет ни трубки, ни сигарет. Собираясь «в путь», он повесил свой пиджак на спинку стула в комнате профессора...

Но тут же ему пришло в голову, что незадолго до окончательного ухода из Замка на «Валгалле» во врангелевский Крым они с Андреем сидели в этом кабинете, разговаривали, у Шульгина кончились сигареты, и тогда Антон достал из ящика стола коробку сигар и угостил их.

Сашка выдвинул левый верхний ящик.

Вот она, коробка, большая, деревянная. Сигары «Ля Коро-на». Длинные, идеально скрученные, душистые. Под крышкой не хватает ровно двух.

Он вернулся к компьютеру. Раскурил третью «ин леге артис»¹, снова убедился, что и вкус, и запах, и собственные ощущения — все подлинное. Возможно, Хуренито был прав, как всякий пророк.

— Зачем вам это нужно? — спросил он вслух, как если бы собеседник находился напротив. И получил ответ. Из затянутого серой сеточкой динамика на терминале.

— Скорее всего — ни для чего. В рациональном смысле. Но мне жаль бросать все это просто так. Мы уходим, вы остаетесь, зачем же пропадать добру? Возможно, вы сумеете им правильно воспользоваться, доиграете нашу Игру за нас...

Голос был приятный, бархатистых оттенков, ближе к баритону, чем к тенору. Русским языком владел великолепно. Да и чего странного? Скорее всего Игрок вообще не говорил, просто доводил до рецепторов Шульгина необходимую информацию, а тот уже сам декодировал ее в наиболее подходящей форме.

— И с кем же нам придется играть? Вы уходите, форзейли и агтры уже ушли, за малым исключением.

— Да с кем хотите. Можете друг с другом. Но скорее всего — с природой, историей, тем, что вы называете ноосферой. Созданные нами реальности объективны. Они живут теперь по собственным законам. А вы все время пытаетесь их нарушить. Вот и поиграйте — кто кого...

Голос звучал даже несколько игрово. Или — с почти неуловимой издевкой. Как неизвестный человек, позвонивший

¹ По законам искусства (лат.).

в два часа ночи по телефону и затеявший странный, интригующий, тревожащий, пугающий разговор.

— А если я, мы — не захотим?

— Я же сказал — это ваше дело. Дорогу в Замок ты теперь знаешь. Живи, будто его не существует, или поселяйся здесь. С этого момента здесь все станет точно так, как было в первый раз... А мы когда-нибудь, через сто ваших лет или через тысячу, вернемся и посмотрим, как вы распорядились...

— Подожди немного, не уходи. — Сашке показалось, что собеседник собирается «бросить трубку».

— Жду...

— Ответь, а вы-то почему уходите? И в чем вообще смысл вашей Игры?

— Совершенно в том же, что и ваших. Люди, когда у них есть соответствующие возможности и им нечем заняться, играют в домино, преферанс, гольф, рулетку простую и «русскую», устраивают гладиаторские бои. Конкретные правила несущественны. Иногда испытывают судьбу, иногда — собственное умение. Часто — то и другое сразу. Уходим же мы потому... Вот играешь ты с другом в шахматы. Появляется ребенок и начинает вмешиваться, задавать вопросы, подсказывать, хватать с доски фигуры. Ты бы встал и ушел?

— А... Почему бы не?..

Игрок не дал ему договорить. Может быть, чтобы не позволить сказать неприличную глупость.

— Но это же ребенок! Может быть, со временем из него вырастет новый Капабланка или Алехин. Но если даже и нет... — Прозвучало это укоризненно-уещающе.

Мысль была понятна, и даже нравственная позиция говорящего.

Только неувязочка получалась...

— Если все так... Как же вы позволяете людям воевать, убивать миллионы себе подобных? И нам тоже позволяете...

В голосе Игрока послышалась досада:

— Тебе нужно объяснять, в чем разница между ребенком у доски и шахматной фигуркой на ней?

Шульгин глубоко затянулся сигарным дымом, чего ни по каким канонам делать не полагалось.

— Спасибо, не надо, — давясь кашлем, ответил он.

— Это хорошо. Мы почти договорились. Последнее — если хочешь найти своего друга, отправляйся прямо сейчас. Не возвращаясь на Землю. Как вернуться «оттуда» — догадаешься сам.

— Хорошо, хорошо, я понял. Только зачем Андрей там, и что нам нужно сделать в будущем? Хоть намекни, что это за реальность, какое у нас к ней отношение?

Шульгин отчаянно старался заставить своего собеседника сказать что-то конкретное или вынудить его проговориться. Отправляться в неведомую реальность, не зная, что там делать, как себя вести, с сомнительными шансами на возвращение не очень хотелось.

Изобразить благородство, сочувствие, трогательную заботу о «меньших братьях» могущественному Игроку, который не отвечает ни за что ни перед кем, — раз плюнуть. Вполне возможно, что все совсем наоборот. Выкинули из реальности Новикова, сейчас предлагают добровольно уйти туда же ему...

Вовремя сбежав с яхты, Сашка спутал им карты, вот они и исправляют сейчас свой промах.

— И это — ваше дело. Сами во всем разберитесь, поймите условия и правила. Времени и возможностей у вас достаточно. Играйте, парни, играйте. Нет ничего увлекательнее хорошей игры с сильным партнером...

Сашке показалось, что он услышал звук опускаемой на рычаги трубки и короткий гудок отбоя.

Почему бы и нет? Он ведь сам придумал себе такой образ связи с Игроком.

...Удолина он нашел там же, где и оставил. Несмотря на то что профессор успел отдать должное даровому угощению, ему хватило благоразумия не вообразить себя отважным исследователем, самостоятельно отправившись на поиски нового знания.

— Все, Константин Васильевич, нам пора покинуть этот

гостеприимный уголок. Срочно возвращаемся домой. Потом придем сюда еще, после соответствующей подготовки. Чувствую, ждет нас тут много неожиданного и интересного...

— Готов. Полностью доверяюсь вам. Никогда не думал, что в «тонком мире» бывает и такое. Впрочем, отчего же? Мы все в плену стереотипов. Если сталкиваешься с потусторонним, то обязательно ждешь этакого... — Он изобразил в воздухе причудливую фигуру левой рукой, поскольку правой продолжал цепко удерживать полупустую круглую бутылку драгоценного «Арманьяка». — Демонов, чертей с рогами и хвостами, на худой конец, алмазную гору, у подножия которой восседает Будда Шакьямуни. А то, что равновероятен и такой на первый взгляд приземленный вариант...

Как всегда, после пятой примерно рюмки профессора несло, и его философские построения раз от разу становились все неожиданнее и оригинальнее.

Но тут же мысль его сделала неожиданный скачок:

— Вот как вы думаете, милейший Александр Иванович, что, если исключительно в виде научного эксперимента захватить отсюда пару бутылочек этого нектара, настоящего на амброзии? Удастся ли пронести его через грань миров или же он растает в волнах эфира?

— Ну и проверьте, — с усмешкой сказал Шульгин. Побуждения Удолина были ему понятны. А ведь может и получиться, раньше они свободно перемещали материальные предметы отсюда на Землю и обратно.

В карманах профессорского сюртука поместилось всего четыре бутылки. Он с сожалением окинул напоследок почти не поредевшие ряды алкогольной рати и, вздохнув, последовал за Шульгиным.

Когда Удолин, подобно индийскому факиру, растворился в воздухе на том самом месте, где они высадились (Шульгин предположил, что это может иметь значение, а то вдруг в Стамбуле профессор возникнет не в своем гостиничном номере, а на уровне третьего этажа над Токатлианом), Сашка с сожалением подумал, что не скоро узнает, чем завершился эксперимент.

И шагнул вперед, твердо рассчитывая оказаться там, где нужно, и в нужное время.

*ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА**Октябрь 2055 года.**Австралия*

...Простившись с девушками и дав им последние руководящие указания, мы с Джонсоном спустились в резиновый клипербот с подвесным мотором. Капитану Ларсену на всякий случай было предписано дрейфовать за пределами 12-мильной пограничной зоны.

По реке мы поднимались вверх больше двух часов, а когда увидели вдалеке, на пологой возвышенности, громадную эвкалиптовую рощу, под кронами которой гостеприимно краснели крыши аккуратных и вполне зажиточных на вид коттеджей, спрятали лодку в густых прибрежных зарослях и километра четыре прошли пешком по классическому бушу. Красноватая земля, редкие купы колючих кустарников, палящее солнце и горячий, почти неподвижный воздух.

Первая встреча с населением Земли Обетованной оказалась волнующей эмоционально, но только лично для меня. Роботу на сей торжественный миг было наплевать, да и аборигенам тоже.

Пряча на всякий случай пистолеты в кобурах под просторными бледно-зелеными френчами, надвинув на глаза широкополые стетсоновские фетровые шляпы, мы вошли в ограду придорожного кемпинга, отделенного от собственно поселка примерно милей пустынного шоссе.

«Кемпинг Марри-Бридж» значилось на вывеске, исполненной без всяких вполне здесь ожидаемых новомодных штучек. Обыкновенной флюоресцентной краской на обыкновенном листе кремового пластика в металлической окантовке.

И внутри ограды ничего столь уж экзотического. На пыльной бетонированной площадке, напротив очень похожей на наши бензоколонки (только на белой табличке ясно обозначено «Hidrogen-mikst», водородная смесь по-нашему) одиноко грелся на солнце автомобиль тоже почти традиционного вида — 4 колеса, светло-синий кузов-купе, ну, может, образующие линии, выштамповки капота и крыльев слегка не-

привычны, да, заглянув в окно, я вместо рулевого колеса уви-
дел нечто вроде штурвала бомбардировщика: слегка изогну-
тую поперечину на рулевой колонке и два коротких отростка
на концах.

Невелик прогресс для семидесяти прошедших лет. Прав-
да, неизвестно, что там за движок под капотом, может, разме-
ром в кулак и в триста лошадей мощности. Опять же, судя по
топливу, атмосферу не загрязняет, на выхлопе вместо СО и
прочих пакостей — обычный водяной пар.

Об эвкалиптах и прочих деревьях и кустарниках, окружа-
ющих стоянку, я не распространяюсь, поскольку флора не
меняется миллионы лет, а я настолько слаб в ботанике, что не
заметил бы особой разницы даже по сравнению с мезозой-
ским периодом.

Конечно, я бы хотел, чтобы мои записки несли в себе
такой же информационный и эмоциональный заряд, как, ска-
жем, очерки Солона о посещении Атлантиды, но увы... Пока
что ничего экстраординарного вокруг не наблюдалось.

Совершенно так, как в любом придорожном кафе вдоль
Панамериканской магистрали в 1979, скажем, году, за стой-
кой боролся с дремотой бармен или лично хозяин заведения,
типичный до нарочитости.

Мужик лет сильно за пятьдесят, загорелый, кряжистый,
полуседой, не слишком бритый, в кремовой рубашке с пятна-
ми пота на груди и под мышками.

В легком здании с настежь открытыми окнами кондицио-
нер смысла не имел, а вполне традиционный вентилятор под
потолком только бессмысленно перемешивал вязкий и теп-
лый, как кисель, воздух.

Вот телевизор, или то, что его здесь заменяло, был дейст-
вительно хорош. Справа от стойки висел в воздухе куб не куб,
сфера не сфера, а нечто среднее, короче, абсолютно трехмер-
ное изображение, обойдя которое можно было увидеть пер-
сонажей какого-то приключенческого фильма и сбоку, и
сзади. Они бегали, стреляли, разговаривали, скакали на
конях, и совершенно невозможно было вообразить, как это
сделано.

Ну, представьте себе «Великолепную семерку», одновре-

менно демонстрируемую и с точки зрения ковбоев Криса, и бандитов Калверы...

Увидев нас, бармен (назовем его пока так) лениво оживился:

— Добрый день, джентльмены. Желаете обедать или просто выпить? Сок, кофе, виски?

То, что мы пришли пешком, его словно совершенно не удивило.

Впрочем, англосаксы всегда славились демонстративным безразличием к чужим проблемам и причудам. Угодно бродить пешком по сорокаградусной жаре — ваше дело.

Я посмотрел на часы. Да, 13.08. Вполне время обеда.

Бармен тоже посмотрел. С интересом.

— Что это у вас?

— Где?

— Да вот, на руке, — он указал на мой золотой «Лонжин» с репетицией, двумя секундомерами и прочими причиндалами, купленный в прошлом году в Париже.

— Часы. Что, не приходилось видеть?

— Приходилось. В музее, в Мельбурне. Видать, вы сильно богатый человек.

— Как вам сказать, — заскромничал я. — Не бедный. А это память деда. Он всем своим внукам на память подарил нечто этакое. Мне вот — часы.

— Хорошо иметь такого деда, — с долей зависти сказал бармен. — А что вам все-таки подать? Из свежего можно бифштекс или яичницу с беконом. Консервы — какие угодно.

— Пусть будет яичница, — согласился я. — Виски все тот же дед велел пить только после захода солнца. Поэтому или пиво, если есть холодное, или холодный же сок. Потом — кофе.

— Всего по два? — чисто механически уточнил бармен.

— Одно, — для убедительности я поднял вверх указательный палец.

— А он? — Бармен посмотрел на Джонсона с легким недоумением.

— Он — кришнаит. Ест только пророщенный рис, да и то раз в сутки. Смешно, правда?

— Кому что нравится, — пожал тяжелыми плечами бар-

мен. — У нас тут неподалеку живет иудей, так тот не употребляет ни кенгурятину, ни кроликов, зато тащится от фаршированной щуки, которую выписывает из самого Тайлем-Бенда. У нас ее нет, а в озере Александрина хорошо на блесну ловится...

— Вот и я о том же... — Похоже, хоть на кулинарной почве, но контакт начал устанавливаться.

Минут через десять сам же бармен, а скорее всего и хозяин тоже, не имеющий в штате ни официантки, ни даже жены или дочери, поставил передо мной скромный обед.

Но проблема оставалась, и ее надо было решать.

— Может быть, все же выпить стаканчик виски? — разглядывая ассортимент бара, спросил я тоном борющегося с искушением, недавно завязавшего алкоголика.

— Отчего же и не выпить? — согласился бармен, имени которого я пока не удосужился узнать. Но, по законам психологии, время для этого еще не пришло.

— Одному неудобно. Составите компанию? За мой счет, разумеется.

Бармен, очевидно, лицемерить не умел, но придерживался одних со мной принципов.

Если бы он пил в одиночку в своем заброшенном у черта на рогах заведении, то спился бы давным-давно. Но выпить ему все равно хотелось, я понял это по тяжелой грации, с которой он швырнул на стойку стаканы и плеснул в них куда больше стандартной западной порции. Но и не сто пятьдесят, конечно, как налил бы аналогичный русский буфетчик. Где-то граммов по девяносто он налил. Зато и не водки, а виски градусов под шестьдесят.

Выпили не чокаясь, разумеется, и без тоста, а так, понимающе подмигнув друг другу.

Наскоро съев яичницу, я предложил повторить и возражения не встретил.

Теперь пора было переходить к делу. Моего собутыльника, как я теперь знал, звали Саммерс. Неясно только, имя это было или фамилия. Уточнять я не стал, назвавшись, в свою очередь, Биллом.

— Знаешь, друг, — издалека начал я, раскуривая сигару и протянув такую же бармену. Он ее взял, понюхал и отложил в

★ сторону. Очевидно, мой тон его насторожил. — Дело в том, что у меня нет с собой подходящих денег...

Да, к финансовым проблемам они здесь подходили серьезно. Я еще и фразу не договорил, а Саммерс уже стал нависать надо мной, подобно какому-нибудь Кинг-Конгу. Будто и не пили вместе. Наш буфетчик хотя бы дослушал сначала.

— Так что же ты... — прорычал он, на глазах теряя человекоподобие.

— Спокойно, парень, спокойно. — Я тоже встал, показывая, что если я и уже его в плечах, то в остальном никак не уступаю. — Я сказал — подходящих, а не вообще...

— Тогда я чего-то не понял. Любые деньги — это деньги. Если они есть...

— Вот именно. Мы с Джонсоном — путешественники. Из Англии. Решили пересечь Австралию по рекам на каноэ. Из Сиднея по Уоллондилли до Маррамбиджи. Потом по Муррею до океана. Все было хорошо, мы плыли почти три месяца. А за десять миль до вашего занюханного городишка налетели в сумерках на полузатопленное бревно и...

— И что? — с любопытством спросил бармен, смиряя свою агрессивность.

— И все утонуло, все припасы, все документы и наличные деньги тоже. Осталось вот это... — Я выложил на стойку золотую монету в двадцать крюгеррандов чеканки 1920 года. С заблаговременно пробитой в нем дыркой и продетой в нее золотой же цепочкой. — Если ты, Саммерс, возьмешь это в уплату за обед, а сдачу дашь нормальными бумажками, то мне хватит добраться до Аделаиды и связаться со своим банком, я думаю.

Он посмотрел на меня более чем подозрительно. Но теперь явно видел во мне не фраера, захотевшего поесть и выпить на халяву, а просто возможного мошенника.

— Подожди. — Извлек из нагрудного кармана нечто вроде телефонной трубки размером меньше пачки сигарет, нажал три кнопки. Интересное средство связи. Намного компактнее радиотелефона и без торчащего штыря антенны.

— Кейси? Здесь я. Можешь подойти? Прямо сейчас. Давай. Пушку? Ну, прихвати, хотя у меня и своя есть...

Пушкой меня не испугаешь, пользоваться я умею этим делом наверняка лучше здешних провинциалов, хотя кто

знает. Но в наше время так откровенно в сельских чайных не разговаривали.

Кейси появился на самом деле прямо сейчас, минут через пять. А какие здесь концы? Оказался парнем лет тридцати, в белых шортах и розовой рубашке, на поясе массивное устройство в открытой кобуре, похоже на револьвер с перламутровой рукоятью, а над левым карманом бляха вроде шерифской.

«Начальник, твою мать, — подумал я. — Если первым делом спросит документы — будут сложности. Не стрелять же мне в него, на самом деле...»

Но до документов дело не дошло. Впрочем, я же сказал Саммерсу, что все утонуло.

— Какие проблемы? — осведомился Кейси у бармена, оглядывая нас профессиональным взглядом. Выглядели мы сообразно легенде. Костюмы достаточно заношенные, однако видно, что недешевые. Видно, что сушились они после вынужденного купания прямо на теле. Щетина — суточная. Прически тоже в самый раз.

Не вдаваясь в детали, Саммерс бросил на стойку перед «шерифом» мой брелок.

— Как считаешь, это чего-нибудь стоит? Парень задолжал мне два фунта. Хочет расплатиться этим и получить сдачу.

Кейси внимательно осмотрел монету и цепочку, подкинул на ладони, классически, словно не в XXI веке, а в каком-нибудь X, попробовал на зуб. Обернулся ко мне.

— Можете крупно прогадать. Насколько я понимаю, если продавать это по весу, получится фунтов 20. Но грамотный нумизмат наверняка заплатит впятеро, если не больше. Начало прошлого века, большой раритет...

Смотри-ка, честный парень. Я здешних цен на золото и курсов валют не знал, но по порядку величины так примерно и выходило.

— Я — старший констебль полиции графства. Кроме того — его сын и студент исторического факультета Мельбурнского университета. Что у вас случилось, какая помощь требуется?

«Удачно выходит, — подумал я. — Полицейский и одновременно историк. Грех не воспользоваться».

Очень кратко повторив свою историю, я несколько раз назвал Кейси коллегой, пояснив, что я тоже историк, специализирующийся по европейской истории XVIII—XIX веков, а также любитель водных видов спорта.

— Я вам предлагаю такой вариант, — подумав, сказал Кейси. — С отцом я рассчитаюсь, потом мы поедем в Тайлем-Бенд, там у меня дом, по моему компу вы свяжетесь со своим банком и получите деньги. Тем самым сохраните свой раритет. О'кей?

Как раз никакого о'кей я здесь не видел. Но — поедем, по дороге я постараюсь что-нибудь придумать.

Кейси приехал на большой желтой машине с полицейскими эмблемами на дверцах. Вопреки моему ожиданию, внутри было прохладно, несмотря на то что стояла она на самом солнцепеке. Хороший кондиционер, вернее — хорошие аккумуляторы. Наши без подзарядки мотором сели бы через полчаса.

По дороге мы болтали о том о сем, и одновременно я внимательно присматривался к специфике управления автомобилем. Принципиально ничего сложного, одно только меня расстроило — перед пуском двигателя Кейси засунул в щель плоскую карточку вроде визитной. Значит, чужую машину даже при крайней необходимости утнать не удастся.

Плохо, ограничивает возможности в случае гипотетических заварушек.

Вопросов я старался не задавать, а фразы строить как можно нейтральнее, избегая любой конкретики.

Машина шла хорошо, миль под 60 в час, причем очевидно, что управлялась бортовым компьютером, роль водителя ограничивалась лишь тем, чтобы в случае необходимости несколько корректировать траекторию движения и скорость.

Как бы между прочим я заметил, что все же предпочитают продать брелок с максимальной выгодой здесь и за наличные, поскольку ни банковским счетом, ни вообще помощью кого-либо из известных мне людей я воспользоваться не могу...

Кейси это крайне удивило.

— Видите ли, я заключил очень серьезное пари. Совер-

шенно в духе XIX века. У меня с женой есть старинная парусная яхта в 400 тонн, и в прошлом году мы отправились в крутосветное плавание, с условием абсолютно подражать обычаям и техническим возможностям излюбленной нами эпохи. В том числе — не пользоваться современными средствами связи, вообще достижениями нынешней цивилизации. От момента выхода из Думбартона и до возвращения я могу рассчитывать только на ресурсы, имеющиеся на борту, или на то, что сумею добыть без посторонней помощи. Все свои капиталы я перевел в наличные деньги, и они хранятся в сейфе «Призрака». Сама же яхта, высадив нас в Сиднее, пошла в обход Австралии, с заходом на острова Фиджи и в Новую Зеландию. В ближайшие дни она должна принять нас на борт в Аделаиде. Так что мне просто нужны деньги, чтобы добраться туда и прожить какое-то время.

— Вы что же, и связи с яхтой не имеете? — поразился Кейси.

— Именно так. В этом вся и прелесть. Как можно испытать чувства путешественника позапрошлого века, зная, что в любую секунду, стоит только позвать, тебя непременно спасут в любой ситуации. Вы читали «Дети капитана Гранта» Жюль Верна?

— Кажется, в детстве смотрел что-то такое по стерео. Там люди путешествовали на фургоне через Австралию?

«Бедный Жюль Верн, — подумал я. — Впрочем, целых 200 лет прошло. Однако же «Робинзона Крузо» я помню почти дословно... У нас в детстве не было «стерео».

— А если бы вы потерпели аварию не в десяти милях от обитаемых мест, а в горах посередине континента?

— Постарался бы выбраться и оттуда. Или... Точно так же себя чувствовал, например, Ливингстон в дебрях Африки или первооткрыватели вашей же Австралии...

— Сурово...

— Разумеется. Зато когда я вернусь домой, я могу выиграть сто тысяч фунтов плюс возмещение дорожных расходов.

— Неплохо, — кивнул Кейси и вдруг обратил внимание на моего спутника. — Мистер Джонсон, кажется? Отчего он все время молчит? Глухонемой или языка не знает? Он швед?

— Я же говорил вашему папаше — он буддист. Исповеду-

ет надеяние, немыслие. Главное, он постоянно спокоен. Даже когда мы тонули, он не делал ничего.

— Тогда зачем он вам?

— С ним интересно. Что сейчас сделаете вы — я представляю. Что он придумает — никогда. Кроме того, он очень сильный и знает 12 языков. В путешествиях это полезно...

— Вам интересно, когда вы тонете, а он ничего не делает?

— Конечно. Когда вы тонете, а он делает не то — гораздо хуже...

Мы разговаривали, а я все отчетливее понимал, что полицейский мне не верит и что вскоре поступит очень для меня нежелательно.

Что ж, значит, так суждено. Я не сумел убедительно сыграть роль сумасшедшего путешественника. Допустил прокол, не замеченный мной, но очевидный для Кейси. А чего же вы хотите? В нашем времени выходец из середины XIX века, пусть даже такой крутой, как Стенли или лорд Джон Рокстон, спалился бы еще быстрее, чем я здесь.

Ничего-ничего. Не зря я больше люблю играть в преферанс на последней руке. Пусть делает свой заход.

Все равно потом все будет как должно. И не иначе. В противном случае — для чего было все остальное?

Кейси привез меня в свой провинциальный полицейский участок. Нормальный двухэтажный дом, где внизу помещался офис, а наверху — его трехкомнатная квартира.

— Вы не против, сэр, если ваш спутник подождет внизу? — очень вежливо спросил Кейси, но его тон и взгляд не предполагали моего несогласия.

Разумеется, я кивнул утвердительно, хотя для порядка следовало бы повозмущаться, заявить протест или просто спросить холодно — что все происходящее значит?

— Только скажите своим людям (а в участке пристальное внимание к нам проявили сразу три рядовых полицейских, тоже снабженных местными пистолетами), пусть угостят Джонсона чаем и дадут ему почитать газету или журнал, и — без грубостей. Он этого не любит...

Когда мы поднимались по лестнице, Кейси спросил очень по-человечески:

— Вы так беспокоитесь за своего приятеля. А он, наверное, даун?

— Ну и что? — ответил я по-одесски. — Были бы вы дауном, стоило к вам относиться хуже, чем к нормальному человеку? И уверены вы, что мы с вами нормальнее его?

— Значит, все-таки даун, — ответил Кейси не мне, а себе на вопрос.

Неплохая у него была наверху комната, ухоженная, чистая, на полках масса книг, хотя и компьютер с огромным монитором тоже присутствовал. Совершенно другого вида, чем наши, но ошибиться в назначении прибора было невозможно.

Кейси сел за стол, указал мне на кресло напротив и как бы невзначай достал из кобуры свой пистолет, положил перед собой.

— Вы позволите?

Помня уроки Сашки Шульгина, я взял эту пушку быстрее, чем он успел опомниться. Осмотрел, повертев в пальцах. Догадался о принципе действия (некто электроимпульсное, поскольку нормального дульного отверстия не имелось, а торчали в этом месте две похожие на электроды проволоочки и окружающее их кольцо светлого металла). С любезной улыбкой протянул обратно рукоятку вперед.

— Возьмите, господин главный констебль. Сообразили, что, во-первых, я вам не враг, а во-вторых — не в свои игры связываетесь? — и тут же, для убедительности, выдернул из-под мышки свою «беретту», крутанул за скобу на пальце и тоже положил на стол перед собой.

— Можно посмотреть? — спросил достаточно ошарашенный моими фокусами парень, протянув руку к пистолету.

— Запросто. — В том же неуловимом глазами темпе я выдернул из рукоятки магазин, передернул затвор, поймав патрон в полете, и протянул ему уже безопасное оружие.

— Да...

— Я же говорил — начало XX века. Очень просто и надежно. Наверняка лучше вашего оружия. А теперь быстро — чем я вам не понравился? Чьего шпиона вы во мне увидели?

Нет, выдержка у парня была хорошая.

— Шпиона? О чем вы? Я просто догадался, что здесь вы не

жили. На Земле, я хочу сказать. Профессор истории — смешно. Вы не со звезд прилетели?

Хороший вопрос. Уже по их телевизору я узнал, что к звездам они летают, причем куда проще, чем у Ефремова. Примерно так, как в «Попытке к бегству». Без всякого релятивизма, за месяц на сто парсек и обратно. Это было странно для меня, ибо одно дело — фантастика, другое — реальные межзвездные перелеты. Это может показаться странным, но собственные приключения я за фантастику не воспринимал. Тут, как понятно любому, совсем другое дело.

К звездам летали Альба и ее друзья. Но они жили в XXIII веке, и принципы космогации у них были, я бы сказал, более традиционные.

— Давайте, молодой человек, разговаривать как серьезные люди. В чем вопрос? Отчего вы не согласны видеть во мне соотечественника? — Тут я очевидным образом блефовал, поскольку не смог бы выдержать даже пятиминутного допроса. Но ведь и сдаваться без боя тоже глупо. — Был бы я шпионом или агентом инопланетян, наверняка сумел бы подготовиться так, чтобы комар носа не подточил... Легенда, документы, деньги, само собой...

— Согласен... — Кейси выглядел умным человеком, причем не имеющим законченной гипотезы, ради которой стоит стрелять или вызывать группу захвата. Он сам недоумевал и ждал разъяснений, которые могли бы снять его недоумения. — Монета. Ваша монета...

— А что? — Тут уже я искренне не понимал. Хотя...

— Вы историк? Как же вы не знаете?.. Южно-Африканский Союз прекратил свое существование в 1925 году. С тех пор нет такого государственного образования, а последние выпущенные им золотые монеты, как раз в 1913 году, именно в 20 кюргеррандов и крайне малым тиражом, стоят сейчас на коллекционном рынке до 500 тысяч фунтов. В зависимости от сохранности. Ваш — с отверстием для цепочки, это снижает его цену. Но — тысяча триста минимум он стоит все равно. А вы хотели отдать его за 20 фунтов... Отец бы взял, а я ведь не только историк, я еще и нумизмат...

Здорово! Вот это здорово. Провал, но элегантный. Не на

банальном незнании, как зовут нынешнего британского короля или королеву (а я этого действительно не знаю).

Кто такой сноб? Это человек, который желает, чтобы упавшая на голову доска была непременно из красного дерева. Вот и я тоже...

Как бы я у нас в московском клубе нумизматов попытался загнать «константиновский рубль» за пятерку! Впрочем, у нас бы как раз взяли без звука, втихаря хихикая и потирая руки.

Но парню-то я сейчас что отвечу. А если?..

— Вообще я рад, что встретился именно с вами, Кейси. Другим пришлось бы объяснять гораздо дольше. На каком принципе действуют ваши звездолеты?

— На хроноквантовом. Это означает...

— Достаточно. Слово сказано. Следовательно, о «хроносе» вы имеете полное представление. Ну вот, я пришел к вам в гости из параллельного времени. Увы, случайно, почему и подготовиться не успел. А с монеткой... У нас это вполне нормальное платежное средство. Конечно, в свободном обращении их нет, бреттон-вудский договор признает золотой стандарт чисто номинально, но любой банк и ювелир примет любую золотую монету из расчета 35 долларов за тройскую унцию. Не предполагал, что у вас произошла эта коллизия с ЮАС. Сожалею. Лучше было бы предложить вашему родителю русский золотой червонец или соверен короля Георга. Надеюсь, эти державы у вас еще существуют?

— Русский червонец подошел бы, а соверен тоже достаточно большой раритет, — машинально ответил Кейси, а потом до него дошел полный смысл сказанного мною...

Следующие полчаса парень засыпал меня вопросами, причем, как я понял, он и удовлетворял вполне понятное любопытство историка, и продолжал допрос, рассчитывая подловить меня на незнании того, что знать я должен даже в рамках легенды и наоборот.

Но уж тут ему ловить было нечего. Для простоты я представился выходцем из своего подлинного 1984 года и, в свою очередь, принялся выяснять, где образовалась развилка в здешнем варианте.

— Знаете что, — предложил мне наконец Кейси, явно

утомленный обилием информации и эмоциональным стрессом, — давайте вы поживете у меня денек-другой, прочитаете несколько моих учебников, тогда нам будет легче общаться. А потом...

— Что потом? Представьте меня широкой научной общественности? Мне бы этого не хотелось. Скажите лучше, есть реальная возможность все же обратить мою монетку в живые деньги? Яхта придет за мной дня через три, не раньше, да и на ней пригодных к употреблению в вашем мире денег нет. Только золото, которое и так и так придется реализовывать.

— А что, яхта действительно существует? — опять удивился он.

— Дорогой друг, — с апломбом произнес я, — запомните, ко лжи я прибегаю только в самых критических случаях. Обычно же стараюсь говорить правду. И яхта есть, и моя жена на ней, и приличная сумма в золотых монетах всех стран мира, которые в нашей реальности их чеканили.

Кейси даже задохнулся от восторга.

— Так это же фантастическое богатство. Монеты, отекающие в нашем общем прошлом, почти все давно уже раритеты. А выпущенные в параллельной реальности...

— Будут немедленно признаны элементарными фальшивками. Кто у вас купит испанский дублон 1980 года, если все знают, что там последние сто пятьдесят лет обращаются бумажные и серебряные песеты? Разве что для юмора или на вес...

— Да, это правда. Но все равно...

— Конечно. Поэтому я и предлагаю продать для начала мой круггерранд, ваша доля за комиссию — половина. После чего, до тех пор пока (и если) я не найду способа вернуться домой, вы можете поступить ко мне на службу в качестве консультанта, референта, компаньона, в конце концов. Миллионером вы станете гарантированно, два-три десятка сверхдорогих монеток мы найдем. Кроме того, вместо скучной полицейской службы получите возможность заняться практической историей, повидать мир и так далее... Соглашайтесь, Кейси, не прогадаете.

Вербовка была проведена стремительно и вполне успешно. Да и какой разумный человек отказался бы от предложен-

ных условий? Тем более не в шпионы же я его вербовал. И Кейси это понял.

— Пожалуй, я соглашусь. Мне и самому смертельно надоело носить эту бляху. Но иначе на учебу не заработаешь. Отец от своего кемпинга имеет только-только чтобы прокормиться самому. Но мы с вами заключим контракт?

Хотел бы я знать, что в этом контракте может быть написано?

— Пожалуйста, составьте. Только вряд ли он будет иметь юридическую силу, раз я сам здесь как бы не существую. Мне кажется, я рискую гораздо больше. Я сейчас отдам вам монету ценой в полмиллиона, вы тут же меня арестуете и сдадите в местный аналог ФБР или МИ-5 как альтаирского шпиона. Деньги останутся вам, а я скорее всего исчезну бесследно, поскольку действительно не существую в вашем мире. Убедительно?

— Мне кажется, ваш мир стоит на гораздо более низком моральном уровне, чем наш. Я мог бы задержать вас прямо сейчас по обоснованному подозрению...

— В том, что инопланетянин?

— Нет, куда проще. В том, что вы агент южноафриканских террористов. Они, кстати, не так давно учинили крупное побоище в Дурбане. Но и в этом случае монета была бы приобщена к делу. Подумать, что я могу ее украсть...

Возмущение Кейси было неподдельным. Черт его знает, возможно, они и вправду здесь такие честные.

— Ладно, извините. Наш мир на самом деле пожестче вашего. Еще узнаете. Поэтому скрепим наш договор просто рукопожатием. Я остаюсь у вас, читаю ваши книги. Вы отправляетесь... в Мельбурн, в Сидней, не знаю, продаете крюгерранд и возвращаетесь с деньгами. Потом мы едем в Аделаиду, на встречу с «Призраком». Заодно неплохо бы обзавестись какими-нибудь документами. У вас нет знакомых, которые могли бы выдать мне какую-нибудь справку взамен утопленного паспорта?

Я опасался, что такой вопрос вызовет у честного констебля очередной взрыв праведного гнева. Но он отреагировал совершенно нормально:

— Подумаем...

Очевидно, в этом случае я грани дозволенного не перешел.

— А пока приведите моего друга Джонсона, скажите своим подчиненным, что я ваш гость и заслуживаю должного уважения, и потом покажите ваш городок. Я не собираюсь сидеть здесь безвылазно.

— Хорошо. Но все же ваш Джонсон странный парень, нет?

— Не более, чем вы или я. Узнаете его поближе, измените мнение. И последнее. Мне не слишком приятно об этом говорить, но если возникнут недоразумения — у ваших людей против нас нет шансов. Так что давайте их избегать. На моей Земле выживают только профессионалы.

Для убедительности я продемонстрировал Кейси еще одну штучку. Выхватил по-прежнему не заряженный пистолет из заднего кармана левой рукой, пять раз щелкнул курком, направляя ствол каждый раз на разную цель, перекинул «беретту» в правую руку и забросил ее в плечевую кобуру. Все заняло от силы три секунды.

— Видели? И все пять раз я попал бы в консервную банку на сто футов. В магазине пистолета 18 патронов. Сменить обойму — еще секунда. Так что человек 20—25 я положил бы раньше, чем они достали бы свои «пушки». Так и живем...

— Убедительно, — вздохнул Кейси. — Обещаю, недоразумений не будет. Но и вы держите себя в руках, а то неправильно поймете чей-то неловкий жест...

— Вот за это не беспокойтесь. Когда все вокруг умеют то же, что и ты, особенно нервные тоже не выживают.

Полицейский зябко передернул плечами. Небось подумал: ну и монстры же они там, у себя.

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

Ноябрь 2055 года.

Тайлем-Бенд, Австралия

Когда просыпаешься утром, иной раз — в самый первый момент пробуждения вдруг охватывает прямо-таки вселенская тоска. «Вельтшмерц», как называл ее немецкий фило-

соф. Без какой-то существенной причины, если не считать таковой вообще все случившееся со мной за последние полтора, или сколько там точно, года.

Тоска сменяется не менее тягостным недоумением — почему и для чего все случилось именно со мной?

Причем ведь и жаловаться вроде бы не на что, мощь моя и причастность к власти над миром настолько велика, что и представить трудно. За гораздо меньшее люди не только рисковали жизнью, но и шли на невероятные злодеяства.

А я вроде бы ничего такого не желал и обдуманых преступлений и подлостей не совершал, а вот поди ж ты...

Остается предположить, что гложет меня в эти утренние мгновения, когда мозг и чувства обнажены, не успели перенастроиться на «злобу дня», самая обычная ностальгия средненького человека по спокойной, тоже средненькой, тусклой, но уютной и предсказуемой на десятилетия вперед жизни. Читано ведь не раз в книгах известнейших людей, что почти у каждого бывают, и не раз, в жизни такие моменты.

Тот же прославленный своими одиночными кругосветками Чичестер признавался, какое отчаяние охватывало его в море и как страстно ему хотелось оказаться на берегу, в своей уютной вилле, и никогда больше не ступать на палубу «Джипси Мод».

Но мгновения слабости обычно быстро проходят, поскольку, хочешь не хочешь, следует жить и исполнять свои обязанности.

Следующие три дня я провел с огромным для себя удовольствием. Связался по радио с «Призраком» (ведь это только по легенде я не имел связи с яхтой), успокоил Ирину и договорился о времени и месте randevu. После чего полностью окунулся в историю данной реальности. Какая она по счету? Для меня выходит, что пятая, если считать за две разных нашу родную до и после появления в ней Ирины и Антона.

Утром, около восьми часов, мы с Джонсоном спускались вниз, вежливо здороваясь с заступившими на службу полицейскими, которых я уже знал не только по именам, но и различал привычки и характеры.

Шли в кабачок на берегу полноводного Мюррея, плотно завтракали (в смысле — завтракал я, незаметно для официан-

тов съедая обе порции), после чего, запасшись коробкой неплохого бутылочного пива и сигаретами, возвращались «домой». Кое-какие деньги у меня были — одолжил Кейси в счет будущей прибыли, сотня десятифунтовыми бумажками и мелочь по одному и по два шиллинга.

Робот садился в первой комнате, играя роль часового, я же устраивался в шезлонге на балконе и, обдуваемый прохладным ветерком с реки, погружался в чтение. У Кейси было много интересных книг, но мне сейчас было достаточно лишь одной — «Всемирной истории» Кунца и Мюллера.

Сolidное трехтомное издание в пять с лишним тысяч страниц убористого шрифта, отпечатанное на очень тонкой, явно синтетической негорючей «бумаге». Надо будет приобрести такое в собственность, вполне годится как наглядное пособие по «практическому прогрессорству» в нашем мире.

Собственно, меня интересовала только вторая половина последнего тома. От момента легко найденной мною «развилки».

Что меня поражало раньше и поражает сейчас — какая-то в принципе необъяснимая закономерность. Отчего изложенная в предыдущих томах история абсолютно, до самого незначительного факта, совпадает с нашей, и вдруг — не всегда логически объяснимый слом, и все катится совсем в другую сторону.

Отчего никогда не бывает так, чтобы изменения накапливались постепенно, чтобы можно было отследить достаточно наглядную цепочку «неправильных событий», в конце концов и приводящих к неизбежности «смены реальностей»?

Самая простая (а может, и самая верная) гипотеза — та, что в каждом случае мы имеем дело именно со спланированной и заранее просчитанной акцией, никакими законами природы здесь и не пахнет. Держатели производят такую операцию, агтры, форзейли, техники из азимовской «Вечности» или мы сами, грешные (как в белом Крыму не так давно), — не суть важно.

Тогда, естественно, никаких предварительных событий, никакого «накопления различий» нет и быть не может.

Если же попытаться все же разглядеть за рядом альтерна-

тив какой-то намеренности на действие объективных, но непознанных законов, то следует провести углубленные исследования.

Прочитав четыреста страниц исторического труда, я пока что понял одно. Развилка, за следующие полтора года почти неузнаваемо изменившая этот мир, обнаружилась в 1904 году. Конкретно — на Дальнем Востоке, в Порт-Артуре, где три случайности, ранее приведшие к поражению России, сработали, что называется, с обратным знаком. Сначала японцы бездарно упустили шанс нанести внезапный и эффективный удар по стоящей на внешнем рейде Первой Тихоокеанской эскадре, затем на минной банке в тот самый день 31 марта в виду крепости взорвался не «Петропавловск» с адмиралом Макаровым, а «Микаса» с адмиралом Того, и, наконец, во время сражения в Желтом море разорвавшийся на мостике японского флагмана «Хатсусе» тяжелый снаряд уничтожил заменившего Того адмирала Камимуру вместе с его штабом.

Разгром был полный.

Вскоре после этого капитулировала сухопутная армия в Маньчжурии и был подписан победоносный для России и достаточно щадящий японское самолюбие мир, открывавший дорогу к послевоенному сотрудничеству, а затем и заключению военно-политического союза.

Не скрою, узнать все это мне было радостно. С раннего детства («Цусиму» и «Порт-Артур» я прочитал лет в десять) несчастная Японская война волновала меня больше любой другой. Гораздо сильнее, к примеру, чем столь же бездарно проигранная Крымская полувеком раньше.

Соответствующую главу «Истории» я прочитал дважды, чуть ли не водя пальцем по строчкам. Все правильно — те же имена, те же до боли знакомые названия кораблей и географических пунктов: Ляодун, Вафангоу, Мукден, Ляоян, бухта Тахэ, острова Эллиот... И все наоборот, именно так, как страстно хотелось в детстве.

Адмирал Макаров остается жив, наши броненосцы метким огнем громят японские «Маджестики»¹, крейсера Владивостокского отряда ведут увлекательные рейдерские опера-

¹ Тип английского броненосца, состоявшего на вооружении японского флота («Микаса», «Асахи», «Фудзи» и др.).

ции, миноносцы лихо выходят в торпедные атаки. Все примерно так, как происходило потом на Балтике в Первую мировую.

Но кое-что очень меня настораживало. Прежде всего — именно столь четкое совпадение с моими собственными представлениями и желаниями.

Отчего развилка случилась именно здесь? Конечно, судьба была к нам весьма немилостива тогда, все упомянутые мной случайности имели место. Но почему бы им нельзя было просто не произойти, а не быть столь четко переадресованными на ту сторону? Даже в этом варианте война могла завершиться иначе. Или не могла?

Смерть адмирала ключевое событие, к которому привязана судьба мира? Он или погибает в точно определенном времени и месте, или нет, и тогда уготованные России беды автоматически переносятся на японцев.

Но это еще так-сяк. В истории и не такое случалось.

Не брось Николай свою блестящую гвардию умирать в Мазурские болота в отчаянной надежде побыстрее выиграть войну, оставь корпус кавалерии и два корпуса пехоты в Петрограде и Царском Селе, и где бы была та Февральская революция? Там же, где и московское восстание 1905 года, грамотно и быстро подавленное одним только гвардейским Семёновским полком!

Это и правда была случайность, помноженная на не слишком грамотный стратегический расчет, а в рассматриваемом варианте меня смущало другое. Случай случаем, а отчего вдруг у огромного количества военных и штатских людей в России менталитет, если так можно выразиться, поменялся?

Почему царь как-то неожиданно от своей вялости и нерешительности избавился, умных людей начал слушать, всерьез приблизил к себе того же Макарова, Витте, Столыпина, Дурново, а дураков и казнокрадов, наоборот, подверг опале и уже до самой мировой войны никаких серьезных промахов больше не допускал?

Каким образом адмиралы, генералы и капитаны 1-го ранга с полковниками начали на поле боя делать именно то, что нужно, а не что в голову взбредет? Приказы четко испол-

нять, собственные планы с реальностью соотносить и намерения противника предвидеть?

В моей реальности именно проигранная Японская война научила, заставила хоть как-то к следующей войне готовиться, а здесь?

Если только предположить, что в известной нам истории первые неудачи, а потом и гибель Макарова так всех деморализовали, что геройски погибать начальники еще могли, а хладнокровно и рассудительно переламаывать ситуацию в свою пользу — уже нет?

«Все, хватит, — сказал я себе. — Основное уже ясно, а деталями займемся позже. Нужно будет как следует порыться в архивах, почитать российские и европейские газеты за пару предвоенных лет, тогда и будем делать выводы. Но только очень и очень вероятно, что совершенно ничего существенного не найдем, и тогда придется поверить, что означенный мир создан в очередной раз на потребу именно мне и по моим лекалам. Сиречь — очередная Ловушка Сознания».

Забавно существовать в мире, где абсолютно все можно объявить химерой, фантоматом из лемовской «Суммы технологий» или творением собственного, не слишком здорового воображения. Однако существовать тем не менее приходится, причем по правилам, принятым здесь.

Вот, например, вымысел это или нет, но есть мне хочется совершенно убедительно, а совсем недавно я по неотложной надобности посетил помещение, предназначенное для прямо противоположных целей. И попробовал бы проигнорировать сию «объективную реальность, данную нам в ощущениях».

Пока же первое дело — быстренько пролистать оставшиеся страницы книги и перейти к изучению реалий сегодняшнего дня, ибо нельзя жить в обществе и быть свободным от общества.

Кейси возвратился на четвертый день после завтрака, и по его совершенно новому блеску глаз, весьма приличному летнему костюму, не совсем, на мой взгляд, подходящего серьезному мужику лилового оттенка, а главное — новому шикарному автомобилю цвета старого золота я понял, что все прошло успешно. И что, пожалуй, в этой стране весьма либеральные законы и обычаи.

У нас бы вряд ли скромный полицейский офицер позволил себе так нагло шиковать на деньги сомнительного происхождения.

Он меня только что не обнял от избытка чувств и тут же, едва кивнув своим сослуживцам (как я понял — уже бывшим), потащил наверх.

Швырнул пиджак на спинку стула, отщелкнул крышку небольшого чемоданчика, весьма похожего на наши «атташе-кейсы», извлек оттуда инфокристалл для компьютера, заменяющий обычные дискеты.

— Вот, смотрите, Эндрю, здесь весь баланс. Я сначала порасспрашивал знающих людей в Мельбурне и понял, что нужно лететь в Лозанну.

Там как раз проходил очередной аукцион антиквариата. Я никого ни о чем не информировал заранее, и мой внезапно выставленный лот произвел сенсацию.

Проблем не было. Поскольку данный экземпляр крюгерранда никогда ранее не проходил по каталогам, а равно и не значился в розыске, вполне сошло мое объяснение, что я нашел его на чердаке в доме недавно усопшего дедушки.

Это, кстати, правда, мой дед скончался в прошлом году в возрасте 103 лет.

— Соболезную...

— Ничего, ничего. Я уже привык. Пожил он неплохо, хотя, конечно, мог бы и еще. Так вот, монета прошла все требуемые экспертизы, была признана подлинной и тут же ушла за 450 тысяч фунтов...

— Недурно.

— И я о том же. Цепочку, кстати, тоже взяли. Анонимный покупатель решил, что в виде брелока с легендой эта вещь выглядит романтичнее и имеет большую ценность.

— Легенду вы тоже придумали?

— Так, наскоро, — махнул рукой мой теперь уже полноценный компаньон. — Не в этом суть. Налог составил чуть меньше 150 тысяч... — Он высветил на мониторе соответствующую справку. — Следовательно, подлежащая разделу сумма — 300 тысяч. Надеюсь, вы сочтете справедливым, что командировочные расходы, представительские суммы и кое-

что еще будет отнесено на ваш счет? Я ведь выполнял ваше поручение...

— Справедливо, — согласился я. — Что значит «кое-что»? И велик ли его размер?

— Не очень. Примерно 20 тысяч. В окончательном итоге — вот ваша кредитная карточка на предъявителя. На счету 135 тысяч фунтов. Если не собираетесь приобрести в собственность небольшой необитаемый остров, на приличную жизнь до конца дней вам хватит.

Что ж, такой расклад меня устраивал. Лишние 25 тысяч, которые урвал себе Кейси, для меня значения не имели ни малейшего.

— И если вы не отказались от намерения и дальше сотрудничать со мной, то вот. То самое кое-что...

Он протянул мне темно-зеленую книжку паспорта с голографическим изображением швейцарского герба.

— Думаю, вам пригодится... Все реквизиты подлинные, а текст вы в печатаете сами. Я не успел записать ваши биографические данные...

Вот тут он действительно молодец. Заслуживает всяческих поощрений... Особенно если удастся не заполнять документ до возвращения на «Призрак», а там сдублировать его для Ирины и Анны.

— Решили завязать с полицейской службой и тут же стали нарушать законы?

Кейси довольно рассмеялся.

— Этого вы тоже не знаете. У нас покупка швейцарского паспорта нарушением закона не считается. Человек, принадлежащий к белой расе, не имеющий криминального прошлого и готовый внести в казну альпийской республики солидную сумму, считается вполне уважаемым членом общества, достойным швейцарского гражданства.

— Интересный обычай. А почему именно к белой? Это не расизм?

— При чем тут расизм? Каждая страна имеет право поддерживать желательный ей национальный состав своих граждан. Думаете, китайцы обрадуются, если к ним в соотечественники станут набиваться «белые дьяволы»?

По-своему логично. Особенно в мире, где страны, насе-

ленные белыми людьми, представляют собой нечто вроде осажденной крепости или средневекового замка, островка свободы, благосостояния и стабильности, окруженного океаном страха, насилия и хаоса...

Признаюсь, мне это даже понравилось. Наверное, потому, что я всегда испытывал склонность к чему-то подобному: любил толстые двери, надежные замки, а более всего — особняки с глухими трехметровыми заборами. Тоже психоз своего рода, а здесь, получается, ему подвержено все цивилизованное человечество.

— Надеюсь, со своей службой вы покончили?

— Да, рапорт я подал и теперь свободен как птица...

— Значит, нам ничего более не мешает поискать новые приключения...

На своем «Форде» (да, именно «Форде», поскольку тот или иной исход Русско-японской войны, очевидно, не помешал Генри Первому основать свою бессмертную автомобильную империю) Кейси за два с половиной часа домчал нас с Джонсоном до Аделаиды. И с широкого приморского бульвара, именуемого Марина-Роуд, я увидел на горизонте знакомые мачты «Призрака».

Сразу потеплело на душе. Все-таки четверо суток пребывания в чужом мире, хотя и не такого рискованного, как представлялось поначалу, стоили мне немало нервного напряжения. А теперь я почти что дома.

— Как правильнее поступить — вызвать катер с яхты или добраться до нее на каком-нибудь местном средстве передвижения? — спросил я у Кейси.

— А какая разница? — удивился он.

— Ну, я не знаю, может быть, существуют специальные пограничные, таможенные, карантинные правила. Мне бы не хотелось лишний раз вступать в конфликт с властями...

— Нет, не думаю. Но, если хотите, найдем катер. Для вашего спокойствия. — Видно было, что парень страшно хочет поскорее своими глазами увидеть корабль и, главное, женщин из другого мира. Здесь его можно понять, поскольку австралийки своим внешним видом энтузиазма не вызывали. В массе это довольно невыразительные, почти лишенные и намек на грацию и обаяние существа. Как, впрочем, и севе-

роамериканки, которых я достаточно навидался в Никарагуа и Сальвадоре. Симпатичных женщин у них, похоже, едва хватает для ролей в кино и фотографий в «Плейбое».

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

Ноябрь 2055 года.

Рейд Аделаиды

...Если на палубе «Призрака» шоком для Кейси оказались едва прикрытые купальниками Ирина и Анна, немислимые по его меркам красавицы, то для меня — широко улыбающийся Сашка Шульгин, в шортах и полосатой майке, с большой кружкой пива в руках.

Это уж совсем ни в какие ворота... Сюрпризы, блин, чтобы не употреблять более крепкого слова.

Представив народу нового спутника и отправив его в сопровождении Джонсона устраиваться в отведенной каюте, я почти бегом поднялся на мостик и, плюхнувшись в кресло, потребовал пива и себе.

— Ну и что ты мне на все это скажешь? — Сашку видеть я был страшно рад, теперь в будущее можно смотреть с оптимизмом, но зато я уже совсем ничего не понимал в «настоящем». — Мы сейчас вообще где, ты соображаешь?

— Если ничего не путаю, то в 2055 году. Так мне Ирина сказала, а потом по телику подтвердили. — Шульгин просто излучал жизнерадостность в 150 лошадиных сил. — Да я вообще только три часа назад прибыл. Личных впечатлений составить еще не успел. Хотя городок с моря смотрится неплохо. Может, в какой-нибудь приличный кабаk закатимся ввечеру? Девочки, судя по всему, воду и палубу видеть уже не могут.

— Это — запросто. — Я сейчас радовался примерно так, как в тот день, когда после годичной разлуки выбрал момент и прилетел к Сашке в Пятигорск, где он проходил преддипломную практику, и мы сидели с ним и с его тамошней подружкой на третьем этаже, вернее, под навесом на крыше кафе «Юность», пили шампанское и закусывали апельсинами, лю-

буясь проецирующей на черное южное небо громадой Машука.

Много смеялись, наперебой острили, стараясь произвести впечатление на симпатичную докторшу Люду, а она, в свою очередь, таяла от подчеркнутого внимания сразу двух столичных кавалеров.

Оркестр играл модную тогда песенку «Скоро осень, за окнами август...», и я улавливал грусть в глазах молодой женщины. Мы уедем в великолепную Москву, а она останется в своем городке, который во время октябрьских затяжных дождей наверняка станет таким же унылым, как любой провинциальный райцентр, потеряет летний курортный шарм...

Но мы с Сашкой были слишком молоды тогда, чтобы настоящему посочувствовать ей. А вот если бы он тогда предложил ей руку, сердце и московскую прописку, то и вся не только наша жизнь, но и судьбы мира могли сложиться совсем по-другому...

Вот же — о чем ни подумаешь, а возвращаешься к одному и тому же...

— О чем ты сейчас так минорно вспомнил? — уловил мое настроение Сашка. Вот же, дьявол, психолог. Или я совсем лицом владеть разучился.

— О Пятигорске...

— А... Я подумал — о селе Ильинском...

Это тоже интересная история, но в другом роде.

— Но все же конкретней, Саш, что все-таки сейчас получилось? Каким, так сказать, ветром тебя сюда занесло? Или мы уже окончательно овладели тайнами пространства-времени?

— Не окончательно, но уже почти полностью. Как социализм построили.

И, не отвлекаясь на излишние сейчас подробности, Сашка изложил мне не только свои приключения в Крыму и Одессе, но и в 1938 году. Момент встречи Шульгина со Сталиным меня даже растрогал. Не чужие все же люди. Хотя я на месте Виссарионыча там бы еще покруче со всеми разобрался.

— А с переходом вообще все просто получилось. Почти по старой схеме. Как тогда, из квартиры в Столешниковом в девяносто первый год. Тем более я теперь формулу знаю. Один

шажок — и я стою на бульваре и прямо перед собой вижу «Призрак». Сказка...

— Не страшно было? Как Берестин выражался — боевой прыжок ночью на лес. Промазал бы всего на неделю в любую сторону, и?..

Я ведь собирался прямо сейчас сниматься и полным ходом в океан. Знаешь куда? Обратно к той же самой точке перехода. Так, на всякий случай, проверить, а вдруг там постоянно действующее окно существует.

Вполне могли разминуться...

— Ну, кое-какая страховка имелась... А ты тоже грамотное решение принял. Интуитивно или от отчаяния, но в «десятку». — Мне показалось, что Сашка темнит, явно чего-то недоговаривает. Ну так у него явно есть свои резоны. Успеем еще наговориться. А он продолжал: — С некоторых пор я знаю, что вечность устроена гораздо интереснее, чем думали раньше. В частности — на Земле наличествуют своеобразные, периодически, с определенным шагом, действующие межвременные «черные дыры». Этакие «бермудские треугольники» специального назначения. Скорее всего там ты и проскочил. То есть, если бы сумел совершенно точно выйти обратно, имел шанс вернуться. — Помолчал немного и добавил: — А мог и не вернуться. Или проскочить уже окончательно в никуда. Диалектика, однако...

— Пробой в изоляции, — сказал я.

— В смысле? — не понял Шульгин.

Я объяснил, что путем исключительно умозрительных размышлений, полистав здешнюю историю и кое-что сопоставив, пришел к выводу, что наша и вот эта реальности, а возможно, и еще несколько к ним примыкающих представляют собой нечто вроде скрученного в жгут многожильного кабеля.

И вот там, где изоляция пробита электроразрядом, а то и просто соскоблена ножичком, возможны свободные переходы туда и обратно. Или даже одновременное существование одних и тех же личностей в двух и более реальностях. Что во многом объясняет столь многочисленные в популярной литературе рассказы о таинственных исчезновениях, ясновидении, переселении душ и прочие полтергейсты...

— Однако ты си-ильно умный, — со странной интонацией протянул Сашка. — Я такую теорию уже где-то слышал, — снова возвел очи к небу. — Интересная космография... Но хотелось бы побольше определенности. Вот навскидку, если дыра, или «пробой» двухстороннего действия, отчего исчезновений много, а появления в нашем мире кораблей и самолетов из будущего — ноль целых хрен десятых?

— Ну ты, брат, слишком многого хочешь, и сразу. У меня это пока гениальное озарение, требующее кропотливой работы и богатого экспериментального материала, который следует собрать. Вдруг в будущем люди умнее и со своей стороны эти дыры вешками и бакенами обставили. Вот вернемся домой, тогда и посмотрим. А пока меня другая проблемка мучает: не слишком ли много случайностей? Ты про «черную дыру» только сейчас узнал. Интересно, откуда? Сильвия сказала?

— При чем тут Сильвия?

— А что, до этого агтры с форзейлями за сотни лет ни разу с подобным не сталкивались? Все их приборы никаких возмущений при пересечении границ реальностей, пусть даже случайными прохожими, никогда не фиксировали? Когда мы с Сильвией из Англии на Валгаллу скакнули, шлейф кильватерный вы аж через неделю сумели отследить. А тут разве не тот же принцип?

Другое дело — почему она раньше молчала? Ирина на самом деле могла ничего не знать, чины у нее небольшие и участок работы другой, но леди Спенсер...

— Совсем тут ни при чем леди Спенсер. Тут история куда покруче, в двух словах не расскажешь, так что подожди хоть до вечера...

Все ясно. На всякий случай я тоже показал глазами на клотик грот-мачты и вопросительно поднял бровь.

Сашка коротко кивнул.

Опять, выходит, Держатели, а не Антон и не Сильвия. Каким-то образом их пути с Шульгиным снова пересеклись. И все-таки по-прежнему неясно, почему об этом нельзя сказать вслух и сейчас. Возможно, он хочет предварительно осмотреться в новом мире, проверить какие-то свои гипотезы...

Ладно, я могу и подождать.

— А этот твой спутник, Кейси, он не подстава? — без связи с предыдущим вдруг поинтересовался Сашка.

— Думаю — вряд ли. Уж слишком случайным был выбор и точки высадки на берег, и городишки, где я решил провести рекогносцировку.

Но вообще-то странности найти можно и здесь. Практически первый же встреченный здесь человек оказался и историком, и нумизматом, и психологически готовым не только признать мою легенду, но и почти без колебаний пойти ко мне на службу...

— Воронцов тоже практически без колебаний поверил Антону, а потом присоединился к нам...

— Так мы никогда ни до чего толкового не договоримся. Варианты можно перебирать бесконечно и в каждом находить сколь угодно «про и контра». Сейчас нужно определиться в главном — что делать дальше? — Я почувствовал, что мы приближаемся к «моменту истины». — Можно все-таки выскочить отсюда домой или нет?

Не зная еще, что мне предстоит услышать от Шульгина, я уже составил собственную гипотезу. Если он встретился с Держателями или их контрагентами и они каким-то образом помогли ему найти меня, значит, зачем-то Игрокам это нужно.

Можно предположить, что главная цель проводимой операции отнюдь не устранение нас из нашего мира, а именно перемещение (обязательно обоих) в данное место и время.

Самым правильным, по всем параметрам оптимальным решением было бы немедленно рвануть обратно. Избавить себя от непредсказуемых ситуаций в совсем уже чуждой для нас реальности, а заодно и смешать карты тем, кто опрометчиво считает нас своими игральными картами.

Но и посмотреть своими глазами, что творится здесь, особенно — в России, хотелось непреодолимо. Возможно, на этом нашем любопытстве расчет Держателей и строился.

Следовательно, спешить не надо — это первое. И показывать, что мы о чем-то догадываемся, — второе.

Пожалуй, Сашка думает аналогично, потому и не раскрывает карт. А если сделать еще более смелое допущение, так

ему вообще запрещено говорить со мной на эту тему. Завербовали его, к примеру...

Дав нам пообщаться наедине ровно столько, сколько, на их взгляд, требовали обстановка и приличия, на мостик поднялись дамы. Анна теперь была полностью довольна жизнью, и ей, похоже, совершенно безразлично, какой у нас за бортом год или век. Да и Ирина, наверняка успевшая перекинуться с Шульгиным парой слов, выглядела гораздо более спокойной, чем неделю назад.

Впрочем, женщинам с этим проще. В присутствии мужиков, которым они доверяют, да еще когда трюмы корабля набиты припасами, они согласны плыть на край света. Гарантий возвращения обычно не спрашивают. «Уби бене, иби патриа»¹.

Они уже сами пришли к тому же решению, что и мы, и тоном, не предполагающим возражений, заявили, что немедленно желают съехать на берег, пройтись по магазинам, после чего как следует поужинать в самом лучшем ресторане с самой лучшей кухней.

— А чем расплачиваться собираешься? — сделал я большие и удивленные глаза. — Деньги местные где возьмем?

— Как раз это меня совершенно не интересует. Убивать мамонтов и добывать деньги — твоя забота. Особенно если у тебя уже появился сотрудник из аборигенов, то можно предположить, что и эта проблема решена... Нет? Кстати, куда это господин Кейси подевался? Скоро час, как он спустился в каюту.

— Готов спорить, что сейчас он роется в книгах. Как недавно это делал я в его библиотеке...

Так оно и оказалось. Кейси по пути из своей каюты наверх заглянул в кают-компанию, где намертво застрял возле книжных шкафов.

Пока наши подружки увлеченно подбирали среди своих туалетов нечто такое, что можно было бы без особого труда переделать в соответствии с нынешней модой, перепрограммировали одного из роботов на функцию дамского портного,

¹ Где хорошо, там и родина (лат.).

а второго — парикмахера-визажиста, мы с Сашкой настроили дубликатор и наклепали еще шесть экземпляров паспортов. На всякий случай.

Номера бланков дубликатор поставил разные, но серьезной проверки паспорта, конечно, не выдержат. Как можно скорее нужно всем обзаводиться настоящими.

Отпечатанные на цветном лазерном принтере фотографии практически не отличались от здешних стандартов. Чтобы не мудрить, имена мы девушкам оставили прежние, и то и другое звучало вполне по-западному. Фамилии, соответственно, записали по нашим псевдонимам. Фрау Ньюмен и фрау Мэлони. Почтенные богатые женщины, с познавательными целями путешествующие по миру.

Некоторые колебания вызвал вопрос — брать ли с собой Кейси? В конце концов решили не брать. И без него разберемся в тонкостях застольного этикета, а возможность непринужденного общения куда дороже.

Тем более мы теперь швейцарцы, будем изъясняться по-немецки и на пальцах, незнание языка все остальное спишет.

Австралийцу я позволил утащить сколько угодно книг в свою каюту и без ограничений пользоваться баром. Ну а роботам, соответственно, велел присматривать за гостем, чтобы не злоупотреблял доверием и не спалил по пьянке корабль непогашенной сигаретой.

...С отдыхом проблем никаких не возникло. Достаточно было выбрать на стоянке перед морвокзалом такси пошикарнее — большущий бело-зеленый кабриолет¹, дизайном удивительно похожий на американские «дримкары»¹ 50-х годов, и сказать таксисту на ломаном английском: «Отвезите нас в самый лучший ресторан в этом городе». Он протянул руку, и я, сообразив, в чем дело, предъявил кредитную карточку.

— Наличных денег нет, извините...

Водитель пожал плечами: «Ноу проблем» — и сунул кар-

¹ Автомобиль американской мечты (сленг. амер.).

★ точку в щель установленного под приборным щитком устройства типа персонального компьютера. И, не сдержавшись, присвистнул при виде высветившейся на экране сумме актива моего текущего счета. Цифры перемигнулись, счет похудел на какие-то 12 фунтов, карточка со звоном выскочила обратно, и мы поехали по ночным улицам Аделаиды.

По-моему, у них тут что-то недодумано. Зачем любому и каждому знать, сколько у меня денег? Даже в СССР «тайна вклада гарантировалась». Проще бы наоборот, запросить о наличии на счету требуемой суммы, при положительном ответе снять ее и разойтись с миром. А то, не дай бог, узнав о размерах моего состояния, возьмут да и похитят с целью получения выкупа.

Впрочем, чужой монастырь... Вдруг у них размерами собственного богатства принято гордиться и выставять его на показ? Как баронские и графские гербы на дверцах кареты?

Или таким образом государство (или общество) постоянно и почти автоматически делит своих граждан на чистых и нечистых?

Вообще, как я сообщил своим спутникам, опираясь на более богатый, чем у них, опыт, мне в этом мире пока что нравилось больше, чем в нашем. Он выглядел как-то четче организованным, спокойным и приспособленным для жизни простого человека (с сотней тысяч фунтов в кармане).

— А что ты хочешь? — спросила Ирина. — Капитализм в своей высшей стадии, конвергенция, может быть. В Австралии и в наше время жилось более чем неплохо. Надо еще на другие страны поглядеть...

Мы все время пытались искать существенные различия, свидетельство протекших семидесяти лет куда более гармоничного (по крайней мере — без Второй мировой и «холодной» войн) развития человечества. И почти их не находили.

Если судить с чисто внешней стороны, не вникая в идеологические вопросы, разница вряд ли больше, чем для человека, впервые вырвавшегося из-за «железного занавеса» в Финляндию или Западный Берлин.

Самое смешное, вызвавшее искреннее оживление в нашей компании, — «самый лучший ресторан», куда доставил нас таксист, оказался русским!

«Отель и ресторан «Московский» — гласила скромная вывеска на русском и английском языках, словно бы парящая в воздухе над входом в здание. Ниже, уже только по-русски, пояснение: «Торговый дом «Братья Елисеевы и сыновья».

Вот оно как. И вряд ли это заведение держат эмигранты, потомки знаменитой фамилии. Скорее Елисеевы просто осуществили еще в начале прошлого века задуманную экспансию, и теперь в мире имеется целая сеть принадлежащих им гостиниц, по типу (а то и вместо) известных «Хилтонов» и «Интерконтиненталей».

Внутри все было совершенно великолепно. Наглядное доказательство солидности фирмы, приверженности традициям и глубокого уважения к клиентам.

Архитектурно — поздний русский ампи́р, венецианские зеркала, потолочные росписи, мраморные статуи и картины в золоченых рамах на стенах. Устланные коврами широкие пологие лестницы. Прохладный и ароматный кондиционированный воздух, многочисленная, но как бы и незаметная обслуга, наряженная в лакированные ботинки, черные брюки с красными лампасами и черные же полуфракы с красной грудью.

Швейцар передал нас коридорному, тот — старшему метрдотелю, порекомендовавшему отужинать в зимнем саду.

— Русский зимний сад — это как раз то, что нужно в тропиках, — согласился Шульгин на приличном русском языке. — Случаем, не вишневый?

— Господа бывали в России? — сдержанно, не желая быть навязчивым, поинтересовался мэтр.

— Приходилось. А вам?

— Весь персонал исключительно русский. Официанты все сплошь ярославские, особая школа, знаете ли. А повара, конечно, отовсюду есть.

— Нравится в Австралии?

— Работа-с. Домой, конечно, тянет. Контракт на три года. Некоторые продлевают...

Зимний сад и вправду был неплох. Галерея под стеклянной крышей, четырех- и шестиместные столики расставлены далеко друг от друга, между ними высажены натуральные березки, кустарники, клумбы цветов.

В центре журчит фонтан. Уютно, в меру ностальгически. Гостей не так уж и мало, но в огромном зале их почти незаметно.

— А круто, — сказала Ирина, перелистывая объемистую книжку меню, на обложке которой изображалась панорама Кремля со стороны Большого Каменного моста. — Поэзия, экзотика. — Она начала зачитывать вслух: — «Медвежати́на, Туше́нная в Соу́се из Крaсного Вина с Лесными Ягодами и Дикорастущими Грибами. Подается в Горшочке под Сло́йкой». Обратите внимание — все слова пишутся с большой буквы! Или «Борщ со Сметаной и Волованом с Зернистой Икрой, с Рюмкой Водки «Столичная».

«Зернистая Осетровая Икра, Кетовая Икра и Малосольная Семга с Блинами и Сметаной. И Бокал Сухого Российского Игристого Вина»...

— Хватит, хватит, Ира! — вскричал я. — Сейчас ты заставишь нас заказать всю карту подряд. Официант... В этом просто невозможно разобраться. Подайте нам ужин на ваше усмотрение, чтобы он был одновременно истинно русским, удобоваримым для дам, достаточным для насыщения голодных мужчин и... оставил незабываемое впечатление. Как если бы мы побывали на пиру у «рашен боярин».

— Как вам будет угодно. Исполним-с. — На лице официанта мелькнула едва различимая усмешка. — Напитки тоже прикажете подавать в соответствии?

— А как же иначе? Медвежати́на в горшочке трудно совместима с «ван дринк виски»¹. Правильно?

— Уж это точно, — ухмыльнулся официант.

Сашка тоже ухмыльнулся. Ну-ну, мол, поглядим, кто будет смеяться последним...

Ужин получился и вправду великолепным, несравненно изысканнее и вкуснее, чем в любом подлинно московском ресторане советской поры. Ну просто даже нельзя сравнивать те «столичные» салаты, лангеты и поджарки, цыплята табака, которые удавалось получить, выстояв многочасовую

¹ Один глоток виски (австрал. сленг.).

очередь под дождем и снегом или ловко сунув трояк-пятачку величественному швейцару.

Да и в белой России к 1921 году кулинарное искусство еще не успело вернуть утраченные за годы Гражданской войны и военного коммунизма позиции.

Шульгин, например, только сейчас окончательно понял, что имел в виду лейтенант Власьев, когда говорил, что за все 20 лет советской власти ни разу не ел с удовольствием. А я начал всерьез относиться к описаниям Гиляровского посещений московских трактиров.

Но это все, конечно, лирика. Оценив достоинства поданного ужина, мы с непреложностью, подобной закону всемирного тяготения, вернулись к реалиям текущего момента.

Только Анну, как я уже отметил ранее, наши проблемы почти не интересовали. Шульгин был при ней, она не отрывала от него влюбленных глаз, а в каком времени мы находимся и куда намереваемся плыть дальше — не все ли равно? Если везде будут такие вот рестораны, звездные ночи над морем и общество людей, которые заведомо принимают на себя все сложности жизни, оставляя ей только ее радости.

Как я ей моментами завидовал, честно говоря. Единственный среди нас по-настоящему счастливый человек!

Нам же думать приходилось по необходимости, и как бы ни хотелось хоть этот вечер провести в полной беззаботности — увы! Одним словом, приказано ни в коем случае не вспоминать о белой обезьяне...

— Вариантов, собственно говоря, просматривается только два, — как бы продолжая прежний разговор, сказал Сашка, когда мы отошли выкурить по сигаре в предназначенном для этого эркере с видом на океан. — Или нам в ближайшее время дадут понять окончательно, что почем и зачем вообще нужны эти хохмочки... — затянулся, медленно выпустил дым.

— Или?..

— Или не объяснят, и придется догадываться самим.

— Но мы, помнится, эти возможности уже рассматривали... Что-то новое тебе в голову пришло или так, чтобы разговор поддержать?

— Пришло. Ты упомянул, что, по твоим расчетам, весь

этот мир — грандиозная химера... Хотя и приятная, ничего не скажешь. — Он обвел взглядом зал, где веселились люди, имеющие возможность платить весьма немалые деньги и не подозревающие о собственной химеричности.

— Именно. Особенно когда дочитал их историю до конца, точнее — до событий 2050 года, на чем книга и заканчивается. Не должно так, не может быть, чтобы все события сотни с лишним лет неизменно благоприятствовали здешней «европоцентричной» цивилизации. Как будто заранее нарисовали оптимальный план, и он воплощался в жизнь без сбоев и неожиданностей. А так же не бывает. То ли дело у нас...

Как будто ведет этот мир кто-то твердой рукой к счастью, строго присматривая, чтобы не оступились, не споткнулись и нос не разбили.

— Да уж... Только ведь то же самое можно сказать о наших Штатах, Швейцарии, Швеции, Канаде... Там тоже век с лишним все происходило только к их вящей пользе и на посрамление врагам. Даже чужие войны...

Это он прав. Однако... Благополучие нескольких стран вполне закономерно компенсировалось грандиозными потрясениями в соседних — Франции, России, Германии и так далее... Здесь же хорошо было всем европейским и англосаксонским странам.

А главное — и нашей России, которую без всяких вопросов давным-давно приняли в число «цивилизованных», и с тех пор никто не посягал на ее право культивировать свое экономическое и политическое «величие». Еще вернее — ей раз и навсегда отвели достойную, всех устраивающую экологическую нишу. Из которой она тем не менее то и дело выламывалась без всякого злого умысла...

— Мы разве не тем же самым сейчас у себя там занимаемся? — Он показал большим пальцем себе за спину, в примерном правильном направлении.

И вдруг меня словно осенило. То все не хватало каких-то деталей в конструкторе, а тут вдруг они нашлись, и все стало на место.

— Саш... А если... Если нам решили показать, на наглядных примерах, к чему может привести наш «эксперимент»?

Мы ведь тоже, грубо говоря, химеру у себя лепим. Но — только начали. А кто-то уже вторую сотню лет упражняется...

— Ну-ка, ну-ка... — Сашка сразу схватил суть моей мысли. — Если так, не думаю, что нам просто решили продемонстрировать рай в стиле Ефремова и Стругацких. Смысла нет. Как образец — не годится, условия у нас совершенно другие. А вот в виде предостережения... По закону жанра, значит, тут может вскоре так рвануть... Камня на камне не останется. И очень вскоре, иначе бы нас не заслали именно сюда. Меня вон Сильвия в Шестакова всунула, и той же ночью за ним пришли...

Шульгин тут продвинулся даже дальше, чем я. Я только еще примеривался к гипотезе, а он сразу расставил точки.

— Что именно может рвануть? Каким образом? Термоядерная война, пандемия неизвестной болезни, падение астероида?

— Чего ты меня спрашиваешь, — я еще ни одной здешней газеты в руках не держал, а тут нужно глубокий политологический и все прочие анализы проводить. Тенденции лет за 10—20 отслеживать. Вот в море выйдем, — он вдруг неприятно скривился, — если нам позволят, тогда и займемся теорией...

А я вдруг почувствовал, что он совершенно прав и лучше всего прямо сейчас сматываться к себе на «Призрак» и полными ходами рубить на норд, на вест, неважно, лишь бы подальше от земли.

— Если позволят... Вдруг действительно тот же Кейси уже вызвал на борт группу захвата какого-нибудь местного спецназа?

К счастью, ничего подобного не случилось, и мы благополучно досидели за ужином и десертом до двух часов ночи, а потом вполне спокойно вышли за пределы австралийских территориальных вод.

...Дамы разошлись по каютам, и Шульгин тоже удалился. Я его понимал, молодая жена вряд ли смирилась бы с тем, что после двухнедельной разлуки он предпочел мужские беседы супружеским ласкам.

Так это для нее он отсутствовал тринадцать дней, а Сашка прожил на «Большой земле» более трех месяцев. И если даже имел там несколько коротких связей, вряд ли его могло оставить равнодушным гибкое загорелое тело Анны.

Ну и слава богу, я смогу перед тем, как отойти ко сну, спокойно поразмышлять и наметить оптимальный план дальнейших действий. Шульгин все же нашел время, под прикрытием наскоро устроенной в аккумуляторном отсеке электромагнитной защиты, за десять минут изложить мне суть последнего контакта с Держателями. Они на самом деле посоветовали ничего мне не сообщать. Якобы — для чистоты эксперимента...

Погоды по-прежнему стояли великолепные, вечерний бриз гнал «Призрак» в океан примерно с девятиузловой скоростью, волнения практически не ощущалось, море просто «дышало», медленно и плавно поднимая и опуская яхту. Почти прямая фосфорическая кильватерная струя тянулась до самого горизонта. Полная луна заливала все вокруг зеленовато-серебристым светом.

Красота, можно сказать, и благолепие.

Космическую тишину нарушал только плеск воды под кормовым подзором и сдвоенные удары рынды, отбивающей склянки в положенное время.

Прогноз внезапных шквалов и тайфунов не обещал, поэтому я открыл двери из кают-компания на кормовой балкон, вынес туда кресло и бамбуковый столик, разложил и расставил потребные для плодотворного мыслительного процесса предметы. Как-то: пепельницу, коробку сигар, кофеварку, сахарницу, бутылку неперменного «Мартеля», кофейную чашечку и серебряную чарку.

...Моментами меня, убежденного, со стажем почти равным продолжительности жизни, читателя фантастики, охватывает сложное чувство. Чувство двусмысленности своего положения. Описывать здесь мир будущего, в котором случайно оказался, после «Возвращения со звезд», «Полдня», «Гостя из прошлого» и массы не столь хорошо сделанных книг — чистейшее эпигонство.

Слегка извиняет то, что там именно вымысел, а со мной, как ни крути, все это происходит на самом деле.

Но ведь точно так же мог сказать и Эл Брегг, и Женька Славин. Внутри сюжета (и в читательском восприятии) мы с ними абсолютно равноправны.

Разве что, в пику всем своим «товарищам по несчастью», я совершенно равнодушно отношусь к здешним «чудесам техники». Не удивляют они меня и не забавляют, что такое жалкие 70 лет человеческого прогресса по сравнению с достижениями хотя бы и форзейлей.

Зато самое пристальное мое внимание и азарт естествоиспытателя привлекла социопсихология и феноменология мира, так далеко успевшего уйти вбок от исторической развилки.

До этого мы имели дело с четырьмя параллельными реальностями, две из которых создали сами, но там автономное развитие продолжалось от пяти месяцев до года и существенно на психологию и культуру аборигенов повлиять не могло. Здесь же, на «Земле-2», как мы начали между собой называть этот мир, человечество жило по-своему уже полтора века. Шесть поколений, если угодно...

...Утром я сообщил народу свое решение. Упирая в основном на любопытство, желание как можно быстрее погрузиться в гущу здешней жизни, я предложил временно отказаться от неспешного парусного путешествия и воспользоваться самолетом.

Переложить прямо сейчас руль на 16 румбов и идти в Мельбурн, ближайший город, имеющий воздушное сообщение с Европой.

...Кейси легко договорился в наиболее надежном яхт-клубе об аренде места для швартовки «Призрака» всего за сто фунтов в неделю. Оставив яхту под присмотром роботов, мы впятером вечером этого же дня заняли места в отдельном салоне гиперзвукового стратоплана линии Мельбурн — Дели — Москва — Бостон.

Ничего особенного, по интерьеру, уровню сервиса и ощущениям в полете примерно то же самое, что на «Конкорде».

Единственно Анна была по-настоящему потрясена. До сих пор ей не доводилось летать даже на «Илье Муромце», поэтому и сам взлет, и особенно вид Земли с тридцатикилометровой высоты поверг ее в смешанное состояние ужаса и восторга.

Шульгин, потягивая джин с тоником, успокаивая жену и попутно просвещая, подробно комментировал все происходящее, будто сам налетал на стратопланах миллион километров.

А мы с Ириной и Кейси беседовали о вещах практических. Я поинтересовался, отчего, имея возможность перемещаться со сверхсветовыми скоростями, они на Земле пользуются столь медлительным видом транспорта.

— Не могу ответить достаточно квалифицированно. Хронофизику у нас вообще мало кто понимает, а я и в обычной не силен. Какая-то зависимость между временем, массой и ускорением не позволяет использовать хроноквантовый принцип не только на Земле, но и в пределах Солнечной системы. Зато на межзвездных просторах... Там настоящие парадоксы. Чем дальше летишь, тем меньше полетное время. Теоретически — до Сириуса добираться дольше, чем до другого конца Галактики...

За умными разговорами и кофе с коньяком время (обычное, земное) прошло незаметно, и вот уже миленькая стюардесса не по трансляции, а лично, заглянув к нам в салон, объявила, что лайнер переходит в режим планирования и через полчаса осуществит посадку в порту Домодедово. Температура в Москве сорок по Фаренгейту, или плюс пять по Цельсию.

— Надо же, — сказал я Ирине, — какой интересный инвариант, реальность другая, а аэропорт построили там же. Скажите, мисс, а сколько в Москве всего портов?

— Три, сэр. Еще Шереметьево и Внуково.

Ударение в обоих случаях она сделала неправильное.

— Хоть что-то родное для начала, — улыбнулась Ирина. — Наверное, под Москвой просто нет других подходящих мест...

Кейси слушал наш обмен мнениями с недоумением.

— Вы уже бывали в Москве?

— А что тут странного. Бывали, и неоднократно. Даже жили подолгу. Я читал лекции в здешнем университете, русский язык знаю прилично.

На роль секретаря парень подходил великолепно, старался не лезть не в свои дела, но сейчас все же не выдержал:

— Кстати, сэр Эндрью, я давно хотел вас спросить, почему первым пунктом своей поездки вы выбрали именно Москву, не Лондон? Мне и самому интересно побывать в интеллектуальной столице мира, но все же...

Вот как! Москва — столица мира! Лестно слышать. Я и раньше догадывался, что мы не дураки, но привык считать свой родной город всего лишь «столицей всего прогрессивного человечества». Здешние наши земляки явно пошли дальше.

Я был готов к вопросу, зная, что рано или поздно он прозвучит.

— Причин тут две. Первая — нам не хочется сразу окантоваться «дома». Вдруг там все изменилось слишком сильно?.. Лучше адаптироваться постепенно. Поэтапная декомпрессия, так сказать. А во-вторых... Даже бегло пролистав ваши учебники, я нашел момент бифуркации. И связан он именно с Россией. Я же историк все-таки. Вот мне и захотелось все изучить на месте. Покопаться в здешних архивах и так далее.

Объяснение нашего секретаря устроило. Тем более что стратоплан уже коснулся посадочной полосы, и, как всегда в таких случаях, сразу стало не до праздных разговоров.

Погода для середины ноября была непривычно теплая. Ни мороза, ни снега. Пасмурновато, сыро, тянет пронзительный северный ветерок. Здание аэропорта, привокзальная площадь, машины и автобусы на ней, конечно, имеют мало общего с тем, что здесь было при нас. И толпы прилетевших, улетающих и встречающих совсем иначе выглядят. Только язык остался прежним. Нормальный московский выговор, тот же шрифт и понятные слова объявлений и указателей.

Первым делом я нашел пункт обмена валюты. Живого персонала в нем не имелось, только ряды тускло-оранжевых банкоматов.

С помощью Кейси я перевел часть своих капиталов на

карточку «Российско-азиатского банка». По интересному курсу семь с половиной фунтов за червонец.

Наследие нэпа?

С тех времен уже сто тридцать лет червонец так и оставался основной денежной единицей, по-прежнему делящейся на рубли и копейки? Удивительная стабильность.

Тысячу червонцев мелкими купюрами я поровну разделил между всеми. С приличной суммой наличных в кармане чувствуешь себя как-то увереннее.

При выходе из пассажирского терминала мы обратили внимание на радующий душу факт. Российские граждане проходили без задержки, а иностранцам, в том числе и нам, пришлось подвергнуться контролю, весьма, впрочем, деликатному.

Эlegantные офицеры в зеленовато-песочной форме с вполне традиционным расположением звездочек на погонах почти не глядя совали раскрытые паспорта в щель здешнего аналога компьютера, через секунду протягивали обратно. Момент был неприятный. Что, если по глобальной сети их сверяют с центральной швейцарской картотекой? Тогда вместо ворот Москвы перед нами распахнутся совсем другие двери.

Однако обошлось.

— Проходите, добро пожаловать в Москву, — произносилось это исключительно по-русски. Мол, раз приехал, должен понимать язык хозяев. А им блистать лингвистическими познаниями недосуг.

На следующем посту так же быстро сканировали багаж.

— Оружие есть?

Этого вопроса я ждал с некоторым беспокойством, хотя Кейси уже просветил меня насчет международных правил. Но кто его знает, правила правилами, а в России во все времена почти все было наособицу.

— Есть, но скорее коллекционное... — Я старательно выговаривал это по-русски, и мы с Сашкой предъявили уложенные в полированные, обитые внутри синим сукном ящички «беретты» со всеми принадлежностями. Коробочки с сотней патронов на ствол — отдельно.

Таможенник взглянул на пистолеты с умеренным интересом. Ввел номера и название моделей в компьютер.

— Ценные вещишки. Прошу иметь в виду. Продавать в России запрещено. При выезде предъявите. Если нет — будут серьезные неприятности.

— Серьезные — это как? — полюбопытствовал Сашка.

— До пяти лет тюрьмы или штраф до тысячи червонцев. Смотря по обстоятельствам. При утере или краже немедленно заявить в полицию. Разрешение на ношение в неупакованном виде — тоже в полиции. Применение — только для самообороны в надлежащих случаях. Все ясно? Не смею задерживать.

— Во, блин, цивилизация, — радостно сказал Сашка, когда мы вышли на площадь. — Шагнула! В наши-то времена... А здесь пожалуйста! Применение — в надлежащих случаях!

— Так и в царские времена так же было. Покупай, носи, стреляй. Лишь бы по делу...

— Вот я и говорю...

...Мощный автомобиль марки «Зубр», нечто среднее между «Чайкой» и микроавтобусом, такси без шашечек, но с яркой зеленой полосой вдоль кузова и геральдическим щитом на дверцах: «Московский союз извозопромышленников. Биржа № 5», мчал нас по шестиполосному Каширскому шоссе. По сторонам мелькали все те же знакомые подмосковные перелески, мокрые деревья размахивали голыми черными ветками, на севере клубились мрачные тучи, сулящие то ли дождь, то ли уже и снег.

В просторном салоне, отделенном от водительского отсека перегородкой армированного стекла, Ирина отвлекала Кейси подходящей к случаю болтовней, Аня с волнением всматривалась в окрестный пейзаж, а мы с Сашкой негромко переговаривались по-русски. Его австралиец не знал, а мы как бы тренировались, восстанавливая речевые навыки.

— Переучиваться надо, — сказал Сашка, наблюдая через стекло за манипуляциями водителя. Вместо рулевого колеса здесь использовали два небольших рычага, вроде компьютер-

ных джойстиков. Орудовал он ими мелкими, почти неуловимыми движениями, и трудно было с ходу понять, как они соотносятся с поведением машины.

Педадь имела всего одна и была скорее всего тормозом. Все приборы заменял зеленоватый экран, правую часть которого занимала план-карта города, а на левой то и дело высвечивались всевозможные цифры и символы.

— Да ничего особенного. За день разберемся, только моторику движений серьезно корректировать придется. Я еще дома в «Технике» читал, что на «Мерседесе» уже подумывали насчет бортовых компьютеров и управления фрикционами. Но должны быть машины и более традиционные. Вон у Кейси в Австралии самый обычный руль. Давай лучше думать, где поселаться будем. В «Национале», если он здесь существует?

— По идее должен бы. Здание построено в 1900-м, на века. Приедем, разберемся... — Сашка беспечно махнул рукой. — С нашими деньгами не проблема. Меня другое волнует. Квартира в Столешникове здесь сохранилась?

Вопрос был более чем интересный и мне уже прихсдил в голову. С одной стороны, куда бы ей деваться? Тот дом тоже построен до развилки во времени, в нашем двадцатом году база функционировала «в безлюдном режиме», отчего бы не действовать ей и здесь?

Но с другой... Опять неразрешимый парадокс. Если до 1905 — 1914 годов наш и этот миры были одним целым, каким образом агтры и форзейли допустили, чтобы история вдруг свернула «не туда»? Как вообще могла сложиться подобная коллизия? Загадка таится непосредственно в точке бифуркации. Вернее, чуть-чуть перед ней.

Вот представим — январь 1904 года. Японская война еще не началась, но вот-вот начнется. Люди одни и те же. Сильвия и Антон в том числе. Пусть кому-то из них вздумалось вдруг сыграть по-другому, сделать нечто такое, чтобы стали побеждать русские.

Что именно — я обязательно выясню, по минутам разберу события одного года, двух или скольких потребуется.

Хитрость в другом. Почему одновременно стали существовать два варианта? Элементарная логика подсказывает, что они взаимоисключающие. Ну, подсказал некто царю, Мака-

рову, адмиралу Старку, как себя следует вести, они послушались (а с чего бы это вдруг?), так и пошла бы история по новой колее, а нереализованный, известный нам вариант так и остался бы в области гипотез. Но вышло-то иначе.

Наш мир сохранился и продолжал существовать, пока мы его не покинули, наверное, существует и ныне... Благополучно прожили в нем следующие семьдесят лет и Антон, и Сильвия, вплоть до встречи с нами...

Хотя... Это тоже вопрос, но не будем терять нить рассуждений.

И этот мир тоже существует, вон он, за окном. В нем тоже есть наши друзья-противники. Или же они запустили новую реальность и прыгнули, как мы с Сашкой со ступенек дрезины в Останкино?

Странно как-то получается.

Если только... Мысль, пришедшая мне в голову, была одновременно и дикой, и гениальной, почти сразу все объясняющей. Правда, еще требуется ее как следует отшлифовать.

...Нынешняя Москва нас буквальным образом восхитила.

Так, наверное, был бы удивлен и восхищен тот же Гиляровский, перенесись он чудом из начала века во времена Олимпиады 80-го года.

Причем эта Москва не подавляла своим имперским величием, а совсем наоборот. Талантливые архитекторы и умные власти превратили ее в совершенно европейский город, вроде Будапешта или Стокгольма, где современность присутствует исключительно в виде чистоты, комфорта и соразмерности сочетания старины и модерна.

Широкие новые проспекты (то есть те, которых не существовало у нас) с идеальным дорожным покрытием, массой деревьев и кустарников, на удивление малым количеством автомобилей и автобусов пересекали город, не вторгаясь в районы исторической застройки.

Центральные же улицы сохраняли знакомый нам облик, все представляющие хоть какую-то художественную или историческую ценность здания были тщательно отреставриро-

ваны, даже в осеннем тумане сверкали яркими красками крыши и фасадов, зеркальными стеклами дверей и окон.

Странное чувство охватило меня, когда машина остановилась на площадке перед «Националем». С этим перекрестком у меня было связано многое, по преимуществу — романтического плана. В студенческие времена я любил теплыми летними вечерами сидеть на парапете подземного перехода, курить, наблюдать коловращение жизни, выискивать в бесконечно текущей толпе девичье личико посимпатичнее, на предмет возможного знакомства...

А теперь это было совсем другое место. Только сама гостиница выглядела как надо, даже еще более благородно и изысканно. Окружающего же архитектурного ансамбля не существовало, и улицы Горького в ее привычном облике тоже. Здешняя Тверская гораздо больше напоминала Петровку — вполне обычная улица в центре большого города, масса магазинов, кафе, ресторанчиков и прочего.

Никакой державности. Отсутствуют сталинские здания-монстры, нет ни Госплана, ни гостиницы «Москва». Только если повернуть голову налево, взгляд по-прежнему радует Исторический музей, то, что у нас было музеем Ленина, кремлевская стена и башни. Вот где наглядно видна «связь времен».

Это, может быть, слишком пространное лирическое отступление, но ведь нужно понять и меня. Впечатление от встречи с Москвой будущего оказалось куда сильнее, чем то, что было, когда я впервые попал в Москву 1941-го, потом 1920 года. Наверное, это звучит странно. Путешествие в прошлое всегда казалось мне более заманчивым и более невероятным. А вот ступил на брусчатку новой-старой Тверской и понял, что все наоборот.

По пологой лестнице, украшенной громадными фарфоровыми вазами в китайском стиле, мы поднялись на бельэтаж.

Отель тоже принадлежал «Дому Елисеевых», поэтому интерьер «Московского» в Аделаиде почти копировал здешний, в слегка упрощенном виде.

Мы с Ириной и Сашка с Анной заняли расположенные напротив шикарные апартаменты, настолько дорогие, что на

них просто не нашлось охотников, поскольку большинство номеров попроще было занято. Еле-еле удалось подобрать приличную комнату для Кейси в самом конце коридора на верхнем этаже, с окном во двор.

Здравомыслящий австралиец вполне разумно не захотел платить за царские хоромы половину своей месячной зарплаты в сутки. Для нас же такой проблемы не было.

Об этом мы, кстати, и заговорили с Шульгиным сразу же, как только остались одни. Женщины дружно направились вниз, в цокольный этаж, где успели заметить целый ряд модных магазинов и ювелирных лавок. Приодеться в соответствии со временем и собственным статусом для дам — первое дело.

То, что они успели второпях похватать в магазинах Мельбурна, для предзимней Москвы явно не подходило.

— Ну-с, вот мы и снова дома, — с отчетливой иронией в голосе сообщил Сашка. Я, ничего не ответив, принялся изучать содержимое гостиничного мини-бара.

Выбор напитков был неплох и вполне интернационален, однако преобладали все же отечественные вина, водки и коньяки, как давно известных фирм «Смирнов», «Шустов» и «Абрау-Дюрсо», так и новые, подчас производящие довольно странное впечатление на человека с неизжитым советским образом мыслей.

Водочные этикетки с портретами известных из истории монархов и штатских особ, неизвестно чем знаменитых. Фривольные сюжеты с обнаженными красавицами на великолепно выполненных голографических этикетках сухих и десертных вин. Интересно, это вообще такой здесь стиль или ассортимент подобрали специально на потребу богатым иностранцам?

Одну бутылку я для примера протянул Сашке.

— Попробуем?

Этикетка пузатой бутылки вина с названием «Для милых дам» представляла собой ремейк картины Мане «Завтрак на траве», только обнаженные девушки выглядели куда естественнее и эротичнее, чем у знаменитого импрессиониста.

Шульгин оживился и тоже занялся изучением коллекции,

весело комментируя особо остроумные изыски спиртных дизайнеров.

Но продегустировали мы все же вполне традиционный шутовский коньяк «КВБК».

— Так я хотел уточнить вопрос с деньгами. При здешних ценах и наших запросах имеющихся сумм надолго не хватит.

Тут он слегка преувеличивал, почти по сто тысяч здешних рублей на брата — весьма неплохие деньги для начала, если сразу же не кидаться покупать дома и автомобили.

Но в принципе, конечно, думать, где найти неиссякаемый источник финансирования, надо.

— Вот и возьми этот вопрос на себя. Как и прочие оперативного плана. Обзаведись нумизматическими каталогами, пошляйся по антикварным магазинам, салонам, должны тут аукционы типа Сотби проводиться. Может, удастся еще десяток разных монет скинуть, пока рынок не среагирует. А там видно будет. Мы же с Ириной вплотную займемся историческими исследованиями. Необходимо срочно разобраться, в какой все-таки мир мы попали, а главное — зачем.

На этом и сошлись.

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

Ноябрь 2055 года.

Москва

Без каких-либо сложностей, предъявив паспорт и внеся залог всего в десять червонцев, я получил постоянное место в Главной Государственной научной библиотеке, занимающей комплекс тяжелых, построенных в новороманском стиле конца здешнего прошлого века, двенадцатизэтажных зданий вдоль Цветного бульвара.

Поначалу я машинально направился туда, где при мне размещалась «Ленинка», но обнаружил там всего лишь несколько элитных жилых домов и обширный сквер.

Пришлось прибегнуть к старому как мир способу ориентировки «путем опроса местных жителей».

Библиотекаря (здесь служили, как в старое время, исклю-

чительно мужчины) несколько удивило мое желание работать с подлинниками газет 1903—1904 годов.

— У нас же есть микрокопии практически всех периодических изданий за последние два с половиной века. Даже губернских и некоторых уездных. Зачем же вам мучиться с оригиналами?

С ним я говорил тоже на слегка ломаном русском языке, изображая иностранного профессора-русиста.

— Милостивый государь (я уже заметил, что столь архаичная форма обращения здесь употребляется, хотя и нечасто. Определенный признак давно устоявшегося, самодостаточного общества), вы, конечно, знаток своего дела, но все же не историк. Ощущение, с которым прикасаешься к подлинным документам, запах старой бумаги, следы пометок... О! Если они есть — это уже само по себе счастье... Его не способны передать никакие копии. Я пишу монографию о столь интересном периоде русской истории! Вы только вообразите, а вдруг к тому экземпляру «Нового времени» или «Речи», который вы мне принесете, прикасались руки пусть не государя, пусть хотя бы премьер-министра Витте...

Роль восторженного придурка мне, по-моему, удалась.

Библиотекарь усмехнулся снисходительно.

— Не хочу вас разочаровывать, но, насколько я знаю, государь нашу библиотеку никогда не посещал, поскольку имел резиденцию в Петербурге. А большинство наших фондов еще и в те времена комплектовалось по подписке. Так что читали их все больше такие же историки, как вы, и небогатые интеллигенты, сто лет назад не имевшие средств на домашнюю подписку. Да вот проверим, если угодно. Вам что выдать для начала? «Новое время»?

— И «Речь», и что-нибудь более официозное. «Московский телеграф», «Русский инвалид»¹.

— Ну, все равно. Начнем с «Нового времени»... За 1903 год?

Он пощелкал кнопками компьютера, взгляделся в экран.

— Ну, вот. Последний раз эта подшивка была востребова-

¹ До революции слово «инвалид» означало «ветеран военной службы». И только.

на 26 марта 1967 года. Заказал ее некий господин Малютин В.В., приват-доцент. Наверное, тоже историк. С тех пор она благополучно пролежала на полке более восьмидесяти лет. Пройдите к своему столу. Зал номер 4, прямо по коридору и налево, стол 2, у окна. Это будет ваше постоянное место на время работы. Надеюсь, вам понравится. Заказ доставят через 15 минут.

Мне и вправду понравилось. Зал для таких эстетов, как я. Небольшой, уютный, всего на десять обширных столов, отделенных друг от друга ребристыми звукоотражающими экранами. Без всяких компьютеров и диапроекторов. Вертящееся глубокое кресло, лампа под глухим абажуром, даже пепельница, полуприкрытая колпаком, очевидно, поглощающим дым.

Чудо, а не зал. Высокие окна с гофрированными шторами, а за ними — унылый пейзаж поздней осени. Цветной бульвар изменился довольно значительно, но Трубная площадь и Петровский бульвар почти один в один, как тогда, когда я ходил по нему в гости к Ирине, на Рождественский.

На самом деле отнюдь не желание вдохнуть «пыль древних хартий» руководило мной. Если уж пошла такая игра, то где гарантии, что фильмокопии не могут быть подделаны? Мало ли за минувшие полтора столетия могло произойти смен конъюнктуры и взглядов на историю?

Когда я учился в аспирантуре, для получения из спецхрана даже подшивок «Правды» 20-х годов требовались разрешения очень высоких инстанций и исключительная благонадежность.

Уж очень наглядно при сопоставлении прослеживались «колебания линии партии».

Так и здесь, вполне можно допустить, что в нужных целях могли быть подправлены отражающие «высшую истину» материалы.

Кем?

А хотя бы теми, кто все это и организовывал...

...Уже вторую неделю я с 9 до 18 часов листал большие, чуть тронутые желтизной листы старых газет, спускаясь время от времени в буфет и подкрепляя силы кофе и бутербродами.

Кое-что начинало вырисовываться. Единственное, о чем я сожалел, так о невозможности сравнить эти газеты с теми, что хранятся в книгохранилищах «настоящей» Ленинской библиотеки. Есть ли в тамошнем номере «Русского слова» от 17 мая 1903 года эта вот заметочка? О том, что в Царском Селе состоялась встреча государя с группой генералов и адмиралов, среди которых был и Алексеев, и Макаров, и Скрыдлов, а также и военный министр Куропаткин?

Что они там решали, корреспондент не сообщал, но несколько позже «Русский инвалид» известил о серьезных кадровых перестановках в военных верхах.

Еще — известная в истории эскадра адмирала Вирениуса, шедшая на усиление 1-й Тихоокеанской эскадры, в нашем варианте по не совсем ясным причинам вернулась с полпути обратно, а здесь была, наоборот, усилена и к исходу лета 1903 года прибыла в Порт-Артур.

Обращала на себя внимание также и резко изменившаяся тональность освещения дипломатических контактов между Россией, Англией, Францией и Японией. К примеру, резкий демарш российского МИДа по поводу намерения Аргентины и Чили продать японцам несколько новейших броненосных крейсеров, которые так сильно мешали русскому флоту в ту несчастную войну, возымел действие и привел к срыву сделки.

Незнающие люди удивятся, но отсутствие в составе вражеского флота крейсеров «Ниссин» и «Кассуга» само по себе резко меняло саму тактическую схему войны.

Итак, точка, вернее, зона бифуркации найдена. Примерно апрель — май третьего года.

Но в чем все-таки кроется причина?

Складывается впечатление, что не только царь, но и многие лица из его окружения получили категорически обязательные к исполнению инструкции. И тут же достаточно умело и напористо начали их исполнять.

Более того — у меня возникла ассоциация с собственным опытом.

Если предположить, что в апреле того далекого года с

царем произвели ту же манипуляцию, что и со мной, подсадили ему матрицу умного, жесткого и решительного политика, то все вопросы снимаются.

Успокаивая возбужденные внезапным озарением нервы глотком коньяка из серебряной фляжки и крепкой сигаретой, я позволил себе дойти до последней черты.

А если драйвером Николая стал снова кто-то из нас? Прямо скажем, не кто-то, а непосредственно я. Как имеющий опыт руководства государством и блестяще знающий именно тот отрезок истории.

Не этот ли «экзамен» и имел в виду Сашка?

Звучит, конечно, чересчур сильно, но разве все уже случившееся такой уж социалистический реализм?

Я решил оставить эту гипотезу про запас, пока что практического смысла она не имела. Впрочем... Надо будет привлечь Ирину, чтобы она на компьютере провела контент-анализ всех публичных выступлений Николая II и подписанных им манифестов, тогда и можно будет говорить о чем-то определенном...

Без ответа остается главная загадка — сам механизм возникновения «развилки».

Ее легко организовать, если находиться извне или повлиять из будущего. А как это выглядит изнутри базовой реальности?

Ну вот, совершается сколь угодно эффектное МНВ¹, и что?

Иной вариант просто становится нереализованной возможностью, жизнь же катится по новым рельсам. Из какого небытия возникнут два миллиарда дублеров (примерная численность тогдашнего человечества), которые дружно замаршируют в нужном направлении? И вся необходимая инфраструктура вновь созданной реальности.

Вот если история уже состоялась, а мы возвращаемся на N лет назад и учиняем означенное воздействие, тогда... Да и

¹ Минимальное Необходимое Воздействие (Азимов, «Конец вечности»).

тогда, честно сказать, ничего умного не выходит. Те же яйца, но вид в профиль.

Уставшие от бесконечного чтения мозги явно пошли вразнос, раз меня вдруг потянуло на подобные философствования. Но остановиться я уже не мог.

А если так — предположить, что «развилки» существуют объективно? Что это свойство времени. Может быть, их даже очень много. Просто нужно, чтобы наличие в каком-то месте физической «развилки» совпало с историко-психологической предпосылкой. Нужна не только стрелка, но и идущий в этот момент по нужному пути поезд. Тогда и реализуются сразу обе возможности.

Все равно смутно. Примерно как волна и частица или неэвклидова геометрия. Написать на подобные темы можно массу популярных книг, но все они будут давать лишь иллюзию понимания...

Однако же я вот сейчас стою у окна, курю сигарету местного производства «Букет Абхазии» (недурную, кстати, типа «Ориент бленд»), люблюсь городским ландшафтом и не могу подвергнуть сомнению подлинность своего существования.

...Избавляли от дум только вечера.

Иногда вчетвером, иногда впятером, включая Кейси, мы пешком гуляли по городу, посещали театры, кабаре и казино, ужинали в лучших ресторанах, каждый раз — в новом, и постепенно адаптировались в параллельном мире.

Я уже подумывал, не пора ли отказаться от услуг секретаря-австралийца, зачем он нам, только стесняет, мешая вести откровенные разговоры.

Но, поскольку в наши планы входило и посещение иных стран «свободного мира», мы решили пока что парня не прогонять. Тем более что из их с Сашкой негоций на биржах антиквариата проистекала очевидная финансовая польза. Капиталы наши давно превысили миллион червонцев, и пора было вкладывать их в иные проекты, сулящие быструю, надежную и легальную прибыль.

Если оставалось время, я еще несколько часов, уже лежа в постели, изучал местную новейшую историю, теперь в трактовке российских ученых.

Ноябрь 2055 года.

Москва

...Ранним вечером я, выйдя из библиотеки, стоял на углу Трубной площади, соображая, идти к гостинице через Петровский бульвар и Тверскую или прогуляться переулками.

Погода была так себе, с низкого неба сыпалась ледяная крупа, брусчатка покрылась прозрачной корочкой льда. Гололеда я не боялся, фабрика «Скороход» выпускала специальную зимнюю обувь вроде галош, обеспечивающую стопроцентное сцепление, по типу мушиных лап. При должной сноровке в них можно даже бегать по стенам, если суставы и связки выдержат.

Светили сквозь голые ветви лип приятного теплого тона фонари, и что-то мне подсказывало, что ближе к ночи пойдет крупный мягкий снег.

Кстати, и здесь метеорологи оставались точно такими же гадателями по внутренностям животных, как и в древнем Вавилоне.

Единственно известные в истории случаи 90-процентной точности прогнозов погоды для дальней авиации приходятся на 1941—1945 годы. Без спутников и прочих новомодных штучек синоптики ВВС почти не ошибались, и «Пе-8» с «Ил-4» бомбили Берлин без помех со стороны облаков.

Правда, по приказу товарища Сталина за ошибку в прогнозе тогда карали как за саботаж. Может быть, отсюда и результат? И моральные стимулы иногда важнее даже объективных обстоятельств?

А вообще говоря, глобальные прогнозы тоже не оправдались. Мне приходилось не раз читать, что ждет нас в будущем и парниковый эффект, и озоновые дыры, и таяние полярных шапок с неизбежным затоплением половины суши. Климат же здесь, пройдя какие-то непредсказанные циклы, вновь вернулся к состоянию первой половины прошлого века.

— Господин Ньютон? — услышал я за спиной мягкий голос. Обернулся. Два очень хорошо одетых (по-здешнему) мужчины, в длинных крапчатых пальто, неизвестно каким

образом сумевшие приблизиться ко мне незамеченными (разве из ближайшей подворотни только что высочили), стояли так, что возможная попытка сопротивления исключалась почти начисто.

Да я и не собирался, хотя кое-какие хитрые способы, неожиданные и для этого времени, у меня имелись.

— Что вам угодно? — В данном случае вопрос, заданный по-английски, был уместен.

— Нам угодно передать вам приглашение от весьма уважаемой и почтенной особы встретиться для беседы.

Они, как здесь повсеместно принято, говорили по-русски, невзирая на национальность собеседника. Как в наше время — американцы везде говорили по-английски. Лично мне это прибавляло уважения к параллельным соотечественникам.

И прикидываться непонимающим тоже было глупо. Наверняка сотрудникам спецслужб, — а что ребята принадлежали именно к ним, я не сомневался, — нетрудно проверить мою библиотечную карточку.

Я только спросил, скорее в виде шутки, особа которого пола имеется в виду. Для меня это слово больше ассоциируется с женским.

Стоявший слева, руки в карманах, парень только коротко хмыкнул, а другой, наверняка старший по званию и должности, совершенно спокойным, даже назидательным тоном пояснил, что в упомянутом мной смысле данный термин тоже употребляется, но одновременно означает лицо, занимающее высокое положение и пользующееся уважением.

— Венценосная особа, например.

— Так меня что, приглашает на беседу царь?..

— Что вы умный, мы и так знаем, поэтому дурака валять как бы и незачем, — неожиданно ответил тот, кто стоял слева. А я было подумал, что это просто не претендующий на самостоятельную роль опер.

— Жене позвонить можно? — спросил я, памятуя об общепринятых правах человека. Нынешняя же Россия, как я знал, относилась к числу весьма правовых государств.

— В принципе возражений нет. Звоните. Встретили, мол, коллег-историков, с которыми завязалась интересная дис-

куссия на тему аналогичных исследований, и приняли приглашение продолжить ее в приватной обстановке...

— Что, именно такими словами говорить? — не без иронии осведомился я. — А вдруг...

— Господи, сэр Эндрью, вы что-то плохое, не иначе, подумали. Нет, у нас не Китай, у нас так не делается. Как вы захотели, так и скажите. Если желаете — можете и по-другому. Пистолетик ваш, кстати, можете при себе оставить и телефончик тоже. На самом деле — побеседуете с тем, кто вас пригласил, долго ли, коротко, мы не знаем, и отправитесь домой... Возможно, с большой для себя выгодой...

Совсем немного подумав, я им поверил.

Все равно ведь. Если что — выстрелить я первым всегда сумею. И они, в свою очередь, если потребуется, найдут способ взять меня тепленьким там и тогда, когда им заблагорассудится.

Главное же — из отеля ни девушкам, ни Сашке никуда не деться. В чужое время, в чужой стране четыре пистолета не защита против организованной силы, хоть государственной, хоть криминальной.

Отнюдь не завязывая глаз, меня проводили совсем близко, буквально через дорогу, к трехэтажному дому стиля модерн, вплотную примыкающему правой стеной к ограде действующего Рождественского мужского монастыря.

Пока шли — я впереди один, свободно, сопровождающие чуть позади уступом, изображая ничем не связанных случайных прохожих, я все пытался сообразить, к какой же категории служивого народа относятся эти ребята.

Ни армейцами, ни бандитами они не были, это однозначно. Семьдесят лет не такой срок, чтобы сменились у русских людей психотипы.

Если мы с Сашкой, попав на 64 года назад, вполне успешно изображали царских жандармов, сумели обмануть таких асов сыска, как Агранов и Трилиссер, то и 70 лет вперед ничего принципиального в натуре людей не изменили.

Но в то же время эти парни принадлежали к организации, которая с детства прививает определенные черты характера и динамические стереотипы, сиречь набор автоматических двигательных реакций на изменения внешней среды.

Вы же всегда отличите манеру переключать скорость на автомобиле у опытного водителя и у новичка, вчера получившего права?

А я могу это сделать в отношении любого человека в любой ситуации.

Так вот, по известным мне аналогам, я скорее всего причислил бы моих «конвоиров» к выпускникам или Императорского Морского, или Пажеского корпуса. Заведений, куда принимали детей, уже имеющих отличное домашнее воспитание, с восьми-десяти лет и выпускали в девятнадцать отполированными, отточенными человеческими экземплярами, пригодными на любое профессиональное применение и в то же время знающими, что такое честь, совесть и иные не осязаемые чувствами звуки.

Вот и эти...

При том, что из прочитанных здесь документов я отнюдь не извлек фактов, говорящих о наличии в России развитого слоя природных аристократов.

Скорее здесь имело место процветающее буржуазно-демократическое общество, по типу больше всего напоминающее не что-нибудь, а Финляндию известных мне лет.

Но и потомков хороших фамилий, включая многочисленных членов императорской семьи (до правнуков последнего царя включительно), уцелело немало, по причине чуждого большевистской оголтелой кровожадности победившего эсеро-меньшевистского режима.

...Мы поднялись по широкой двухмаршевой лестнице, похожей на ту, что украшала холл московской резиденции Левашова...

Помещение, куда меня провели и на короткое время оставили одного, производило несколько странное впечатление, очевидно, отражая неординарную личность его хозяина.

Во-первых, я никогда не понимал пристрастия некоторых людей к чересчур просторным комнатам. Если это, конечно, не дворцовые залы. Вот и кабинет, где я оказался (а это был именно кабинет, хотя и с элементами монашеской кельи), был

прямо-таки огромен. Совсем немного меньше, чем у Сталина в Кремле.

Площадь метров под восемьдесят. Высокие, очень высокие сводчатые потолки, стрельчатые окна с начищенными медными приборами. Тяжелые светло-шоколадные шторы из рытого бархата.

Приличных размеров иконостас в углу и горящая лампада. Вдобавок пахнет свечным воском и совсем чуть-чуть — ладаном. Богомольный, видать, человек здесь обитает. Но не аскет. Скорее, наоборот, весьма богатый, умеющий и любящий своим богатством пользоваться.

На полу громадный, темных оттенков ковер с очень длинным ворсом. Под потолком хрустальная люстра с длинными подвесками, на просторном письменном столе лампа филигранного бронзового литья с глубоким зеленым абажуром.

Почти все простенки заставлены старинными книжными шкафами, до верхних полок которых можно добраться лишь по стоящей тут же стремянке. На свободных от шкафов стенах бархатные планшеты в резных рамах, на которых посверкивали золотом, драгоценными камнями и разноцветной эмалью многие десятки орденов, российских и иностранных.

Коллекция, судя по всему, стоит сумасшедших денег. Я хоть и не успел рассмотреть ее внимательно, но в глаза сами бросились несколько орденских звезд высших степеней, в том числе Андрея Первозванного и Святого Равноапостольного князя Владимира. И вроде бы командорский крест Мальтийского ордена.

А если это не коллекция, а фамильные реликвии? Тогда хозяин — персона кровей немыслимой голубизны.

Через одно из окон я увидел дом, в котором неимоверно давно жила Ирина, куда она привела меня однажды выюжным зимним вечером, с чего, собственно, и началась вся эта история.

От воспоминаний неожиданно защемило сердце, опять накатила тоска по былой, бесследно потерянной жизни.

Совпадение ли просто или недоступный пониманию намек, что я очутился так близко от судьбоносного места?

Только я хотел подойти поближе и попытаться по содержанию библиотеки в первом приближении оценить личность

ее хозяина, как дальний от меня шкаф повернулся на петлях, оказавшись обычной потайной дверью.

По привычке фиксировать всякие мелкие штрихи и детали я сначала обратил внимание на уходящую вверх винтовую лестницу, что находилась в полутемном коридорчике за дверью. И уже потом переключился на выходящего из нее человека.

Как говорится, не молод, но и далеко не стар, не тучен, но и не худ, роста тоже вполне среднего.

К особым приметам можно было отнести аккуратную, начинающую седесть бородку-эспаньолку, шрам, рассекающий пополам левую бровь, и едва заметную хромоту, тоже на левую ногу.

Одет в безукоризненно сидящий строгий костюм из ткани цвета ружейной стали. Мужская мода на моей Земле последние сто лет ходит по кругу, в основном варьируя ширину брюк и форму лацканов. Здесь тоже сохранилась эта закономерность. Костюм представительного господина вполне нормально смотрелся бы году этак в тысяча девятьсот семидесятом. И туфли почти нормальные, только на мой вкус слишком тупоносые, и каблук высоковат.

Пока он подходил, я молча смотрел на него, не прямо в глаза, а примерно на край уха, и изображал на лице вежливое недоумение.

— Здравствуйте, мистер Ньюмен, — сказал человек мягким голосом приятного баритонального оттенка и протянул руку. — Меня зовут Георгий Михайлович. Хозяин этого дома и ваш покорный слуга. Вы не в обиде на форму приглашения в гости? Конечно, приличнее было послать вам визитку с соответствующей надписью, но так уж получилось... Присаживайтесь...

Я с интересом ждал жеста, который может сразу многое прояснить. Если бы хозяин сел за стол, а мне указал на кресло напротив...

Но он этого промаха не допустил, указал на два кожаных кресла у окна.

— Курите, если курите. Коньяк, вино?

Ну, думаю, мужик ты, по всему, из аристократов, новых или старых, не суть важно, давай, колись по полной программе.

— Не возражал бы против бокальчика «брюта». Голицынского...

В этом мире, по причине краткости власти большевиков, большинство налаженных хозяйств разрушить не успели, в том числе и массандровское виноделие, все оно вскоре вернулось в хозяйские руки.

— Никаких проблем... — Георгий Михайлович отдал короткую команду в аккуратный, чуть больше спичечного коробка переговорничек, буквально через пару минут один из давешних молодых людей внес ведро со льдом и торчащим из него укутанным фольгой горлышком.

Прямо как в первоклассном ресторане.

Отпили по глотку, посмаковали неповторимый вкус.

— Исключительно люблю «брют». В студенческие годы модно было изображать из себя эстетов, вот и... Сначала пил через силу, а потом втянулся...

— Да, так часто бывает. А вы что заканчивали?

— Естественно, Оксфорд. Как и пять поколений предков до меня...

Зачем я вру? Кем бы ни был этот господин, генералом здешнего МГБ (да, так почтенное ведомство здесь и называется, никакой фантазии), или резидентом очередной «Системы», или даже авторитетом преступного мира, он или уже знает, что никакого Ньюмена не существует, или узнает это через столько минут, через сколько захочет. Тогда и пойдет настоящий разговор.

А зачем тянуть?

— И, исходя из того, что вы тоже принадлежите к здешнему высшему обществу, никто из нас не араб и не японец, позволю себе прямой вопрос: с кем имею честь беседовать? И обозначьте причину, сделавшую возможной столь приятную для меня встречу.

— Ваш русский исключительно хорош. Даже при том, что всякий культурный человек на Западе более-менее знаком с нашим языком, ваше владение им виртуозно.

Я скромно развел руками и кивнул в знак благодарности за комплимент.

— Словарь Даля почти наизусть знаю. Брал уроки по методу глубокого языкового погружения. Много вращался

среди членов русских колоний в разных странах. Да и в Москве бывал. Вот и результат...

— Кроме труда, нужны и способности. Я вот тоже говорю на пяти языках, но на всех с акцентом. Не умудрил господь...

К месту ввернутая или случайно вырвавшаяся фраза из церковного лексикона вместе с другими штришками наводила на интересную мысль.

Хозяин же продолжил тем же ровным, доброжелательным тоном, проигнорировав заданные мной вопросы:

— В Москве бывали, конечно, инкогнито. А причина?

Вот же змей!

— Отчего вы решили, что инкогнито?

— Да ведь по учетам въезда-выезда вы не проходите. И паспорт швейцарский всего третью неделю как получили. До этого, значит, другим пользовались. Питомцы Итона обычно природные англичане, именем своим и национальностью гордятся, без крайней нужды подданства не меняют. Вы случайно не из коронованных особ будете? Мезальянс там или еще какая история, вроде как у российского великого князя Александра Михайловича во времена последнего царствования?

Эту историю я тоже знал. Двоюродный брат Николая Второго как бы украл и продал на сторону фамильные бриллианты, за что и был сослан в Ташкент и лишен многих прав и привилегий члена августейшей семьи.

О чем и сообщил собеседнику, не отказав себе в удовольствии привести несколько малоизвестных пикантных подробностей.

— М-да... Вы еще более укрепляете меня во мнении... Историк вы настоящий, да это и раньше было ясно, в библиотеке вы работали всерьез, для прикрытия легенды такого углубления в тему не требуется.

— Еще раз благодарю за очередной комплимент. Из ваших слов следует, что вы работаете в российской контрразведке, и в весьма немалых чинах... — В обоснование своей проницательности я обвел взглядом помещение, покачал бокалом с остатками вина. — Но в чем причина вашего ко мне интереса? Даже если у меня есть еще и другое имя и паспорт.

Нынешний же подлинный? Вряд ли российские законы столь строги, что регламентируют и данную ситуацию.

— Ни в коем случае. Просто этот вопрос заинтересовал меня... в частном порядке. Правда, у вашей жены и спутников паспорта все же... Ну, я не скажу, что фальшивые, бланки абсолютно подлинные, однако получены... наверное, в особом порядке. Что, впрочем, — остановил он движением руки мою попытку тут же ответить, — также не может интересовать российские власти, к которым я, к вашему сведению, не принадлежу.

— Ну и слава богу, — ответил я, раскуривая сигару. — Тогда зачем вы взяли меня под колпак?

— Как вы сказали? Интересное выражение, никогда не слышал. Хотя смысл ясен. Отвечу, но несколько позже.

ГЛАВА 17

Тот, кто назвал себя Георгием Михайловичем, всего лишь двадцать, да еще и с небольшим хвостиком лет назад шел, опираясь на палочку, по вымощенной красным кирпичом улице дачного поселка Троицкое, недалеко от Нового Иерусалима.

Всего как три месяца делавший удачную карьеру офицер спецназа ООН, самый, пожалуй, молодой в этих войсках полковник, совершенно случайно (а бывает ли на войне иначе?) получил тяжелейшее ранение, поставившее крест не только на дальнейшей карьере, но и едва не стоившее жизни.

В очередной раз международные силы проливали свою и чужую кровь, ведя бои, сразу и не поймешь, оборонительные или наступательные, на южном «тет-депоне»¹ свободного мира, между Вади-Хальфой и Асуаном.

Спасибо, польские вертолетчики выдернули полковника вовремя из палатки полевого медпункта, а еврейские врачи в Каире буквально по фрагментам собрали воедино раздробленные разрывом снаряда бедренную и тазовую кости, восстановили и соответствующие внутренние органы.

И теперь списанный вчистую, хотя и получивший более

¹ Предмостное укрепление (фр.).

чем приличную компенсацию от ООН и один из высших орденов, полковник понятия не имел, как жить дальше.

Завербовавшийся еще поручиком в международные силы поддержания стабильности выпускник Владимирского воздушно-гренадерского училища давно потерял связь с родной армией и вряд ли мог рассчитывать хоть на какую-то должность даже и в нестроевых частях.

Жизнь же пенсионера-рантье в тридцать шесть лет ему претила.

И вдруг вчера он получил письмо.

Именно что настоящее письмо, не распечатку с домашнего компьютера.

Плотный голубоватый конверт, изящным шрифтом выведенный адрес, а внутри лист веленовой бумаги с тисненым грифом и до чрезвычайности лестный текст:

«Строго конфиденциально!

Господин полковник! Офицерский клуб «Витязи Отечества» рад будет принять Вас в качестве Почетного гостя начиная с завтрашнего, июля 28 дня сего года по адресу...

Брат-командор имярек.

P.S. Для проезда к месту назначения наемным транспортом пользоваться не рекомендуется».

Подпись, печать.

О клубе полковник кое-что слышал еще в Африке. Россиян в корпусе служило порядочно, да и с сотрудниками военных представительств России в сравнительно цивилизованных странах встречаться приходилось.

Рано или поздно подогретые местными винами или отечественной водкой разговоры касались и этого. Мол, существует такой суперэлитарный клуб, попасть в который куда труднее, но полезнее для карьеры, чем жениться на дочке военного министра.

Кого и как туда принимают — тайна, покрывая мраком. Однако сведения так или иначе просачиваются, будто вода сквозь стены карстовых пещер. Превращаясь при этом в причудливые фантазии природы наподобие сталактитов и сталагмитов.

Говорили, что иногда туда попадают и капитаны, но позорно проваливаются на баллотировке заслуженные генера-

лы. Что члены клуба могут жить на полном пансионе получше, чем члены правительства на своих дачах. Что за ломберным столом составляются карьеры и решаются вопросы войны и мира.

Георгий в подобную болтовню не верил. Жизнь он повидал и с лица, и с изнанки, знал, что такое человеческая глупость и жадность. Офицеры номерных полков из глухой российской провинции такими же точно сказками о жизни ооновских сорвиголов распаляли себя во время скучных посиделок в своих собраниях.

Что-то наверняка есть, какое-то сравнительно закрытое заведение, так подобные есть везде. Гольф-клубы, яхт-клубы, клубы любителей чайных церемоний... Читайте, господа, воспоминания графа Игнатьева.

Однако, получив письмо, полковник все же взволновался.

Немного настораживала фраза о нежелательности использования таксомотора.

Неужто столь засекречено местоположение одной из клубных резиденций?

Или это просто часть ритуала? Мол, респектабельный клубмен должен иметь собственный выезд...

Такового Георгий пока в России не приобрел, поэтому за полчаса доехал до указанной станции в вагоне монорельса, прошел по ажурному чутунному мостику между двумя заросшими кувшинками прудами и вскоре позвонил у калитки в глухом заборе.

Сюрпризы начались сразу.

Как дисциплинированный офицер, Суздалев прибыл на место как положено — около полудня назначенного дня. Но оказалось, что указана была лишь нижняя планка — и он явился первым из приглашенных.

Впрочем, в вину ему это отнюдь не было поставлено, напротив.

Охранник позвонил, и через минуту явилась очаровательная девушка, отрекомендовалась Аленой и сообщила, что ей поручено позаботиться о господине полковнике.

При этом она постреливала глазками и с восхищением

разглядывала три ряда орденских планок на светло-оливковой форменной рубашке Георгия.

Вначале она отвела его в уютный домик под сенью мачтовых сосен на самом берегу Истры, где он выбрал себе одну из четырех комнат, обставленную просто, но снабженную полным комплектом сервисной автоматики.

— Обед у нас в два, но, если не хотите в столовую, можно и в номер заказать. А пока я покажу вам поселок, если угодно.

Он согласился. Девушка была более чем мила, изображала этакую легкомысленную, хотя и вышколенную администраторшу невысокого ранга, сквозь белый муслиновый костюмчик, состоящий из подобия туники и широких брюк, просвечивало загорелое тело.

Но некоторые признаки указывали, что барышня далеко не так проста. Глаз у полковника был наметанный, он не исключал, что где-то в укромном месте у Алены висит офицерский камуфляж с более чем двумя звездочками на погонах.

Вдобавок полупрозрачная ткань не могла скрыть тугих, тренированных мышц, и двигалась девушка с грацией дикой кошки, но не пантеры. Для пантеры в ней не хватало мрачности.

— Вы так сильно хромаете... Попали в аварию?

Странный вопрос для девушки, состоящей на военной службе. Впрочем, возможно, большинство ее знакомых иных видов травматизма и не знают. Россия всерьез не воевала уже больше полувека.

Полковник рассеянно кивнул. И тут же получил неожиданное предложение:

— А вы знаете, у меня есть диплом специалиста по лечебному массажу. Делать все равно нечего, сходите в сауну, а я потом посмотрю, смогу ли вам чем-нибудь помочь...

Мысль о том, что ее тонкие изящные пальцы будут разминать, поглаживать, щипать его иссеченные рубцами мышцы, показалась Георгию весьма привлекательной. Неясно только, зачем это ей? Своеобразный способ завязать близкие отношения? Почему бы и нет? Он слышал, что даже у гинекологов бывают романы со своими пациентками... Массаж в этом смысле куда эстетичнее.

...На следующее утро Алена зашла за ним ровно в девять и предложила следовать за ней.

Вопреки надеждам полковника, массажем весь интим вчера и закончился. Раздевались они в разных предбанниках. Когда девушка вошла, не в купальнике, как он ожидал, а в коротеньком белом халате, под которым, разумеется, ничего поддето не было, полковник мало что восхитился (и было чем!), но и искренне поверил, будто остальное подразумевается само собой.

Однако оказалось, что Алена в этой ситуации видит себя исключительно сестрой милосердия. Посмотрев на его ногу, она даже присвистнула удивленно.

— Ава-а-рия... — протянула девушка. — Но я попробую.

Сначала она хорошенько попарила его веником, а потом минут двадцать весьма профессионально разминала стянутые рубцами мышцы бедра. Георгий, временами постанывая от боли, косил глазом назад и вбок, на колышущиеся в такт движениям Алены груди и на то, что моментами приоткрывали полы халатика. Не испытывая при этом ни малейшего нормального возбуждения, только эстетическое любопытство.

Когда он сообразил, в чем дело, это его испугало.

Наконец Алена прекратила истязание (физическое и нравственное), вытерла полотенцем потные лицо и шею.

— Пока достаточно. Если вы завтра не уедете, я готова с вами работать и дальше. Месяца через два трость вам больше не потребуется...

Пожинать вместе девушка не отказалась, но намеков на дальнейшее углубление отношений постаралась не понять.

Такое отношение полковника совсем расстроило. Если уж красивая девушка не хочет видеть в нем мужчину...

...Наутро поселок произвел совсем другое впечатление. Он был полон народа, по преимуществу бесечно веселящегося. Мужчины, в большинстве среднего, между сорока и пятидесятью годами, возраста, потягивали пиво под навесами веранд, неторопливо двигались в сторону реки, нагруженные рыболовными и плавательными принадлежностями, стучали бильярдными шарами.

Все при встрече дружелюбно с полковником здоровались, хотя ни одного знакомого по прежней учебе и службе лица он так и не увидел.

Детей на базе почему-то не было вовсе, а девушки и молодые дамы, красавицы в большинстве, выглядели скорее персо́налом, чем «клубвумен».

«Конечно, выбор кавалеров здесь богатый, — горевал Георгий, с томительным вожделием заглядывая время от времени в вырез Алениной блузки. Бюстгальтера на ней не было и сейчас. — Избалованные девочки. Чтобы охмурить, нечто совсем оригинальное надо выдумать, на самодур здесь не ловится. Но шансы у меня вроде есть. Как она интересно сказала — если вы завтра не уедете... Нужно понимать — возможные варианты».

— Куда это вы меня ведете? — поинтересовался он. — Кстати, от чего зависит, уеду я сегодня или нет?

— Хотели бы остаться? — сверкнула рекламной улыбкой Алена.

— Мне здесь нравится, — ответно улыбнулся он. С некоторым намеком.

— Слава богу, а то я беспокоилась, вдруг вам что-то пришлось не по душе...

— Кое-что пришлось...

Она опять оставила прямо-таки лобовой намек без внимания.

— А задержитесь вы здесь или уедете, зависит исключительно от вас. Вот, мы уже пришли, — замедлила девушка шаг перед крыльцом почти такого же, как остальные, бревенчатого дома. Только двухэтажного, с широким балконом и особо вычурными резными наличниками. — Вас примет генерал Иванов.

— ?..

— Пока достаточно. Постарайтесь держать себя правильно... — В ее голосе мелькнуло не наигранное сочувствие.

— Подскажите как.

— Увы, не знаю. Наверное, лучше всего быть самим собой. Раз уж вас сюда пригласили...

Смысл намека он понял.

Генерал был ненамного старше Георгия, но на погонах

белой рубашки посверкивали целых три звездочки натурального серебра. Он встал навстречу гостю — большой, крепкий, с, наверное, никогда не сходящей с лица полуулыбкой уверенности в несокрушимости собственного здоровья и благополучия.

— Господин генерал-лейтенант¹, полковник Суздалев по вашему приглашению прибыл, — подкинул Георгий ладонь к берету по российской манере. Они хоть формально и принадлежат к разным армиям, но субординация есть субординация. Тем более чужой монастырь...

Генерал протянул руку, крупную, мощную, как все его тело, пристально при этом глядя в глаза Георгия.

— Ну-ну, полковник, можно и без церемоний, вы же в гостях...

Проводил Суздалева к бамбуковому дивану у такого же круглого стола, подвинул раскрытую коробку папирос, подождал, пока он закурит.

— Ну-с, Георгий Михайлович, давайте знакомиться поближе. Я о вас кое-что знаю, но так, заочно...

Однако в ходе разговора выяснилось, что генерал знает о Суздалеве практически все, что можно знать о человеке, не подвергая его ментоскопированию. Допросом беседа не была, скорее сочетанием глубокого тестирования с сеансом психоанализа.

Вот что имела в виду Алена.

На исходе часа генерал, похоже, выдохся.

— Смотрю я на вас, полковник, и отчетливо читаю ваши мысли. Ну чего он ко мне привязался, думаете вы. Какого хрена лезет в душу? Все, больше не буду. Дело в том, что мы хотим предложить вам вступить в наш клуб. Обычно претенденты подают заявление самостоятельно и достаточно долго ждут решения Верховного Совета. Но для вас мы в силу особой ситуации делаем исключение.

— Отчего вдруг так? — удивился Суздалев.

— Вы ведь действительно не состоите на службе в нашей армии, соответственно, если бы даже у вас возникло такое

¹ Как и в царской армии, здесь генерал-лейтенант носил три звездочки, расположенные треугольником, на погоне с черно-золотым зигзагом.

желание, не имеете формального права претендовать на членство. Клуб ведь как именуется? «Витязи Отечества». Но это именно что формальность. Вы достойно представляли Отечество за его рубежами, отстаивая интересы Свободного мира. И мы рады будем видеть вас своим братом. А вы?

— Это так неожиданно. И я ведь никого не знаю.

— Меня уже знаете. Остальные, даю слово чести, не хуже.

— Естественно... Это очень лестно для меня. — Георгий на самом деле был не только удивлен, но и взволнован. Жизнь явно меняется, и пока непонятно, в какую сторону.

На самом деле, не ради же игры в бильярд и рыбалки создан этот таинственный клуб. Но вряд ли будет хуже, чем в Кисангани, где он не так давно исполнял обязанности временного генерал-губернатора под пулями и реактивными минами совершенно невменяемых повстанцев.

Вдобавок там круглые сутки или шел тропический дождь, или сыпался вулканический пепел от поочередно извергающихся вулканов. Особого порядка Суздаев там не навел, зато сумел выжить сам, сохранить свой батальон и вывезти из страны пятнадцать тысяч семей европейцев и остатков местной элиты. В сухом остатке — с трудом излеченный гепатит, полковничьи погоны и «Крест за доблесть».

— Что ж, другого ответа, признаться, не ждал. Рад. Задержки за постановлением Совета не будет. Так что можете теперь считать себя на территории полноправным хозяином. Извините, на сегодня временем больше не располагаю, а то бы с удовольствием распили с вами бутылочку. Но это не уйдет. Завтра, после завершения баллотировки, в вашу честь будет дан товарищеский ужин.

Уже на пороге генерал вдруг приостановил Суздаева за плечо.

— Последний вопрос. Я знаю, что в рассуждении женского пола вы человек без завихрений, но все мы люди... Как вам наша Алена?

— Очень мила... — искренне ответил полковник, еще не понимая смысл вопроса.

— Вот и постарайтесь подружиться с нею. Она хорошая девушка. Во всех смыслах. Я ручаюсь. Лучше вы вряд ли най-

дете, если до тридцати пяти не нашли. Но предупреждаю: ни ей, ни кому-либо другому об этих вот словах — ни звука. Смеяться будут — генерал Иванов в роли свахи... Честь имею кланяться.

...Алена ждала его на лавочке в тени старой раскидистой ивы. Увидев Суздалева, встала. Похоже, что она волнуется, как абитуриент перед объявлением результата вступительных экзаменов.

«Вот оно здесь как, — думал полковник, стараясь идти по-медленнее. — Какой там, к черту, клуб! Нормальный рыцарский орден. Ну и слава богу. Армия сама по себе орден, каста. А меня зовут в суперкасту. Из кшатриев в брахманы. Знать бы только цель. Широко сеть забрасывают, по всему миру. Сколько ж лет они меня пасли? Может, с самого училища?

А девочка?

Ну так генерал, похоже, прав. Сам не сумел найти надежную подругу, так вот тебе... Подруга только или заодно и надзиратель? Будем посмотреть...»

Никакого нравственного дискомфорта в означенной ситуации полковник не испытывал. Скорее восхищался квалификацией клубных психологов. Девушка ведь ему понравилась с первого взгляда. Нечто подобное он не раз рисовал в своих грезах, хотя бывали у него и более-менее устойчивые привязанности, и ППЖ¹, и просто шлюхи на один сеанс...

Да и она, судя по всему, если и подчиняется приказу, то не без удовольствия.

Суздалев был человек трезвомыслящий, знал, что выглядит неплохо и женщинам нравится.

Тем более здесь, в России, военные в большом авторитете, и полковник-ооновец с дюжиной наград, пенсией в пятьсот червонцев и солидным выходным пособием, на которое можно купить или построить шикарную виллу на берегу теплого моря, — завидная партия для самых светских дам.

Кроме, может, княжон императорской крови.

¹ Походно-полевая жена.

— ...? — Взгляд девушки выражал сложную гамму чувств. Оно и понятно.

— Генерал сказал, что вы мне все расскажете и поможете подготовиться к «товарищескому ужину».

— Ох, ну и слава богу! Поздравляю.

Георгию показалось, что она с трудом удержалась, чтобы не обнять его, может быть, даже поцеловать. Такие у нее стали сияющие глаза. А что? Вдруг девчонка много лет ждала, когда и ей будет позволено полюбить кого-то? Орден есть орден.

— Теперь мы можем говорить друг другу «ты».

«Вот как?»

— Так ты тоже член клуба? А я думал...

— Знаю, что ты думал. Все так думают. Капитан Тарханова, если угодно. Просто у меня такое послушание — администратор этого поселка.

Полковник засмеялся.

— Что такое?

— Забавно просто. Я Суздаев, ты Тарханова. Предки наши почти соседями были. Да и — «послушание»! Здесь что, монастырь?

— Пойдем, я тебе все расскажу...

Он шел рядом с девушкой и думал: «А ведь и массаж, наверное, не зря придуман. Может, она у меня какие-то особые приметы искала, уточняла, не подменили меня, случаем, в Африке. Или удостоверилась, настоящее ранение или пластика... Капитан — как раз подходящий чин для медички ее возраста».

— Ален, а ты что заканчивала? Не слишком молодая для капитана?

— Военный институт имени генерала Милютина¹. Факультет психологии. У нас по первому разряду поручиками выпускают... А ты?

— Чего я только не заканчивал. И Владимирское гренадерское, и высшую военную школу ООН в Монреале, и

¹ М и л ю т и н Д. А. — генерал-фельдмаршал, крупнейший реформатор Российской армии в 60—70-е годы XIX века. Основатель Генерального штаба и ряда военных академий России.

Брюссельские офицерские курсы кризисных администраторов...

— Интересно как! Расскажешь?

Он пожал плечами.

— Время будет — расскажу. Только ничего там особенно интересного...

— Будет. Мы же с тобой теперь друзья?

— Хочу надеяться...

...Свое «послушание», то есть, конечно, кандидатский стаж полковник Суздальев проходил в аналитическом отделе Генерального штаба. За два следующих года он узнал о целях и задачах «Витязей Отечества» не слишком много.

Внешне все выглядело примерно так, как в писаном Уставе: «Для объединения старших офицеров разных родов войск сообразно служебным и частным интересам...

...укрепления воинского братства, утверждения высших понятий офицерской чести, устранения сословных, религиозных и политических барьеров...

...создания благоприятных условий отдыха и культурного развития...

...поощрения научных занятий, углубления и развития военной теории...»

И тому подобные общие фразы.

Имелся и подробнейше разработанный кодекс поведения членов клуба, их права и обязанности и много еще чего.

Причем все написанное было правдой, клуб на самом деле давал почти неограниченные возможности для научных занятий и развлечений, оказывал своим членам необходимую помощь — финансовую, юридическую, медицинскую и какую угодно другую в пределах, ограниченных только действующим законодательством.

Члены клуба носили очень красивые нагрудные значки, которые позволяли узнать «брата», проходящего службу вне столиц и даже за пределами Родины. Как клубные или университетские галстуки на Западе.

Неясным оставалось одно — кому и зачем все это нужно на самом деле.

Объем комфорта, услуг, вообще качество жизни и службы никоим образом не соотносились с размерами членских взносов, больших, но не чрезмерных.

Отчисляя в клуб примерно треть своего денежного содержания, офицер получал возможность жить почти без проблем. Вряд ли это делалось лишь для того, чтобы избавленные от бытовых забот офицеры могли целиком отдаться самосовершенствованию.

Значит, или действительно здесь имела место дальновидная, на десятилетия рассчитанная программа формирования нового сословия демократических аристократов, что вообще не так глупо, особенно в предвидении грядущей всепланетной смуты. Или...

Здесь открывался широкий простор для воображения, и варианты можно было перебирать десятками.

С Аленой они по-прежнему дружили, встречались почти ежедневно, но жили врозь. Брачные союзы между членами клуба уставом не допускались, но на все остальное запрета не было.

— В чем преимущество дружбы мужчины и женщины? — шутила Алена, приводя себя в порядок после совместно проведенной ночи и облачаясь в военную форму, чтобы ехать на службу. — При прочих равных условиях они иногда могут доставлять друг другу дополнительные радости, не рискуя репутацией...

...Работая в своем управлении, Суздаев занимался совсем не тем, чем собирался. Ему приказали сосредоточиться на религиозной обстановке в стране. Но спрашивать, что и зачем, положение не позволяло.

И он, стихийный атеист, погружался сначала в оргштатные структуры всех официально дозволенных в стране конфессий, заучивая табель о рангах православной церкви, разницу между черным и белым духовенством, вникал во взаимоотношения между евреями-ортодоксами и любавическими хасидами, духовными управлениями мусульман — шиитов, суннитов, исмаилитов и алауитов.

Спасибо, буддистов, католиков и протестантов всех толков позволили пока оставить за кадром.

Но успехи у него были. И в теории, и в практике.

...Только к исходу второго года Суздалев узнал, что его кандидатский стаж закончился.

Ему вручили гораздо более солидный, чем кандидатский, знак «полноправного Витязя» и наконец-то допустили до действительно секретной информации. В том числе и до полных списков «братьев».

Он просмотрел на экране длиннейшие колонки фамилий (не алфавитные, а хронологические) с самыми краткими биографическими справками и сразу все понял.

Правда оказалась слегка шокирующей даже для него. «Клуб» существовал уже более тридцати лет и за это время превратился даже не в «теневое правительство», о чем полковник по отдельным признакам догадывался, а в совершенно самостоятельную, всеобъемлющую систему власти в России.

И нельзя сказать, что «превратился». Он таковым и задумывался. Еще в самом начале века наиболее умные и дальновидные политики, генералы, представители деловых кругов пришли к согласию в том, что Россия стоит перед самым серьезным цивилизационным вызовом за последние триста лет. И если не найдет на него адекватного ответа, последствия будут печальны.

Началось же все сравнительно просто.

В году приблизительно 2004-м как раз в районе нынешнего дачного поселка в Троицком.

— Эпоха упадка, как известно, сменилась в Риме эпохой «солдатских императоров», — рассуждал за ломберным столом на даче тогдашнего владельца концерна «Росинтель» Голованова его близкий друг, начальник внешнеполитического департамента Генштаба генерал-лейтенант Агеев. — И не менее известно, что военные перевороты, совершаемые даже с самыми благими целями, никаких проблем никогда не решают. Особенно — в долгосрочной перспективе.

— Отчего же, — возразил командир столичной гвардейской дивизии Короткевич, — иногда очень даже решают. Например, переворот, учиненный государыней императрицей Екатериной, нареченной далее Великой... Да и в прошлом

веке в Южной Америке кое-какие генералы, захватив власть вполне незаконно, правили недурственно... Гуманно, можно сказать.

— Нет, Анатолий прав, — вступил в разговор штатский Голованов, чья фамилия вполне соответствовала профилю выпускаемой им продукции — высокоинтеллектуальным вычислительным комплексам для нужд вооруженных сил. — Как-никак в третьем тысячелетии живем. Грубая сила уже не решает. Матушка Екатерина все ж таки помазанницей божьей числилась, и никто ее легитимности сомнению не подвергал, как и внучка ее, Александра Благословенного.

А ты, Вася, — обратился он к Короткевичу, — власть если и захватишь, что в принципе легко, вынужден будешь большую часть времени сажать и стрелять, стрелять и сажать, поскольку народ демократией и многопартийностью избалован, во фрунт строиться просто так не захочет. Вообще же, — вдруг совершил он поворот на 180 градусов, — лично меня хотя бы и твоя жесткая власть вполне бы устроила. И две трети деловых российских людей. По целому ряду причин... И вообще, умного бы самодержца нам — и ничего другого не надо...

Генерал Агеев остановил свой цепкий взгляд на холеном лице промышленника.

— Ответь-ка мне, Максим, сколько лет еще наша экономика может оставаться конкурентоспособной, держаться хотя бы в первой пятерке?

— При прочих равных условиях — лет десять максимум. А потом все начнет сыпаться. Мои аналитики давно все расклады просчитали, только никому это наверху не нужно. И я начинаю соображать — не пора ли скидываться? В Германию процентов сорок капитала переведу и от разорения застрахуюсь...

— За-стра... остальное ты сам сказал, господин капиталист! — взорвался вдруг генерал. И так же быстро утих. — Мои аналитики тоже кое-что постоянно считают. А может благородная российская буржуазия совершенно приватным образом скинуться на пару миллиардов под проект, который начнет приносить отдачу лет через пять-десять, но уж тогда...

— Пара миллиардов — не такая уж сумма, знать бы, что за проект...

— Да то же самое, о чем мы говорим. Только разложенное по ячейкам, полочкам и растянутое во времени. Не одномоментный путч. А вирусная инвазия. Сейчас я одного умного паренька приглашу, он вас ознакомит.

Почти тотчас открылась дверь, и появился молодой, не доживший еще и до тридцати, капитан с тонкой кожаной папочкой в руке.

— Вот-с, мой главный футуролог и социопсихолог капитан Иванов. Сейчас он нам все и растолкует...

Идея, пришедшая в изощренный мозг армейского философа, была проста, как русский штык. И столь же эффективна, что в дальнейшем и подтвердилось.

Любому командиру известно, что хорошо подготовленный десантно-штурмовой батальон рейнджеров-профессионалов может почти без потерь разгромить дивизию, а то и корпус, наскоро укомплектованный необученными призывниками и сорокалетними мужиками из запаса третьей очереди.

То же самое и в политике.

Самое интересное, что эффект программы начал проявляться почти сразу.

Уже через три года все экономические показатели России пошли вверх, а кривая преступности, любой, но прежде всего экономической и общеуголовной, — резко вниз. И почти совсем сошла на нет рецидивная преступность.

Чем-то это напоминало положение с динамикой правонарушений в Германии после 1934 года. Как-то вдруг люди стали бояться нарушать законы, хотя никаких новых актов принято не было.

А право? — спросит кто-то. Как быть с правом?

Желающие могут снять с полки запыленный 16-й том сочинений Маркса и Энгельса, где прочитать: «Право — это возведенная в закон воля господствующего класса». И ни слова больше. Значит, вопрос только в том, что именно в данный момент считать господствующим классом.

А вот соображение из области эмоций и чистого гуманизма. В Первой мировой войне великий русский поэт Гумилев

вполне мог зарубить драгунской шашкой или застрелить из винтовки великого немецкого писателя Ремарка. А то и самого Гитлера. Только случай помешал этому. И что, в первом случае он стал бы преступником, а во втором — героем человечества?

Отнюдь. Там все определялось одним — цветом военной формы и дизайном погон. Так отчего же можно стрелять в великолепного человека, совсем не добровольно надевшего не зеленую гимнастерку, а серо-голубой китель, и нельзя устранить с игрового поля заведомого преступника, на которого есть все необходимые доказательства? Отсутствует лишь формальность — приговор судьи, который и сам может быть не меньшим преступником...

...В течение двух дней серьезного инструктажа, похожего на последнюю беседу с агентурным разведчиком, отбывающим на годы и годы автономного плавания во вражеском тылу, он услышал, между прочим, и такое:

— Ты уже понял, брат Георгий, что одни наши люди занимают реальные посты во властных структурах, а другие работают как бы и нелегально. Когда дублерами, а когда советниками при тех или иных функционерах. Как советники президентов и главкомов вооруженных сил в вассальных странах.

Так вот, тебе придется поработать в совсем оригинальной роли. Мы вводим тебя в операцию «Игумен». Там у нас уже кое-что сделано, но спланирована она под тебя персонально. Со временем ты у нас станешь одновременно патриархом, главным раввином и этим, как его, имамом всех мусульман...

— Да ты что, брат-командор?! — Суздалев чуть не сказал «охренел?», но психологи, которые его тестировали, не ошиблись. Он вовремя сдержался, сказал ровным голосом: — Ну какой из меня патриарх? Тем более раввин.

— Не хуже, чем из меня президент республики и одновременно председатель Госдумы. Мы тебя что, в рясе ходить заставляем и молебны в патриаршем соборе служить? Твое дело — проводить политику и осуществлять контроль. Все. Причем, естественно, ни один из подконтрольных тебе клиентов ни сном ни духом ведать не будет, что он — не единственный у тебя на связи. Иврит ты подучил. Арабский и так был неплох. Ну и вперед. Но патриарх — это со временем.

Оботрешься, перезнакомишься, может, и Духовную академию закончишь экстерном. А пока специальное поручение тебе будет такое — при каждой конфессии создать спецслужбу и отряды спецназа при них. Вроде как у католиков орден иезуитов. «Ад майорем деи глориам»¹. На остальные богослужebные языки эту мысль сам переведешь.

На еще одну робкую попытку уточнить позиции последовал великолепный по простоте ответ:

— Я и сам знаю, что православной инквизиции никогда не было. Ну и что? Всего у всех когда-нибудь не было. А ты сделаешь, чтоб было. Сергей Радонежский братьев Ослябю и Пересвета на бой благословил? Благословил. Героизм проявили на Куликовом поле, и семьсот лет уже их помнят и в каждом молебне поминают. Так вот ты сделай так, чтобы в любую минуту мог по православной линии ударную дивизию поднять, по остальным — от бригады до батальона. Рыцарей без страха и упрека. Хоть иудеев, хоть мусульман, но чтоб за общую Родину сражались по высшей планке догматов веры...

Генерал вдруг расплылся в радушной улыбке.

— Да что я тебе буду рассказывать. Сам ты все отличнейше понимаешь. Торопить не буду, целых три года тебе даю на все про все. Понимаю, что много, так и дело не слишком обычное. Надо, богословов собери, раввинов, мулл, еще кого потребуется, разъясни требования текущего момента, только так, деликатненько, и все получится. Думаешь, эти ребята, пастыри человеков, от нас с тобой сильно отличаются? Финансирование будет, штатные расписания будут, а остальное приложится...

— Надеюсь, их обеты вроде безбрачия, соблюдения пятницы, субботы, трезвости и неупотребления свинины на меня в полном объеме не распространяются? А то ведь и жить некогда будет. Тогда лучше в буддисты...

— А это уж по обстановке, брат, по обстановке. «Во имя Аллаха, милостивого и милосердного». — Генерал Иванов засмеялся и поднял к плечу сжатый кулак.

¹ «К вящей славе господней» (лат.). Девиз иезуитов.

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

Ноябрь 2055 года.

Москва

...— Несколько позже ответу, — повторил мой загадочный собеседник. — А пока давайте все же с вами достигнем хоть какого-то взаимопонимания. Я, скажем, практически частное лицо, но... любопытен в государственном смысле. Когда узнаю что-то новое и непонятное, первым делом интересуюсь, а не несет ли это новое вред моему Отечеству?

— Как Победоносцев...

— ?.. — Георгий Михайлович на пару секунд впал в недоумение, а потом просветлел лицом. — Ах да, да. Помню, как же. Оберпрокурор святейшего Синода при двух последних царствованиях. А он что, нечто подобное тоже высказывал?

— Высказывал. Году этак в 1895-м. Мол, любые новые идеи и веяния для России вредоносны. Россию нужно подморозить...

— Еще раз примите мои уверения... Я и не думал, что на Западе есть специалисты, настолько владеющие предметом.

— Выходит, что есть.

— Искренне рад. Тогда еще бокал шампанского, и поговорим по существу.

И вот тут начался настоящий допрос, который не оставил мне ни малейших шансов. Он сделал меня как пацана, одной левой. Да и смешно было бы, если б не сделал.

Только в результате впал в окончательное недоумение.

Я ведь тоже его изучал с первой секунды нашего знакомства. У него свои методы, у меня свои.

Георгий Михалыч рубил меня на бесспорных фактах, а я его (до поры — в уме) ловил на психологии.

Разумеется, он и в ней был силен, но по-своему. В рамках предложенных обстоятельств и «бритвы Оккама», а я от этих глупостей был свободен.

Да и как личность он ни Врангеля, ни Колчака, ни даже Агранова силой духа не превосходил.

Ну, гэбэшный генерал спокойных, вегетарианских лет. Как у нас, когда самый страшный враг был диссидент, чита-

тель Булгакова или распространитель «Хроники текущих событий»¹.

Куда ему против Берии, Абакумова, Меркулова, Гейдриха, Шелленберга...

Это я вспоминал своих современников, которые, возможно, не блистали изысканным интеллектом, но уж волчьим чутьем и готовностью идти туда, куда и Воланд бы шагнуть не отважился, обладали в полной мере. Отчего и добивались в избранной сфере выдающихся успехов.

Нынешнему человеку этого просто не понять.

Он сидел, все еще думая, что переиграл непонятно чьего шпиона, и я смотрел на него с усмешечкой.

Эх, времена, времена! Все считают, что они ужесточаются год от года. А ведь нет.

Сталинские и гитлеровские пыточные камеры были всего лишь случайным отклонением от генеральной линии гуманизации. Европейского человечества, конечно.

Красные кхмеры нам показали, ЧТО в этом веке возможно за некоторыми пределами цивилизации. Изобразили шагком назад к Средневековью. Но — робкий. Подумаешь, угробили полтора миллиона своих соотечественников. Причем не применяя ни пулеметов, ни газовых камер. Попросту топорами и мотыгами. Но тут же и исчезли, как их и не было. И мир к этому отнесся на удивление спокойно.

Ковровые бомбардировки, да, были, и Хиросима тоже, а все-таки нормальных (в том смысле, что спокойных, ни одной стороной не воспринимаемых как отклонение от нормы) допросов в Тайном приказе, с дыбой, горящими вениками и колесованием, во второй половине XX века уже не практиковалось.

Если что и бывало, то именно как аффект исполнителя. Не зря уже в 54-м году особо ретивых сталинских соколов их же товарищи к стенке и поставили. Именно за чрезмерность в проведении линии партии.

¹ «Хроника текущих событий» — подпольный самиздатовский журнал о нарушениях прав человека в СССР (1975—1986 гг.). Большинство его редакторов и авторов были репрессированы.

И еще я чувствовал, что мой любезный, могущественный в своем мире хозяин меня боится.

Как раз за непостижимость. На чем я и сосредоточился.

— А вы не боитесь, Георгий Михайлович? — начал я импровизировать, поскольку других козырей у меня не было.

— Чего же я здесь, у себя, могу бояться? Тем более что мы с вами практически все выяснили...

Ох, ну какие же они наивные ребята. С ними работать — как леденец у детсадовца отнимать.

— Отец мой родной и спаситель! Скажите же мне скорее! Что же вы про меня выяснили? Полжизни бьюсь и ни хрена не понял, а тут вдруг...

После того как он меня якобы расколол, я перешел уже на настоящий русский язык, с необходимыми матерными вставками и интонациями, не доступными никакому профессору русистики.

Тем более что в строевых частях армии хозяин дома когда-нибудь обязательно служил.

— Вот стою я перед вами словно голенький. И что вы со мной собираетесь делать, господин-товарищ-барин? Ну, давайте попросту... У вас ведь правовое государство? Предъявите мне обвинение за нерадивость в школе, за плохую память... А можно я навскидку спрошу вашего охранника, кем был Азций, сколько морских миль содержится в одном градусе широты и какая из четырехсот восьмидесяти трех рубаи Хайяма подлинная, а какая апокрифическая?

А вы сами, господин... ну, пусть и генерал, ответьте, столицей чего является Уагадугу¹, каков курс кетсаля к испанской песете и кто бреет цирюльника?..

После этой тирады мы еще выпили шампанского, и он, вроде бы и некурящий человек, потянулся к моему портсигару.

Покурили молча, определяя позиции, я отошел к окну, чтобы укрепить дух видом бульвара и домов, которые стояли здесь и при мне, и до моего рождения.

Снизу вверх, от Трубной площади, несло сплошным пото-

¹ Уагадугу — столица Верхней Вольты.

ком злой и мелкий снег, который с наждачным шорохом бился о стекла.

Очень красиво. Почти так было, когда я ходил здесь пешком, уж не знаю, в какие времена.

— Хорошо, — сказал наконец Георгий Михайлович. — Допустим, вы правы, а я проиграл. Любой нормальный разведчик, будучи уличен в наличии фальшивых документов, незнании самых элементарных реалий жизни, поставленный перед перспективой подвергнуться соответствующему судебному или внесудебному преследованию (а на Западе все знают, что в России и такая форма правосудия существует), давно уже спросил бы, каковы предложения и условия. С моей стороны...

— И каковы же? — с откровенным любопытством спросил я.

— Вам оно нужно? — ответил хозяин, как если бы был одесским евреем старых времен. — Заодно хочу вам сказать, что Угадугу ничьей столицей не является и являться не может, поскольку это занюханный поселок в среднем течении Нигера, я там бывал, а насчет апорий¹ Зенона, в том числе и про цирюльника, можно поговорить и попозже...

Я рассмеялся и фамильярно хлопнул его по плечу.

— Жизнь такова, какова она есть, и больше никакова, господин генерал. Не Марк Аврелий, конечно, но тоже неплохо сказано. Или нет?

После этого, тоже по известному психологическому закону, я выложил перед ним на стол пистолет, который на всякий случай поставил на два предохранителя, и даже нож, спрятанный у щиколотки под брюками.

— Смотрите, теперь я безоружен. Ваши парни это рассмотрели. А вы?

— У меня оружия и не было. Мне — зачем?

— Конечно, когда за тобой и вокруг тебя — вооруженные и секретные службы всей России. И все же...

Человек, я имею в виду, умный человек, которому дозволено жить по собственному вкусу и вдобавок руководить спецопе-

¹ А п о р и я — непреодолимое логическое затруднение (греч.).

рациями, рано или поздно понимает, где лежит предел его компетентности.

Он сделал все, что в его силах, и я за это готов его уважать. Сумел вычислить среди миллионов въезжающих в Россию людей интересный объект, взять его на контроль, отследить круг интересов, не поленился следом за мной проверить библиотечные формуляры...

— Так скажите, Андрей... Я правильно транскрибирую ваше имя? Откуда вы и зачем вам понадобилось копаться именно там? Что вы ищете в начале прошлого века? Ну не могу я этого понять...

— Я бы сказал так: «Не ваше это дело». Но не скажу. Поскольку вижу, что мы можем быть полезны друг другу. Только сначала ответьте на мой первый вопрос — кто вы здесь и чем я вас заинтересовал? На мое искреннее сотрудничество после этого можете рассчитывать, поскольку мне и вправду особенно деваться некуда.

...Шульгин отнесся к моему рассказу и решению о сотрудничестве с неизвестной силой с полным пониманием. Более того, объявил, что это как раз то, что нам нужно. Внедриться, понять, что здесь почем, наладить связи, а уж потом строить собственные планы.

— А этот, «отец Георгий», как ты его назвал, не показался он тебе несколько странным?

— В смысле? Они для нас тут все странные, поскольку чужие.

— Я о другом. Что, если он — тоже... Только — раньше. Как Сикорски на планете Саракш в отношении Максима? Тем тебя и вычислил, что, появившись здесь, ты сразу полез изучать именно время «развилки». Любому контрику-аборигену должно быть сугубо наплевать на твой интерес к 1903 году. Кого в нашей Москве заинтересовал бы зарубежный профессор, изучающий в «Ленинке» эпоху декабристов? Вот если бы он полез в спецхран по троцкистско-бухаринским делам...

В Сашкиных словах был резон. Разведчик ли Георгий Михайлович, пришедший сюда из нашего времени, очередной

«Антон» этого мира или местный мудрец, эмпирическим путем пришедший к идее вторичности собственной реальности, — пока не суть важно.

Главное — этот человек и его фирма стоят на страже собственной истории и готовы сцапать каждого, кто проявляет к ней интерес. Значит, с ним стоит поработать.

Заодно Шульгин сказал мне, что, пока я общался с Суздаlevым, куда-то исчез Кейси. Не потерялся в чужом городе, как это случается с людьми, а внезапно выписался из гостиницы и, наверное, уехал. А куда? Вряд ли в Париж, прожигать жизнь в тамошних шантанах.

Тут мы проявили полное единомыслие. Такой прыткий паренек вполне может проявить излишний интерес к нашему «Призраку», особенно если вообразит, что мы полные лопухи, занятые своими, никчемными, с точки зрения практика, делами.

Поэтому нужно немедленно предупредить капитана Ларсена, а Сашке немедленно лететь в Мельбурн и уводить яхту в море.

К тому времени, когда он доберется до ближайшего российского порта, я постараюсь определиться со своим здесь положением. А там видно будет.

— Так и сделаем. Беру Анну и сейчас же отправляюсь.

Но, как известно, пуганая ворона куста боится.

— Подожди-ка, Саша. Документов ведь на «Призрак» у нас нет никаких. Местных, законных. Кейси это знает. Боюсь, мой бывший секретарь ради этого и слинял. Что стоит, имея его связи, наложить на «Призрак» арест, еще какой-нибудь финт придумать... Что мы об их нравах знаем?

— Чем их нравы от наших отличаются? — хохотнул Сашка. — Одиннадцатая заповедь — не зевай!

Чем мы хорошие ребята — быстро соображать умеем.

— Давай-ка мы вот что сделаем, — предложил я. — Позволю Георгию Михайловичу, пока он спать не лег, обрисую ситуацию, попрошу квалифицированной помощи. Авансом за будущее сотрудничество. Заодно и проверим, насколько далеко простираются его могущество и добрая воля...

...Могущество и добрая воля таинственного «генерала» простирались до бесконечности.

Несмотря на поздний час, он немедленно прислал за нами машину. Собирался уже отходить ко сну, о чем свидетельствовал сидевший на нем как парадная офицерская шинель зеленеватый махровый халат, а вот не пренебрег.

Представив их с Сашкой друг другу, я сжато, но исчерпывающе изложил ему ситуацию с яхтой и подозрения по поводу Кейси. Особо подчеркнул, что документы, подтверждающие права собственности, регистрацию у «Ллойда», капитанские патенты, мои и Ларсена, в полном порядке, но...

— Здесь они могут показаться неубедительными, — обтекаемо выразился я.

— Проблему понял, — не стал ходить вокруг да около Г.М. — Вам требуются новые, совершенно убедительные документы на судно и личные документы тоже.

— Не мне, ему, — указал я на Шульгина. — Мои в порядке.

— Хорошо. И все бумаги нужны к утру, и еще успеть на мельбурнский рейс? Будем заниматься...

Заялся он нашей проблемой плотно и с размахом. Тут же вызвал сразу четырех секретарей или адъютантов, как их там, раздал поручения и назначил срок.

А потом, мельком взглянув на готические напольные часы, предложил, раз уж так все складывается, продолжить вечер «по-гренадерски», как он выразился.

— Может, лучше по-гусарски? — не утерпел Шульгин.

Хозяин слегка улыбнулся, но ничего не ответил.

Выставил из тумбочки на стол довольно причудливую кофеварку, бутылку коньяка и бутылку водки, вакуумные пакетики с балыком и черным хлебом.

— У нас так было принято: сидим за картами и выпивкой до шести утра, а в восемь на службу. Кто не умел, долго в полку не задерживался. Ну, по первой, чтоб парашют не подвел.

Невзирая на возраст, старая закалка чувствовалась. Говорили мы на сей раз о вещах совершенно нейтральных, без всякого взаимного прошупывания.

Около четырех Сашка позвонил Анне, разбудил и велел собираться в дорогу.

В пять были готовы все документы.

— Александр Иванович (Сашка попросил все оформить на его подлинное имя), к сожалению, рейс на Мельбурн будет только вечером, с учетом разницы во времени вы сильно проигрываете в темпе. Поэтому полетите на частном самолете, и вас будут сопровождать двое моих сотрудников, хорошо ориентирующихся в вопросах международного права. В других — тоже. Пойдемте, машина у подъезда.

ГЛАВА 18

...Сопровождающих Шульгина ребят звали Сергей и Анатолий. Первый — светлый блондин поморского типа, манерами и тщательным подбором слов при разговоре вполне соответствующий статусу знатока международного права, второй — стройный шатен с коротко подстриженными усами, для наметанного Сашкиного глаза явный офицер-спецназовец. Не сильно это и скрывающий.

Взлетели они с небольшого подмосковного аэродрома, скорее всего — военного, на самолете, похожем одновременно и на гражданскую «Сессну», и на истребитель «Су-25». Более современных ассоциаций Шульгину взять было неоткуда.

В низкое ночное небо ушли почти вертикальной свечкой, но перегрузки в уютном шестиместном салоне бизнес-класса почти не ощущались.

На взлете в черных кругах иллюминаторов отражались только плафоны внутреннего освещения, и вдруг, буквально через пять минут, как в планетарии, распахнулась несколько даже нарочитая декорация открытого космоса. Отливающий синевой черный бархат, усеянный ледяным крошевом звезд.

Немного полюбовавшись феерией, Анна устроилась спать, укутавшись до плеч пледом, а Шульгин со спутниками перешел к делу.

О задании ребята знали пока в самых общих чертах, и Сашка обрисовал им диспозицию так, как сам ее представлял.

— Если, конечно, этот Кейси окажется честным парнем,

то просто заберем яхту и уйдем. Если хотите — плывите со мною, неплохой отпуск получится. Если же нет...

— Скорее всего — нет, — сказал Сергей. — Ваша яхта сколько стоит?

— Я не приценялся. Но думаю — не меньше миллиона фунтов. Не считая оборудования и припасов.

— И если он считает, что вы арестованы русскими властями, да к тому же у капитана отсутствуют правоустанавливающие документы... Тут дураком или ангелом нужно быть, чтобы искушения избежать. Дело для него почти бесприщипное.

— Добавим, что клиент до тридцати лет жил в бедности и вдруг мгновенно по-сумасшедшему разбогател. Наверняка голова закружилась. К приличным деньгам еще и классная яхта, — поддержал товарища Анатолий.

Силовой вариант защиты «Призрака» технических сложностей не представлял, Шульгин и четыре робота раскидали бы любое количество захватчиков, но далеко бы они сумели уйти? Он не знал даже, на какое число миль от берега распространяется суверенитет Австралийского союза и можно ли рассчитывать на экстерриториальность в нейтральных водах.

— Главное, Александр Иванович, — добавил Анатолий, — вы можете быть спокойны. Задания Суздалева полагается выполнять. Только если обстановка будет обостряться, вы держитесь в сторонке. Мало ли что...

— Конечно, конечно, я в ваших делах ничего не понимаю, особенно если кулаками махать придется.

— Если кулаками — милое дело, как бы чем другим не пришлось, — засмеялся Анатолий.

После московских морозов австралийская, даже смягченная ветром с океана жара показалась поначалу непереносимой.

Они опрометчиво вышли из зала аэропорта на площадь, и, пока Сергей разыскивал на бесчисленных парковках нужную машину, одежда путешественников успела промокнуть от пота.

Наконец к ним подъехал длинный серебристо-лимонный

автокар. Сергей сидел на левом сиденье, а справа, за рулем, незнакомый мужчина, загорелый, как абориген, с сильной проседью в густых темных волосах, но тоже сразу видно, что русский.

— Степанов, Юрий Владимирович, вице-консул, — назвал он себя, дистанционно запирая задние дверцы. — Кондиционер я сразу на полный газ не включаю, а то простудитесь с непривычки. Пиво и сок в баре, справа. Поехали?

— Поехали.

— Посол приказал вас встретить и оказать всяческое содействие, — продолжал Степанов, выезжая на хайвэй. — В чем проблема?

— Пока ни в чем. Пока нужно только ваше присутствие, если она возникнет. Расскажите лучше, как тут вообще живет, как местные к русским относятся.

— Нормально относятся. Тут вообще русских много живет, еще с прошлого века. И сейчас кое-кто приезжает на постоянку. Зачем — понять не могу, хотя третий год здесь работаю. Климат не для нас, а денег заработать и поближе можно.

«Нелюбопытный человек, — подумал Шульгин. — За два года мог бы и разобраться. Или натура такая, непреклонная — раз с родины уезжаете, плевать я хотел на ваши проблемы».

Анатолий хохотнул. Он вообще был, как заметил Сашка, веселый человек. Только развлекали его обычно не совсем те вещи, что других людей.

— Это те бегут, что войны и революции боятся. Австралия далеко, в Австралии не достанут. Ты, Владимирович, их анкетами поинтересуйся, сразу все ясно станет.

— Какой войны? — не понял Шульгин. Никаких признаков грядущей войны, а тем более революции он за две недели здешней жизни не заметил.

— А какой угодно. С китайцами, с мусульманами, с неграми, с инопланетянами. Народ такой. Одни на фронте, на переднем крае в берете и в майке ходят, другие в глубоком тылу шлем и брник не снимают.

— Сам на фронте бывал?

— У-у! — махнул рукой Анатолий. Но уточнять не стал.

— Он у нас скромный, — вставил Сергей. — Но, между прочим, Герой России.

— Да ладно тебе...

«Ты смотри, действительно скромный», — подумал Шульгин. Он видел, что парень не кокетничает, и не стал уточнять, где и за какие заслуги в такой мирной на вид стране дают соответствующие звания.

Удивился только, как здесь все перемешано. Воинские чины и часть наград остались еще от царских времен, и в то же время — Герой России. Интересно, а медаль, аналогичная советской, к этому званию полагается или все только в вербальной форме?

До бухты на берегу Баасова пролива, где размещался яхт-клуб, доехали быстрее чем за час.

Совершенно неожиданно перед глазами распахнулась необъятная ширь океана в бликах закатного солнца и голубоватые контуры гористых островов на самом пределе видимости.

— Ой, красиво как! — воскликнула Анна.

Сашка посмотрел на часы. 18.40.

— А когда московский борт с нашим приятелем прилетел?

— В 8 утра, — ответил Сергей.

— Тогда у него десять часов форы. Можно многое успеть при желании. Если только он не напился на радостях и не решил все отложить на завтра-послезавтра.

— И это возможно, — меланхолически согласился юрист.

С крутого изгиба дороги на вершине холма Шульгин сразу нашел среди десятков, а то и сотен яхт всех классов, тесно облепивших многочисленные пирсы, знакомые маты и белый корпус «Призрака».

Он выглядел здесь как огромный лебедь среди прудовых уток.

Даже в бинокль никакого шевеления на палубе и причале не различалось.

Сашка указал спутникам:

— Вон, видите, белый трехмачтовый кораблик у дальнего причала. Это он и есть. Думаю, мы успели.

— Почему вы так считаете? — При виде объекта приложения сил Анатолий подобрался.

— Капитан и экипаж там такие, что при попытке удалить

их с борта и захватить яхту было бы оч-чень много шума. Парни хорошо вооружены и сдаваться без боя не приучены.

— Это плохо, — сказал вице-консул, которого по дороге кратко ввели в суть дела. — Вооруженное сопротивление властям здесь тянет на 20 лет каторги.

— До сегодняшнего утра они числились лицами без гражданства, а яхта — английской. Вы в любом случае ни при чем. А вот когда мы поднимемся на палубу...

— Тогда хорошо, — без лишних эмоций кивнул головой Степанов.

Но все-таки они совсем чуть-чуть, но опоздали.

С вершины холма дорога вновь нырнула в ложбину, и путь, выющийся серпантином среди холмов и скал, занял чуть не столько же времени, как от аэропорта до берега.

А когда подъехали к воротам порта и Шульгин предъявил карточку, подтверждающую аренду места для стоянки, пожарной, похожий на Билли Бонса охранник сказал добродушно:

— Тут как раз только что ваш компаньон проехал. Неужели разминувшись по дороге?

— ...твою мать, — не сдержал эмоций Анатолий.

Шульгин же ответил вполне корректно:

— Нет, просто у нас еще и другие дела были. Один мистер Кейси прибыл?

— С компанией. В море выходить будете?

— Точно так. Рыбку половить, пива попить... Может, через недельку еще вернемся...

— Давай, Юрий, гони, пока мордобой у трапа не начался. Нет, ну какая все-таки сука! — До последнего он надеялся, что Кейси окажется порядочным человеком, благодарным за то, что его в одночасье из провинциального копа сделали чуть ли не миллионером. — Но бог, он не фраер... — На него посмотрели с удивлением все, кроме Анны. Очевидно, в этой реальности поговорка не сохранилась.

Пижонский автомобиль Кейси стоял прямо у трапа «Призрака».

— Стоять, ребята, — бросил Сашка своим гвардейцам, приходя в боевой настрой. — Прикройтесь за пакгаузом и ждите, пока я не позову...

— Да как же, Александр Иванович?.. — растерялся Ана-

толий, которому он только что вкручивал насчет своей неспособности к крутым разборкам. А теперь спецназовец чутьем профессионала увидел перед собой совсем другого человека, с которым и ему не слишком бы хотелось оказаться по разные стороны барьера.

— Спокойно, Толя. Я только рекогносцировочку проведу, с чем дорогой друг пожаловал. Не будем спугивать. Со мной одним он нахальничать станет, все карты выложит. А уж если что...

И больше никого не слушая, вразвалочку пошел к яхте.

Как он и представлял, у переброшенных с борта на пирс сходней толпились пять человек, включая Кейси, двух парней в полицейской форме и двух в штатском. А дорогу на борт им загораживал своей атлетической фигурой капитан Ларсен, сейчас особенно похожий на свой прототип.

В сдвинутой на затылок белой помятой фуражке он опирался могучими руками на леерные стойки, и понятно было, что сдвинуть его с позиции можно разве что бульдозером.

— Нет, господин Кейси, хозяин приказал в его отсутствие никого на борт не пускать. Что из того, что вы — его секретарь? Никого — значит, никого. Это Аристотелева логика, если вы чему-нибудь учились. Было бы сказано — никого, кроме мистера Кейси, — совсем другой разговор. Кроме того, я получил от хозяина приказ готовиться к выходу в море и занимаюсь этим. А вы мне мешаете.

Шульгин сделал еще один шаг и положил руку на плечо австралийца.

— Какая неожиданная встреча! Только вчера мы с вами вместе обедали, и вдруг я вижу вас здесь. Исчезли, даже не попрощавшись... А здесь, на «Призраке», вы что-нибудь забыли в своей каюте?

Внезапное появление Шульгина на мгновение повергло Кейси в оторопь. Впрочем, он сразу же взял себя в руки.

«Намерен идти до конца», — понял Сашка.

По сравнению со вчерашним днем секретарь сильно изменился.

Переоделся в светлый тропический костюм, украсил переносицу дорогими полихромными очками. А главное, выражение лица у него теперь было не предупредительно-веж-

ливое, как обычно, а самодовольно-наглое. Не «шестерка» теперь уже, а босс.

— Да. Кое-что забыл. Давайте поднимемся на палубу. Нам нужно поговорить. Надеюсь, вас господин капитан впустит?

— Как, Ларсен, позвольте мне подняться на борт?

— Конечно, мастер, никаких сомнений, — широко улыбнулся капитан. Новикова он обычно называл «шеф», а Шульгина — «мастер», причем в американском, а не русском смысле этого слова. — Здравия желаю. С прибытием на «Призрак», сэр. Та же Аристотелева логика относит вас к категории «своих», а запреты имеют отношение только к «чужим».

Как и настоящий Ларсен, этот тоже любил пофилософствовать.

— Следовательно, в моем сопровождении эти господа также имеют право подняться на палубу. Прошу...

Проходя мимо Ларсена, он едва слышно прошептал по-русски:

— Полная боеготовность. Экипаж на палубу. Когда я ударю Кейси, всех в наручники, — а громко и по-английски спросил: — Корабль к походу готов? Снимаемся через полчаса. Начинайте прокрутку турбин...

— Я бы не советовал спешить, мистер Мэллони. Надо еще соблюсти некоторые формальности, — с едва уловимой издевкой в голосе сказал Кейси.

— Да-да, конечно. Вы, наверное, принесли заявление об увольнении? Надо посмотреть контракт, чтобы не было взаимных претензий. Если мы вам что-то должны, непременно рассчитаемся. Всякий труд должен быть оплачен. А эти господа — ваши друзья? Или вы привели с собой полицию, сомневаясь в нашей честности? — Шульгин болтал весело и небрежно, продолжая играть не слишком далекого бонвивана, прожигателя жизни, каким все время старался выглядеть в глазах посторонних. — Кстати, а откуда вы узнали, что я уже здесь? Ах да, вы, наверное, слышали наш разговор с миссис Мэллони, по-моему, я вчера говорил, что собираюсь в Мельбурн. Ну и сказали бы мне, что тоже решили вернуться домой. Вдвоем бы веселее было лететь...

Усыпляя бдительность Кейси, который вначале очень на-

прягся, готовясь к неприятному разговору, а то и к необходимости применять силу, а теперь начал расслабляться от его слабоумной болтовни, Шульгин продолжал нести всякую ерунду. Одновременно он уводил его и всю молчаливую компанию сопровождающих (группу поддержки) на противоположный борт, за надстройку, которая скрыла их от глаз возможных свидетелей.

Впрочем, вечером понедельника людей на причалах было очень немного, и никто впустую не паялся на примелькавшуюся за две недели яхту. У всех хватало своих дел.

А с этой стороны — только море. Сероватая, покрытая обычным портовым сором вода ковшом, незаметно переходящая вдаль в индиговую, искрящуюся, океанскую.

— Так я вас слушаю, друг мой. Я только прикажу подать чего-нибудь прохладительного. Чертовская жара после Москвы. Эй, Джо, всем виски. И побольше льда.

Шульгин присел на кнехт, привалился спиной к фальш-барту, вытянул ноги. Пятеро «гостей» теперь нависали над ним, окружая неровной дугой. Удивительно выгодная для них позиция. Почти любой человек, кроме настоящего бойца, оказывался совершенно беспомощным в случае инцидента, ему даже убежать было некуда. Разве что попытаться перевалить через планшир и в воду...

Он извлек из нагрудного кармана рубашки сигару, прикурил, пыхнул драгоценным дымом. (Исходя из цены сигары каждая затяжка — 10 фунтов.)

— Итак, я вас слушаю...

Чеканным голосом Кейси изложил именно то, что Шульгин и собирался услышать. Вы, господин Мэллони, или как вас там, незаконно проникли на территорию государства, по подложным документам, возможно — с враждебными целями. Данное судно также нигде законным образом не зарегистрировано и принадлежность его неизвестна. На основании вышеизложенного, а также ряда других фактов, которые будут приведены в надлежащее время и в надлежащем месте, вы, яхта и ее экипаж подлежат задержанию до выяснения всех обстоятельств. В соответствии с законами Австралийского союза вы скорее всего предстанете перед королевским судом. Это все.

★ Кейси замолчал, и до того скупавший полицейский с нашивками старшего констебля протянул Шульгину жетон на ремешке, долженствующий, очевидно, подкрепить слова патрона авторитетом государственной власти.

Другой носитель формы положил ладонь на торчащую из кобуры рукоять «искровика». Двое штатских, наоборот, слегка отодвинулись назад. Очевидно, по сценарию их вмешательство пока не требовалось. Шульгин подумал, что это, наверное, адвокаты, время которых придет позже.

Сашка изобразил высочайшую степень изумления.

— Как, это вы говорите, Кейси? После всего, что было? Вы же подписали контракт, вы все знали! Кроме того...

— К делу это не относится, — перебил его бывший секретарь. — Прежде всего — я гражданин своей страны и тоже, прошу заметить, полицейский. Дело скорее всего будет идти о шпионаже...

— Та-ак! Прав Шекспир, нет пределов человеческой низости. Я буквально раздавлен. Обмануться в человеке... Мы ведь все вам симпатизировали, Кейси, радовались, что помогли вам войти в круг достойных людей...

Шульгин увидел, что приближается Джо с подносом, уставленным стаканами виски, сифоном с содовой и вазой с колотым льдом. Еще два робота бесшумно появились на крыле мостика над головой Кейси и его компании.

— И что, совершенно нет никакой возможности договориться полюбовно? Я мог бы еще раз достойно вознаградить вас и этих джентльменов. И немедленно выйти в море, не нанеся никакого ущерба интересам Австралийского союза...

— Не будем зря тратить вре...

Из полулежачей, напроць исключаящей возможность активных действий позы Шульгин в мгновение взлетел в боевую стойку. И без всяких восточных изысков, совершенно банальным, уличным приемом дал Кейси в морду.

С наслаждением.

Мелькнули и канули за борт шикарные очки.

Такой удар, сразу расквасивший новоиспеченному комильфо нос и губы, забрызгавший кровью пиджак и шикарную изумрудную рубашку с кружевами, куда эффектней и унизительнее, чем вычурные японские «... гири».

Второй удар пришелся в печень констеблю с пистолетом.

Невероятно ловко и стремительно робот Джо поставил поднос на грибок трюмного вентилятора и только после этого заломил к лопаткам руки второго полицейского.

Еще два матроса синхронно проделали то же самое с обоими штатскими. Четырежды щелкнули замки наручников.

За происходящим безучастно наблюдал Ларсен, скрестив руки на груди и прислонившись спиной к грот-мачте.

— Капитан, будьте любезны, поднимитесь на мостик и помахайте фуражкой в сторону третьего по правому борту пакауза...

Когда в кают-компанию вошли мужчины и Анна, Кейси уже сидел, пристегнутый за руку и за ногу наручниками к креслу. Лаково блестела на подбородке начинающая свертываться кровь. Остальных Шульгин велел пока запереть в тамбуре.

Анна, увидев эту мизансцену, ахнула.

Вице-консул насупился.

— Что произошло? Вы отдаете себе отчет...

— Вот только этого — не надо, — прервал Степанова Сашка. — На борту собственной яхты я подвергся бандитскому нападению не установленных пока лиц во главе вот с этим, до недавнего времени служившим у нас секретарем по найму. Он уже бывал на «Призраке», знал, что в сейфе хранятся крупная сумма денег и драгоценности. Вчера он сбежал из Москвы, не предупредив своего работодателя, и первым делом кинулся сюда. Скорее всего имеет место попытка ограбления.... Эти господа — свидетели, как и члены команды яхты. Ваше дело, как вице-консула, официально подтвердить случившееся, так как «Призрак» — собственность российского военно-морского флота и тем самым является частью российской территории...

Говорил теперь Шульгин чуть звенящим, истинно генеральским голосом, какому научился при общении с Врангелем, Слащевым и прочими, хотя и по-английски. Чтобы Кейси понял.

Тот несколько раз пытался что-то выговорить распухшими губами, но Сашка показал ему кулак, и он успокоился.

— Но я лично ничего не видел, — продолжал настаивать Степанов.

— Ты какую команду получил, Юра? — с нажимом спросил Сергей, и дипломат увял, кивнул, соглашаясь.

— Да, да, все я понял, так и сделаем.

Шульгин не удивился, но все равно для себя отметил, что влияние Суздалева поистине безгранично и простирается на все сферы российской системы власти. В старое время мидовцы хотя бы для самоуважения вступали в конфликты с гэбэшниками и даже с партийными органами подчас.

— Так сделаем, господа. Сейчас разойдетесь по каютам, и каждый допросит своего объекта спокойно и непредвзято. Кто, что, зачем, почему и так далее. Есть ли у них какой-нибудь прокурорский ордер, постановление, ну, я не знаю, как здесь принято, любой документ, позволяющий вторгаться на иностранное судно. А я пока по-свойски с этим придурком побеседую. После соберемся и сверим информацию.

Он обернулся к жене. Как раз в тот миг, когда под палубным настилом загудели, проворачиваясь, двигатели.

— Ты, Аня, поднимись на мостик, сядь в кресло и полюбуйся, пожалуйста, южным закатом и удаляющимися берегами Австралии. Возможно, второй раз и не увидишь. Так что пользуйся случаем. Потом вместе поужинаем и обменяемся мнениями...

Девушка, пожалуй, и готова была что-то возразить, но тон Шульгина исключал возможность дискуссии.

Она поправила чуть помявшуюся юбку и молча пошла вверх по трапу. Но молчание ее и нарочитая покорность обещали будущую грозу.

Было нечто такое в выражении ее лица, чего Сашка раньше не замечал.

Стратегию и тактику беседы с пациентом Шульгин, как специалист-психоаналитик, знал хорошо, а за последний год приобрел и практические навыки следователя, что в принципе одно и то же.

Надо сказать, ему это занятие понравилось. Используя знание психологии и истории, известные достижения всевозможных спецслужб на протяжении всего XX века, он без труда ломал и склонял к сотрудничеству твердокаменных

большевиков, агентов ВЧК и Интеллидженс сервис, даже таких зубров разведки и контрразведки, как Агранов, Три-лиссер, Сидней Рейли.

Так что поговорить с Кейси он решил скорее из чистого любопытства. Вряд ли от него удастся получить ценную информацию, а вербовать австралийца в агенты смысла не было. Разве что так, впрок, на всякий случай.

Он уселся на стул задом наперед, положил подбородок на сцепленные кисти, с пренебрежением и иронией всмотрелся в физиономию своего визави.

Кейси тоже довольно давно работал полицейским, первый шок у него успел пройти, поэтому он ждал первых слов Шульгина с видимым спокойствием.

Причина его спокойствия была Сашке понятна. Что ж, тем хуже для предателя.

— Думаешь, для меня имеет хоть какое-нибудь значение, что ты явился сюда в сопровождении дружков-полицейских? Напрасно думаешь. Тебе ведь с самого начала было сказано, что мы — из другого мира и плевать хотели на ваши законы...

— Никто и никогда не поверит, что вы из другого мира. Для суда вы будете обыкновенными лицами неустановленно-го происхождения, совершившими нападение на представителей власти. Это карается очень строго. — Кейси обретал уверенность в себе прямо на глазах. — Самое лучшее для вас — сдаться добровольно и не усугублять своего положения.

Происходящее напомнило Шульгину сцену из «Попытки к бегству». Допрос Хайры Антоном. Но он-то не Антон, он скорее Саул. А вот Кейси — точно Хайра. Пообразованнее, конечно, поумнее. Но ненамного.

Ему действительно трудно понять, что сидящий перед ним симпатичный мужчина с деликатными манерами — существо из мира с совершенно другими моральными нормами и нравственными принципами. По своим психологическим установкам «мистер Мэллони» отличается от того же Кейси сильнее, чем американский плантатор эпохи рабства от американского бизнесмена времен «политкорректности».

— До суда еще нужно суметь дожить, милейший. Тебе. —

Для убедительности он почти коснулся пальцем лба австралийца. — Не знаю, как по вашим, а по нашим законам я имею право стрелять в любого, кто проник на мою территорию, на садовый участок, в квартиру, на палубу моей яхты. В том числе и в «представителя закона», если он предварительно не предъявил мне документ, позволяющий вторгаться в «прайвеси»¹. У тебя есть такой документ? А вот у меня есть. И российский консул на борту...

Документа у Кейси явно не было, об этом Шульгину сказал метнувшийся в глазах собеседника испуг. Он явно рассчитывал взять клиента «на пушку». Иностранец, мол, сомнительное лицо без паспорта, испугается одного вида полицейской бляхи. Вот и не озаботился как-то свои претензии подкрепить. А раз авантюра с налета не прошла, разговор пошел об ордерах, правах личности и иных малоприятных вещах, то надо срочно выкручиваться.

— Вы должны меня понять, мистер Мэлони. За то, что вы позволили мне заработать, хорошо ко мне относились, я благодарен. К вам и к сэру Эндрю я отношусь с симпатией.

Но в остальном — ничего личного. Простите, но я вам не поверил. Вы знаете обстановку в мире. То, что вы оставили такую дорогую яхту, да еще и с экипажем, в Мельбурне, а сами улетели в Москву, а не в Лондон, только прибавило подозрений. И при первой же возможности я вернулся, чтобы выяснить, зачем это было сделано. Нередко имеющие тяжелейшие последствия заговоры начинаются с совершенно невинных акций...

«Ага, — подумал Шульгин. — Прямо как про яхту «Гранма»² вспомнил».

Но ответил грубо:

— Ты мне здесь философий не разводи, парень. И защитника свободы и демократии из себя не строй. Без тебя их до Москвы раком не переставишь (последней идиомы Кейси точно не понял, но смысл уловил верно). И выбор у тебя самый простейший. Ты мне сейчас излагаешь все абсолютно

¹ Частное пространство (англ.).

² «Гранма» — яхта, с которой повстанцы Ф.Кастро высадились на Кубе в 1953 г. Было принято сравнивать ее с «Авророй».

точно — твои истинные планы и цели, как ты дошел до жизни такой и что будешь делать, если я вдруг тебя прощу. Или...

Шульгин рывком развернул стул Кейси к кормовому балкону, открыл двустворчатую дверь.

Подрабатывая турбинами, «Призрак» как раз прошел прикрывающий бухту мыс и начал ложиться на чистый ост, к выходу из пролива в открытый океан.

— Кильватерная струя. Образуется бронзовыми винтами диаметром по полтора метра каждый. Если под лопасти попадешь, догадываешься, что будет? Сторожу клуба я сообщил, что ты и твои друзья собираетесь со мной в дальнюю морскую прогулку. На неделю, на две... Перспектива ясна?

— Вы... Вы не сможете этого сделать...

— Отчего же? Я мужик сильный, поднять этот стул вместе с тобой вполне смогу. А дальше — по законам земного тяготения.

Совсем потеряв голову и лицо, Кейси начал сбивчиво объяснять, что имел в виду совсем не это, что такой цивилизованный человек, как сэр Ричард (ого, со страху и меня в рыцари произвел!), не может просто так убить почти ни в чем не повинного собрата по расе.

— Ты мне еще про совесть расскажи. И про слезинку ребенка тоже. Когда меня собирался в тюрьму на двадцать лет засадить, о таких тонких материях не думал.

Демонстрируя силу, Сашка на самом деле выставил стул с прикованным Кейси на балкон, к самому краю балюстрады.

Солнце садилось в океан по правую руку, с берега тянуло сухим и теплым ветром прокаленных зноем полупустынь, мерно хлопала о борта черно-синяя волна Индийского океана. Жизнь казалась совершенно великолепной.

— Не делайте этого, я буду говорить. Все... Только... Вы лучше задавайте вопросы, а я отвечу...

На этом и строился расчет Шульгина. На самом деле человеку начать вдруг подробно и последовательно рассказывать о своих неблагоприятных помыслах и поступках психологически трудно. На этом и ломали многих арестованных энкавэдэшные следователи.

После неоднократных, сопровождаемых физическим воздействием требований «разоружиться перед партией»,

самому придумать и стройно изложить сюжет и фабулу собственной антисоветской троцкистской деятельности возможность просто отвечать на задаваемые вопросы кажется даже облегчением.

— Ладно, давай так. Я спрашиваю, ты отвечаешь быстро, без пауз. Станешь долго задумываться, я могу усомниться в твоей искренности. И все время помни, что каждое твое слово будет перепроверяться.

Среди потока вопросов, ответы на которые Шульгина интересовали очень мало, он хотел замаскировать единственный, главный.

И, уже выяснив очень многое о том, как именно Кейси собирался обратить «Призрак» в свою собственность, сколько денег за участие в операции собирался он заплатить своим помощникам и какую судьбу он готовил Шульгину и остальному экипажу, Сашка без нажима, как бы между прочим спросил:

— А о чем у вас состоялся разговор там, в Москве? Каким образом к тебе подошли те люди, куда пригласили для беседы, что спрашивали и что предлагали?

После предыдущих, крайне неприятных вопросов этот показался Кейси вполне невинным. Отвечая на него, можно даже отдохнуть и немного расслабиться. И он начал говорить, описывая события рокового вчерашнего дня в мельчайших деталях.

...Ровно в десять с половиной часов утра — как раз отзвонили куранты на краснокирпичной башне — австралиец поднялся от Манежной площади к Никольским воротам и вошел в Кремль. Этот день он собирался посвятить осмотру Оружейной палаты, о которой многое слышал. Он даже купил билет, но внутрь войти не успел.

Его вежливо придержал за локоть молодой человек, одетый, похоже, для загородной прогулки в зимнем лесу — в кожаную куртку на меху, натурального же меха шапку и высокие сапоги с толстыми рубчатými подошвами.

Обычно люди, перемещающиеся по Москве короткими перебежками от метро, остановок автобусов и такси до дверей офисов или магазинов, одевались гораздо легче.

Назвавшись представителем службы охраны Кремля,

этот человек предложил буквально на несколько минут зайти в дежурное помещение, чтобы уточнить некоторые вопросы.

Поначалу Кейси подумал, что речь пойдет о висевшей у него на плече видеокамере. Он знал, что во многих музеях мира пользоваться съемочной аппаратурой запрещено, но в России у него пока что проблем не возникало.

Однако с первых же слов он понял, что «господин Павлов» представляет ведомство, которое если и интересуется поддержанием порядка в национальных музеях, то в самую последнюю очередь.

Разговор длился уже третий час, и Кейси пришлось ответить на массу вопросов, касающихся прежде всего истории его знакомства с господами Ньюменом и Мэллони, цели приезда в Москву и дела, которыми они здесь занимаются.

Скрывать было особенно нечего, да и неискренность с представителями государственных спецслужб на их территории никогда ни к чему хорошему не приводила.

Только о том, что означенные господа прибыли сюда прямиком из параллельного прошлого, Кейси благоразумно умолчал.

С одной стороны, не хотелось выглядеть идиотом, а с другой — ни одного подтверждающего эту гипотезу факта у него все равно не было. Изданные в другой реальности книги остались на яхте в Мельбурне, проданные раритетные монеты доказательством служить не могли.

— Хорошо, — сказал наконец контрразведчик. — Мы удовлетворены вашей откровенностью и готовностью к сотрудничеству. Поэтому — любезность за любезность. К вам претензий у нас нет, но вы поступили бы очень правильно, если бы сегодня же, не встречаясь со своими «друзьями», вылетели на родину. Билет в Оружейную палату по нашей вине пропал, поэтому в компенсацию... — Он протянул Кейси оформленный на его имя длинный, глянцево блестящий билет на рейс Москва — Мельбурн. — Вы свободны. Вас отвезут сначала в гостиницу за вещами, потом в аэропорт...

...В этом месте своего рассказа Кейси вдруг запнулся. От ощущения, что он забыл что-то очень важное, жизненно важное, у него даже лицо исказилось.

Если бы Шульгин в это время отвернулся, просто отвлекся

на игру закатных красок у горизонта, короткая гримаса «подследственного» осталась бы им незамеченной.

Но он ее увидел.

Это тоже входило в число профессиональных навыков — следить не только за словами, но и за интонациями, за мимикой, выражением глаз собеседника.

— Что? Что случилось после того, как вы сели в машину?

Кейси безуспешно пытался вспомнить. Сейчас выходило так, что из памяти у него выпал не просто конкретный факт или мельком сказанная фраза, у него вообще образовался провал между отъездом из Кремля и посадкой в стратоплан, заполненный серым туманом и обрывками впечатлений.

Причем, если бы не тщательный допрос Шульгина, заставивший его разложить события дня по минутам, он мог бы вообще не догадаться о потерянном куске жизни. Основные-то впечатления у него сохранились: вызванное встречей с контрразведчиком волнение, торопливые сборы в номере, страх случайно встретиться в коридоре или холле с Новиковым, дорога до аэропорта, облегчение, когда он занял свое место в салоне.

Нормальное восприятие жизни восстановилось только после взлета и выпитого в баре стаканчика виски.

Шульгин взял его за плечи, уперся зрачками в зрачки, зашептал странно звучащие слова.

После короткого приступа головокружения с сознания Кейси словно махом сдернули пелену. События второй половины дня вновь засверкали яркими красками, как те заснеженные поля и перелески Подмосковья, сквозь которые нес его автомобиль, когда вдруг выглянуло из-за туч пока еще высокое солнце.

Сидящий за рулем человек, до этого большую часть пути молчавший, повернул к своему пассажиру лицо, выразившее вдруг острую заинтересованность.

— Вы, кажется, говорили, что господин Ньюмен оставил в Мельбурне на хранение свою яхту. Как, хорошая?

— Великолепная, — машинально ответил Кейси, до того погруженный в собственные мысли о так грубо прерванном путешествии. Он рассчитывал провести здесь еще не меньше месяца, потому и не спешил, тратил время удивительно нера-

ционально. А теперь уезжает, не увидев большинства музеев, не побывав в Петрограде, о котором слышал столько восторженных отзывов. Может быть, еще удастся сюда приехать. Если его не внесут в какие-нибудь «черные списки» нежелательных иностранцев. — Я таких раньше и не видел. Как в кино из жизни старинных аристократов.

— И что теперь с ней будет?

— Как что?

— Ну, если хозяин не явится за ней больше. Может такое случиться?

«Даже так? — подумал Кейси. — Что же они на господина Ньюмена имеют? Может быть, он действительно шпион, а все его книги и рассказы — чрезвычайно хитрая легенда? Какой в ней смысл, я не знаю, но если все же...»

А водитель продолжал гнуть свое, и постепенно Кейси становилось понятно, что его аккуратно подводят к мысли забрать яхту себе. Вот именно так, как он и попытался это сделать.

Следующий шаг после временного задержания экипажа с последующей депортацией из страны беспаспортных бродяг (законы на этот счет четкие) — вывести «Призрак» в море, тщательно просмотреть судовые документы, все лишнее уничтожить и в другом порту, в той же Аделаиде, объявить, что яхта обнаружена в море без экипажа за пределами территориальных вод.

По известному морскому закону она автоматически становится собственностью первого поднявшегося на борт. Вот и все.

Очевидно, водитель машины был очень сильный гипнотизер, если, забыв о самом факте внушения, Кейси, прибыв в Мельбурн, немедленно начал действовать по предложенной схеме и опоздал совсем ненамного.

Теперь Шульгину было понятно все, и претензии к Кейси снимались сами с собой. Противостоять кодированию такой интенсивности, проведенному, возможно, с использованием неизвестной аппаратуры, он, конечно, не мог. Мало того, ему еще дана была, как фанатичному проповеднику, собственная сила убеждения.

Вряд ли обычному человеку так просто было за несколько

часов мобилизовать на противоправные действия еще четверых, в принципе к таким авантюрам не склонных.

Остается их отпустить. Без извинений, конечно, но по-хорошему.

— Подождите еще немного, я скоро вернусь.

Шульгин вышел в коридор, пригласил в свою каюту своих «помощников». Теперь это слово можно было смело ставить в кавычки. Но вида он, разумеется, не подал. Осведомился о результатах проведенных ими опросов.

Все сходилось. Каждый из четырех участников акции поодиночке говорил почти то же самое. Причем никто из них о дальнейших планах Кейси понятия не имел. Первый этап операции предполагал только задержание членов команды...

— Что ж, — сказал Шульгин. — Будем считать всех их жертвами добросовестного заблуждения. Сейчас подойдем к берегу, высадим рядом с первым же населенным пунктом, и все на этом. С Кейси пусть сами разбираются...

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

Ноябрь 2055 г.

Москва

Наконец-то случилось то, к чему я так стремился все последнее время. Мы с Ириной остались по-настоящему одни. И при этом — спокойны за друзей.

Шульгин с Анной плывут на яхте и появятся не раньше чем через месяц.

Вот ирония судьбы — организовывал морское путешествие я и для себя, а пользуются этим благом другие.

Впрочем, двух недель под парусами мне хватило, чтобы слегка рассеяться, жаль только, что безмятежность отдыха несколько осложнилась посторонними обстоятельствами.

Зато теперь...

Господин Суздалев мне последнее время не надоедал. После того как мы с ним достигли принципиального согласия о сотрудничестве, он себя практически никак не проявлял. Предложил, правда, для нашего удобства переселиться из

«Националя» в гостевые комнаты его особняка, на что мы, по-
думав, согласились.

Действительно удобнее, безопаснее, бесплатно к тому же,
а что касается подсматривания и подслушивания, так при его
возможностях мы нигде не были избавлены от такой вероят-
ности.

Да и что нам скрывать? Наша личная жизнь его вряд ли
интересовала, на сексуального маньяка он никак не походил,
противоправительственной деятельностью мы не собирались
заниматься тем более.

Зато в нашем распоряжении, кроме двух спален и гости-
ной, оказался еще и рабочий кабинет, оснащенный системой
всемирной компьютерной связи, и обещанные помощники с
высшим библиографическим образованием в любой момент
доставляли всю необходимую в работе литературу.

Георгий Михайлович, по-прежнему не интересуясь по-
дробностями моих исторических изысканий, попросил толь-
ко, чтобы в момент, который я сочту подходящим, поделился с
ним своими выводами.

При этом совершенно необъяснимым было поведение
Суздалева в ситуации с Мельбурном и Кейси. Обо всем имев-
шем там место Шульгин передал мне по «портсигарной
связи», абсолютно защищенной от перехвата имеющейся
здесь аппаратурой.

Я не видел абсолютно никакой логики в том, чтобы нача-
ла закодировать человека на пиратскую акцию и через не-
сколько часов оказать мне требующую гигантских расходов
помощь в предотвращении захвата яхты. Те же соображения,
которые мне все-таки в голову приходили, казались слишком
уж заумными.

Было сильное искушение спросить Г.М. прямо и в лоб, но
я себя сдержал. Раз он молчит, буду молчать и я. До поры.

Либо мы с Сашкой до чего-нибудь докопаемся, либо все
решится само собой, как бывало уже не раз.

Так мы и жили.

Автомобиль с шофером всегда был к нашим услугам, и,
чтобы развеяться, мы совершали ежедневные прогулки по

улицам Москвы и Подмоскovie. Он же отвозил нас обедать и ужинать в рестораны, каждый день разные.

Конечно, прежде всего мы посетили те, что существовали и в наше время. Их оказалось не так много, причем большинство, за исключением «Славянского базара» и «Балчута», носили здесь другие имена.

В ресторанах нас интересовала не кухня и не уровень сервиса, хотя нельзя не признать, что они были великолепны. Интересны были люди, их отношения, манеры и стиль поведения в столь подходящих для изучения местах.

Нужно заметить, что эта Россия нам с Ириной нравилась все больше. Весьма высокий уровень и одновременно спокойный, даже слегка замедленный темп жизни. Напоминает конец XIX или начало XX века. Люди тоже приятные по всем параметрам. Доброжелательные, довольные собой и не испытывающие комплексов по отношению к окружающим, примерно на одном уровне зажиточные. По крайней мере, ни особенно богатых, ни демонстративно бедных я здесь не замечал.

Даже автомобили по Москве ездили практически всего двух классов. Именно классов, отличающихся дизайном моделей было много. Но все они относились или к среднему между «Жигулями» и «Волгой», или к, условно говоря, «полу-высшему», как в свое время «ЗИМ», он же «ГАЗ-12», промежуточный между «Победой» и «ЗИСом-110». Ни микролитражек, ни представительских «членовозов» на улицах не попадалось.

А по качеству исполнения и комфорту все они далеко превосходили пресловутые «Линкольны» и «трехсотые» «Мерседесы» наших дней.

И вообще окружающая жизнь производила впечатление самого настоящего коммунизма. За двумя исключениями — отсутствием соответствующей идеологии и наличием денег и частной собственности.

В давние времена, начитавшись романов о светлом будущем, от Стругацких до Мартынова и Колпакова, я неоднократно задумывался — все это, конечно, прекрасно, но откуда вдруг возьмутся люди, обитающие в пространстве романов? Вскоре после обнародования хрущевской программы раз-

вернутого строительства коммунизма в обиход вошло выражение: «Мы таких в коммунизм не возьмем». В смысле угрозы и моральной оценки одновременно.

Но, глядя на произносящих сакраментальную фразу, я, хоть и было мне немного лет, всегда хотел спросить: «Как будет выглядеть «невзятие в коммунизм»? Расстреливать будете или же устроите в Сибири заповедник социализма? Резервацию как бы».

Здесь в «коммунизм» взяли всех.

Но как это произошло? Первый слой ответа лежал на поверхности. Здесь просто не было «настоящего» социализма. Революция случилась на год позже, вдогонку за германской. Партия Ленина — Троцкого (без Сталина, случайно убитого во время «экса» в Тифлисе) захватила власть, но удержать ее в форме диктатуры пролетариата не смогла. Крестьянские восстания и волнения в армии начались почти сразу, и, не доводя дела до Гражданской войны, коммунисты предпочли разделить ответственность с эсерами и меньшевиками. Нэп начался примерно как и у нас, в 1920-м, но без «руководящей и направляющей» очень скоро превратился в обыкновенный госкапитализм социал-демократического толка.

Ленин скончался, как ему и полагалось, в двадцать четвертом (физиология везде физиология, политическая надстройка ей до фонаря), но Мавзолея не удостоился, был похоронен на старой территории Новодевичьего кладбища, примерно там, где «у нас» покоятся жертвы катастрофы «Максима Горького».

Без всякой коллективизации и сталинской индустриализации Россия мирно жила и развивалась вплоть до конца прошлого века. Не было Второй мировой войны, поскольку не было фашистской Германии и СССР, Версальского, Брестского и Трианонского мирных договоров.

Избранный и здесь президентом САСШ Рузвельт предложил создать ООН (которая по уставу и функциям больше напоминала НАТО) для поддержания миропорядка и стабильности не в 1944-м, а в 1935 году. И с этого рубежа началась эпоха мира и процветания коалиции держав Свободного мира.

Войны, безусловно, продолжались, но это были локаль-

ные войны между странами с диктаторскими режимами, вроде ирано-иракской, гражданские войны в Азии, Африке и Латинской Америке, миротворческие и антитеррорристические интервенции ООН.

Суммарное количество жертв в этой реальности за минувшее столетие хотя и составляло миллионов 30—40, но все равно это как минимум вдвое меньше, чем в нашей, и практически все они приходились на «мир Хаоса», как здесь иногда называли не входящую в Свободный мир часть земной территории.

Такая вот получалась геополитика. С одной стороны, подобный вариант истории мне нравился, но ведь с другой — это чистейшей воды неокOLONиализм, выражаясь в категориях марксизма-ленинизма.

Мы, мол, чистенькие, вы — грязненькие, делайте что хотите, только не мешайте нам жить сытно и красиво. А кто переступит предписанные вам рамки — «охрана стреляет без предупреждения».

Но это политика. Интереснее с экономикой.

Почти до конца XX века Россия оставалась среднеразвитой страной с не слишком высоким уровнем жизни, где-то посередине между Францией и Италией. А потом начался труднообъяснимый взлет, за двадцать лет выведший страну в первую тройку по всем социально-экономическим показателям.

Тут тоже просматривалось не просто двойное, а тройное, если не более, дно.

То, что именно в России был изобретен хроноквантовый двигатель, это, конечно, случайность, а может быть, и нет. Наши люди всегда отличались хитроумием в части всяческих штучек, не имевших аналогов в мире, только не умели доводить их до коммерческого эффекта. Начиная от телевизора Зворыкина и до мощнейших ЭВМ шестидесятых годов, которые были намного лучше американских, но так и не превратились в массовые и всем доступные ПК.

А здесь наши земляки распорядились умненько.

Запатентовали во всех цивилизованных странах идею двигателя, рабочий образец и каждый узел и элемент по отдельности. Некоторые же технологические хитрости засекретили, тем самым став абсолютными монополистами.

Грубо говоря, к звездам отныне могли летать только те, кому «наши» соглашались продавать готовые движки. Сама же Россия могла строить столько звездолетов, сколько хотелось, снимать сливки с новооткрываемых планет и звездных систем.

Одного этого уже хватило бы для «красивой жизни», но российские бизнесмены и правители продолжали демонстрировать изумительную дальновидность и хватку.

Следующие десять лет стали эпохой избавления от тяжелой промышленности. Часть производства переместили за границу и в отдаленные районы страны, часть просто ликвидировали. Сохранились и продолжали развиваться только военно-техническая, аэрокосмическая, компьютерная, еще несколько экологически почти безвредных супертехнологичных отраслей.

Большая часть 400-миллионного населения страны занималась наукой (и прибыльно продавала идеи и ноу-хау), искусствами, туристическим бизнесом, внешней и внутренней торговлей, сельским хозяйством, летала к звездам...

Воплощенная утопия, иначе не скажешь.

Как пошло с Японской войны небывалое везение, так и продолжалось вторую сотню лет. Как говорят преферансисты — «прет карта»!

Вот мы с Ириной и работали, порой по десять часов в сутки, чтобы разъяснить загадку не просто экономического взлета, а смены всего национального менталитета, случившегося за исторически ничтожный срок — каких-то тридцать лет.

Преимущество над туземными историками и политологами у нас было колоссальное. Мы могли отслеживать ситуацию сразу и извне, и изнутри. Как бы поднявшись над двухмерной плоскостью в третье измерение.

Человек, родившийся здесь и выросший, просто не представлял, что история России и мира может быть (еще точнее — должна быть) иной, поэтому любое историческое событие было для него объективно закономерным и, если так можно выразиться, равноценным. В смысле степени воздействия на существование реальности.

Кстати, о чем я еще нередко задумывался, и сейчас, и

ранее, так это над поразительной слепотой и инертностью мышления наших, из «настоящей» реальности историков. А ведь казалось бы...

Еще в пятьдесят четвертом году был написан Азимовым «Конец вечности», гениальная в смысле провидчества книга, а ее словно бы и не заметили все, кроме фанатов фантастики. И продолжали твердить, как талмудисты в ешиботе¹: «История не знает сослагательного наклонения», не понимая простейшей вещи: если бы все обстояло именно так, откуда бы вообще взялось в языке это самое наклонение? Зачем его придумали древние славяне, создатели нашего языка?

Кстати, я обратил внимание, что благодаря сравнительно спокойному, поступательному ходу истории не только в России, во всем мире практически отсутствовала фантастическая литература. Кое-что издавалось, конечно, но приблизительно столько же, как в начале наших двадцатых годов.

Понять можно. Кто когда-нибудь читал толковую датскую, швейцарскую, финскую фантастику? Она ведь, как писал Брандис, литература предупреждения, или, как считал я в СССР, — форма эскапизма.

Ни для того, ни для другого почвы здесь нет.

Здесь процветают детективы, боевики, солдатские романы, воспевающие «несущих бремя белых». Киплинг пополам с Ремарком.

Если кому интересно, могу добавить. Ремарк «На Западном фронте...» написать успел и издал в том же 1929 году, а больше — ничего. Не о чем ему стало писать.

Вот тут и подумаешь: а что лучше, фашизм и десятки великолепных антифашистских романов или ни того, ни другого?

Вторжение Наполеона и «Война и мир», покорение Кавказа и книги Толстого, Марлинского, Лермонтова или тишь, гладь и божья благодать?

Да и «Тихий Дон» с «Хождением по мукам», нужны они мировой литературе? Последний вопрос, чтобы подвести черту под этим рассуждением. Впрочем, «Хождение по

¹ Еврейское духовное училище.

мукам» я в библиотеке нашел. Называлось оно «Сестры», до момента побега Телегина из плена совпадало с оригиналом почти дословно, а потом сюжет поворачивался кардинально.

Ни в какую Красную Армию Иван Ильич не вступал, равно как и Вадим Петрович в Белую, Даша уезжала искать Телегина в Берлин, Роштин участвовал в антибольшевистском перевороте, Катя была все время рядом с ним, а потом они все встретились и уехали в Ниццу, где еще до войны адвокат Смоковников купил жене домик, чтобы отдохнуть от потрясений.

Но стилистически эта книга была написана гораздо лучше прежней, поскольку «красный граф» обошелся без идеологии и ограничился рамками семейного романа в эпоху крутых перемен.

Пока Ирина изучала документы XXI века, я продолжал зарываться в дебри и хитросплетения событий начала прошлого.

Я попросил Шульгина, и он из Фримантла, последнего цивилизованного города вплоть до Суэца, перебрал мне авиапочтой несколько книг из библиотеки «Призрака».

Теперь я мог квалифицированно сравнивать буквально дни и часы пресловутого 1903 года.

И вот оно, открытие! Момент Истины.

Не Шампольон я, конечно, расшифровавший Розеттский камень, и не Шлиман, нашедший Трою, но все же, все же...

Запись в дневнике здешнего Николая Второго от февраля 1903 года:

«Сегодня возвратились из Саровской пустыни. Настоятель монастыря отец Алимпий дал мне прочесть завещание Святого Серафима и его Послание будущим Самодержцам Российским. Сначала я очень расстроился и даже плакал. Какая мудрость, какая глубина и как страшна предсказанная мне судьба. Не утешило даже грядущее причисление меня к сонму Святых, в земле Российской просиявших.

Потом я перечитал Послание еще два раза и понял, что нужно делать. Не обо мне, недостойном, речь, а о судьбах возлюбленной России.

Милая Аликс со мной согласилась. Господи, дай мне силы!»

Вот она, точка поворота. В моем издании царских дневников ничего подобного не было. Вернее, было, только без двух последних абзацев, а именно они меняли не только смысл записи, но и грядущую историю.

Наш царь, узнав о своем будущем, отчаялся, опустил руки и бросил руль, предоставив России нестись на рифы грядущего. Хотя, говорят, был неплохим яхтсменом.

Наверное, в расстройстве не нашел в себе сил и желания перечитать Послание. А этот — нашел. И решил сражаться с судьбой (Гамлет?). У него был пример отца, деда и прадеда, монархов решительных, порою смелых до безрассудства. Почему бы и ему не стать таким же, наступить на горло собственной песне, ежедневно и ежечасно давить в себе прекрасноту и нерешительность?

Отсюда все и пошло.

Неясен оставался по-прежнему механизм возникновения «развилки».

Ну, вышел государь из монастырских палат обновленный и исполненный решимости, и что?

Ступил начищенным гвардейским сапогом на брусчатку залитого весенним солнцем двора уже в другой реальности?

Раздвоился в несколько минут или в одно мгновение?

А его двойник, утерев надушенным платочком слезы, тоже пошел к автомобилю или карете там, в нашем истинном прошлом, навстречу Порт-Артуру, Кровавому воскресенью, Цусиме и подвалу Ипатьевского дома?

Или все наоборот?

«Развилка» уже возникла, была создана Держателями, как создается она на дороге мастером-строителем и инспектором ГАИ, ставящим перед ремонтируемым участком табличку со стрелкой «Объезд».

И царь, как дисциплинированный водитель, увидел ее, притормозил и повернул руль?

Забавно, непостижимо и отчего-то страшноато прикасаться к тайнам такого рода.

Внутри реальностей жить все же проще, чем наблюдать эти процессы извне.

Не зря все сотрудники азимовской «Вечности» были психами в той или иной мере и степени.

Вечером мы посетили с Ириной кабаре «Бродячая собака» на Петровке. Программа была интересна, хотя и слегка, на наш вкус, пошловата. Шутки конферансье по большей части мы не понимали, слишком они были привязаны к чуждым реалиям, музыка уступала нашим ВИА¹ даже типа «Самоцветов», зато девушки-стриптизерки были выше всяческих похвал.

Зря говорят, что биологическая эволюция человечества прекратилась.

Все двенадцать артисток, совершавших соблазнительное действо на эстраде, а потом с ужимками и пританцовками рассыпавшихся между столиками, чтобы гости полюбовались их прелестями поближе, были идеально красивы.

Вот бы порадовался Иван Антонович Ефремов.

Каждая из девиц, трудящихся в довольно рядовом, да пусть бы и элитном заведении соответствующего пошиба, с ходу прошла бы кинопробы на роль Таис Афинской или ее подруги Эгисихоры.

Фигуры, груди, лица, волосы — все было по высшему стандарту. Пожалуй, что и Ирина, запусти ее в их компанию, затерялась бы. Нет, это я преувеличил, конечно. Моя жена не затерялась бы нигде. Хотя бы из-за своих глаз и того высшего качества шарма, которого не перебежешь никакими 90—60—90.

Но тем не менее...

Особенных странностей в такой концентрации красоты я не видел. Сотня лет спокойной и сытой жизни весьма способствует улучшению генофонда. Я давно обращал внимание, как менялись лица русских людей на фотографиях 20-х, 40-х и так далее годов. Разумеется, в лучшую сторону.

Похоже, Ирина даже заревновала немного. Может быть, смотрел я на девушек чересчур внимательно.

Не случайно же, когда мы вернулись домой и я нанес

¹ Вокально-инструментальный ансамбль.

визит в ее спальню, она исполняла свои супружеские обязанности с явной прохладцей, а потом вдруг начала допытываться у меня, какие женщины были у меня во время ее постороннего замужества и не изменял ли я ей позже, с той же Сильвией или Ларисой.

— Почему ты не спрашиваешь, спал ли я с Натальей? На мой вкус, это было бы интереснее...

— Наталья вне подозрений. Ей, кроме Воронцова, никто не нужен...

— Чего же тогда вообразила, что кто-нибудь нужен мне? Еще мой дед говорил: баб менять — только время терять...

На том скользкая тема и была закрыта. В благодарность за верность и постоянство мне было позволено остаток ночи провести по своему сценарию.

Рассвет наступил, как всегда, рано. Хотя и около половины девятого местного времени.

Я рассказал Ирине об итогах своих последних изысканий, а она, в свою очередь, сообщила, что собственный опыт аналогичной работы тоже позволил ей сделать некоторые выводы.

— Жаль, что у меня нет с собой «шара», тогда все было бы гораздо проще.

«Шар», состоявший на вооружении всех агентов-координаторов, работавших в нашей реальности, позволял собирать и анализировать фиксированную информацию, касавшуюся любого живущего на Земле человека, а также просчитывать и моделировать ситуации, в которых этого человека предполагалось использовать. Но поскольку на «этой» Земле не было агтрианской резидентуры, оснащенной центральным процессором, то и оставшийся на «Призраке» «шар» здесь работать не мог.

А почему, кстати, здесь нет аналога нашей Сильвии? Вообще никаких следов внимания агтров и форзейлей к этой реальности. Об этом я Ирину и спросил. Приблизительно зная ответ.

— Наверное, потому, что все эти реальности не совсем настоящие. Представь, сколько специалистов потребовалось бы, чтобы перекрыть все варианты...

— А разве...

— Конечно, нет, — поняла она меня без продолжения. — Мы же не отсюда. Аналогов у нас быть не может. У тебя они есть везде, где сложились подходящие условия — в положенное время родились твои отец и мать, встретились, и так далее... Можешь, кстати, на этот предмет в архивах тоже покопаться...

— Ну уж нет! — Идея поискать в этом мире родственников, а то и самого себя показалась мне отнюдь не привлекательной. Зная историю своего рода, я догадывался, что уж деда по отцовской линии найду точно, а вот самого отца — вряд ли, возможность же появления здесь собственного аналога казалась мне исчезающе малой, но тем не менее...

— Если нет, то нет. А у меня же откуда копиям предков взяться? Но я не об этом. При наличии «шара» нам ничего бы не стоило выяснить все необходимое про господина Суздалева. Думаю, он имеет некоторое отношение к интересующему нас вопросу... Если вообще не сам все это организовал лет тридцать назад.

Тут моя любимая выбралась из-под одеяла, по пути на кухню чересчур, на мой взгляд, поигрывая бедрами, тугими ягодицами и всем прочим, заскочила в душ, вернулась, неся на подносе дымящиеся чашки кофе.

— Вот, дорогой, я тебе подаю кофе в постель, а не ты мне...

— Так что ты говорила насчет Суздалева?

— А, ерунда. Потом как-нибудь. Давай лучше продолжим, у тебя сегодня как-то особенно хорошо получается...

Только я хотел сообщить, что именно думаю по поводу столь неожиданной смены сюжета, как она извлекла из-под подушки свой пресловутый золотой «портсигар», поставила его на тумбочку, откинув крышку. Неуловимым движением поднесла палец к губам. Потом почти упала на меня сверху и тут же отстранилась, накинула на себя одеяло.

— Вот теперь все. Нужное слово сказано, а теперь на все их системы слежения пойдет долгая-долгая запись наших любовных утех. Пусть дозорные ребята балдеют и мастурбируют перед экранами.

— Зачем? — не сразу поняла я.

— А чтобы они, во-первых, сообразили, что кое до чего мы добрались, исследуя их мир, а во-вторых, что нам на их тайны в значительной мере наплевать. Нам больше нравится любить друг друга, чем вникать в их проблемы. Очередной ход — за Георгием Михайловичем. А теперь послушай...

Ирина, изучив и сопоставив официальные учебники истории, газетные материалы, протоколы заседаний Верховного Совета России и Организации Объединенных Наций, статистические справочники, еще кое-какие документы открытого и закрытого пользования за ближайшие тридцать лет, пришла к выводу, что здесь имеет место очередной артефакт.

Не сходилось очень многое.

К примеру, дебаты представителей всевозможных партий в здешнем парламенте, по традиции называемом Советом, и принимаемые ими решения имели очень мало отношения к реальной политике государства.

То же самое можно было сказать об очень многих сферах здешней жизни. Она развивалась как бы по двум линиям, не пересекающимся и не слишком далеко расходящимся.

Ирина работала очень профессионально и сумела заметить еще одну важную закономерность. Очень часто решения правительства принимались как бы «вдогонку», задним числом оформляя уже случившиеся явления и процессы в экономике и общественной жизни.

Это может показаться смешным, но за несколько десятилетий этого никто как бы и не заметил. А может быть, и замечали, только не говорили вслух.

Картина вырисовывалась интересная.

Вот так вот. Десять парламентов законно избирались, обсуждали и принимали законы, действовали непримиримая и конструктивная оппозиции, а при сделанном со стороны беспристрастном анализе выходило, что никакого отношения к реальной жизни страны это не имело.

Хитрость была в чем? Жизненный уровень населения постоянно повышался, внешняя политика тоже всех удовлетворяла, и постепенно люди привыкли вообще не анализировать и не соотносить деятельность законодательной и исполнительной власти с повседневной жизнью.

Нам это понять трудно. Наша жизнь вся состояла из политики, советской или антисоветской — второй вопрос.

Но если вообразить, что трудно, будто бы я после окончания института начал сразу получать не сто двадцать рублей, а пять тысяч, то и мне стало бы совсем неинтересно думать о посторонних проблемах.

Но это почти шутка. Касающаяся моего прошлого.

Здесь же...

Каким образом происходящего не замечали те, кого это прямо касалось, лидеры оппозиций, например?

Не замечали или предпочитали не замечать?

Прямо даже смешно.

Неужели достаточно прийти из чужого мира, взглянуть свежим взглядом, чтобы за неделю разгадать страшную тайну?

...Ответный ход не заставил себя ждать. Через четыре часа Георгий Михайлович деликатно, через секретаря осведомился, не сможет ли принять его для приватной беседы господин Ньюмен.

Отчего же и нет?

Я предложил Ирине пойти прогуляться по городу, а если что, немедленно переместиться к Сашке на яхту, а уже там вести себя по обстановке, но она отказалась.

— Я лучше посижу в соседней комнате с блок-универсалом (который при нужде может работать как эффективный парализатор). Но тебя одного не оставляю...

— Брось, не стоит. Против любой, исходящей от людей опасности я оборонюсь и сам, а если другая...

Переубедить я ее все равно не смог, и диспозиция осталась прежней: я в гостевом холле перед камином, с бокалом сильно разведенного лимонным соком джина в руке, Ирина за дверью, готовая кинуться в битву для защиты своего мужа и своего положения в окрестных мирах, и вошедший широким шагом, с улыбкой на ближайшие 16 зубов господин Суздалев.

Поставленная защита продолжала действовать, но теперь

несколько по-другому. По принципу растянутого настоящего. Вся аудио- и видеоинформация поступает на станции слежения без искажений, но с запозданием в две-три минуты. В случае чего такая фора может нам весьма пригодиться.

Георгий Михайлович сел в кресло напротив меня, попросил угостить его чаем.

— А где ваша хозяйка? Хотел бы засвидетельствовать...

— Она не очень хорошо себя чувствует и приносит свои извинения.

— Жаль, жаль. Передайте ей мои пожелания скорейшего выздоровления. Но перейдем к делу. Прошло уже больше недели ваших трудов. Удалось выяснить что-нибудь интересное?

Только что я готовился продолжать плетение словесно-дипломатических кружев вокруг да около темы и вдруг решил сыграть в открытую.

А чего тянуть, действительно? Это имело бы смысл только в одном случае — если бы нам угрожала смертельная опасность и я просто старался оттянуть неизбежное. Умри ты сегодня, а я завтра...

Только с чего начать?

А, проще всего с самого начала.

— Я не знаю, какую именно информацию вам дал на меня мистер Кейси, вряд ли до конца правдивую. (От Шульгина я знал, что Кейси ничего не говорил людям Суздалева о нашем «потустороннем» происхождении.) Но это не так существенно. Главное — в состоянии ли вы поверить в то, что я вам скажу...

— Постараюсь, — коротко ответил Г.М.

Думаю, если даже ему регулярно передавали все материалы прослушек, составить по нашим с Ириной разговорам представление об истинном положении дел было затруднительно.

Недоумений могло быть много, но свести их в цельную картину... Тут нужно гениальное озарение плюс способность поверить в невероятное.

Как выяснилось, такая способность у Суздалева была. Да и странно, если бы нет. Для той должности, которую он, по

моим предположениям, занимал, богатое воображение — неременное условие профпригодности.

Выслушав мое признание, он несколько минут сидел с каменным лицом, не задав ни одного вопроса.

Потом вздохнул, потянулся за универсальным средством нормализации сложных ситуаций — сигаретой.

— Исходную посылку я принять могу. Революционный слом обыденного существования непременно порождает новое качество. Но поверить в то, что при этом остается существовать и отвергнутый вариант истории, — сложно.

— Мне также сложно осознать это разумом. Как и бесконечность Вселенной во времени и пространстве. Разница лишь в одном. Для вас данная идея — не осязаемый чувствами звук, для меня — объективная реальность, данная нам в ощущениях...

Во как изящно я завернул.

Г.М. задумался, проникая в глубины моей мудрости.

Я решил ему помочь:

— Неужели ваши сотрудники, плывущие сейчас с сэром Ричардом через океан, не проинформировали вас о деталях и подробностях, свидетельствующих в пользу моей правоты? Вы ведь для того их и послали? Вам нужно было лично убедиться, что собой представляет яхта. Содержимое сейфа, библиотеки, трюмов может о многом сказать знающему человеку. Нет, я не в обиде. Служба есть служба. Сумел бы Кейси завладеть «Призраком» раньше — вы бы имели дело с ним. Явиться туда самостоятельно у вас возможностей не было, а хоть я, хоть Мэллони или Кейси открывали вам путь на палубу. Так?

— Так, — не стал кривить душой Суздалев. — И еще я хотел посмотреть, насколько эффективно вы умеете действовать в острых ситуациях. Для чего и сообщил об отъезде вашего секретаря.

— Предварительно его закодировав...

— Ваш товарищ сумел и блок с его памяти снять? За несколько минут? Уважаю... С вами действительно можно иметь дело. Позвольте еще вопрос — каким образом ваш друг поддерживает связь? Радиостанцией яхты он не пользуется.

Понятное дело. Стал бы Сашка под плотным контролем выходить в эфир по рации. Здесь наверняка умеют колоть любые шифры.

— Вот еще одно доказательство моей искренности. У нас есть аппаратура, неизвестная в вашем мире. Эрго?

— Ну, если руководствоваться принципом Оккама, объяснение найти можно. Прогресс неостановим...

— Не прячьте голову в песок. Ваши ребята докладывают вам не только это. Думаете, три тысячи книг, которые они, уверен, добросовестно перелистали, я напечатал самолично, из любви к искусству? Лично придумал все то, что в них написано? Вы мне льстите. В нашей реальности был один историк-любитель, который тоже утверждал, будто вся земная история злонамеренно фальсифицирована. От египетских пирамид до русских летописей. Участники заговора придумали древние и новые языки, изменили хронологию, ввели массу новых персонажей. Не уподобляйтесь ему...

— Зачем?

— Что «зачем»?

— Зачем потребовалась такая дурацкая теория?

— Не знаю. Может, добросовестный сумасшедший, а может, решил составить себе скандальное имя. Я не об этом. По тому же принципу Оккама вам лучше принять мое объяснение. Оно все же проще, чем любое другое. Лучше ответьте, откровенность за откровенность, для чего потребовалось устанавливать в России криптократию?

Здесь шок был посильнее. Однако внешние реакции Г.М. остались по-прежнему до крайности сдержанными. Сильный человек.

— Как вы сказали?

— Криптократия. Тайная власть. Ирина, иди сюда, пожалуйста... Познакомь Георгия Михайловича с твоими исследованиями.

Ирина появилась, уже переодевшись в деловой костюм, похожая на университетского доцента, с пачкой компьютерных распечаток в руках.

И в течение пятнадцати минут привела все необходимые доводы в пользу нашей гипотезы.

— ...Из чего мы и сделали вывод: между 2020 и 2030 годами

власть в России полностью сменила и форму, и суть. Реально правит хорошо законспирированная группа или каста, вроде пресловутых «сионских мудрецов». Нет-нет, это только в виде сравнения, для наглядности. Мы, конечно, не представляем подлинного механизма ее функционирования, но слишком много косвенных признаков. Причем, что следует отметить, — эта власть удивительно эффективна и в то же время вполне гуманна. За тридцать лет она не выродилась в самодержавие или диктатуру. Она есть, и ее словно бы нет. Процветают и экономика, и гражданские свободы. Непонятно, как это удается... История знает нечто подобное, но всегда такие эксперименты заканчивались одним и тем же. Любые тайные правители рано или поздно желали стать явными, последствия, как правило, были печальны. Или для них, или для подданных...

Господин Суздалев слушал внимательно. Курил не затягиваясь, иногда улыбался, аккуратно стряхивал пепел, когда его столбик становился уж очень длинным, иногда отхлебывал остывший чай. Наши «разоблачения» его как бы не задевали.

Ирина замолчала.

— Серьезная работа. Вы молодец, госпожа Ньюмен. Или все-таки Новикова?

— Пусть будет Новикова, неважно.

— Так вот. Во времена моей молодости имела хождение поговорка: «Брак по расчету бывает счастливым, когда расчет правильный». Здесь тот же случай. Мы, разумеется, рассуждаем чисто гипотетически. Как и в случае с вашей «параллельной реальностью». Игра ума, не более. Если угодно, я поделюсь с вами кое-какими секретами, не называя имен, разумеется.

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

31 декабря 2055 г.

Москва

Шульгин с Анной появились в нашей новой квартире, которую мы недавно сняли в доходном доме для богатых людей, не желающих обременять себя собственностью, под самый

Новый год, 31 декабря, когда на город опускались прозрачные декабрьские сумерки.

Видно было, что отдохнули они хорошо, на полтора месяца отключившись от всех наших проблем. Особенно эффектно смотрелась Анна, загорелая, как мулатка, с длинными волосами, выгоревшими до цвета бледной латуни.

— А у вас неплохо, — сказал Сашка, обойдя все шесть комнат и остановившись у стеклянной стены зимнего сада, выходящего на сад «Эрмитаж». — Тут не сдают по соседству чего-нибудь подобного?

— Сколько угодно. Даже на нашем этаже. Можем завтра же и поговорить с управляющим. Вернее, послезавтра...

Пришлось срочно менять планы. Еще три недели назад я приобрел два билета на встречу Нового года в театре Вахтангова, и достать еще два за несколько часов до начала было нереально.

Ирина принялась звонить в ресторан на первом этаже нашего дома, заказывать праздничный ужин в квартиру.

— Что ж, — меланхолично сказал Сашка, — если придется остаться здесь навсегда, это будет наилучший вариант из возможных.

Резон в его словах был: лучше уж доживать свои дни в процветающей России будущего, чем там, в смутном, готовом взорваться очередной войной двадцать первом году.

Но уж больно надоело болтаться между временами, навсегда терять друзей.

Ведь если мы останемся здесь, значит, они для нас считая что умерли и похоронены неизвестно где полвека назад. Еще одна трудно представимая категория — два месяца назад мы с парнями были ровесниками и одинаково живые, а сейчас, если глядеть отсюда, Олег, Алексей, Дмитрий, Лариса с Наташей, если даже и по сто лет прожили, все равно покойники. Разве только Сильвия продолжает свое существование и сейчас.

Жутковато об этом думать.

Помню, еще в школе я написал рассказ на конкурс в журнале «Техника — молодежи». Там герой улетал в звездную

экспедицию, прощался с любимой девушкой, а потом считал дни. Вот прошла неделя, Марине исполнилось тридцать лет. Еще две недели — у нее, наверное, появились внуки, в середине второго месяца он устроил по своей подруге нечто вроде поминок, отпустив ей максимально возможный срок жизни...

— Мы обязательно вернемся, я это точно знаю, — успокоил меня Сашка.

— Видение было? Или очередной контакт?

— Ни то ни другое. Просто знаю. Еще с контакта в катакомбах. Просто нужно исполнить миссию...

Пока два вышколенных официанта накрывали стол в каминном зале, а специальный служитель устанавливал настоящую елку, мы поднялись на смотровую галерею вокруг шестого этажа полюбоваться праздничной иллюминацией Москвы.

— Мы ведь здесь с Ириной на работу, можно сказать, устроились. Внештатными консультантами при негосударственной тайной полиции. И квартиру фирма оплачивает, и очень недурственное жалование идет... Жить можно.

— На Георгия Михайловича работаете?

— На него. Господина генерала, он и вправду полный гвардейский генерал, но вдобавок еще и нечто вроде генерала ордена православных иезуитов, очень интересует то же, что и нас, — возможность установить надежную связь с нашей реальностью...

— Зачем? Ему здесь что, поля деятельности не хватает?

— Трудно сказать, он же настоящий иезуит, Арамис с поправкой на славянский менталитет. Какой-то профит рассчитывает иметь или просто на всякий случай. Чтобы кто-нибудь другой его не опередил и не извлек для себя тем неизвестные пока преимущества.

— Могу представить. Я с его порученцами, Сергеем и Анатолием, довольно близко сошелся, в море иначе нельзя, или полная несовместимость, или уж дружба. Неплохие ребята, но обо всем, что их шефа касается, — полное табу. С первого раза границу очертили — вот тут мы друзья-приятели, а что касается службы — никаких комментариев...

Я попытался представить, о чем мог говорить Сашка с контрразведчиками больше месяца и никак себя не расшифровать.

— Не знаю, о чем они думали и друг с другом говорили. Микрофонов у них в каютах я не устанавливал. А за столом и на палубе легенду сомнению не подвергали. Все больше об охоте, путешествиях, истории и литературе трепались. В Анькино отсутствие — о бабах, разумеется... Мне-то в общем до фонаря, какие они версии для своего начальства изобретали.

Наши разговоры были прерваны одиннадцатым ударом кремлевских курантов, отчетливо слышимых в тихом морозном воздухе. Слово по заказу, с неба начали падать крупные снежинки.

— Пошли, пошли, пора к столу, надо успеть старый год проводить... Он хоть и 2055-й, а тех же ритуалов требует.

А я вдруг вспомнил. Почти сто лет (!) назад сыпался с неба такой же снег, а я с родителями возвращался по Крымскому мосту на такси домой. Мы только что посмотрели в Доме кино премьеру «Карнавальная ночь», и мои молодые родители со смехом вспоминали самые веселые эпизоды.

Всего сто лет назад...

До половины третьего мы добросовестно веселились. Поднимали бокалы с шампанским и другими напитками, отдавали должное искусству ресторанных поваров, произносили тосты в духе правоверных евреев. Те на Новый год желали друг другу встретить следующий праздник в Иерусалиме, мы — в своей реальности.

Потом, привлеченные веселыми криками, смехом, стрельбой и музыкой на улице, спустились вниз и поучаствовали в народных гуляньях в саду «Эрмитаж».

Снег валил уже не переставая, морозец градусов десять приятно освежал разгоряченные лица, и так это отличалось от гнилых московских зим восьмидесятых. За семьдесят лет климат снова изменился в сторону резкой континентальности.

Но все же было как-то не до веселья. Слишком о многих вещах требовалось переговорить. Короткие сеансы связи по-

звояли держать друг друга в курсе основных событий в Москве и на борту «Призрака», но и не более.

Отпустив женщин на полквартила вперед, мы неторопливо, прогулочным шагом направились в сторону Красной площади, где у гигантской елки происходили главные торжества.

— ...И, знаешь, — продолжал я свой рассказ о Суздалеве и состоявшемся в России тридцать лет назад тайном перевороте, — их затея при всей ее видимой нелепости удалась. При чем эффект просто потрясающий. — Он обвел рукой панораму сверкающей праздничной иллюминацией улицы.

Дело в том, что мой коллега, обычный армейский капитан психологической службы, но талантливый на грани гениальности, вроде нашего Олега, придумал крайне остроумную систему глубокого тестирования личности. По нескольким сотням параметров, с использованием почти общедоступной, но все же специальной аппаратуры...

На секунду он прервался, потому что мимо, со звоном буенцов, свистом извозчиков и визгом веселящихся дам пронесся целый поезд санных троек. Кони были могучие, подобранные по мастям, в хвосты и гривы вплетены цветные ленты...

— Живут же люди, — с завистью сказал Шульгин. — Нам бы так. Никогда на тройке по Москве не катался.

— Ну, пойдем, пойдем, может, где-нибудь там и есть нечто вроде биржи извозчиков. Не собственные же это выезды. Так вот, — продолжил он, — тот самый капитан, он, кстати, сам потом стал одним из криптоправителей, научился выявлять людей, максимально подходящих для власти. От и до... И абсолютная честность, и верность принятой на себя миссии в любых обстоятельствах, и неспособность изменить долгу ради личных интересов, ну и так далее...

— Честь для меня дороже вас, — как говорил один аристократ своей даме сердца, — ибо, если бы наоборот, я был бы недостоин вашей любви, — вставил Шульгин.

— Совершенно верно. Ничего особенно нового тот капитан Иванов не выдумал, толковые правители всегда умели подбирать подобных людей...

— «Три мушкетера», — снова перебил его Сашка.

— И опять ты прав, сын мой. Просто он поставил это дело на научно-промышленную основу. Его система позволяла даже определять, на какой именно должности и в какой отрасли проявит себя кандидат наилучшим образом. Так тоже всегда бывало, особенно в эпохи смут и потрясений — портной вдруг становился маршалом Франции...

— Аптекарь — начальником тайной полиции, а плохой адвокат — вождем мировой революции.

— А хороший адвокат — плохим премьер-министром, — добавил Новиков, имея в виду Керенского. — Но никто еще не пробовал разом, точнее, систематически и в короткий отрезок времени найти, выявить и запустить в дело сразу тысячи людей, идеально соответствующих своему предназначению. Капитану Иванову это удалось...

— И как же?

— Просто, опять же до гениальности. Додумав до конца свою идею, он сначала в тех кругах, к которым имел доступ, — а это как раз уровень Генштаба, военного министерства, столичного гарнизона, — выявил десяток генералов и полковников, которые способны были понять его замысел, осуществить мероприятия самого первого этапа и впредь не мешать, даже если бы им пришлось отступить обратно в тень с уже завоеванных высот, сиречь — государственных постов... А дальше пошло само собой. Оказалось, людей, удовлетворяющих самым строгим требованиям, не так уж мало, до пяти процентов. Вполне достаточно, чтобы заполнить все ключевые должности... Потом они подбирают себе сотрудников, некоторых — «из своих», некоторых — втемную. И схема крутится, как часы.

— Ясно, все теперь ясно. Каждый необходимо приносит пользу, будучи употреблен на своем месте. Кроме одного — зачем это самое «крипто»? Ну на первом этапе понятно. А потом?

Новиков со значением хмыкнул.

— Ты же учти, они, которые у власти, сильно умные. И, может быть, лучше нас с тобой умеют просчитывать близ-

кие и отдаленные последствия. Они считают, что так лучше для поддержания требуемой психологической атмосферы в обществе. А то ведь иначе социал-дарвинизм какой-то получается: одни от рождения вожди и хозяева, прочие — быдло. Кроме того, это важнейший стратегический ресурс страны. Секретное оружие. На Западе ведь до сих пор не подозревают, что существуют такие методики.

Отчего Россия и первенствует, что любым делом здесь занимаются наилучшим образом к нему приспособленные. Коррупции здесь, считай, нет, профессиональной преступности тоже... Так, эксцессы на бытовом уровне.

— Вот этого пока не понимаю. Сам же сказал, что идеальных людей всего пять процентов, остальные вполне обычные...

Новиков забавлялся своим, в силу лучшей информированности, превосходством над другим.

— Точно. Вполне обычные, но хорошо знающие, что начальство всегда бдит. И полицией, и другими соответствующими структурами руководят суперпрофессионалы, и кадры у них соответствующие...

— Все. Закончили на этом. Схема ясна, с деталями разберемся. Какую работу тебе господин Суздалев предложил и в каком качестве он сам здесь пребывает?

То, что по этому поводу знал Андрей, звучало не менее поразительно. Георгий Михайлович официально числился монахом в сане игумена, что в переводе на мирскую табель о рангах соответствовало примерно полковнику. На самом же деле он был негласным предстоятелем всех российских конфессий сразу, от православия до буддизма. И командующим всех религиозных вооруженных формирований и служб безопасности: православных монастырских дружин, католических рыцарей-храмовников, стражей ислама, еврейской «Хаганы» и так далее.

Церковь в здешней России тоже отделена от государства, но несколько по-другому. В соответствии с иными историческими условиями. Для защиты собственных, внесударствен-

ных интересов конфессии имеют свою полицию, разведку и контрразведку, вооруженное ополчение.

Боевую подготовку в военизированных отрядах проводят в строгом соответствии с религиозными установлениями и правилами, но на очень высоком уровне. В случае необходимости они способны исполнять функции частей спецназа в оперативном подчинении армейского командования.

— Круто! — восхитился Шульгин. — Но смысл в этом есть. При условии, что они все время ждут или внешней войны всех против всех, или гражданской смуты...

— В том-то и дело. Парадокс вроде бы, однако и свою криптовласть они создали из этих же соображений. «Цивилизованные страны» живут в состоянии некой перманентной паранойи. Процветают и готовятся к тому, что в любой момент все может рухнуть... Оттого отец Григорий — это его монашеское имя — так в меня вцепился. Я ведь сразу заявил, что, по моим расчетам, цивилизация их химерическая, разумных обоснований своему существованию не имеет. Но у меня-то резоны научные, полученные путем наблюдения и сравнения, а они это чувствуют подсознательно. Неосуществившийся, но гораздо более вероятный вариант истории отбрасывает свою тень...

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

**Январь 2056 г.
Москва**

— Скажите, Андрей Дмитриевич, — спросил меня Суздалев, пригласив на очередную встречу, — мы можем каким-то образом использовать в нашей работе Александра Ивановича? Я готов предоставить ему должность с окладом и прочими привилегиями не ниже ваших. Отзывы моих сотрудников о нем самые положительные. Вопрос только в одном — захочет ли он быть нам полезен?

На эту тему мы с Сашкой уже говорили и пришли к отрицательному ответу. К кропотливым теоретическим изысканиям, построению гипотез, имеющих мало шансов на провер-

ку практикой, он склонности не имел. Ничего другого я ему предложить не мог, Георгий Михайлович — тем более.

К религиям Шульгин был равнодушен, для работы в службах безопасности нужно знать здешнюю жизнь по крайней мере не хуже местного жителя соответствующего возраста и образования.

— Одним словом, Георгий Михайлович, господин Шульгин предпочитает остаться вольным стрелком. В чем-то он будет мне помогать в частном порядке, но вообще его более всего занимает проблема поиска «обратной дороги».

Мои слова, сказанные вскользь, без всякой задней мысли, просто чтобы почетче замотивировать причину отказа, произвели на Суздалева неожиданно сильное впечатление.

— Вы считаете — это возможно? — У него даже глаза заискрились.

— Почему бы и нет? Природа полна загадок, и если мы попали сюда, так зачем исключать обратную возможность?

— Это было бы величайшее открытие. Мне даже трудно представить его значение для человечества...

Отношения у нас с ним складывались таким образом, что я позволял себе держаться более чем даже на равных. И он не выказывал на сей счет неудовольствия. Очевидно, курируя по службе российское мусульманство, почитывал труды арабских мудрецов. Не помню, кто из них именно писал: «Человеку, обладающему знанием, приличествует важность».

Не доступным Суздалеву знанием я обладал, а важность подменял некоторым панибратством.

— Да при чем здесь человечество, Георгий Михайлович? Очевидно, вы уже прикинули выгоды, которые дверь в параллельные миры сулит непосредственно возглавляемой вами институции...

— Ну, хотя бы и так. В деталях я этого пока не продумывал, но несомненно, что связь с Землей-2 открывает определенные перспективы...

По поводу данного утверждения я выразил серьезные сомнения и предложил Суздалеву для прочтения несколько книг, достоверно отображающих реалии нашего мира.

— Неужели вам сотни землеподобных планет мало? Готов поспорить на что угодно, вам у нас не понравится. Как мне бы вряд ли понравилась роль янки при дворе короля Артура.

Георгий Михайлович прищурился, почесал бородку, и по выражению его лица я понял, что он со мной не согласился. Действительно, бог его знает, какие изящные планы создаются в изощренном мозгу православного иезуита.

Он сказал, что, если потребуется, готов предоставить Александру Ивановичу любую финансовую помощь в его работе, а также передать в его распоряжение хоть весь свободный контингент теоретиков и практиков хронофизики.

— Если потребуется, обязательно воспользуемся вашей любезностью...

На том аудиенция и завершилась.

Истинную ее цель я так и не понял. Не умудрил господь. Возможно, Георгий Михайлович просто ставил на мне собственный психологический эксперимент.

Я тут же рассказал о разговоре Сашке, и он немедленно выдал гипотезу:

— Слушай, а что, если как раз он — наш новый партнер по Игре? Слишком многое сходится. Истинности его версии можно верить или не верить, но бесспорно, что значительная доза правды в ней содержится. Мы не знаем, кто «перевоспитал» царя, кто подсказал Рузвельту идею такого варианта ООН и заставил прочих суверенных президентов и премьеров с ним согласиться, на двадцать лет раньше, без мировой войны и колониальных революций, ограничить свой суверенитет ради общего блага...

— Интересно. Значит, либо он здешний резидент агтров или форзейлей, либо такой, как мы, облеченный доверием кандидат в Держатели мира. И нам предложено сразиться именно с ним?..

Я попробовал гипотезу на зуб. Явных причин ее отвергнуть не находилось.

Там, где происходит все, что угодно, возможно и все остальное.

Бритва Оккама бездействует. Отпускаем бороды.

— Слушай, братец, а кто нам мешает сделать еще одну попытку.

— В смысле?

— Ты был в Замке. Не одного ли порядка явления — «наш» Замок и база агтров на Валгалле? Если Антон и Сильвия — зеркальные отражения друг друга?

Шульгин посмотрел на меня с уважением.

— А резонно... — Он задвигал пальцами, будто гадая на ромашке, приговаривая: — Тот — эта. Там так — а у них так. Время ноль там и там тоже. Вход-выход почти одинаковый. Игрок «белый» — Игрок «черный»... А что, сходится.

— Остается сходить и проверить...

— Да запросто. Не сложнее, чем с подножки идущей электрички на подножку встречной перепрыгнуть.

Сравнение показалось мне корректным. Для нормального человека абсолютно смертельный трюк, но каскадеры ухитряются. А главное, Шульгин ведь не упомянул о скоростях движущихся объектов.

...Смутное предположение Новикова немедленно превратилось в истину.

Зеленая планета Валгалла, Таорэра по-агтриански, оказалась тем же самым Узлом или составной частью Узла, в котором пребывал и Замок.

Это было логично.

Если они с Шульгиным давно вычислили, что и форзейли, и агтры служили Держателям в качестве трансформаторов, преобразователей грандиозных, галактических масштабов замыслов и ходов в действия земного уровня, доступные восприятию и даже пониманию людей, то и центр управления должен быть единым или хотя бы двуединым.

Держатели, независимо от того, имеют ли они хоть какой-нибудь физический облик или существуют только в виде идеи, не могут или не желают снисходить до конкретных деталей, даже в масштабах звездных систем. Они выстраивают

цепочки вертикально сопряженных реальностей и связей внутри и между ними.

Доступная пониманию людей Вселенная — разнообразность реальности, в которой основные константы допускают существование разумной гуманоидной жизни. Она контролируется соответствующей структурой Гиперсети. И так далее, ступенями вниз, вплоть до суперцивилизаций, обитаемых планет, рас и народов, их составляющих.

Снизу вверх значимая информация фильтруется, в случае необходимости подлежит корректировке.

Искомый Узел, в который мы проникли, как раз и является пунктом связи и управления между ближайшими соприкасающимися уровнями действительности — наиболее подготовленными к контакту землянами и аггро-форзелианской службой контроля.

Мы сейчас нарушили некое табу, сделали то, что по негласному соглашению с Антоном, а значит и с его хозяином, Игроком, условно говоря, ходящим «белыми», делать категорически не полагалось.

Перевели в сферу политической практики неназываемую истину, что аггры и форзейли суть одно и то же, аверс и реверс одной монеты.

Антон и Дайяна — тоже единый бог в двух лицах. А где третье? Может быть, по аналогии с богом — духом святым, третьей ипостасью и будет то, что останется, если устранить различия в их телесном облике и выполняемой функции.

Но это уже высший пилотаж теологии Держателей, мы же пока выступаем как сугубые практики.

Как бы там ни было, при последней встрече Шульгина со «своим» Держателем он получил полную свободу действий. Вот он ею и воспользовался на свой страх и риск.

А последняя встреча с Дайяной ровно, почти день в день, год назад на Валгалле завершилась тем, что она сначала передала мне якобы исходящее от «ее» Держателя предложение стать мне лично или всей нашей компании в целом посредником-координатором всех земных реальностей.

По смыслу почти дословно то, что сказал Сашке «голос».

Она даже призналась, что высшие круги агтрианской аристократии очень в этом заинтересованы, так как связывают «смену караула» со своим возможным освобождением от опостылевшей функции «трансляторов».

Я дословно запомнил ее слова: «...мощная цивилизация, с древней историей, могущая играть в Галактике самостоятельную и достойную роль, вынуждена на протяжении тысячелетий служить в качестве надсмотрщиков, пастухов для примитивной, почти первобытной расы, все достоинство которой заключается лишь в том, что когда-то кто-то из ее представителей сможет сравниться силой разума с Держателями...»

И раньше, и теперь я не мог заставить себя принять как должное неизвестно кем и для чего врученные мне сверхъестественные способности. Пользовался ими почти что вопреки собственным желаниям и все время опасался, что постепенно перестану быть человеком. Умом понимал, что ничего здесь от меня не зависит, и если уж уродился с такими талантами, то надо воспринимать их как должное.

Другой на моем месте был бы счастлив, более того — за куда меньшее люди дьяволу душу продавали, а вот все равно...

Мой дед в подобных случаях говаривал: «Не к нашему рылу крыльцо».

Однако деваться сейчас было некуда.

Или смириться с тем, что чужая воля продолжает помыкать нами, или... (Гамлет?)

Мы с Шульгиным, перед тем, как ему возвратиться в свой 1921 год, решили установить контакт с Игроком «черными». Это ведь тоже как бы подразумевалось.

«Попробуйте поиграть вместо нас».

Ну мы и пробуем.

...Я, наверное, все-таки куда более сильный медиум, чем Сашка. Или мои Игроки сильнее во мне заинтересованы.

Или, наконец, ни то и ни другое, а просто так им захотелось.

Короче — отправляясь в астрал, я почти на девяносто процентов был уверен, где мы сейчас окажемся.

И не ошибся.

Крошечная по масштабам «Призрака», но просторная для кораблика типа бронекатера «Ермак Тимофеевич» каюткомпания еще хранила следы моего с Сильвией здесь пребывания.

На столе стояла чашка с остывшим, но отнюдь не заплесневевшим кофе, который я пил перед тем, как за мной пришел посланный Антоном Шульгин¹, значит, здесь прошло всего несколько часов.

Рядом разложен рукописный журнал последнего путешествия на «Ермаке» к истокам Большой реки, тщательно вычерченная Воронцовым карта — их я просматривал, чтобы скоротать томительно тянувшееся время.

Дизеля давно не работали, отопительная система, соответственно, тоже, и в стальной коробке, прямо по металлу оклеенной декоративным линкрустом, было холодно. На Валгалле поздняя осень.

Сашка с интересом осматривался. Физически на катере он был совсем давно, условно говоря, все в том же августе восьмидесят четвертого года, а последний раз видел каюту не больше двух минут через рамку межпространственного экрана, пока я тащил по коридору за руку едва одетую Сильвию, а она ударялась плечами и коленями о переборки, стулья, край стола, испуганно вскрикивала в полусне...

— Напугал ты меня тогда, — вспомнив пережитое, он поморщился и pokrutil головой. — Тоннель уже начинал схлопываться, а ты кинулся ту бабу спасать... Добро бы она в твоей помощи нуждалась.

— Но ведь успел же, так о чем говорить. А зря это было или не зря, мы, глядишь, еще узнаем...

Я очень рассчитывал, что если нам удалось, в который уже раз, попасть на Валгаллу в режиме «нулевого времени», то и контакт состоится, причем идти он будет не в заочном режиме, а напрямую.

¹ См. роман «Вихри Валгаллы».

Жестом я показал Сашке, чтобы он присел на диван или откидной стул и дал мне сосредоточиться.

Шульгин кивнул, сел, снял с крючка вешалки оставленный мною тогда «АКМС», отщелкнул предохранитель, проверил наличие патрона в патроннике. Исключительно по привычке, ибо на что автомат в «тонком мире»? Если он даже убедительно материален.

— Чего мы ждем? — спросил он, когда ему надоело бессмысленно пляться в иллюминатор, на покрытый лесом обрыв, под которым катер приткнулся к берегу.

А я в волнении даже и забыл, что незадолго до попытки самостоятельно связаться с Землей ушел с фарватера и пришвартовал «Ермака» в укромной, защищенной от волн и ветра бухточке.

— Вот чего, — поднял я палец, услышав в узком штормовом коридоре, соединяющем кают-компанию с боевой рубкой, посторонний звук.

Шульгин рефлекторно напрягся и положил палец на спуск.

Скрипнули начавшие ржаветь без ежедневного ухода дверные петли, и через комингс перешагнула Дайяна, одетая в узковатые для ее роскошных форм джинсы одной из наших девушек и черный свитер крупной вязки.

Когда в схватке я слегка повредил ее платье, пришлось позволить ей переодеться в то, что нашлось в гардеробе дамской каюты.

— День добрый, — поприветствовал я агтрианку с любезнейшей из возможных улыбок. Шульгин был с ней лично незнаком, знал только по нашим рассказам, поэтому ограничился кивком и намеком на намерение встать.

Она ответила с обычной своей холодноватой любезностью, остановилась по другую от меня сторону стола, оперлась спиной о переборку, скрестила руки на высокой груди.

— С возвращением на Таорэру, господа. Вы приняли какое-то решение, судя по факту вашего здесь появления?

— А вы, наверное, заждались? По земному времени целый год прошел. Не скучно было?

Моего шутливого тона Дайяна не приняла. Очевидно, сейчас она, как некогда Наталья в Замке для Воронцова, изображала лишь некую функцию, облеченную для удобства в чело-векоподобную форму.

Однако, когда мне пришлось с ней драться и связывать руки автоматным ремнем, она была более чем материальна. И чертовски сильна.

— Сядьте, прошу вас, вот сюда, — я показал, куда именно. — Очертания вашей фигуры столь провокационно привлекательны, что мешают деловой беседе. С форзейями, предпочитающими поручать серьезные переговоры мужчинам, дело иметь гораздо легче.

В отличие от Сильвии и Ирины женственной в ней была только внешность, на комплименты и намеки она не реагировала. Ни раньше, ни теперь.

— Я не знаю, год здесь прошел, больше или меньше. С некоторых пор я не могу считать себя адекватной самой себе. После того, как мы виделись последний раз, в подконтрольной нам «Вселенной» кое-что произошло. И не без вашего участия, — кивком подбородка она указала на Шульгина. — Многоуровневые взаимодействия нескольких ваших «ипостасей» с несколькими вариантами личности той, кого вы называете Сильвией, необратимо деформировали континуум, в котором мы существовали раньше. Прежнего просто нет. Вообще нет.

— Но вы же этого и хотели, мадам Дайяна? Прежнего нет, ваша миссия подошла к логическому концу, ваша раса может заняться собственными делами. — Я говорил так, будто действительно считал, что общаюсь с самостоятельной личностью, догадываясь, что на самом деле она лишь приятно оформленный ретранслятор.

— Теперь это не имеет никакого значения...

Из дальнейшего разговора очень скоро выяснилось, что некогда самостоятельная, агрессивная и решительная «Директор проекта» сейчас представлена нам в роли так называемого «Мешка», персонажа одноименного фантастического рассказа, напечатанного лет двадцать назад в «Знание —

сила». Единственного уцелевшего представителя древней расы, смысл жизни которого — отвечать на правильно поставленные вопросы. Всезнающего и механически честного.

В отличие от «белого» Игрока, «черный» зачем-то решил поиграть с нами в полную откровенность.

Я пишу — «поиграть», поскольку не имел ни малейшей возможности проверить правдивость что одного, что другого. Разве что путем сравнения слов каждого с реально (для нас) происходящими событиями.

Ведь даже мы с Шульгиным с юности обладали способностью внешне правдоподобными разглагольствованиями и использованием логических связей высших порядков задурить голову почти любому.

Что же говорить о представителях Сверхразума, умевших вдобавок читать в головах и сердцах людей.

Надеюсь, впрочем, что не всех.

Нам их, судя по всему, вводить в заблуждение все же моментами удавалось.

Вот я и начал расспрашивать Дайяну, словно находящуюся под воздействием суперпентотала.

А Сашка, внимательно слушая, одновременно принялся варить кофе и выставлять на стол рюмки и бутылки.

Исходящий от броневых листов и от готовящейся к ледоставу реки холод пронизывал до костей. А спускаться в машинное отделение, чтобы завести движки и пустить в грелки горячую воду из системы охлаждения, Шульгин не хотел, опасаясь пропустить что-то интересное.

Оставалось согреться изнутри.

Узнали мы многое. Кое-что знали и раньше, а другое было откровением.

Прежде всего подтвердилось, что мы наконец достигли уровня, который позволяет воспринимать и удерживать в сознании создаваемые Игроками мыслеформы.

Разумеется, после этого Игра утратила для Игроков интерес. Как теряет интерес и смысл пультка, когда карты прикупа крапленые и все знают, что все об этом знают.

Причем случилось это, по масштабам Сети, буквально мгновение назад. Еще в этом году они испытывали серьезные сомнения в наших способностях и силах, почему и действовали традиционно, через Антона и прежнюю Дайяну. Что говорит отнюдь не в пользу их «всеведения».

Впрочем, достигнув истинного всеведения, им оставалось бы только застрелиться по причине полной бессмысленности дальнейшего существования.

Перелом произошел, как я понял, в момент «удвоения» Сашки, соответственно — Сильвии, и возникновения псевдо-реальностей, спрогнозировать которые Игроки не смогли.

Потому и решили, после соответствующих консультаций, прекратить партию.

Реальность-5, то есть мир XXI века и Суздалева в нем, возникла в результате изящного хода как раз «черного» Держателя.

Как почти всякий земной аналог, их Игра интересна тем, что ходы в ней должны быть как можно тоныше и неожиданнее.

Как бильярд, как гольф, да и те же пресловутые шахматы. Умение положить нужный шар «от трех бортов в середину», пройти поле с минимальным числом бросков, найти новый поворот в известной двести лет защите Филидора.

Только у них вдобавок ценится умение на ходу придумать и воспользоваться новыми правилами, а на «разборке» убедить партнера, что они не противоречат неким исходным Суперправилам Всеобщей Теории Игры, и в случае чего, можно устроить землетрясение или изменить скорость света, а можно вот так: организовать встречу Новикова с Седовой на мосту в 1976 году, просчитав все ее возможные последствия.

Услышав это, я решил непременно при первой же возможности обсудить с Ириной события того далекого дня, постараться найти «ключевую точку» для нее и для меня. Что в тот день было «как всегда» и что конкретно может выглядеть чуждым вмешательством.

Так вот эта реальность-5 возникла действительно изящно. Не потребовалось Игроку или специально им посланным ди-

версантам минировать Желтое море, чтобы уничтожить «Микасу» с Того на борту. Он всего лишь снял у Николая во время чтения Послания Серафима Саровского один детский комплекс. Сломавший его волю шок при виде умирающего деда, убитого бомбой террориста.

И за секунду до того, как принять судьбоносное решение, царь стал таким, каким должен был стать по природе, каким его хотел видеть отец, упрямый и решительный Александр Третий Миротворец.

И дальше все покатилося так, как случилось здесь, и невозможно теперь сообразить, во благо это было сделано или во зло. Потому что у нас нет точки отсчета, мы не понимаем и никогда не поймем, что вообще означают эти термины.

Отсутствие Гражданской, Второй мировой войн или холокоста никоим образом не компенсируют те смерти и беды, которые постигнут других конкретных людей в других реальностях.

Пусть Октябрьская революция позволила некоторому числу людей превратиться из отбросов общества в ее элиту, каким-то поручику Тухачевскому, вахмистру Буденному, унтеру Жукову принесла маршальские звезды, но из-за нее же погибли миллионы ни в чем не повинных людей, а еще миллионы навсегда стали несчастными, потеряв Родину, состояние, смысл жизни...

Эта мысль как-то вдруг пришла мне в голову, буквально за минуту до этого я все же рассуждал в категориях какой-то «игры с ненулевым результатом», сравнения суммы и пропорций добра и зла, ценностей «прогресса» как такового.

Я не говорил этого вслух, просто с детства такова была наша психология.

Игроки же исходили из других посылок. Они действительно решили оставить нас навсегда, но им было по-своему жаль своего творения. Этой вот «свитой в жгут двуединой реальности», нашей «Главной исторической последовательности» и нынешнего «мира полудня», используя термин мэтров.

Решение представлялось им оригинальным и красивым. В него изначально были заложены представляющие эстети-

ческую самооценку принципы: пошаговое взаимодействие в точках сопряжения ветвей, теоретически возможный обмен людьми и информацией при целенаправленных и спонтанных «пробоях изоляции», взаимостабилизация реальности за счет сдвига по фазе аналогичных и прямо противоположных событий и так далее, и тому подобное...

И тут вмешались какие-то придурки, исчезающе малые кванты конгломерата гуманоидов Галактики, короче говоря — наша теплая, веселая и безответственная компания.

Начались безобразия и сбои чудесной самонастраивающейся системы.

В нее внезапно вклинились третья и четвертая составляющие — реальности 20—21-го годов (Крымская) и 1938-го (Шульгинско-Шестаковская). Система резко повысила степень связности и приобрела новые качества.

На наглядных примерах — мы как бы подкинули еще два туза в стандартную колоду или ввели в шахматную табель о рангах фигуры премьер-министра и верховного судьи.

Кого-то это может позабавить, но претендентам на титул «Вельтмейстера» в разгар матча вряд ли понравится.

Стройная, самодостаточная и весьма устойчивая система превратилась в «химеру», странное, искусственное образование, стремящееся при малейшем постороннем воздействии распасться на более простые элементы.

Чтобы она уцелела, не «схлопнулась», подобно карточному домику, нужно постоянное поддерживающее воздействие.

До сих пор все в этих мирах происходило не только в режиме автоколебаний, но в той или иной мере под контролем форзейлей, агтров, иногда самих Игроков напрямую.

А вот прямо с сего момента миры будут предоставлены сами себе.

«Или вы возьмете на себя поддержание стабильности, или готовьтесь жить в условиях, когда сразу исчезают все подстраховки и предохранительные устройства. Атомный реактор без автоматического контроля цепной реакции, косми-

ческий корабль с ручным управлением — вот на что будет походить ваш жгут реальностей...»

— Разве у нас есть выбор? — с любопытством и пробуждающимся азартом спросил Шульгин.

Совсем недавно в Лондоне и Стамбуле он ощутил скуку и усталость, осознав бессмысленность своей деятельности, а сейчас вдруг что-то забрезжило.

Игра там, не игра, но месяц назад было не только можно, а, как ему казалось, нужно бросить все попытки двигать историю в желательном для нас направлении, сейчас же у него появился смысл жизни, высокопарно выражаясь.

Я так пока не думал, сохраняя здоровый скептицизм, но какое значение имеет мое мнение?

Или все на самом деле обстоит так, как нам говорит Дайяна, и тогда от нашего неучастия может погибнуть не один даже, а целых четыре мира (или перейти в другое качество, что равноценно), или все это вздор, и тогда с равным результатом можно делать что угодно или не делать вообще ничего.

То есть риск — бесконечность к одному. Всеобщая гибель в случае неучастия и сохранение статус-кво при любом другом выборе.

Капитально изучив в свое время все разделы дозволенной советским гражданам философии и неплохо — многие идеологически чуждые буржуазные философские системы, я понимал, что принять верное решение в предложенных обстоятельствах в принципе невозможно.

Мы (я, Сашка, вообще подавляющее большинство людей) владеем только причинно-следственной (каузативной) логикой, а Игроки могут (и наверняка это делают) пользоваться любым количеством логик, не признающих этого принципа, назовем их вариативными или как угодно иначе. Эрго — любое решение будет ограниченным по смыслу и результату, а то и прямо противоположным тому, чего мы хотели добиться.

— Значит, Андрюха, придется руководствоваться исключительно эстетическим подходом. Нравится — не нравит-

ся, — заявил Шульгин, иронически кривя губы. — Плюс вспомнить принцип абсолютного эгоизма. Применительно не к тебе или ко мне персонально, а ко всему нашему «братству». Раз мы совершенно не понимаем, что хорошо и что плохо для всего человечества, будем исходить из соображений, что безусловно хорошо для нас. Про альтруизм придется забыть. Если я, как врач, имею основания полагать, что, спасая пациента сейчас от такой-то болезни, я тем самым обрекаю его на невыносимые мучения в течение следующих десятилетий, то...

Это он ссылался на личный опыт, когда-то у него нечто подобное было, почему он и перешел из практикующих врачей в теоретики.

— Так ведь и эгоизм немногим лучше. Он хорош исключительно в данный момент времени, — развил я его посыл. — Так как даже применительно к себе нельзя угадать, чем обернется сегодняшнее удовольствие завтра. Сифилис, СПИД, цирроз печени и пуля в висок после проигрыша казенных денег...

— Из ваших слов следует, что вы принимаете наше предложение? — по-прежнему равнодушно спросила Дайяна, вставая.

По-моему, мы еще ничего такого не сказали, но где нам тягаться в проницательности с профессионалами. Или — профессиональными шулерами.

Ситуация оставалась патовой, как и после общения Сашки в Замке с «голосом».

Но я ведь еще не задал «главный» вопрос, за ответом на него мы ведь и пришли. Слишком увлекся отвлеченными, пусть и интересными подробностями.

— А разве господин Суздалев не в состоянии контролировать реальность, опираясь на мощь своего аппарата?

Мне показалось, что смысл вопроса не сразу дошел до Дайяны. Или ее кукловодам потребовался короткий тайм-аут. Длинная, почти полуминутная пауза сказала мне многое. Жаль только, подразумеваемые ответы были взаимоисключающими.

— Предложенная вам роль позволяет самостоятельно определять, какие элементы и факторы окружающей действительности включать или не включать в систему своих умозаключений. Деятельность названного вами лица в долговременной перспективе может оказать решающее влияние на судьбу реальности или — иметь нулевой эффект...

— Вы нам больше не скажете ничего? — спросил я на всякий случай, хотя уже было ясно, что предложенный нам сборник шахматных задач ответов в конце не содержит.

— Ничего существенного, — сочла нужным уточнить агтрианка. — Будущего мы не знаем, как станут развиваться события — можем только догадываться. По своему уровню развития вы тоже способны на это. Совет один, и он последний. Думайте, изучайте, анализируйте. Не бойтесь принимать рискованные решения, но всегда готовьте запасной вариант, если что-то пойдет не так. Смысл жизни не в результате, а в самой игре, тем более что даже бесконечной жизни не хватит, чтобы выяснить, кто победил окончательно... Прощайте. С вами было интересно. Пусть вам будет интересно с кем-то другим...

Дайяна не стала исчезать мгновенно. У нее была другая программа, она встала и нормальным образом пошла к двери.

— Подожди, — крикнул я ей в спину, боясь не успеть.

Уже перешагнув одной ногой порог, агтрианка приостановилась.

— Путь для нас на Таорэру, Валгаллу по-прежнему будет открыт?

— Если удержите контроль над реальностями — да.

Бронева дверь лязгнула, закрываясь.

Неужели все закончилось навсегда и отныне мы остались одни?

Самые могущественные и самые растерянные на Земле люди.

Согласимся мы или не согласимся принять оставленное нам наследство, вернемся домой все вместе или, как предлагает Сашка, попытаемся поработать порознь, нам в любом случае придется все время что-то делать. Хотя бы даже

просто лежать на диване, вытянув ножки, и ковыряться в носу. И значит — продолжать Игру. Пусть даже полным в ней участием.

Играть будет гипотетический партнер-противник, но — «в одни ворота».

Кто он, в какой из «полуреальностей» обосновался — неизвестно. Существует во плоти и крови или на самом деле в его роли выступит «закономерность истории» — тоже.

Если сподобимся все это понять и сохраним партию, возможно, нас ждет и бессмертие, и возможность сделать бессмертными других.

В очередной раз Шульгин продемонстрировал мне, что в острые моменты мы с ним умеем мыслить синхронно.

Изумительно четко попав в такт, он поинтересовался:

— Как думаешь, долго нам еще оставаться нормальными людьми?

— Нормальными — в смысле не сумасшедшими или в смысле люденев по-струацки?

— Второе.

— Понятия не имею. Пока что мы нормальны? Хотя и умеем такие штуки, — опять широким жестом обвел каюту, охватывая не только объем помещения, но как бы и то, что в нем происходило только что. — Умеем и остаемся людьми, со всеми слабостями и дурными привычками. Хорошая память и повышенные интеллектуально-волевые качества. Отнюдь не люденев, не маги, не монстры...

— Хотелось бы верить, — не удержался я.

— Верь, верь, со стороны виднее, а еще ни один «нормальный» человек, общаясь с нами, психов и монстров в нас не ощутил. Так, отмечают некоторые странности, а у кого их нет? Гениальный шахматист может быть положительным и уравновешенным человеком, как Ботвинник, алкоголиком, как Алехин, психопатом, как Фишер... Так мы с тобой скорее Ботвинники.

А вдруг Игроки и Держатели в какой-то своей «личной жизни» — мирные бюргеры, которые после трудового дня наливают по первой кружке пива, закуривают трубочку и садятся за шахматы или за скат. Что за игра, кстати, у Ремарка все в нее играют?

— ...Ерунда это все, — сказал вдруг Шульгин, ловко орудуя манипуляторами. Взревев дизелями на повышенных оборотах, катер развернулся «на пятке» и пошел поперек Реки. На красноватой гранитной стене уже и без бинокля различалась крутая многомаршевая лестница, ведущая на историческое плато.

Перед тем как вернуться на Землю, Сашка захотел еще раз взглянуть на наш Форт.

А то я там сподобился побывать уже после всего, хоть и не своей волей, навел в доме некоторый порядок, погрустил за рюмкой, окончательно, как я тогда думал, прощаясь с местом, где впервые в жизни было по-настоящему хорошо.

Шульгин же запомнил только минуты последнего боя, мелькающие в воздухе белые корпуса агтрианских летательных аппаратов, звон пулеметных гильз по кирпичной дорожке и тяжелый грохот обрушивающихся после гравитационного удара бревен.

— Ерунда. Ничего мы не сумеем и не сможем. Чтобы управлять реальностью, нужно ежеминутно учитывать и сравнивать миллионы случайных факторов. Для этого у нас возможностей нет. Я от Олега слышал, что даже не очень сложная физическая система описывается массой дифференциальных уравнений, а я даже не знаю, как они выглядят. Поэтому никуда нам не уйти от метода «тыка». Как минер, не зная устройства взрывателя, станет в нем копать. Синий проводок, красный, зеленый. Повезет, не повезет...

— Ну и что? — не принял я его внезапного пессимизма. — Сказано же тебе — мы дозрели. Не нужно нам уравнения решать. Мы должны охватить разумом всю мыслеформу сразу, интуитивно найти идеальное решение и — воплотить. Все.

Берестин сумел придумать, как немцев под Минском два месяца удержать, в то время как Жуков со всем Генштабом, Сталин со своей Ставкой ничего не сделали. Ты наркомом никогда не работал, в тридцать восьмом году не жил, а Ежова со всей его конторой без труда переиграл. У меня тоже кое-что получалось... И все интуитивно. Поэтому...

Шульгин скорее всего валял дурака, приbedнялся как бы, потому что без паузы продолжил мою мысль:

— Поэтому в ближайшее время я отбываю обратно. Землю я в Новой Зеландии, считай, купил. Завезем туда дубликаторы, прочее оборудование, начнем строить Форт-Росс-3. Похожие мысли у меня давно шевелились, сейчас все оформилось окончательно. Весь проект в России сворачиваем. Все, что могли, мы сделали. Пусть живут сами. А мы будем только самый общий контроль осуществлять, парировать наиболее грубые отклонения вроде появления нового Гитлера, атомного проекта и в таком вот роде. Если даже все само собой сыпаться начнет, в том фьорде, что я присмотрел, до конца жизни с удобствами отсидеться можно... А в запасе еще Замок.

— И Валгалла на крайний случай, — добавил я.

— Именно. Поэтому ты здесь до поры можешь работать спокойно. Изучай, анализируй, развлекайся, — предложение прозвучало двусмысленно. Как почти все, исходящее из Сашкиных уст. Могу по пальцам пересчитать случаи, когда он был абсолютно однозначен. — Вряд ли катастрофа любого рода разразится мгновенно. Всегда будет запас времени, чтобы выскочить. — И вдруг его лицо озарилось свеженькой, только что пришедшей в голову идеей. Ничуть не более сумасшедшей, чем все другие. — А слушай! Что, если попробовать, если уж мы почти всемогущи, Замок оттуда в Новую Зеландию перетащить?! Вот это было бы крайне клеево...

«Да уж», — подумал я.

Вот так в принципе и было принято очередное судьбоносное решение.

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА.

Сентябрь 2056 г.

Сан-Франциско

И все-таки своими запутанными путями судьба привела меня в город моей юношеской мечты, в Сан-Франциско. Впервые, помнится, я узнал о нем в семи- или восьмилетнем возрасте, прочитав затрепанную книжку в мягкой обложке

«Приключения рыбацкого патруля» все того же Джека Лондона.

А потом был «Морской волк», культовая, можно сказать, книга для нашей компании образца 1965 года.

Отсюда и нынешнее название моей яхты, и фамилия ее капитана.

И вот, через два десятка лет, полсотни парсеков пространства и четыре реальности я наконец попал сюда.

С мостика «Призрака» открывался великолепный, я бы сказал — потрясающий вид на затянутые легким туманом Золотые ворота, мост «Голден гейт бридж», гигантское, плавно волнующееся пространство залива, панораму города на холмах.

Мы пришли на рейд поздно ночью и бросили якорь в рекомендованном береговой охраной месте, и только после рассвета я наконец увидел все это.

Ирина еще спала в своей каюте, и тревожить ее не хотелось. Успеет еще налюбоваться.

Почти месяц мы с ней наслаждались прелестями морского путешествия.

Мой партнер и моментами руководитель, Георгий Михайлович, согласился предоставить очередной трудовой отпуск, профинансировал его и обеспечил все возможное содействие на маршруте.

Мы с Ириной, выполнив в первом приближении задачу анализа возможных перспектив «Реальности-2057», решили все-таки посетить пресловутые Южные моря, до которых со странным упорством не позволял мне добраться Рок ни в прошлой, ни в нынешней жизни.

И заодно замкнуть с другой стороны планеты кругосветное плавание, прерванное прошлой осенью в Мельбурне.

Через Средиземное море, Атлантику, Панамский канал мы вышли в Тихий океан, посетили несколько портов Першейка.

Со странным чувством я показывал в Манагуа Ирине сохранившийся двухэтажный особняк времен испанского вла-

дычества, в котором некогда помещался мой корреспондентский пункт.

Однако все остальное в городе было настолько другое, что не вызвало даже ностальгии.

Был момент, когда я велел Ларсену проложить курс сразу на Соломоновы острова, чтобы потом через Таити и Фиджи направиться к мысу Горн. Ибо разве можно называться настоящим марсофлотом, не померившись силами с проливом Дрейка?

Но в последний момент я вдруг сообразил, что точно так же невозможно упустить шанс взглянуть на знаменитый Фриско.

И получается, что угадал, если не сказать иначе.

Третьего дня под вечер господин Суздалев вышел на меня по спутниковой видеосвязи и, не скрывая беспокойства, поинтересовался, далеко ли от меня до Сан-Франциско.

Он сейчас находился в какой-то монашеской келье, похоже — не в Москве, и одет был в подобающее игумену повседневное облачение. Рясa, простая бархатная скуфья, положенный по сану наперсный крест.

— Примерно сутки крейсерского хода, — ответил я, не слишком понимая причину неожиданного интереса. Он сейчас вроде бы занимается проблемами чисто духовными. А также и то, каким образом вообще всплыло название далекого американского города.

Свой маршрут я с Суздалевым не согласовывал, и знать, что яхта направляется именно туда, «монаху» вроде бы не полагалось.

— А быстрее возможно?

— Если дать полный ход турбинами, погода будет благоприятствовать и не произойдет неизбежных на море случайностей, часов пять-шесть сэкономим. Или — чуть больше. Что-то случилось?

Мой витиевато-уклончивый ответ диктовался старинными флотскими суевериями, большим знатоком которых был Воронцов. Ни в коем случае, учил он, нельзя с определенностью говорить о сроках прибытия к месту назначения. Лучше

вообще этой темы не касаться, но, если старшее начальство пристаёт с ножом к горлу, отвечай как можно более неопределенно.

Суздаев по-военному четко и достаточно ясно сообщил, что по одному из вариантов, которые мы с ним моделировали весной, возникли обстоятельства, близкие к форсмажорным. И мое присутствие в Сан-Франциско прямо-таки необходимо.

— Отчего же вы не подключаете своих людей? Думаю, опыта у них не в пример больше...

Георгий Михайлович, показалось мне, слегка смутился.

— Не очень удобно говорить, мои люди его потеряли. Парень оказался чересчур прыткий. Или я не сумел довести до сотрудников всю остроту момента. Рано или поздно мы его найдем, но может оказаться, что поздно. Короче — вариант «Репортер». Он у вас записан?

— Конечно. Но надо освежить, я специально не готовился.

— Освежайте. После чего выходите на мой прямой интерком.

— Яволь¹, герр святой отец!

Собственно, вариант «Репортер» не предполагал возникновения форсмажорных обстоятельств в ближайшее время. Просто мы перебирали с Суздаевым все необъяснимые и странные события, имевшие место в ближайшие годы, которые можно было истолковать в смысле намека на нестабильность существующей системы.

Почему я обратился к событиям прошлого, когда Игроки решили «выйти из боя» только что?

По старому китайскому принципу: «Будущее отбрасывает свою тень в прошлое». Как в известной формуле: «Этот полководец проиграл так много сражений потому, что не был соблюден должный ритуал его похорон».

¹ Здесь: конечно (нем.).

Тем более я совсем не был уверен, что первично и что вторично в демарше Держателей. Может быть, сначала они убедились, что «химера» пошла вразнос, а уже потом решили с ней расстаться.

Одним словом, мы нашли в секретных архивах службы безопасности космофлота материалы расследования нескольких весьма странных происшествий, предположительно (а в одном случае — абсолютно достоверно) связанных с инопланетным разумом.

Естественно, я сразу насторожился, подумав, что тут могут быть замешаны известные мне расы «пришельцев».

Ничего похожего на деятельность форзейлей и агтров я не нашел, зато с удивлением выяснил, что все инциденты замыкаются на одного человека, собкора московского еженедельника «Звезды зовут» и одновременно фрилансера¹ Игоря Ростоккина.

Сопоставив с помощью контрразведчиков Суздалева обнаруженную информацию с дополнительно запрошенной, я удивился еще более.

— Мне положительно странно, Г.М., что ваши люди не удостоили этого орла своим благосклонным вниманием. Без всяких «тестов Иванова» я чувствую, что парень — вашего поля ягода...

Определить это мне было несложно, в свое время я едва не провалил диссертацию именно из-за «псевдонаучной гипотезы» о наличии «серийных признаков личности».

Суздаев побарабанил пальцами по столу.

— Не делайте опрометчивых выводов. Мы отнюдь не обошли его своим вниманием. И он прошел все предварительные процедуры. Однако по ряду причин введение его в крут «Витязей» было признано нецелесообразным. — Он помолчал и добавил: — Пока. На него есть определенные планы у наших конкурентов...

— У вас есть конкуренты? — Я искренне удивился.

¹ Фрилансер — свободный журналист, вольный стрелок (сленг, англ.).

— Не совсем в том смысле, как вы подумали. Просто — нельзя же объять необъятное. С международной службой безопасности космофлота мы взаимодействуем, но в свои дела их не посвящаем.

Это мне было понятно. Раз служба международная, хоть и возглавляется русским адмиралом, то посвящать ее в гостайну высшей секретности недопустимо.

Вникать в тонкости кадровой работы «Витязей» мне также не было необходимости, поэтому разговор продолжения не имел. Тем более что означенный господин Ростокин находился в очередной командировке где-то на линии фронта¹.

А теперь, значит, он вернулся и немедленно влез в очередную авантюру. Да заодно и сумел сорваться с крючка отцов-иезуитов.

И мне, судя по всему, придется его ловить.

Мы так не договаривались. Господин Суздалев меня с кем-то путает.

И в то же время...

Парень может оказаться интересным лично мне, раз без него жить не могут и братья-монахи, и межзвездные чекисты.

Я и сам в свои журналистские времена не был обделен вниманием «соседей».

Значит, у нас с Ростокимым не только профессии, но и судьбы похожи.

Тем более интересно.

Я пригласил в рубку Ирину и спросил, какие данные на человека ей нужны, чтобы суметь найти его в полумиллионном городе. Соответствующий прибор у нее имелся, но его еще предстояло запрограммировать.

— Записывайте, Георгий Михайлович, — сказал я Суздалеву, вновь увидев на экране его лицо. — Мне нужна следующая информация... А теперь я готов вас выслушать. Что натворил сей отрок, и каких подвигов во славу святой Церкви вы ждете от меня?

¹ Здесь: граница освоенного землянами космоса.

Не думаю, что мой тон и слог понравились игумену, но вида он не подал.

— Дела тут как минимум странные. И даже в некотором смысле потусторонние...

Ну, мне к таким делам не привыкать, а уж монаху сам бог велел. Хотелось прямо так и сказать отцу Григорию, но я решил не перегибать палку.

Дослушал до конца историю цепи необъяснимых покушений на вернувшегося из полета журналиста, о его приезде за советом и помощью к отцу Григорию в Кирилло-Белозерский монастырь (оказывается, они были лично знакомы много лет), о личной встрече Суздалева со странным существом — не то зомби, не то биороботом.

Последнее меня особенно заинтересовало.

— А что, такие у вас есть?

О своих роботах я здесь не говорил никому и никогда, и все они находились на своих местах, предусмотренных судовой ролью.

— Нет. Неотличимо человекообразных нет. Но и на живое существо напавший на нас объект походил не слишком. Со всей своей подготовкой я еле-еле от него отбился. Впрочем, это лишь дополнительный загадочный фактор.

В сопровождении своих офицеров я помог Ростокину покинуть Россию и добраться до Салоников. Ему нужно было во что бы то ни стало до двадцатого числа попасть в Гонолулу, на randevu со своей подругой...

В Салониках он сбил сопровождающих со следа и исчез.

— А Гавайи? Раз вы знаете время и место встречи, какие проблемы?

Проблемы, очевидно, были, поскольку сегодня на календаре значилось уже двадцать седьмое.

Суздалеву очень не хотелось говорить мне слишком много по вопросу, в котором его служба допустила столь явный прокол.

— Места мы не знали, а когда выяснили, «репортер» успел исчезнуть и оттуда. Через неделю он снова появился,

уже вместе со своей дамой, мои люди взяли его под плотный контроль...

— Но он снова сбежал... — догадался я.

— Совершенно верно. Три часа назад улетел на частном самолете в Сан-Франциско. Сейчас, наверное, уже приземлился. К человеку, который его вывез, у нас подходов пока нет. Так что очень прошу — поторопитесь!

— Серьезный человек?

— Более чем. Но хуже всего другое. История, в которой замешана его подруга, на самом деле может представлять угрозу для всего мира. Я еще не разобрался во всех деталях, но и то, что уже знаю, очень сильно настораживает...

— Конкретно, чем могу быть полезен я?

Суздалев снова замялся.

— Я передам в ваше распоряжение всю мою тамошнюю агентуру, увы, немногочисленную. Могу перебросить подкрепление самолетом. Но возглавить операцию должны именно вы. И обязательно найти Ростокина, а главным образом — его подругу Аллу Одинцову, по матери — графиню Варашди. Она может выступать и под этой фамилией.

— Недурно... Но с чем вы взяли, что я сработаю лучше ваших специалистов?

— Не скромничайте, Андрей Дмитриевич, не время. В первых, у меня просто нет под руками человека с вашим уровнем интуиции, интеллекта и спецподготовки. А во-вторых — я знаю, что вы располагаете кое-какой аппаратурой, которой нет у нас...

Да, мы с ним как-то касались этой темы, причем я специально оговорил, чтобы удержать Г.М. от соблазна, что ни пользоваться нашей техникой, ни воспроизвести ее, ни даже понять принцип действия они не смогут.

Намек был понят правильно, и только сейчас он показал, что все помнит.

— Хорошо, коллега, — снова съязвил я, — постараюсь найти ваших беглецов. Помощь мне не нужна. Я заберу их на «Призрак», а потом доложу вам, и мы вместе подумаем, что делать дальше.

Я специально предостерег Суздалева, чтобы его ребята не пытались вмешиваться. Хотя бы до тех пор, пока я жив.

— Мне легче будет работать, если не требуется все время гадать, кто свой, кто чужой. Это отвлекает и может привести к фатальной ошибке. Когда знаешь, что вокруг только враги, — все гораздо проще.

— Договорились. В пределах досягаемости стопроцентно не будет ни одного из наших.

Форсировав двигатели до последнего предела, я успел во Фриско еще до рассвета. Так «Призрак» ходил только раз в жизни — на испытаниях. Хорошо, что море было спокойное.

Прогулочная по замыслу яхта резала волну, как лидер «Ташкент» при прорыве блокады Крыма. Стрелка лага моментами заскакивала за отметку «40». Стоять на палубе было почти невозможно из-за встречного ветра и потоков брызг, захлестывающих даже на крылья мостика. От вибрации зубы начинали выбивать частую дробь, стоило лишь чуть ослабить челюстные мышцы.

Моментами казалось, что или вот-вот турбины пойдут вразнос, или начнет разрушаться набор корпуса.

Но датчики показывали, что все нагрузки остаются в пределах допустимых, да и Воронцов гарантировал пятикратный запас прочности, обеспечивающий суточный пробег на предельных оборотах.

Скорость я сбросил до нормальных восемнадцати узлов только на границе двенадцатимильной зоны.

Около десяти часов утра Ирина закончила согласование параметров своего универблока с видеоприемником.

Перед выходом в море я оснастил «Призрак» всей имеющейся здесь электроникой и навигационной аппаратурой, принципиально отличающейся от нашей, поэтому и «портсигар» без серьезной переналадки с ней не работал.

Робот Джонсон, по-прежнему наш лучший радиоинженер, вошел в локальную видеокомпьютерную и спутниковую сеть Сан-Франциско.

Теперь на нас работали, не подозревая о несанкциониро-

ванном вторжении, все серверы и узлы связи города, как открытые, так и специально защищенные.

Еще минут пятнадцать тонкой настройки, и на экране крупным планом появились наши подопечные.

Голографию Ростокина я уже видел раньше, а женщину видел впервые. Весьма симпатичная дама Алла Одинцова-Варашди. Лет двадцати шести, с большими синими глазами, распущенными светло-каштановыми волосами ниже плеч. Белая замшевая куртка с индейской вышивкой обтягивает как перчатка соблазнительную грудь.

Лицо правильное, можно сказать — красивое, но даже наедине со своим другом, при непринужденном разговоре девушка сохраняет выражение высокомерия и некоторой надменности.

Кровь мажарских графьев сказывается, или просто привыкла в долгих разлуках с Ростокиним сразу и без слов ставить барьер между собой и ухажерами. В них, судя по ее экстерьеру, нехватки быть не должно.

Ростокин и Алла сидели в машине, мчащейся по пустынному загородному шоссе, и говорили о событиях вчерашнего вечера, проведенного, судя по всему, в гостях у того самого, весьма серьезного, по словам Суздалева, мистера Майкла Панина.

— В городе заскочу на узел связи, прозондирую, что там и как в Москве делается. Если все в порядке, через пару дней полетим... — сказал Ростокин.

— Так, быстро, — скомандовал я. — Джонсон остается на борту и продолжает писать картинку и все разговоры. Мы с тобой, Ира, Джо и Ларсен — на берег. К центральному узлу связи...

Я успел изучить туристскую карту города довольно прилично, роботы просто сканировали себе в память топографический план в масштабе десять метров в сантиметре со всеми подземными коммуникациями и внутренними чертежами зданий.

От того места, где сейчас находился автомобиль Ростокина-

на, до центра ему ехать не меньше часа, а мы на такси от порта доберемся максимум за полчаса.

Когда красный автомобильчик «репортера» остановился на площадке возле гипермаркета «Элери пассаж», мы успели осмотреть все подходы к нему и к Центру международной связи.

Ларсен и Джо сейчас были настроены по программе агентов наружного наблюдения высшей квалификации и получили приказ плотно вести своих клиентов: Ларсен — Ростокина, Джо — Аллу.

Наблюдать, все фиксировать, вмешиваться только при непосредственной угрозе жизни подопечных, причем и в этом случае — не расшифровывая себя.

При потере зрительного контакта между мной и роботами — непрерывная связь по нашим, с Земли-84, мини-рациям. Здесь их волну перехватить просто нечем, нет такой техники.

Клиенты вышли из машины. Кроме куртки на Алле были такие же замшевые брюки, надевать которые, наверное, приходилось, как гусарские лосины, в мокром виде. Если здешняя замша не отличается особой эластичностью.

Довершали наряд светло-серые сапоги выше колен, с мягкими присборенными голенищами.

Двигалась она грациозно, вовсю поигрывая ягодицами и бедрами.

Я снова поймал неприязненный взгляд Ирины на девушку и подозрительный, из-под ресниц — на меня. Что-то в наших отношениях меняется, раньше я за ней склонности к ревности не замечал.

— Шеф, — обратился ко мне Ларсен, — прошу прощения, но мало ли что... Вон там за углом прокатный пункт. Думаю, нам с Джо нужно взять мотоциклы. Вдруг объекты разделятся, или...

— Все. Действуйте.

Роботы действительно мгновенно вжились в роль. Опыт бесчисленных коллег и из КГБ, и из всех других родственных

организаций мира подсказывал им все возможные варианты развития событий.

Клиенты вошли в пассаж, немного погуляли по галереям, оккупированным прорицателями, гадалщиками и кодунами всех мыслимых специализаций, обмениваясь шутливыми репликами, а потом разошлись. Договорились встретиться здесь или в скверике у фонтана.

Как у нас в ГУМе провинциалы договаривались...

Ситуация предвидимая, но все равно неприятная.

Не знаю почему, но я подумал, что мне правильнее будет продолжить наблюдение за главным фигурантом. А Ирина с Джо пусть посмотрят за девушкой.

Ростокин еще не окончил своего разговора из кабинки в зале трансконтинентальной связи, а у меня за ухом запищал вызов.

Ирина:

— Андрей, осложнение обстановки. Джо засек слежку за объектом. Двое, похожи на военных в штатском. Не полиция, не разведка. Джо говорит, по стилю — скорее армейский спецназ.

— Понял. Продолжайте.

Поддержка им пока не нужна. Двое даже и Джеймсов Бондов для работа — что детки ясельные. Но в целом не очень здорово. Значит, Ростокينا вели с самого начала. Или, так же как и мы, точно знали, куда он едет.

«Репортер» все говорил с солидным, наголо бритым или лысым мужиком, украшенным окладистой бородой.

Новый вызов:

— Андрей, состоялся прямой контакт. Агенты о чем-то говорят с Аллой, Джо не слышит, очень сильный звуковой фон. Оп! Только что Алле воткнули что-то в... бедро. — По моментальной заминке я понял, что не в бедро, скорее всего, а чуть выше. — Типа шприц-тюбик. Девушка дернулась, но сразу расслабилась. Даже не вскрикнула. Мощный анальгетик вместе с... Не знаю. Продолжает говорить с ними как ни в чем не бывало.

— Наблюдай. Если просто блицдопрос — одно. Если похи-

щение, пусть Джо преследует до места, с непрерывным комментарием. Ты ждешь меня у входа...

К тому времени, как Ростокин вернулся в пассаж, его даму успели деликатно, придерживая под ручку, вывести на улицу и посадить в длинный темно-сизый автомобиль.

Джо с повадкой профессионального рокера оседлал мотоцикл, похожий на наши пятисоткубовые кроссовики, тронулся следом, грамотно прикрываясь ближайшими попутными машинами.

Вряд ли девушке грозит серьезная опасность, а где располагается хотя бы вспомогательное гнездо похитителей, мы узнаем.

Следующий час выдался для Ростокина нелегким. Он нервно ходил по галерее, то и дело поглядывая на часы, с непрерывно гаснущей надеждой шарил глазами вдоль встречных потоков людей, несмотря на свой высокий рост, то и дело приподнимаясь на цыпочки.

Парень бывалый, но эмоции скрывать не умеет.

Он несколько раз подносил к уху трубку портативного интеркома, выскакивал на улицу, к условленному фонтану, возвращался.

Потом вдруг сделал неожиданный для меня шаг — обратился к услугам гадалщика. Неужто верит в такую ерунду?

О чем они говорили, выяснить не удалось, кабинка дряхлого азиата прикрывалась непроницаемым полем неизвестной природы.

И потом еще полчаса Ростокин метался по этажам пассажа в полной растерянности. Я дважды сблизился с ним вплотную, едва не зацепился плечом за плечо, бросил «сорри», мельком взглянул в глаза. И понял, что на самом деле он вполне владеет собой, а суматоха, паника, почти отчаяние — грамотная имитация.

Он давно понял, что Алла похищена, а сейчас пытается показать противнику, который должен за ним наблюдать, что деморализован и его можно брать голыми руками.

Не имея другого способа, вызывает огонь на себя.

Уважения к нему у меня еще прибавилось.

А дальше события понеслись стремительно. После телефонного звонка, сделанного по архаическому, чуть не проводному аппарату, неизвестно зачем установленному на галерее второго этажа, Ростокин направился к выходу из пассажа.

— Внимание, — предупредил держащийся поодаль Ларсен.

Еще двое характерного вида парней шли плечом к плечу навстречу «репортеру».

Я придвинулся вплотную. Пистолета у меня при себе не было, да и ни к чему он сейчас, но в руке я сжимал очень мощный шокер, болевой разрядник дистанционного действия.

— Мы из службы безопасности пассажа, господин Ростокин, — сказал круглоголовый рыжеватый парень. — Мисс Алла просила вас разыскать и привести. У нее возникли некоторые проблемы...

Ростокин очень похоже изобразил облегчение и радость, но сзади я видел, как у него напряглись мышцы спины.

...В десяти метрах от вращающихся дверей пассажа, где встречные людские потоки особенно сгущались, сопровождающие вдруг дружно сжали Игоря с двух сторон, как мне показалось, попытались нацепить ему наручники.

Шедший слева Ларсен среагировал быстрее меня и быстрее Ростокина.

Длинным выпадом, почти сев на шпагат, он подсек своей ногой щиколотку рыжеволосого, рванул на себя и вбок.

Парень отлетел в сторону, при этом из его рук выпал и с неожиданно громким стуком упал на мраморный пол какой-то предмет.

Ростокин отшвырнул в сторону второго агента, подобно пушечному ядру вломился в самую гущу толпы, разбрасывая ничего не понимающих мирных обывателей.

Я подхватил с пола несоразмерно тяжелый, во много раз тяжелее, чем если бы он был даже из золота, но явно металлический браслет.

Кинулся вслед за «репортером», но перепуганная толпа уже вскипела водоворотом, и я немного не успел.

Очевидно, и здесь его пытались задержать, и тоже безуспешно. На тротуаре, возле сиреновой машины с раскрытой дверцей, корчился от боли худощавый, средних лет мужчина, а Ростоккина нигде не было.

Пока я озирался, в динамике раздался ровный голос робота:

— Порядок, шеф. Объект уехал на грузовике. Вижу его и сопровождаю.

Сообразно обстановке Ларсен включил максимальный темп реакции, выскочил на улицу одновременно, а то и быстрее Игоря, оценил ситуацию и начал преследование. Затея с мотоциклами опять себя оправдала.

...Мы отошли от места схватки на сотню метров, устроились под зонтиком уличного кафе, я взял пива, а Ирина кофе глясе.

— Вот. Жизнь снова становится нескучной, — улыбнулась она, убирая с глаз упавшую прядь. — Что же с этим коварством дальше будет? Подготовлен он неплохо, но против организации все равно не выстоит. Затравят...

— Затравили бы, — уточнил я. — Теперь вряд ли. Кстати, давай разберемся, что же это за штука?

Я взял с соседнего стула браслет, который, судя по виду, должен был весить граммов триста, ну, полкило, а тянул килограммов на десять.

Толщиной в сантиметр, скругленные грани, ползунок с делениями, шарнир, защелка, прорезь для ключа.

Похоже на деталь наручников, только без цепочки.

А зачем она?

Я плавно двинул ползунок к нулю. Браслет стал ощутимо легче. Вернул в прежнее положение — потяжелел. Еще чуть дальше — и удерживать его в руках стало почти невозможно.

Хитрая штука. Может быть, секретная. За проведенные в Москве полгода я ничего не слышал о гравинаручниках. Гравитация здесь пока даже в транспортных целях не используется, а в полицейских — пожалуйста.

Интересно.

Но не ко времени.

Я сделал игрушку невесомой и спрятал в карман.

— Ну что, Ира, возвращаемся домой или подождем новостей здесь?

— Пойдем пообедаем где-нибудь, потом и решим.

Через два часа Джо доложил, что сопроводил Аллу с ее похитителями до места. Он так и выразился, хотя правильнее было бы наоборот. Но роботу важнее смысл задания, нежели тонкости семантики.

Место надежное, хорошо укрепленное и охраняемое, поэтому попыток проникнуть за ограду он пока не предпринимал, ждет команды.

— Молодец. Тщательно отрекогносцируй окрестности и двигай на соединение с Ларсеном. Он даст пеленг. Задание прежнее. Скрытно сопровождать объект, в случае нападения и попыток захвата оказать помощь. Оружие без абсолютной необходимости не применять.

Ларсен сообщил еще раньше, что Ростокин грамотно оторвался от преследования, слежки за ним не обнаружено. В настоящее время объект работает в городской библиотеке. Полностью под контролем.

Мы с Ириной вернулись на «Призрак» и занялись компьютерным моделированием ситуации и разработкой плана дальнейших действий.

Суздалев выслушал мой доклад и повторил смахивающую на приказ просьбу — во что бы то ни стало заполучить Ростокина, Аллу, а также имеющиеся при них документы.

— Вам действительно не нужна помощь? Завтра же к утру в город могут прибыть несколько хорошо подготовленных и оснащенных боевых групп...

— Присылайте, если хотите, на крайний случай, но в контакт со мной без моего согласия пусть вступать не пытаются. Могут все испортить. У меня своя игра, мои моряки подготовлены не хуже ваших монахов.

Я знал, что говорю и делаю.

Ростокин интересовал меня все больше, и мне совсем бы не хотелось, чтобы боевики Суздалева перехватили у меня изпод носа перспективного клиента.

— Только давайте в открытую, Георгий Михайлович. В чем все-таки дело? Я должен знать, ради чего рискую. А то странно получается...

Отвечать ему явно не хотелось, но и игнорировать мои слова было опасно. Он нашел золотую середину.

— Информация у меня не слишком достоверная, но и того, что есть, достаточно, чтобы встревожиться. Речь идет... — он опять замялся, — о возможности, причем скорее всего экспериментально подтвержденной, достижения индивидуально физического бессмертия...

— Ну ни хрена себе, — не удержался я.

— Вот именно. Но поскольку «бессмертие», если оно действительно достижимо, влечет воистину непредсказуемые последствия, вы должны понять, что это имеет непосредственное отношение к нашей теме...

Да, тут не поспоришь. Но — бессмертие! Ерунда какая-то. Даже Ирина с Сильвией применительно к себе говорят не о бессмертии как таковом, а лишь о значительном продлении жизни и молодости.

Разве что на далеких звездах Ростокин что-то такое отыскал.

И сразу попал в поле зрения американской или международной мафии? Раньше, чем межзвездной или российской контрразведки? Странно.

— Хорошо, Георгий Михайлович. Мне все ясно, я буду работать с утроенной силой. Куш-то каков, а?

До полуночи мы постоянно получали сообщения роботов и отслеживали перемещения Ростокина по Сан-Франциско на экране.

Противник плотно сел ему на «хвост», но и на этот раз он вышел из переделки с честью. Его зажали на узкой улице в трущобном районе, откуда, казалось, нашему герою уже не выбраться.

Но, ловко использовав момент внезапности, великолепную спецподготовку, четверых он вырубил сразу, остальных блокировали и хорошенько поучили «свободу любить» Ларсен и Джо.

На этот случай они преобразились в гнусных бандитов-наркоманов, хозяев Пелл-стрит, аналога одесской Молдаванки.

Еще часа три покружив по городу, приняв все возможные, на его взгляд, меры предосторожности, радикально изменив внешность, «репортер» наконец устроился на ночлег в портовую автоматическую гостиницу, больше похожую на камеру хранения или, тыфу-тыфу, фешенебельный морг, где каждому клиенту отводится тесная, но отдельная ячейка.

Только тогда я поднялся на мостик, набил трубку здешним вариантом «Кепстена», ничуть не хуже нашего. На расстоянии мили сияли бесчисленные огни города, рассыпанные по холмам, и их отражение в заливе, над черной водой протянулась сверкающая синусоида конструкций, поддерживающих мост.

Завтра будет трудный день.

С самим Ростокиным затруднений не предвидится. Я хоть сейчас могу приказать Ларсену и Джо встретить «репортера» у дверей спальной ячейки и препроводить его на «Призрак». И задание формально будет выполнено. Но вот вытащить девушку из подземной крепости, куда ее законопатили пока еще неизвестные фигуранты этой операции, будет потруднее.

Тут еще думать и думать.

Но встретиться с Ростокиным лично — необходимо. И провести эту встречу как можно грамотней.

Главные надежды я возлагал на Ирину. Пора ей вспомнить забытые навыки, показать, что специалисту ее класса посадить на крючок тертого мужика — плевое дело.

А для этого я сейчас должен поставить себя на место Ростокина и отчетливо представить, что он будет делать утром в первую очередь. И не ошибиться.

Задача не казалась мне особенно сложной, поскольку Игорь в некоторых глубинных чертах личности и характера имел со мной очевидное сродство.

Естественно, с поправкой на происхождение, воспитание, образование и совершенно специфический жизненный

опыт. Но в том-то и смысл моей теории — суметь вычислить в человеке психологический инвариант, комплекс не изменяемых в любых условиях параметров натуры.

...Утром я детально проинструктировал Ирину и даже подсказал, как ей, на мой (теперь уже — ростокинский) взгляд, следует одеться. Кроме того, она нанесла на лицо почти невидимый макияж, еще более подчеркивающий ее тревожную красоту, хотя обычно Ирина делала прямо противоположное, чтобы поменьше привлекать внимание. Я же, напротив, внес в свою внешность некоторые коррективы, чтобы выглядеть рядом с красавицей как можно зауряднее.

«Репортер», по-прежнему плотно опекаемый роботами, вышел из гостиницы, поднялся по широкой лестнице на просторную крышу стилобата, окружающего серебристую, скрученную по оси башню Морского вокзала.

В мощный бинокль, не превышающий размерами театральный и свободно помещающийся в кулаке, я рассматривал его как бы с расстояния вытянутой руки. При этом оптика позволяла замечать подробности, не доступные невооруженному глазу.

Несмотря на то что Игорь спокойно проспал почти девять часов, выглядел он не лучшим образом. Крепкое, четко вырезанное лицо осунулось, в глазах затаилась тоска.

Несколько минут он курил, опершись локтями о балюстраду, бесцельно скользил взглядом по морской дали. Я видел, что время от времени его челюсти нервно сжимаются, под загорелой кожей вспухают желваки. Но пальцы с сигаретой не дрожат.

Наконец он бросил окурочек вниз, в море, с видом человека, принявшего решение.

Поднял глаза и уперся в вывеску ресторана, название которого с некоторой натяжкой можно перевести как «Дары моря».

Молодой, почти двухметрового роста парень, все минувшие сутки пробегающий по городу, спасаясь от врагов, не может не испытывать сейчас острого чувства голода, несмотря на все переживания. Что он вчера не ужинал, я знал точно.

А в гостиничном мини-баре, выпив рюмку-другую, он не мог найти ничего, кроме арахиса, чипсов и сушеных креветок. По моему заданию Ларсен это проверил в соседней с ростокинской ячейке.

Так что...

На веранде ресторана, где мы ждали Ростокина, все девять столиков, кроме нашего, были свободны.

Игорь сел в углу, спиной к глухой стене и лицом к лестнице и морю, бросил на соседний стул свою мексиканскую сумку с бахромой, раскрыл книжку меню.

Когда он проходил мимо, я специально заговорил с Ириной по-русски, рассказал анекдот, которого она раньше не слышала. Смех ее поэтому прозвучал совершенно естественно.

Ростокин сделал заказ и наконец посмотрел в нашу сторону.

Все. Клиент спекся.

Я специально посадил Ирину так, чтобы он видел ее в ракурсе «три четверти», с наиболее выгодной для обозрения точки.

Ее белый тропический костюм эффектно подчеркивал легкий, не превращающий в мулатку, персиковый загар. Широкая полупрозрачная юбка открывала сплетенные под мышшовым креслом ноги до верхней трети бедра, выше слегка просвечивал контур трусиков.

Грудь тоже была приоткрыта вырезом жакета чуть-чуть сильнее, чем следовало, и можно было догадаться, что в бюстгальтерах она не нуждается.

Для его психотипа, измученного вдобавок почти годичным воздержанием, этого достаточно. Вряд ли неделя с Аллой, причем заполненная не слишком радостными событиями, сняла глубокий стресс.

Остальное — дело техники.

Выдержав недолгую внутреннюю борьбу, Ростокин встал из-за стола и направился в нашу сторону.

— ...Простите великодушно, — сказал он, располагаясь улыбаясь, приятным низковатым голосом. — Я журналист из

Москвы. Услышал, что вы по-русски говорите, и мучаюсь, наши вы или местные. Такая у меня профессиональная слабость — разгадывать людей...

Говоря, он старался смотреть в сторону, но его неудержимо притягивал чуть отогнувшийся лацкан Иринино жакета. С высоты его роста вид открывался великолепный.

Я ему даже слегка позавидовал. В смысле — новизне и яркости впечатлений.

Мы переглянулись. Ирина едва заметно качнула головой, как бы намекая мне, что не расположена к знакомству.

Однако я, как уверенный в себе мужчина, не внял сигналу.

— Ну и как, что решили?

— В том-то и дело, что ничего определенного. Обычно я легко угадываю, а тут осечка. Выговор вроде московский, и в то же время какой-то акцент улавливается. Оттого и подошел, простите за нескромность...

— Ради бога. Присаживайтесь к нам, пообщаемся. На чужбине... Шампанского хотите?

— Хочу, — ответил он с явным облегчением. Только что он чувствовал себя слабым, по известной причине, да еще и выступающим в непривычной роли назойливого просителя, а теперь понял, что попал в общество людей своего круга...

Вот, собственно, и все. Самая трудная фаза внедрения выполнена.

Дальнейшее достаточно подробно описано самим Росткиным в его автобиографическом романе¹.

Мне остается только добавить, что во всей этой истории для меня по-прежнему самым загадочным остается эпизод со странной атакой на «Призрак» гитлеровских торпедных катеров между атоллами Пальмерстон и Суворова, на полторы тысячи миль южнее экватора.

Подозреваю, что данный хроноклазм — первый серьезный намек на начавшуюся деформацию «химеры». Этакий пробой «изоляции», рассчитанной на определенную нагрузку

¹ См. роман «Право на смерть».

ку и не выдержавшей подключения новых мощностей. Скачок напряжения в сети, точнее — в Сети.

И вот еще что — мне до сих пор становится крайне неудобно при мыслях о Суздалеве. Нудит и гложет, как неуплаченный карточный долг.

Неужели он там, у себя, думает — какая сволочь этот Новиков! Захватил Ростокина и Аллу вместе с тайной якобы бессмертия, навел шороху среди честных мафиози Калифорнии и смылся. А выглядел вполне приличным человеком!

Но ведь еще не вечер, не так ли, господа?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	44
Глава 3	63
Глава 4	76
Глава 5	84
Глава 6	92
Глава 7	104
Глава 8	140
Глава 9	175
Глава 10	188
Глава 11	209
Глава 12	251
Глава 13	288
Глава 14	300
Глава 15	319
Глава 16	325
Глава 17	402
Глава 18	426

Литературно-художественное издание

Звягинцев Василий Дмитриевич

ВРЕМЯ ИГРЫ

Ответственный редактор *В. Мельник*

Редактор *Е. Самойлова*

Художественный редактор *Е. Савченко*

Художник *С. Атрошенко*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Т. Жарикова*

Корректор *Л. Гусева*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах обращаться в рекламный отдел издательства «Эксмо». Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (095) 780-58-34

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве:

Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.

Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.

Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.

Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.

Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

ООО Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.

Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:

РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть южных магазинов «Буквоед». Крупнейшие магазины сети

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:

РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:

ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Книги «Эксмо» в Европе — фирма «Атлант». Тел. + 49 (0) 721-183-12-12.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.05.2004.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.

Бум. тип. печ. л. 26,88. Уч.-изд. л. 25,0.

Тираж 8100 экз. Заказ № 3461

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

СТРАНА ИГР

160
СТРАНИЦ
2 РАЗА
В МЕСЯЦ

**Вы первыми узнаете,
во что все будут
играть завтра**

В МИРЕ ЕЖЕДНЕВНО ВЫХОДЯТ ДЕСЯТКИ ИГР
НА САМЫХ РАЗНООБРАЗНЫХ ПЛАТФОРМАХ:
PC, PLAYSTATION 2, XBOX, GAME CUBE, GBA.

МЫ ПОМОЖЕМ ВАМ РАЗОБРАТЬСЯ
В ЭТОМ КРУГОВОРОТЕ
И СДЕЛАТЬ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР

МИР ФАНТАСТИКИ

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛНОЦВЕТНЫЙ ЖУРНАЛ О ФЭНТЕЗИ
И ФАНТАСТИКЕ ВО ВСЕХ ПРОЯВЛЕНИЯХ**

ФОРМАТ ИЗДАНИЯ: А4

Фантастика и ее многочисленные подвиды — научная, боевая, киберпанк, фэнтези — пользуется все большей популярностью. А рост популярности жанра требует новых источников информации о нем. Журнал "Мир фантастики" призван стать подобным источником.

В последние годы мы наблюдаем взаимопроникновение художественных форм, в которых воплощаются фантастические произведения. Вселенные, созданные писателями, попадают на широкий экран, сюжеты кинофильмов становятся основой для компьютерных игр, герои популярных игр обретают новую жизнь на книжных страницах. Фантастические миры сталкиваются и порождают новые пространства для приключений.

Мы уделяем внимание всем направлениям и всем областям, в которые проникает фантастика. Это не только художественная литература, но и кино, игры, интернет и иные отрасли развлечений — все сферы, которые интересны настоящим поклонникам фэнтези и sci-fi.

КНИЖНЫЙ РЯД

Анонсы всех новых фантастических книг, обзоры жанров и грандиозных вселенных.

ВИДЕОДРОМ

Все премьеры кинотеатров и новинки видео, горячие новости со съемочной площадки.

ИГРОВОЙ КЛУБ

Обширная информация по самым выдающимся компьютерным и настольным играм настоящего времени.

КОНТАКТ

Интереснейшие беседы с известными писателями-фантастами.

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Неожиданные статьи о средневековом быте, передовых технологиях и будущем фэнтези-культуры.

РАССКАЗЫ

В первом же номере вы сможете прочесть рассказы Александра Зорича "Второй подвиг Зигфрида", Гельмута Пеша "Песнь волны" и Александра Тюринга "Транзитный космодром".

**СПРАШИВАЙТЕ ЖУРНАЛ "МИР ФАНТАСТИКИ"
ПОВСЕМЕСТНО В ОТКРЫТОЙ ПРОДАЖЕ!**

Р О Б Е Р Т

ШЕКЛИ

В СЕРИИ

«ОТЦЫ-
ОСНОВАТЕЛИ»

Все произведения
знаменитого
американского
писателя
Роберта Шекли
в 6 томах!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

«Цивилизация статуса»
«Лабиринт Минотавра»
«Обмен разумов»
«Белая смерть»

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ВРЕМЯ ИГРЫ

Игра людей и могущественных Держателей Мира, ставка в которой – сама возможность существования нашей реальности, продолжается. Поэтому путешествие по южным морям, затеянное Андреем Новиковым и Александром Шульгиным в надежде отдохнуть от забот, неожиданно оборачивается командировкой в будущее для одного и очередным рейдом по тылам вероятного противника для другого. Чем все закончится, предвидеть не может никто. Ясно одно: в большой Игре земляне уже не новички, а полноправные участники, а потому и задачи, которые им предстоит решать, совершенно иной степени сложности.

